

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск **12**

Минск
«Беларуская навука»
2021

В сборнике представлены статьи белорусских и зарубежных авторов, посвященные теории и методологии социологической науки, а также анализу эмпирических данных по наиболее актуальным вопросам науки и образования, цифровой трансформации социума, культуры и девиантного поведения.

«Социологический альманах» рассчитан на профессиональных социологов, студентов, аспирантов, а также на читательскую аудиторию, заинтересованную в поиске ответов на вызовы современного общества.

Редакционная коллегия:

Д. К. Безнюк (главный редактор), Ю. Г. Черняк (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов, Н. А. Барановский, В. В. Кириенко, О. В. Кобяк,
А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев, Н. Л. Мысливец, И. А. Фурманов, Н. В. Цыбульская,
С. А. Шавель, Е. В. Шкурова, Т. М. Шавердо (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор С. П. Винокурова,
доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман

*«Социологический альманах» подготовлен в рамках выполнения
Государственной программы научных исследований
«Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.;
Подпрограмма 5 «Социология»*

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология социологических исследований

<i>Велько О. А.</i> Социолого-математическое моделирование как метод социальных исследований	7
<i>Данилов А. Н.</i> Современный многополярный мир – мир всечеловеческий, многоцивилизационный	15
<i>Кудрэвіч М. А.</i> «Адвечным шляхам» Ігната Абдзіраловіча як сацыяльна-этычны праект	20
<i>Мамедов А. К.</i> Логика социального познания (прикосновение к классике)	26
<i>Надольская В. И.</i> Цивилизации в контексте анхиметаморфоз XXI века (социально-политический дискурс).	41
<i>Харитонов И. Н.</i> Основные модели и характеристики классовой структуры сельского населения Беларуси.	50
<i>Шавердо Т. М.</i> Идентичность гражданская и этническая: система «пропусков» в сообщество.	60

Социология культуры

<i>Бабосов Е. М.</i> Особенности формирования и развития транснациональной идентичности в современной Беларуси	69
<i>Бровчук Н. М., Сташкевич, А. А.</i> Идентичность и историческая память в обществе поздней современности	78
<i>Воронина С. Н.</i> Медиарынок в Республике Беларусь: социологический анализ	88
<i>Лешкевич А. К.</i> Понятие религиозности в социологическом исследовании	95
<i>Литвякова К. В.</i> Туристический потенциал Беларуси в период пандемии	103
<i>Мартинович В. А.</i> Соотношение рекламы и критики новых религиозных движений в печатных СМИ	110

Наука и образование

<i>Волнистая М. Г.</i> Методология проектирования регионального образовательного кластера в контексте институциональных изменений высшей школы	117
<i>Ворошень О. Г.</i> Оценка профессионального выбора аспирантами академического сектора науки.	124
<i>Клименко В. А.</i> Профессиональная компетентность специалиста в условиях дигитализации современного общества.	131
<i>Костюкевич С. В.</i> Ценности образования, человеческий капитал и инновационная экономика: о балансе интеллектуального умения и экономической инициативы	142
<i>Фаблинова О. Н.</i> Роль «мягких» навыков в условиях инновационного развития экономики	149
<i>Шарый И. Н.</i> Особенности обеспечения стабилизации численности исследователей в научной сфере Республики Беларусь: социологический анализ	156

Социальные явления и процессы

<i>Артёменко-Мельянцова Е. К.</i> Актуальные тенденции трансформации интимных отношений в отражении социально-демографической статистики Беларуси	166
<i>Артюхин М. И., Щурок Э. М., Пушкевич С. А.</i> Динамика миграционных намерений населения Республики Беларусь за период 2010–2019 гг.: социологический анализ.	174
<i>Балич Н. Л.</i> Факторы модернизации регионов (по результатам социологического исследования)	187
<i>Барановский Н. А.</i> Наркотизация населения Беларуси в дискурсе социальной девиантологии	202
<i>Боброва А. Г.</i> Совершенствование системы регулирования демографических процессов в Беларуси.	214
<i>Болдырев А. С.</i> Актуальные проблемы демографической безопасности Республики Беларусь	223
<i>Красинец Е. С.</i> Иностранная рабочая сила в России в контексте развития эпидемии коронавируса	232
<i>Лихачева С. Н.</i> Поведение потребителей в сфере услуг в условиях цифровизации общества (на материалах социологического исследования в Могилевской области).	242
<i>Смирнов В. Э.</i> Административно-управленческие барьеры развития предпринимательской деятельности	252
<i>Смирнова Р. А.</i> Социологический мониторинг и анализ экономических барьеров развития предпринимательства в Беларуси	259
<i>Титаренко Л. Г.</i> Влияние цифровой трансформации на трудовую активность работников	266
<i>Хамутовская С. В.</i> Доступ к Интернету как необходимое условие цифровой трансформации общества.	275
<i>Черняк Ю. Г.</i> Восприятие наркопотребления населением Беларуси: социологический аспект	285
<i>Шкурова Е. В.</i> Конфессиональное пространство Беларуси: характеристики и особенности взаимодействия.	293
К юбилею сотрудничества Института социологии Национальной академии наук Беларуси и Вологодского научного центра Российской академии наук	306

CONTENT

Theory and Methodology of Social Studies

<i>Velko O. A.</i> Sociological-mathematical modeling as a method of social research.	7
<i>Danilov A. N.</i> The modern multipolar world is an universal, multicivilization world	15
<i>Kudrevich M. A.</i> “By eternal path” by Ignat Abdzirlovich as a social and ethical project	20
<i>Mamedov A. K.</i> Social cognition logic (touching the classic)	26
<i>Nadolskaya V. I.</i> Civilization in the context of anchimetamorphic of the XXI century (socio-political discourse).	41
<i>Haritonov I. N.</i> The basic class structure’s models and characteristics of rural population of Belarus.	50
<i>Shaverdo T. M.</i> Problematization of the “social space” category in sociology	60

Sociology of Culture

<i>Babosov E. M.</i> Features of formation and development of transnational identity in modern Belarus.	69
<i>Brovchuk N. M., Stashkevich, A. A.</i> Identity and historical memory in late modern society . . .	78
<i>Voronina S. N.</i> The media market in the Republic of Belarus: sociological analysis	88
<i>Leshkevich A. K.</i> The concept of religiosity in sociological research	95
<i>Litvyakova K. V.</i> Tourist potential of Belarus during the pandemic period.	103
<i>Martinovich V. A.</i> Ratio of advertising and criticism new religious movements in print media . . .	110

Science and Education

<i>Valnistaya M. G.</i> Methodology of designing a regional educational cluster in the context of institutional shifts in high education	117
<i>Voroshen O. G.</i> Assessment of professional choice by postgraduate students in the academic sector of science and its determining factors	124
<i>Klimenko V. A.</i> Professional competence of a specialist in the conditions of digitalization of modern society	131
<i>Kostjukevich S. V.</i> Values of education, a human capital and the innovative economy: about the balance of intellectual skill and economic initiative	142
<i>Fablinova O. N.</i> The role of soft skills in the conditions of innovative development of the economy	149
<i>Shary I. N.</i> Features of ensuring stabilization of the number of researchers in the scientific sphere of the Republic of Belarus: sociological analysis	156

Social Phenomena and Processes

<i>Artsiomenka-Melyantsova A. K.</i> Current trends of transformation of intimate relations in reflection of social and demographic statistics of Belarus.	166
--	-----

<i>Artyukhin M. I., Shchurok E. M., Pushkevich S. A.</i> Dynamics of migration intentions of the population of the Republic of Belarus for the period 2010–2019: sociological analysis. . .	174
<i>Balich N. L.</i> Factors of region's modernization (based on results of sociological research). . . .	187
<i>Baranovski N. A.</i> Narcotization of Belarus' population in the discourse of social deviantology	202
<i>Bobrova A. G.</i> Improvement of the regulatory system of demographic processes in Belarus . .	214
<i>Boldyrau A. S.</i> Actual problems of demographic security of the Republic of Belarus	223
<i>Krasinets E. S.</i> Foreign labour in Russia in the coronavirus epidemic context.	232
<i>Likhachova S. N.</i> Consumer behavior in the sphere of services in the conditions of digitalization of society (on the materials of sociological research in the Mogilev region).	242
<i>Smirnov V. E.</i> Administrative and managerial barriers to the development of entrepreneurial activity	252
<i>Smirnova R. A.</i> Sociological monitoring and analysis of economic barriers to entrepreneurship development in Belarus.	259
<i>Titarenko L. G.</i> The digital transformation impact for employees' labor activity.	266
<i>Khamutouskaya S. V.</i> Access to the Internet as a necessary condition for the digital transformation of society	275
<i>Chernyak Y. G.</i> Perception of drug-using by the population in Belarus: sociological aspect . .	285
<i>Shkurova A. V.</i> The confessional space in Belarus: characteristics and peculiarities of interaction	293
 Congratulations on the anniversary of cooperation of between Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus and Vologda Scientific Center of Russian Academy of Sciences	 306

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 316.32

О. А. ВЕЛЬКО,

*старший преподаватель,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: o.velko@tut.by*

СОЦИОЛОГО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье раскрываются особенности социолого-математических моделей. Приводятся примеры использования математического моделирования в социологических исследованиях. Через моделирование социальных процессов и явлений показывается роль математического моделирования в социологических исследованиях. Рассматриваются основные принципы моделирования удовлетворенности студентов БГУ получаемым образованием.

Ключевые слова: модели социальных процессов и явлений, метод социолого-математического моделирования, модель удовлетворенности получаемым образованием.

O. A. VELKO,

*Senior Lecturer,
Belarusian State University, Minsk,
e-mail: o.velko@tut.by*

SOCIOLOGICAL-MATHEMATICAL MODELING AS A METHOD OF SOCIAL RESEARCHES

The article reveals the features of sociological and mathematical models. Examples of using mathematical modeling in sociological researches are given. Through social processes and phenomena modeling, the role of mathematical modeling in sociological researches and various processes of nature and society is shown. The basic principles of modeling the satisfaction of BSU students with the received education are considered.

Keywords: models of social processes and phenomena, the method of sociological and mathematical modeling, a model of satisfaction with the received education.

В наше время при решении многих прикладных социологических задач широко используются методы математического моделирования. Так, специалист по анализу социологических данных профессор Г. Г. Татарова, приводя классификацию методов социологического исследования, относит данные методы к отдельному классу. Еще советский и российский математик академик А. А. Самарский, являющийся специалистом в области теории моделирования, указывал на целесообразность использования математического моделирования в самых различных областях знания: «Управление процессами должно

быть основано на знании этих процессов, следовательно, управлению должно предшествовать исследование процессов. Чтобы решить эти задачи, нужна перестройка содержания и структуры самой науки и изменение научной технологии, целевых функций науки с тем, чтобы придать ей динамизм, оперативность, гибкость и универсальность. Нужна новая научная технология, новая методология научного исследования, поиска и прогноза. Фактически, такая технология уже существует – это математическое моделирование...» [1, с. 58].

Моделирование – это изучение или исследование различных объектов, явлений или процессов с помощью построения их моделей. Целью построения моделей является объяснение этих моделей для их дальнейшего анализа и прогноза. Математическая модель – это описание реального объекта, явления или процесса с помощью математических понятий. Математическое моделирование, в свою очередь, представляет собой изучение или исследование объекта или явления с помощью математической модели.

Моделированием в социологии будем называть метод исследования социальных явлений и процессов с помощью моделей, воспроизводящих особенности структуры, поведения, а также свойства оригинала и последующее их экспериментальное или мысленное исследование. В большинстве своем социальные явления и процессы отличаются множеством факторов, особенностью характера связей, а также характеризуются историчностью и сложным взаимодействием между элементами социальной системы. Таким образом, социальные модели с точки зрения инструмента познания серьезно отличаются от моделей, которые исследуются в естественных науках.

В социологических исследованиях данный метод используется в тех случаях, когда непосредственное изучение социального объекта невозможно или нецелесообразно. Причем между объектом социологического исследования и его моделью должна существовать взаимосвязь, основанная на диалектико-материалистическом принципе единства предметов и явлений действительности.

Заметим, что методы изучения социальных явлений и процессов значительно отличаются от методов, применяемых в естественных науках, в связи с тем, что зачастую социальные объекты имеют сложную структуру. Исследуемый объект приходится заменять его моделью, так как прямое взаимодействие исследователя с социальным объектом может привести к изменению характеристик этого объекта. Часто масштабы и размеры социальных явлений и процессов делают такое взаимодействие вообще невозможным.

К данному времени в социологии накоплен богатый опыт использования математического моделирования. Социолого-математическое моделирование направило социологию на путь эксперимента, расчета, сравнения вариантов развития социальных систем и поспособствовало выявлению регулярности и закономерности развития общества. «Важным (именно для социологии) представляется, что стиль математического мышления в области моделирования социальных процессов меняется. Характерными признаками этого являются, во-первых, расширение проблемного поля; во-вторых, желание исследователей

объединиться на принципах междисциплинарного подхода; в-третьих, пропагандируется идея наглядности процесса моделирования. Наконец, расширяется и понятийное поле моделирования» [2, с. 133]. В своей работе специалист в области социальной информатики Ю. М. Плотинский провел обзор исследований, содержащих сведения о социолого-математическом моделировании различных процессов и явлений, и подробно разъяснил потенциал моделирования [3]. Также социолого-математическое моделирование использует в социальных исследованиях специалист в области социальной политики доктор социологических наук В. А. Шведовский.

Метод социолого-математического моделирования является универсальным. Он может быть использован как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях знания. С его помощью можно измерять социальные характеристики, а также фиксировать результаты исследования. Анализ социальных объектов и процессов, социальное управление, социологическое прогнозирование являются основными практическими задачами социолого-математического моделирования.

Модели могут строиться как для выполнения лишь одной функции, так и для выполнения нескольких функций. Приведем соответствующие примеры. Имитационные модели выполняют несколько функций, а модель семантического дифференциала выполняет лишь одну функцию (она строится для измерения установок респондента). Социолого-математическое моделирование используется также и на уровне теоретического социологического исследования для проверки истинности некоторых положений теории или системы гипотез для оценки будущего состояния рассматриваемой системы.

Хотя в социологии имеется широкий спектр информации по проблемам моделирования социальной динамики, до сих пор трудно говорить о наличии общей методологии построения социолого-математических моделей как инструмента исследования социальных процессов, так как они «характеризуются многомерностью, многоуровневостью, сложностью, многокомпонентностью, целостностью, динамичностью и открытостью» [4, с. 65]. Для того чтобы построенная модель была адекватна, необходимо согласовать выбранные переменные с социальными показателями своих эмпирических референтов.

Построение социолого-математической модели состоит, как правило, из нескольких этапов. На первом необходимо обосновать обращение к методу моделирования, а также сформулировать проблему исследования, определить цели и задачи социолого-математического моделирования. На втором этапе проводится теоретическое обоснование процесса моделирования, например, выполняется системный анализ объекта исследования. На третьем этапе исследователь выбирает параметры модели, представляет механизмы взаимодействия, а затем строит концептуальную модель. Затем необходимо сформировать пространство переменных, собрать данные и идентифицировать параметры модели. На следующем этапе конструируется и исследуется формализованная модель. Последний этап характеризуется переходом от изученной социолого-

математической модели к новым знаниям об объекте исследования. В итоге модельные знания включаются в систему теоретического исследования.

Заметим, что единой системы классификации математических моделей в социологических исследованиях не существует. Мы выделим несколько основных признаков.

Если классифицировать модели по используемым математическим средствам, то выделяют линейные или нелинейные модели, детерминированные или стохастические, дискретные или непрерывные, статические или динамические. Следует заметить, что здесь встречаются и смешанные типы.

Также модели могут классифицироваться и по способу представления объекта. Так, функциональные модели представляют объект как систему со своим устройством и механизмом функционирования, отражают либо внешнее, либо структурное поведение объекта.

Существует и другая классификация в соответствии с применяемыми средствами построения модели. В этом случае выделяют три класса.

1. Материальные модели. В качестве примера можно привести игровые модели, которые основаны на участии в них людей.

2. Идеальные модели. Эти модели тоже можно классифицировать. Если рассматривать объем исследования, то выделяют, например, модели образа жизни, модели социально-политических процессов, модели социальной структуры общества, модели социально-демографических процессов. Выделяют микро- и макромоделей. С помощью моделей с постоянной или изменяющейся структурой исследуется функционирование и развитие социальных систем. Различают объяснительные, критериальные, измерительные, предсказательные и описательные модели. Концептуальные и математические модели различают по уровню формализации.

3. Смешанные модели. Эти модели сочетают в себе элементы материальных и идеальных моделей, например, человеко-машинные модели.

Т. С. Соренсен разделил модели на четыре класса: «детерминированные модели для социальных процессов, стохастические модели для социальных процессов, модели структуры и модели человеческого поведения, хотя очевидно, что отличительной чертой применения математики в современной социологии является то, что становится все труднее рассматривать процесс, структуру и поведение по отдельности» [5, с. 64]. Также он провел различие между моделями структуры и моделями процесса.

Сейчас в социологии и других социальных науках делается упор на использование моделей, объясняющих механизмы социальных явлений и процессов, таких как социальная мобильность, рождаемость и смертность, воспроизводство населения и его миграционное движение. Успешно моделируются социально-политические процессы и деятельность социально-политических институтов.

Рассмотрим наиболее известные в социологии математические модели. К ним относится модель подражательного поведения Н. Рашевского. Анализируя эту модель, «получаем, что превышение размера совокупности некоторой порого-

вой величины приводит к эффекту «толпы», когда возможны бифуркации, то есть резкая смена большинством одного типа поведения на другой» [6, с. 175–204].

В последнее время набирает популярность моделирование теории катастроф и теории хаоса. Эти модели носят не прикладной, а иллюстративный характер и помогают проводить аналогию между историческими процессами или ситуациями смены идеологий и самоорганизацией.

Советский экономист Н. Д. Кондратьев исследовал социально-экономические модели, опираясь на математический аппарат. Самой известной моделью считается модель системы общественного воспроизводства Советской России.

В последние десятилетия в самых различных сферах анализа общественной жизни применяется теория игр. С ее помощью описываются математические модели различного рода конфликтных ситуаций. Например, инструментом для анализа различных процедур голосования, а также принятия коллективных решений в политической социологии является математическое моделирование.

Сегодня в различных областях социологии активно используются различные социолого-математические модели. Если исследователю необходимо найти зависимость между социологическими переменными или выявить наиболее значимые факторы, то используются модели регрессионного или дисперсионного анализа, а для описания, анализа и обобщения массивов эмпирических данных используются вероятностно-статистические модели.

В наше время большое внимание уделяется моделированию человеческого поведения. Для решения этой задачи необходимо использовать знания из различных областей науки: психологии, социологии, философии, а также кибернетики.

При исследовании проблем коллективного выбора или группового согласования интересов используют модели социальных групп или социальных институтов. Широкое применение находят модели поведения отдельных индивидов, гендерные системы и модели межличностных взаимодействий. Большой интерес представляет модель социальной диффузии, которая строится с помощью математических методов. С помощью этой модели исследуется распространение религиозных убеждений, технологических идей, форм языка и других черт культуры.

Эксперт в области избирательного права А. Ю. Бузин занимался применением математического моделирования в исследовании этнических процессов, а исследователь в области советской и постсоветской этнологии Б. Е. Винер построил качественную регрессионную модель этнической идентичности, исследуя межнациональные браки.

Отметим также модель групповой продуктивности. А. И. Яблонский предложил модель, которая предсказывает, что продуктивность является возрастающей функцией размера группы, то есть увеличение научных групп способствует их большей продуктивности.

А. К. Гуц в своей книге рассмотрел математические модели этнических, геобиогенетических и социальных процессов, основанные на теориях биосфе-

ры В. И. Вернадского, социальных систем Т. Парсонса и этногенеза Л. Н. Гумилева, и предложил единую модель взаимосвязанных биологических, этнических и социальных процессов, проистекающих на Земле [7].

Математические модели используются и в социально-экономической сфере, например, в виде систем линейных алгебраических уравнений при исследовании межотраслевого баланса производства. А модель Леонтьева можно использовать для выяснения вопроса, каким должен быть объем производства, чтобы удовлетворить величину данного конечного спроса.

Для решения задачи по упорядочению размещения производства и рационализации экономических связей применяют моделирование экономических связей с помощью матрицы территориально-экономических связей.

Изучение возрастного состава населения является важной задачей в социологических исследованиях. Так, например, для прогнозирования возрастного состава населения, проживающего на определенной территории, через фиксированный промежуток времени целесообразно воспользоваться матричной моделью.

В последнее время в моделировании социальных процессов используются графы. Неориентированные графы могут быть использованы для изображения симметричных (двусторонних) отношений между объектами, например, отношения сотрудничества между людьми. Продуктивным инструментом анализа социальных процессов является граф интересов. На основании активности человека в социальных сетях можно получить представление о его интересах. Пусть увлечения личности будут вершинами графа, а ребра графа – это взаимоотношения между вершинами графа. С помощью графа интересов можно выяснить, чем человек увлекается, куда и с кем хочет пойти, за чьими сообщениями в социальных сетях следит и т. д.

С помощью ориентированных графов удобно изображать несимметричные отношения (то есть могущие быть односторонними). Например, любовь, зависть, забота, подчиненность. Ориентированные графы могут быть использованы для изображения отношения порядка. Древовидным графом может быть описана любая строго иерархическая система – например, система административной подчиненности. Важная разновидность такой системы – иерархическая классификация. Например, разделим сельское население нашей страны по областям, затем – по районам, далее – по сельсоветам и, наконец, – по деревням.

В общественных науках уже с конца 1970-х годов широко используется компьютерное моделирование для исследования и анализа математических моделей. Как отмечает К. Карли, «компьютерное моделирование может оказаться новой идеей в области математической социологии». Активно развивается такое направление как социкибернетика, которая исследует социальные системы методом мультиагентного моделирования. Например, методами компьютерного моделирования исследуется искусственная жизнь и социальный феномен человека; при моделировании учитывается, что взаимодействие человека с окружающей средой может быть социальным, а не только биологическим.

Автор данной статьи с помощью метода моделирования занимается исследованием удовлетворенности студентов БГУ получаемым образованием. «Удовлетворенность студента получаемым образованием является одним из критериев, характеризующих образовательный процесс в высшей школе с точки зрения его социальной эффективности. Востребованность анализа процессов, происходящих в студенческой среде, как для практики социального управления в целом, так и для эффективности управления образовательным процессом в вузе связана с тем, что студенчество всегда является наиболее организованной частью молодежи» [8, с. 66]. Актуальность моделирования удовлетворенности студентов БГУ качеством образования определяется тем, что получаемое образование интересует и волнует родителей, студентов, выпускников и руководителей вуза, работодателей.

При создании концептуальной модели студенческой удовлетворенности были учтены следующие параметры, атрибуты и факторы, отражающие специфику вуза или факультета и процесса обучения в нем: качество образования, инфраструктура, атмосфера, материальная составляющая, внеучебная деятельность студентов, удовлетворенность избранной профессией.

Эти атрибуты и факторы выбраны автором не случайно. Например, качество образования, включающее в себя возможность выбора предметов, профессорско-преподавательский состав, разнообразие направлений подготовки, научно-практическую составляющую, исследовательскую деятельность определяет состояние и результативность процесса обучения. Инфраструктура направлена на обслуживание и функционирование образовательного процесса. Что касается атмосферы в БГУ, то она отражает учебную атмосферу, внутреннюю среду и окружающую обстановку, а также отношение к личности студентов и его безопасность. Материальная составляющая также играет важную роль, так как для студентов имеют значение стипендия и материальная помощь. Внеучебная деятельность отражает общественную сторону жизни студентов и характеризуется их участием в различных студенческих организациях и культурной жизни. И наконец, удовлетворенность избранной профессией имеет большое значение, поскольку студенты ориентированы на реализацию своих способностей, социальное признание и уважение общества.

Таким образом, при создании методики диагностики удовлетворенности учебной деятельностью студентов мы руководствовались тем, что удовлетворенность качеством образования является интегральной характеристикой, а поэтому стало очевидным и целесообразным в концептуальном плане выделение различных областей проявления удовлетворенности получаемым образованием. Заметим, что адекватность результатов данного исследования будет способствовать построению эффективной модели обучения и, соответственно, повышению удовлетворенности качеством учебного процесса в целом, повысит конкурентоспособность БГУ среди других учреждений образования Беларуси.

Итак, многообразие социолого-математических моделей, различия между ними, степень их изученности, а также широкий спектр задач, решаемых с по-

мощью моделирования, прямым образом указывают на актуальность данных моделей в современном обществе. Таким образом, социолого-математическое моделирование становится одним из важнейших методов социологического исследования и имеет перспективу дальнейшего развития для описания, преобразования, структурирования социологической информации и изучения различных сфер жизнедеятельности общества в неразрывной связи с решением задач управления. Применение социологами данного метода при анализе современного общества и социальной реальности способствует более успешному формированию профессиональной компетентности.

Список использованных источников

1. Самарский, А. А. Проблемы использования вычислительной техники и развитие информатики / А. А. Самарский // Вестн. Акад. наук УССР. – 1985. – № 3. – С. 58.
2. Татарова, Г. Г. Математическое моделирование социальных процессов в социологическом образовании / Г. Г. Татарова // Социол. исслед. – 2001. – № 8. – С. 129–134.
3. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов : учеб. пособие / Ю. М. Плотинский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Логос, 2001. – 296 с.
4. Гуц, А. К. Математическая социология : учеб. пособие / А. К. Гуц, Л. А. Паутова, Ю. В. Фролова. – Омск : изд-во Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. – 192 с.
5. Велько, О. А. Технологии использования математического моделирования в социологических исследованиях / О. А. Велько // Розвиток інтелектуальних умінь і творчих здібностей учнів та студентів у процесі навчання дисциплін природничо-математичного циклу «ІТМ*плюс – 2020» : матеріали III Міжнар. дистанційної наук.-метод. конф. (квітень–травень 2020 р., м. Суми) ; упорядн. Чашечникова О. С. – Суми : ФОП Цьома С. П., 2020. – С. 64–65.
6. Рашевский, Н. Две модели: подражательное поведение и распределение статуса / Н. Рашевский // Математические методы в современной буржуазной социологии. – М. : Прогресс, 1966. – 214 с.
7. Гуц, А. К. Глобальная этносоциология / А. К. Гуц. – Омск : ОмГУ, 1997. – 215 с.
8. Велько, О. А. Изучение удовлетворенности студентов БГУ получаемым образованием (методологический аспект) / О. А. Велько // Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи : сб. науч. ст. – Минск : РИВШ, 2020. – С. 64–68.

Поступила 30.10.2020 г.

А. Н. ДАНИЛОВ,

*член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск*

СОВРЕМЕННЫЙ МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР – МИР ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, МНОГОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ

В статье рассматривается проблема диалога культур в контексте многообразия цивилизаций. С точки зрения автора каждая культура равноценна всем другим, она самодостаточна по определению: диалога культур не получается, когда за образец берется исключительно западная цивилизационная модель. Речь идет о конфликте моноцивилизационной и многоцивилизационной модели мирового развития, конфликте общечеловеческого и всечеловеческого цивилизационных проектов, что отражает основное противоречие эпохи глобализации, эпохи борьбы за глобальное продвижение одного цивилизационного проекта.

Ключевые слова: диалог культур, многообразие цивилизаций, моноцивилизационная и многоцивилизационная модели мирового развития, всечеловеческое и общечеловеческое, национальная культура.

A. N. DANILOV,

*Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus,
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Belarusian State University, Minsk*

THE MODERN MULTIPOLAR WORLD IS AN ALL-HUMAN, MULTI-CIVILIZATION WORLD

The article considers the cultures' dialogue in the diversity of civilizations. From the individual point of view, each culture is equal to all others, it is significant by definition. When an exclusively Western civilizational model is taken as a standard, a dialogue of cultures does not work out. It is about the conflict between the mono-civilizational and multi-civilizational models of world development. This conflict can otherwise be called a conflict between universal and all-human civilizational projects, which reflects the contradiction of the era of globalization, the era of struggle for the global advancement of one civilization project.

Keywords: cultures' dialogue, diversity of civilizations, mono-civilizational and multi-civilizational models of world development, all-human and universal, dialogue of cultures, national culture.

Пристальное внимание исследователей к поиску ответа на вопрос возникновения насилия, международного терроризма, глобальной нестабильности ведет к необходимости глубже рассмотреть проблему многоцивилизационности современного развития. Следует сразу отметить, что глобализация во многом по-новому поставила эту проблему, акцентировав внимание на переменах в понимании взаимоотношений цивилизаций. На протяжении тысячелетий «чело-

вещество развивалось не как гомогенное целое, а как совокупность исторически сложившихся и разбросанных по земному шару общностей людей, каждая из которых имела свою специфику – экономическую, социокультурную, религиозную» [1, с. 14–15]. В этой специфичности, собственно, и состоит причина существования разных цивилизаций. Глобализация же своим стремлением к доминированию западной цивилизации, возникшей на основе принципов гомоцентризма и внешней экспансии, породила стремление к унификации цивилизационного многообразия жизни мирового сообщества. Поэтому представляется вполне оправданным рассмотрение проблемы многоцивилизационности современного развития как ответ на глобальный вызов. Логика ее рассмотрения может быть полезной в объяснении накопившихся противоречий и нестыковок в цивилизационном развитии, новом понимании многоцивилизационности, которые сегодня присутствуют в мире.

Главная причина многих сегодняшних проблем в отношениях как внутри страны, так и на международной арене видится в том, что «исчезла всякая возможность разговора» [2, с. 8], а значит, оказалась потерянной и общая основа возможности договариваться. Социальные группы, различные страны не собираются апеллировать к общим ценностям, к общим представлениям – о добре, зле, об истине. С точки зрения А. В. Смирнова, когда речь идет о крупных международных конфликтах, мы должны видеть как минимум четыре уровня: «Первый – силовой (армия и спецслужбы). Второй – политический. Третий – социально-экономический. И четвертый – культурно-цивилизационный. В названном порядке это движение от явления к сущности: от того, что на поверхности, к тому, что в глубине» [2, с. 13]. При этом глубинные истоки конфликта А. В. Смирнов видит на культурно-цивилизационном уровне.

Процесс глобализации оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, культур. «Последствия этих процессов не лежат на поверхности, – отмечает В. В. Миронов, – <...> ... в любом развитии всегда присутствуют две противоположные стороны, тенденции, которые, собственно говоря, и обеспечивают ход и механизмы протекания процесса. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной – напротив, процессы дезинтеграции, в частности процессы «национальной дезинтеграции», которые разрушающе воздействуют на культурные, политические, экономические и даже личностные особенности, угрожая потерей идентичности индивида, отдельных культур, часто просто подавляя и растворяя их в суперкультуре...» [3, с. 83–84]. В условиях глобализации становится особенно очевидным, хотя бы на примере мультикультурализма, что просто толерантность во взаимоотношениях культур не срабатывает. «Единственный путь избежать тотального столкновения культур (а такая опасность вполне реальна), – пишет В. А. Лекторский, – налаживание диалога между ними. Но эта задача исключительно трудна, ибо диалог предполагает наличие взаимопонимания, а оно невозможно без общности некоторых ценностных позиций, не говоря уже о взаимном принятии общих способов ведения

рациональной дискуссии» [4, с. 600]. И заключает, что «гомогенность (к которой ведет практикуемая сегодня глобализация) – путь в тупик, ибо, как хорошо известно, развитие, эволюция возможны только при условии разнообразия, так как разные формы могут обнаруживать разные ресурсы на том или ином витке дальнейшего развития, и то, что сегодня кажется наиболее перспективным, может не оказаться таковым на новом этапе» [4, с. 606].

Очень точно дополняет сказанное В. М. Розов, когда утверждает, что «недостаточно заявлять о “диалоге культур”, нужно суметь помыслить современную ситуацию как допускающую разные культуры и указать путь решения, не предполагающий их полного поглощения или призрачного существования в рамках “общечеловеческого государства”» [5, с. 26]. Собственно, можно ли вообще говорить о диалоге культур в реальной жизни, когда за образец берется исключительно западная цивилизационная модель. В этом отношении интересна мысль В. С. Стёпина, о том, что «сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития. Тогда как сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров» [6, с. 10]. Реально современный мир многополярен и возможен как устойчивый только в качестве многоцивилизационного.

Являясь разработчиком логико-смыслового подхода, А. В. Смирнов подчеркивает, что «универсалистский, цивилизационный и логико-смысловой подходы задают методологические перспективы, которые имеют различный вес сами по себе и как инструменты разработки идеи многоцивилизационного мира» [2, с. 25]. Универсалистский подход, имеющий серьезное философское обоснование, обогащенное многовековым опытом развития западной цивилизации, «исходит из существенного единства человечества и рассматривает культуру и цивилизацию как формы единой линии развития, относя их различия за счет специфики» [2, с. 25]. Хотя, как мы понимаем, специфика никогда не может соперничать с общим.

В свою очередь, цивилизационный подход «исходит из содержательно выраженных отличительных черт отдельных цивилизаций, которые делают каждую из них уникальной и несводимой ни к какой другой» [2, с. 25]. Здесь принципиально, что изначальный акцент делается на содержательно оформленной целостности каждой цивилизации.

Так сложилось, что в общей истории философии эти два подхода, универсалистский и цивилизационный, противостоят друг другу. Что же касается логико-смыслового подхода, то он «определяет культуру как способ смыслополагания» [2, с. 26]. Культура, по мнению А. В. Смирнова, рассматривается здесь как смыслофиксирующий феномен, как осмысленность. «Это, если угодно, попытка увидеть технологию осмысления, вскрыть те механизмы, которые

отвечают за создание осмысленности» [2, с. 26]. Конечно, если такие механизмы существуют. Здесь логика культуры «составляет стержень, удерживающий идентичность пучка культур и встраивающий его в определенный цивилизационный проект... <...> определяет соотношение единичного и общего как соотношение личности и общества, разворачиваются в системах права, институтах власти и т. д.» [2, с. 26].

Таким образом, заключает А. В. Смирнов «основанием плодотворного исследования логики незападных культур может стать методология логико-смыслового подхода, который избегает недостатков и критических уязвимостей, которыми страдают два основных, конкурирующих подхода к исследованию мировой истории и истории мировой культуры – универсалистский и цивилизационный» [2, с. 26–27]. Он может послужить выработке нового подхода к созданию проекта многоцивилизационного мира, где исследование логики незападных культур является важнейшим звеном. Важнейшим ресурсом в этой работе служит концепция всечеловеческого как преодолевающая ограниченность концепции общечеловеческого. Разница в их понимании заключается в том, что концепции общечеловеческого предполагает моно-, а не многологичность культуры и объявляет логику одной, определенной локальной культуры безальтернативной и подлежащей воплощению в глобальном цивилизационном проекте. Концепция же всечеловеческого предполагает самоценность и нередуцированность логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта.

На наш взгляд, мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан, наладится диалог культур. Признание устройства жизни и модели развития сильнейшего в качестве образца – это капитуляция, сдача своих национальных интересов и, таким образом, перекодирование собственных культурных основ, изменение идентификационного кода, потеря будущего. Гегемонию одной страны или группы развитых западных стран исторический опыт как раз отвергает: такая расстановка сил уже продемонстрировала невозможность адекватно реагировать на современные вызовы, справедливо решать проблемы. Да и четверть с небольшим века постсоветского мира показывает, что «ни одна из образовавшихся на обломках бывшего социалистического сообщества стран не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не готова делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами» [7, с. 9].

По А. В. Смирнову, существует множество типов или базовых интуиций единства. Интуиции определяются разными культурными практиками. Так формируются разные культуры и цивилизации, они – взаимопроницаемы, но не сводимы друг к другу, поэтому нет высших и низших культур. Нет общечеловеческой культуры (к которой восходят все другие), есть лишь всечеловеческая –

как сумма высших достижений всех культур, но не воплощенная в какой-либо одной культуре и цивилизации.

Получается в реальности, что каждая культура равноценна всем другим, она самодостаточна по определению. Еще Н. Я. Данилевский писал, что нет культур, которые потеряли свое значение в силу того, что появились «более развитые» культуры. Каждая культура на стадии культурно-исторического типа достигает максимального развития какой-то из сторон, как человек в разные возрасты достигает максимального развития какой-то из своих способностей. Поэтому никакой из культурно-исторических типов не может потерять своего значения. «Претензии какой-либо культуры на исключительную общечеловеческую значимость абсурдны. <...> Современный глобализм опасен тем, что пытается внедрить в сознание идею общечеловеческой значимости европейской культуры не только в первом (понятность), но и во втором (императивность) смысле. Единственным противоядием может быть идея всечеловеческого устройства мира. <...> Всечеловеческий проект мирового устройства – это проект сохранения всего многообразия, всего богатства проявлений человеческого духа, открывшего себя в многообразии логик, развернутых как многообразие культур. Культура «застывает» как цивилизация, и многополярный мир может замысливаться только как многоцивилизационный» [2, с. 204].

Только логика всечеловеческого может быть логикой действительно человеческого мироустройства, не подавляющего никакие культуры, но, напротив, берегающего их как драгоценное достояние всех. Логика всечеловеческого является собственной, родной и органичной логикой национальной культуры. «Не пытаться украдкой пристроиться к чужому цивилизационному пирогу – вряд ли достанутся даже крохи; но строить свое. Только таким может быть проект действительно и подлинно успешного, хотя и неспешного, цивилизационного развития...» [2, с. 209].

Список использованных источников

1. Россия в многообразии цивилизаций / под. ред. Н. П. Шмелева. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2011. – 896 с.
2. Смирнов, А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое / А. В. Смирнов. – М. : ООО «Садра», Издат. дом ЯСК, 2019. – 160 с.
3. Миронов, В. В. Современные трансформации в культуре / В. В. Миронов. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 128 с.
4. Лекторский, В. А. Человек и культура / В. А. Лекторский. – СПб. : СПбГУП, 2018. – 640 с.
5. Розов, В. М. От традиционного понятия «культура» к различению понятий «культура модерна», «культура европейской цивилизации», «посткультура», «креативные культуры», «фьючекультура» / В. М. Розов // Мир психологии. – 2019. – № 3 (июль–сентябрь). – С. 23–35.
6. Стёпин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Стёпин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11.
7. Данилов, А. Н. Новые геополитические реалии будущей цивилизации / А. Н. Данилов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 4. – С. 4–12.

Поступила 10.09.2020 г.

УДК 316.64(0:82-4)+172.035.3(0:82-4)

М. А. КУДРЭВІЧ,

*стажор малодшага навуковага супрацоўніка,
Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі, г. Мінск,
e-mail: tsmok21@gmail.com*

«АДВЕЧНЫМ ШЛЯХАМ» ІГНАТА АБДЗІРАЛОВІЧА ЯК САЦЫЯЛЬНА-ЭТЫЧНЫ ПРАЕКТ

У артыкуле прадстаўлены аналіз фігуры «вольнай кааперацыі» як сацыяльна-этычнага праекта. «Вольная кааперацыя» вызначана як ідыёрытмічны тып сумеснага жыцця. Дадзена канцэптуальнае адрозненне маральнай і этычнай тэорыі. Разгледжана ўяўленне аб суб'екце «вольнай кааперацыі». З дапамогай этычнай тэорыі сканструявана паняцце сацыяльнасці. На аснове тэксту «Адвечным шляхам» І. Абдзіраловіча фармуюцца метадалагічныя прынцыпы аналізу суб'ектыўнасці, этыкі і сацыяльнасці.

Ключавыя словы: сацыяльнасць, этыка, мараль, вольная кааперацыя, ліючаяся форма, ідыёрытмія, суб'ект, са-магчымасць.

M. KUDREVICH,

*Junior Researcher Trainee,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: tsmok21@gmail.com*

“BY ETERNAL PATH” BY IGNAT ABDZIRALOVICH AS A SOCIAL AND ETHICAL PROJECT

The article contains an analysis of the notion of “free cooperation” as a social and ethical project. “Free cooperation” is defined as an idiorhythmic type of living together. The conceptual difference between moral and ethical theory is provided. The idea of the subject of “free cooperation” is considered. With the help of ethical theory, the concept of sociality is constructed. Methodological principles of analysis of subjectivity, ethics and sociality are formed on the basis of the text “By eternal path” by I. Abdziralovich.

Keywords: sociality, ethics, morality, free cooperation, fluctuating form, idiorhythmy, subject, compossibility.

«Адвечным шляхам» з'яўляецца ў сучаснасці праграмным творам для асэнсавання не толькі беларускай філасофіі, але наогул усёй традыцыі мыслення і культуры Беларусі, у тым ліку і асэнсавання беларускай «сацыяльнасці». Ён мае даволі складаны лёс. Напісаны ў 1921 г. і праляжаўшы ў архівах, для чытача ён зрабіўся нанова адкрыты толькі напрыканцы 80-х гадоў XX ст. у колах блізкіх да шырокага тады руху нацыянальнага адраджэння. Не меней складаны шлях мае гісторыя аўтарства гэтага твору. Бясспрэчны факт, што намінальна аўтарам з'яўляецца Ігнат Абдзіраловіч, але таксама і тое, што гэта псеўданім.

Па агульнапрызнанай версіі, існым аўтарам вызначаны Ігнат Канчэўскі, па іншых – спрэчка мае працягвацца і далей. Некаторыя, напрыклад, выкарыстоўваюць як аўтара постаць беларускага пісьменніка Максіма Гарэцкага, бо Ігнат Абдзіраловіч з’яўляецца героем яго апавесці «Дзве душы». Складанасці лёсу твора на шляху да чытача і вызначэння аўтарства не адзінае, чым ён мае быць цікавым для сучасных даследчыкаў ці літаратурных вандроўнікаў. Здольнасць гэтага твора – колькасць разнастайных думак, маючых пазачасавую актуальнасць і праніклівасць аўтара ў размову з чытачом аб лёсе сваёй краіны.

За цэлае стагоддзе вакол «Адвечнага шляху» сфармавалася цэлая плынь даследчыкаў і аматараў. Кола гэта кожны раз вынаходзіць новыя яго прачытанні як у геапалітычным кантэксце, так і анталагічным, сацыяльным і этычным. Праводзіць іх дасканалы аналіз справа цяжкая, бо шмат у чым зараз гэта аналітыка мае Абдзіраловіча не аўтарам першай крыніцы, а сімвалам незалежнага беларускага мыслення. Зараз крочыць разам з думкай Абдзіраловіча – гэта крочыць у напрамку пошука «тутэйшых» формаў мыслення, канцэптаў, якія б мелі карысць менавіта для беларускай рэчаіснасці.

«Адвечным шляхам», будучы твораў крытычным, з’яўляецца яшчэ і твораў утапічным, твораў-праектам, з-за чаго яго часта разглядаюць як рамантычныя разважанні (якія, як вядома, ёсць бацькам нацыянальнага). Усякі ўтапічны праект з’яўляецца праектам гарманічных, у першую чаргу, чалавечых зносін, і з гэтага пункту ён адказвае на сацыяльныя і этычныя пытанні, адказвае як жыццё побач і разам. На гэтай падставе, узброіўшыся яшчэ адным этычным інструментам, супрацьпастаўленнем, што чырвонай стужкай ідзе па ўсім творы, можна «казаць аб» і разглядаць этычнае ў «Адвечным шляху», а праз яго глядзець на сацыяльнае. Менавіта гэта дае магчымасць пазбегнуць такіх звыклых і традыцыйных метадаў мыслення, як суб’ект-аб’ектная апазіцыя, якая вымушае даволі проста глядзець на комплексныя з’явы. Наадварот, такі комплекс, як сацыяльнасць, мае быць складаным прадметам даследвання. Сацыяльнасць ёсць ансамбль сувязяў, якія немагчыма разглядаць паасобку, аналітыка якіх патрабуе канцэптуалізацыі змен (рытмаў) у сваёй еднасці.

Назваваючы думку Абдзіраловіча праектам, трэба, аднак, мець на ўвазе не адзінае яе вызначэнне. З аднаго боку, сапраўды, прапануецца сваеасаблівы ідэал жыцця разам – вольная кааперацыя (Абдзіраловіч не выкарыстоўвае слова «вольная» пісьмова, але ідэя вольнасць з’яўляецца асноўным і вызначальным для фігуры кааперацыі) як стан лепшага за сучасны рэжым рэчаіснасці. Але з другога боку – варта разумець, што рэжым рэчаіснасці, які прапануецца, не паўстае як гіпатэтычнае меркаванне; ён вынаходзіць ужо існуючую практыку, практыку, якая мае гістарычнае вызначэнне (аб чым сведчаць прыклады з тэксту). Так практычнасць мае быць справай высвятлення патаемнага, таго, што ўжо ёсць, але ёсць неартыкуляваным чынам. Праект з’яўляецца больш чым праектам, самай існасцю, знойдзенай нанава.

Ужо было сказана, што праект мае сваёй існасцю рэжым працы быцця, і зараз варта разгледзець яго адносіны да ўзнікшай супярэчнасці маралі і этыкі. Га-

лоўнай фігурай этыкі Абдзіраловіча з'яўляецца «вольная кааперацыя». У першую чаргу яна вызначаецца праз асноўную рысу-інструмент «Адвечнага шляху» – супрацьпастаўленне. Так, Абдзіраловіч адрознівае закасцяныя і жыццём створаныя, эластычныя формы. Першыя ёсць ажыццяўленне вонкага закону, нязменнага і прымусовага, другія – уласнага сумлення, прагі да жыцця-творчасці. Адною з такіх закасцяных, нязменных, і тым самым гвалтоўных для жыцця-творчасці, Абдзіраловіч бачыць і мараль. Мараль ёсць залішне рацыянальным знешнім законам, які мае прэтэнзію на вечнасць. Кожны раз узгадваючы форму, Абдзіраловіч падкрэслівае яе экстэнсіўную прагу да захопу жыццёвай прасторы. Яна выходзіць за межы свайго месца і пачынае ціснуць, вызначаць прастору вакол сябе; з гэтага пункту гледжання варта разумець, што форма з'яўляецца законам не проста месца яе спажывання, а наогул прасторы як такой, яна ёсць гвалтоўнай усеагульнасцю. Варта ў гэтым кантэксце разглядаць і ўсю першую частку разважання Абдзіраловіча аб асабістым шляху Беларусі. Яна не проста вымушана на макраўзроўні ладзіць з чыннікамі форм Заходняй Еўропы і Усходу, яна вымушана прызнаць законы абедзвух, знаходзячыся на памежжы.

Вольная кааперацыя, як хутка яна вольная, самае яскравае, што мае на ўвазе – гэта безпрымусовасць, безгвалтоўнасць, адсутнасць знешняга ціску. Так ужо да вызначаных вольнасці і ўстаноўкі на жыцця-стварэнне ў этычны слоўнік Абдзіраловіча дадаецца патрэба да негвалтоўнасці, ці, калі вызначаць гэта пазітыўна, патрэба да шанавання ўласнага.

Вобразу ўласнага ў першую чаргу адказвае вобраз незалежнага чалавека, скіраванага на творчасць. Але з вобразам чалавека, нягледзячы на агульную рамантычнасць Абдзіраловіча, праца складаная. Ён не карыстаецца тыповай утапічнай фігурай «*Homo homini amicus est*¹», а наадварот, падкрэслівае прывабны для філасофскай думкі стан чалавека як няшчаснай свядомасці, ад якой і мусіць ісці жаданне «творачы-зруйнаваць». Гэта можна разгледзець як яшчэ адзін пункт крытыкі маралі, бо неўзабаве адмаўляе галоўнаму шляху пабудовы ўсякай універсальнай тэорыі, нязменліваму і самадастатковаму (тым самакаштоўнаму) суб'екту. Цікаваць такога погляду ў тым, што зноў насуперак разгортваецца альтэрнатыўная версія ўяўлення суб'ектыўнага. Для Абдзіраловіча, бадай, відавочна фрагментарная актыўнасць свядомасці з аднолькава віннымі яе жаданнямі як татальнай і канчатковай яе пабудовы (у гэтым ёсць імкненне да формы), так і выхаду на пазаканчатковасць як натуральны стан адчування рэчаіснасці. Індывідуальнае, да якога на працягу ўсяго твора звяртаецца аўтар як таго, што ён шануе, не трэба разумець у першасным лацінскім вызначэнні як «непадзельнае». Індывідуальнасць мае рацыю як асобнае і не мае вызначэння прымусова нутранага. Аб гэтым сведчаць шматлікія прыклады, дзе «вольная кааперацыя» з'яўляецца аб'яднаннем з мэтай задавальнення патрэб, а не ў сэнсе эсэнцыяльнага імкнення.

¹ Чалавек чалавеку сябра (лац.).

З-за таго, што патрэбу як феномен нельга зрабіць універсальнай катэгорыяй, нельга стварыць з яе ідэал. Патрэба заўсёды мае вымярэнне ў часе, яна кантэкстуальная. Менавіта праз гэта адмаўляецца такой маральнай форме, як месіяніства, у супрацьпастаўленні якому Абдзіраловіч кажа аб «вольнай кааперацыі», якая з’яўляецца фігурай сумеснага жыцця без прымусу пазачасавай формы, прымусу ўсеагульнасці. Такім чынам, тое, што прапануе «Адвечны шлях», можна назваць ідыёрытмічнай¹ фігурай сумеснага жыцця [1], бо менавіта праз прызнанне зменлівасці і цякучасці рэчаіснасці, рытмічнасці, праз вызначэнне індывідуальнага плану гэтай зменлівасці, асобнасці рытмаў разгортваецца фігура «вольнай кааперацыі».

Такім чынам, фігура «вольнай кааперацыі» пашыраецца ўжо далей за толькі этычнае яе гучанне, яна робіцца фігурай сацыяльнага. Ідыёрытмічнасць сацыяльнага мусіць пазначыць то памежжа, якое разгортваецца ў дыскурсе класічнага канструавання рэальнасці паміж, умоўна кажучы, чалавекам і сацыяльным інстытутам; вольная кааперацыя ўжо больш чым занадта чалавечае і «яшчэ-не-сацыяльны» інстытут. Фактычна гэта практыка чалавечага быцця, якая ёсць патэнцыяльнасцю сацыяльнага інстытута, менавіта праз устойлівасць гэтай практыкі і мусіць разгортвацца паўтаральнасць сацыяльнага дзеяння, сацыяльны інстытут як скіраваная сукупнасць сувязяў паміж гэтымі дзеяннямі. Крочыць далей у тлумачэнне разгортвання ўжо сацыяльнага быцця – не з’яўляецца працай Абдзіраловіча. Наадварот, ён застаецца ў межах гэтага погляду, і застаецца за кошт таго, што не жадае адыходзіць ад свайго шанавання ўласнага, ад захаплення зменлівасцю рэчаіснасці. Меркаванне Абдзіраловіча – садысцкае меркаванне, яно досыць упэўнена крочыць у бок парушэння закону, у бок эўдэманістычнай асалоды. Аўтар гучыць архаічна ў сваіх выказваннях. У гэтым мы мусім бачыць у тым ліку метадалагічны жэст. Побач з Абдзіраловічам варта ўскладняць фігуру сацыяльнага, бачыць у прадсацыяльным стане пазбаўленым формы менавіта сапраўднае сацыяльнае.

Сапраўднае сацыяльнае мусіць быць «ліючайся» (вызначэнне Абдзіраловіча) формай, той формай суіснавання, якая адказвае актуальнай патрэбе. Сацыяльнае мысленне – гэта не мысленне сацыяльных законаў, каштоўнасцей, культурных кодаў і г. д., а мысленне ў першую чаргу «тут і цяпер», мысленне саўдзельніка быцця, «месчачасу». Гукаючы гісторыю, Абдзіраловіч тлумачыць не руіны, а руны. Кажучы пра маці-зямлю-магчымасць, ён ніколі не застаецца ў яе сеціве, у гэтай плыні ён бы гучаў толькі досыць класічна і рамантычна, аднак, наадварот, пазачасавае гучанне, актуальнае гучанне дадае ў яго працу тое, што ён ніколі не забывае купалаўскі спеў вогнішча-формы. «Ліючаяся» форма тлумачыць фігуру са-магчымасці. Са-магчымасць – тая фігура, за кошт

¹ Ідыёрытмія (гр. *idios* – асобны, *rhuthmos* – рытм) – паняцце, створанае Р. Бартам для вызначэння этыкі ў межах цыкла яго лекцый 1976/77 гг. «Як жыць разам: рамантычныя сімуляцыі некаторых прастор паўсядзёнасці».

якой робіцца высьвятленнай тая самая саўдзельнасць. Са-магчымасць хапае разнастайнасць уласнага ў межы іншага уласнага. Уласнае цалкам тлумачыцца толькі праз актуальнасць у са-быцці з іншым. З гэтага і паўстае этычная максіма вызначэння добрага як шанавання ўласнага і разнастайнага, бо гэта ёсць галоўная умова агульнай ідыёрымічнай працы.

Але, калі стан сапраўднай сацыяльнасці можна і варта вызначыць як са-магчымасць, каб патлумачыць актуальнасць, варта вызначыць яе прасторава-часавую характарыстыку. Мысленне «тут і цяпер» аб'ядноўвае прастору і час ў адну велізарную фігуру «месцачас», але ў межах аналітыкі неабходна разгледзіць яе складнікі паасобку. Час – гэта абавязкова ўласны гістарычны час, у дыскурсе адсутнасці нутранага час абавязкова гістарычны час, арганізаваная паслядоўнасць падзей, ствараючая агульную наратыўнасць. Прастора – як тое, што не можа належыць уласнаму, мае быць вызначана як месца. Месца ёсць упарадкаваная прастора. Такім чынам, мысленне «тут і цяпер», праблемнае і актуальнае мысленне – гэта мысленне падпарадкавання, мысленне этычнае.

Парадак мусіць быць у дваякім сэнсе, з аднаго боку, як падпарадкаванне сябе, практыка сябе уласнага, з другога – як агульнае падпарадкаванне, практыка суіснавання – арганізацыя агульнага месца жыцця. І першае, і другое з'яўляецца цалкам этычным у тым сэнсе, што скіравана на тлумачэнне знешнега не як захопу, а як дадання да сябе. У адрозненні ад ціску маральнага закону, які *par excellence*¹ мусіць утрымаць паслядоўнасць сувязяў, этыка ў межах кан'юнктыўнага шэрагу спрабуе стварыць гэтыя сувязі цалкам аднолькава вартымі, гарызантальнымі. Мараль цісне формай сувязяў, а этыка гэтыя формы стварае. «Вольная кааперацыя» як сапраўдная сацыяльнасць цалкам этычная ў характары сваёй актуальнасці.

Каб падвесці нейкую рысу пад апісаннем думкі Абдзіраловіча варта зрабіць наступныя метадалагічныя высновы:

1. Суб'ектыўнае немагчыма разглядаць у яго класічным вызначэнні, у якасці непадзельнай аўтаномнай інстанцыі, воля якой складаецца з яе асабістых патрэб, інтарэсаў і каштоўнасцей. Суб'ект, калі мы і пакідаем гэта імя, мусіць разглядацца ў сваёй кантэкстуальнасці, вызначэнні праз месца і час свайго спалучэння з рэчаіснасцю, неабходнай рысай якога з'яўляецца зменлівасць. Найбольш адэкватным мысленнем паўнавартаснага існавання суб'екта з'яўляецца мысленне «тут і цяпер», што абавязкова парушае імператыўную логіку адзінства гісторыі і прасторы, пазбягае гвалтоўнай усеагульнасці.

2. Мадэль суіснавання суб'ектаў, вольная кааперыцыя, адэкватна не толькі як сацыяльная, этычная ці маральная велічыня. Вольная кааперацыя з'яўляецца адзіным, чым вызначаецца сам суб'ект. Вольная кааперыцыя мусіць адбывацца як спроба падпарадкавання рэчаіснасці і сумеснага жыцця як тоеснага. З гэтага пункту гледжання этычнае і ёсць сацыяльнае.

¹ Па перавазе (фр.)

3. Этычны ідэал, ідыёрытмія, супрацьстаіць маральнаму ідэалу, татальнай ўсеагульнасці закона. Маральнасць вызначаецца як экстэнсіўная прага да захопу жыццёвай прасторы, як неабходная для закона спроба да універсалізацыі ўласнага. Этычнае, наадварот, апісвае тую існасць, ці «існу» (сустрэкаецца і такі тэрмін) сумеснага жыцця як шанаванне ўласнага, неабходную безгвалтоўнасць «ліючайся» формы этыкі. Ідыёрытмія – канцэпт, які спрабуе схопіць уласнае, зменлівасць і кантэкстуальнасць у адзінай форме. У адрозненні ад маралі этыка функцыюе не як спосаб падвядзення ўсёй множнасці пад адзін чынік закону, не ў межах дыз'юнктыўнага шэрагу, а ў межах кан'юнктыўнага шэрагу як спосаб функцыянавання ў множнасці як адным парадку.

4. Сацыяльнасць разглядаецца не як форма ўзаемаадносін сацыяльных суб'ектаў і інстытутаў, а як форма сумеснага жыцця. Такі пункт гледжання бачыцца спробай захаваць магчымы супярэчнасці сацыяльнай дынамікі ў адной агульнай фігуры сумеснага жыцця «вольнай кааперацыі». Галоўнай якасцю такой фігуры са-быцця мусіць стаць са-магчымасць, сплучэнне магчымасці і актуальнасці ў адным. Асэнсаваная так сацыяльнасць павінна разглядацца цераз сучасныя практыкі сябе і быцця з іншым, а не праз нормы гэтага быцця. Сапраўдная сацыяльнасць па Абдзіраловічу гэта быццё тых комплексаў узаемаадносін, што яшчэ *не ёсць* сацыяльным інстытутам. Тут варта разумець, што гэта быццё *яшчэ-не*, але з імкненнем да скончаных форм стварае асабліваю цыклічнасць сацыяльнай дынамікі. Спосаб сумеснага жыцця, які становіцца спосабам агульнага жыцця, ужо не адказвае ў сваім стане ідыёрытмічнасці і са-магчымасці, робіцца формай, вартай таго, каб яе пераадоліць. Цыклічнасць сацыяльнай дынамікі – «адвечны шлях» вечнага звароту, які мае вынаходзіць кожны раз ўсё новыя і новыя формы сумеснага існавання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Абдзіраловіч, І.* Адвечным шляхам: Даследаванні беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч ; прадм. С. Дубаўца. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. *Барт, Р.* Романические симуляции некоторых пространств повседневности / Р. Барт. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 272 с.
3. *Делёз, Ж.* Различие и повторение / Ж. Делёз ; пер. с фр. – СПб : Петрополис, 1998. – 384 с.

Поступила 05.11.2020 г.

А. К. МАМЕДОВ,

доктор социологических наук, профессор,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

ЛОГИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ (ПРИКОСНОВЕНИЕ К КЛАССИКЕ)

В статье приводятся основные проблемы социального познания, выделенные в качестве таковых К. Марксом и К. Поппером. Уровень их заочной полемики подводит нас к переосмыслению их теоретического наследия. Анализ данного контекста не мог пройти мимо методологии Гегеля, в частности диалектической логики. Выводы и тренды, актуализированные в статье, могут быть началом самостоятельной научной рефлексии.

Ключевые слова: диалектическая логика, историцизм, методология науки, телеология, закон непротиворечия, рационализм, эмпирика.

A. K. MAMEDOV,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow State University, Moscow

SOCIAL COGNITION LOGIC (TOUCHING THE CLASSIC)

This article presents the main problems of social cognition that was identified by K. Marx and K. Popper. The level of their indirect polemic leads to rethink their theoretical heritage. Analysis of this context related to Hegel's methodology, in particular dialectical logic. Conclusions and trends, updated in the article, supposed to be the beginning of independent scientific reflection.

Keywords: dialectical logic, historicism, science methodology, teleology, non-contradiction law, rationalism, empiricism.

Несомненно, социальное познание весьма специфично и имеет свои особенности по методам как эмпирического, так и теоретического исследования, что обусловлено в конечном счете природой объектов и фокуса исследования. В частности, в социальных науках широко используется такой метод сбора эмпирической информации, как опрос, а в естествознании он по определению невозможен. В области теоретических методов в социально-гуманитарном познании широко используется телеологическое объяснение социальных явлений, – объяснение из целей, преследуемых теми или иными объектами познания (социальными субъектами), – а в естественных науках такого рода объяснения недопустимы. В физических науках оно совершенно запрещено и допустимым считается только объяснение их причин (каузальное); в биологических же науках оно допускается наряду с каузальным объяснением, но только в своей бессознательной модификации (живые организмы устроены целесообразно, но не в результате предварительного замысла). В социальных науках допускают-

ся и признаются все методы объяснения социальных явлений – каузальное и телеологическое в обеих его модификациях [1, с. 113]. В то же время и естественнонаучное, и социально-гуманитарное познание одинаково исходят из одних и тех же общих принципов получения (производства) знания, и именно поэтому одинаково относятся к области научного познания, отличаясь в том от религиозного или художественного. Наука стремится к получению не просто полезного знания об объектах, но при этом и знания истинного. И хотя наука так же, как и остальные формы сознания способна впадать в заблуждения и ошибки, она не готова мириться с этим и постоянно нацелена на то, чтобы избавиться от них. Но на этом пути науку, как явствуют ее «скрижали», постоянно подстерегают сложности и ловушки сознания, исследованию которых посвящены работы, цель которых – изучение возможностей и необходимых условий достижения именно истинного знания.

Несомненно, одним из мыслителей XX века, создававших современную методологию научного познания, является К. Поппер, который, в отличие от многих других специалистов в этой области знания – Т. Куна, П. Фейерабенда, И. Лакатоса и др. – уделял внимание как проблемам естественнонаучного, так и проблемам социально-гуманитарного познания. Более того, именно его системные размышления над проблемами социальных теорий и способствовали выработке его общей теории научного познания, которую сам автор определял как концепцию «критического рационализма» [2, с. 37]. Важнейшей чертой его концепции – и это следует подчеркнуть – является то, что она не допускает отступления от принципов рациональности. Как известно, Поппер открыто боролся с тем широким и восторженным признанием, которое получила уже ко временам его молодости и вступления в научную жизнь социальная теория К. Маркса. При этом можно заметить, что и сама общая концепция научного познания Поппера во многом выросла именно из этой его критики теории Маркса и аналогичных ей (в эпистемологическом плане) социальных теорий [3, с. 190].

В то время, когда научная деятельность Поппера еще только начиналась (начало 30-х гг. XX в.), социальная теория Маркса уже являлась одной из самых влиятельных, а возможно, и самой влиятельной концепцией. В качестве примера наивысшей оценки этой теории в тот период, можно привести высказывание В. И. Ленина: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» [4, с. 40]. Такую оценку готовы разделить уже, по-видимому, лишь меньшинство ученых, в чем повинны, конечно, не только развитие событий и накопленный современным обществом социальный опыт, но также и рациональная критика теории Маркса многими учеными, в числе которых одно из мест принадлежит, несомненно, и самому Попперу.

В качестве примера современной, более сдержанной, но при этом твердо положительной ее оценки можно привести высказывание историка Дж. Тоша, связанное с недавними попытками полностью выбросить теорию Маркса «на свалку истории»: «Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории» [5, с. 211]. Но в середине XX в., когда критический анализ Поппера только пробивал себе путь, научный авторитет Маркса был практически неоспорим. В тот период даже и крайние идеологические противники учения Маркса отдавали должное достоинствам его теории: «Марксизм, – писал З. Бжезинский, – представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, также как и руководство действием, вытекающим из этого изучения» [6, с. 73]. Тем более важными и смелыми представляются научные усилия Поппера, который уже и тогда практически полностью отвергал социальную теорию Маркса и критически атаковал ее со всех основных направлений ее анализа – логического, методологического, субстантивного.

Хотя сам «историцизм» Поппер приписывал не только марксизму в целом, но и многим другим социальным теориям и течениям социальной мысли, детальную критику его он представил именно на примере теории Маркса, что хорошо объясняется вышеуказанными обстоятельствами того времени. К тому же для Поппера это было и делом принципиальным, ибо стремился именно к открытой критике своего оппонента и не хотел, чтобы его заподозрили в «скрытой критике» [2, с. 557].

Итак, в чем же, по мнению Поппера, заключена фатальная ошибка «историцизма»? «Центральные идеи историцистского метода и, в частности, марксизма, – пишет мыслитель, – таковы:

(а) Несомненно, что мы можем предсказывать солнечные затмения с высокой степенью точности и далеко в будущее. Если бы социальный ученый в 1780 году знал об обществе половину того, что знали об астрономии древние вавилонские астрологи, то он смог бы предсказать Французскую революцию.

Фундаментальная идея, что революции можно предсказывать точно так же, как солнечные затмения, – продолжает Поппер, – порождает следующее понимание задачи социальных наук:

(б) Цель социальных наук в принципе ничем не отличается от цели естественных наук – делать предсказания, точнее, исторические предсказания о социальном и политическом развитии человечества.

(в) Как только эти предсказания сделаны, можно определить задачи политики. Она должна смягчать «родовые муки» (как говорил Маркс), неизбежно сопровождающие предсказанные и неотвратимые политические изменения.

Эти простые идеи, в частности, мысль о том, что целью социальных наук являются исторические предсказания, например, предсказания социальных революций я буду называть историцистской доктриной социальных наук. Мысль о том, что политика должна облегчать родовые муки неизбежных политических изменений, я буду называть историцистской доктриной политики» [2, с. 559–560].

И далее развивается критика «историцизма»: общество слишком сильно отличается от таких «замкнутых и чисто механических систем», работающих «как часы», что и позволяет делать относительно них очень точные предсказания. Но общество, указывает Поппер, не является такой механической системой, поэтому и такие предсказания в них принципиально невозможны. Нет смысла детально рассматривать всю достаточно сложную аргументацию Поппера, поскольку его ошибка, на наш взгляд, очевидна. Он критикует не саму теорию Маркса, а некоторый приписанный и устойчивый ей образ, созданный самим Поппером или заимствованный. Дело в том, что марксисты – никогда не претендовали на абсолютную точность своих предсказаний, соизмеримую с точностью астрономических вычислений.

Но проблема «историцизма» этим, конечно, не снимается, поскольку теория Маркса на самом деле содержала некоторые исторические предсказания, научность которых действительно нуждается в рациональной критической оценке. В частности, теория Маркса содержала в себе предсказание о неизбежности социальной революции в Европе. Не назначая ей никаких (!!! – А. М.) точных сроков, тем не менее, доказывали ее неизбежность. При этом, хотя субъективно (психологически) сами основатели марксизма, естественно, хотели увидеть предсказанную ими социальную революцию еще при своей жизни и потому действительно часто и лично ошибались, принимая события того времени, например, «революции» 1848 и 1870 гг., за ее начало и вскоре разочаровываясь в ожиданиях, но эти их личные «предсказания» не следует путать с тем научным предсказанием, которое логически следовало из их теории. В последнем не было (и не могло быть) точного указания не только на сроки данного события, но даже – и на детальные признаки его наступления. Поэтому, не зная, когда именно «созреют» эти «социальные затмения» [3, с. 312] основатели марксизма, тем не менее, нисколько не сомневались, что рано или поздно они должны будут произойти, ибо это следовало из их теории, в истинности которой они были стопроцентно уверены. С одной стороны, она основывалась, конечно, и на простой эмпирической закономерности, уже вполне выясненной к тому времени европейскими историками. Европейское общество, как известно, жило и действовало по одним правилам во времена господства Римской империи (эти правила можно описать как «рабовладельческое» общество), потом оно, в ходе бурных насильственных пертурбаций, перешло к жизни уже по другим

правилам (правилам «феодалного» общества), а потом, также в ходе революций – XVI–XVIII вв., перешло к жизни еще по иным, новым правилам «буржуазного» общества [7, с. 15]. Если даже просто и эмпирически экстраполировать (а этим грешат все исследователи) эту последовательность перемен в будущее, то возникает иллюзорная уверенность, что череда изменений в Европе на этом не остановится, и в будущем ее ожидают новые потрясения и переход к новым порядкам. В самом деле, почему бы то, что наблюдалось на протяжении всей предшествующей истории, должно прекратиться в будущем? И Ф. Фукуямы тогда не было, и история никогда не кончалась. Между прочим, именно на такой же, чисто эмпирической экстраполяции основана и теория длинных волн Н. Кондратьева, считающаяся вполне respectable научным достижением. Неужто метод аналогии подвел великих мыслителей?

Но, конечно, Маркс с Энгельсом основывались не только и даже не столько на простой эмпирической экстраполяции, теория состояла именно в нахождении причинного объяснения этих социальных переворотов (включавшего и элементы телеологизма). Историки открыли саму периодичность социальных переворотов, а Маркс с Энгельсом предложили их научное (рациональное) объяснение. Они были уверены в том, что открыли причину и механизм («закон») этих процессов, увидев их в неуклонном прогрессе производительных сил. Любое общество стремится к максимально быстрому развитию своих производительных сил и не может не стремиться к этому, так как иначе оно либо полностью исчезнет (в случае их деградации), либо будет подчинено более развитыми обществами, которые вовлекут его в орбиту своего развития.

Это базовый постулат марксистской теории. При этом понятие производительных сил общества здесь оставляется лишь интуитивно ясным, а дискурсивное уточнение самими основателями марксизма не проводится. Попытки такого уточнения стали делаться уже после победы этой теории, и они столкнулись со значительными трудностями. «Самое замечательное в этой доктрине, – писал, австрийский экономист Л. Мизес, – в ней не дано определение основного понятия – материальных производительных сил. Маркс нигде не говорит нам, что он имеет в виду, когда ссылается на материальные производительные силы. Мы должны вывести это из редких исторических иллюстраций его доктрины. Самый откровенный из этих случайных примеров можно найти в книге «Нищета философии», опубликованной в 1847 г. на французском языке. Читаем: Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [8, с. 83]. Замечание Мизеса, в принципе, правомерно, но недостаточное для опровержения теории. В любой научной теории исходные понятия и постулаты принимаются без доказательств и строгих определений – как интуитивно очевидные и ясные. Именно так обстоят дела не только в «Началах» Евклида или в «Началах» Ньютона, но и в теории Дарвина, в которой тоже не объясняется подробно, что такое «наследственность», «изменчивость» и «естественный отбор» – все это просто актуализируется как интуитивно ясные. Требование же предварительного четкого формально-

го (дискурсивного) определения этих исходных понятий равносильно, как установил Аристотель, запрету на теоретическое мышление вообще [9, с. 81]. Никакая теория никогда не будет выстроена, если требовать изначально формально корректного определения ее исходных понятий и доказательства ее аксиом (постулатов).

Второй же постулат этой теории заключается в том, что социальные порядки небезразличны к росту производительных сил, а могут либо тормозить его, либо ускорять, будучи при этом склонными к консервативности, неподатливости к изменениям. Поэтому рано или поздно в любом обществе прогрессирующее развитие производительных сил неизбежно «натывается» на эти сдерживающие его рамки, мешающие их дальнейшему прогрессу [10, с. 70]. Их рост и прогресс тормозится, замирает или даже откатывается вспять. Но почему же общественные порядки не могут изменяться в соответствии с прогрессирующим развитием производительных сил? На этот вопрос отвечает третий постулат марксистской теории, гласящий, что в обществе всегда есть господствующие классы, которым выгодны именно старые, а не новые порядки, поскольку их властный статус основан именно на этих старых порядках.

Но поскольку прогресс производительных сил неизбежно порождает и новые социальные классы, которым этот порядок неужоен, то между старыми классами, выступающими за консервацию порядков, и новыми классами, выступающими за их отмену и замену новыми, с необходимостью назревает социальный конфликт, который и разрешается всегда в ходе социальной революции – всегда насильственной и, с точки зрения старых порядков, – незаконной, нелегальной.

Таков вполне фундированный механизм возникновения революций, предлагаемый теорией Маркса [11, с. 281]. Она предсказывает только саму неизбежность (необходимость) революций, не предсказывая их ни с какой математической точностью. Поэтому критиковать ее по ее несбывшимся (субъективным) прогнозам на тот или иной, назначенный кем-то срок, – некорректно. Ее можно критиковать за сам предлагаемый ею механизм общественного развития. Но, поскольку эта теория основана не столько на строгих и четко определенных понятиях, сколько на интуитивных и даже метафорических представлениях («производительные силы», «производственные отношения», «социальные классы», «базис», «надстройка», «общественное бытие», «общественное сознание» и т. д.), то можно критиковать ее именно за нечеткость и расплывчатость ее исходных основ, что на самом деле постоянно и делалось, и делается. «Наиболее примечательным моментом в этой теории было то, что она никогда не была ясно изложена. В «Коммунистическом манифесте» для иллюстрации классовой борьбы взяты конфликты между кастами (Мизес называет «кастами» сословия). Затем Маркс добавляет, что в современном буржуазном обществе возникли новые классы. Но он так нигде и не сказал, что такое класс и что он имел в виду, говоря о классах с антагонистическими противоречиями между ними и соотнося классы с кастами. ... Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой обще-

ственный класс и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория» [8, с. 80]. Странно, что такой серьезный исследователь прошел мимо определения классов В. И. Ленина. «Понятия базиса и надстройки, – вторит ему Р. Арон, вполне благосклонно относившейся к этой теории, – ... неясны и допускают бесконечные спекуляции» [12, с. 177].

Вместе с тем «всякая теория, – подытоживал Арон, – стремящаяся стать идеологией политического движения или официальной доктриной государства, должна поддаваться упрощению, для простаков, и усложнению, для снобов. Вне всякого сомнения, учение Маркса в высшей степени обнаруживает эти добродетели. Каждый может найти в нем то, что он хочет» [12, с. 180–183].

Но почему же теория Маркса не осталась всего лишь научной теорией, а сознательно стремилась стать еще и «идеологией политического движения» и даже «официальной доктриной государства»? Попытка найти ответ приводит нас ко второй проблеме, поставленной тем же Поппером. Дело в том, что марксизм не останавливался лишь на объяснении социальных революций и предсказании их неизбежности в будущем (в таком виде эта теория вполне релевантна и принимается современной социальной наукой), но она шла и значительно дальше этого. Предсказывалось, в частности, что следующая социальная революция в Европе будет не просто революцией, но революцией социалистической, то есть отрицающей частную собственность на средства производства вообще и любые социальные порядки, основанные на принципе частной собственности. Будущая революция, были убеждены Маркс с Энгельсом, введет совершенно новые порядки, основанные на принципе общественной собственности на средства производства [3, с. 90].

Откуда же они могли знать, что будущая революция будет именно социалистической? Ведь из принципов теории, описанных выше, ни в коем случае это не следует. Из них следует лишь то, что на каком-то этапе развития производительных сил «буржуазного» общества должны появиться новые социальные силы, которым старые порядки должны казаться тормозом дальнейшего социального развития. Эти силы должны стать системой и на каком-то этапе вступить в конфликт с господствующими классами буржуазного общества, держащимися за старые порядки, и затем произвести насильственное изменение в общественных порядках в интересах всего общества (его дальнейшего материального прогресса). Поэтому, прежде всего, странно уже то, что Маркс увидел в качестве такого класса именно пролетариат. Ведь все предыдущие революции хотя и происходили с непрямым участием общественных низов, но никогда по их инициативе – будущие рабовладельцы, феодалы и капиталисты относились к верхам общества, а не к его низам. Почему же тут вдруг именно пролетариат (низы общества) выступит ведущей революционной силой? И эмпирически, и теоретически выбор пролетариата в качестве революционной силы у Маркса не был обоснованным. Новый переворот должен был отрицать не просто ближайший ему прежний социальный порядок (в этом случае

буржуазный), но он должен был отрицать и все прежние порядки того же самого рода, то есть все порядки, основанные на принципе частной собственности. На смену этому принципу, по Марксу, должен будет прийти принцип общественной собственности как его полная противоположность. Капитализм («буржуазное общество»), рассматриваемый Марксом как самое совершенное – крайнее – развитие принципа частной собственности, должен был перейти в свою противоположность.

Но неизбежность такого перехода не могла следовать из самого Маркса, и она могла следовать, как это совершенно верно и замечает Поппер [2, с. 548–550], только из диалектической логики Гегеля, которую Маркс признавал в качестве методологической основы. Будучи гегельянцем в начале научной деятельности, и «перевернув потом с головы на ноги» гегелевскую логику, Маркс, не отказавшись полностью от ее основных положений и даже сделал эту науку руководящей основой в своих научных исследованиях. Поэтому и другая важнейшая часть его критики марксизма сосредоточена на попытке дискредитации диалектической логики как методологии научного познания вообще и социального познания в частности.

Критикуя марксизм с этой стороны, Поппер утверждает, что тот представляет собой теорию, в основу которой положена гегелевская диалектика, суть которой, в свою очередь, состоит в том, что ею отвергается основной закон логики – закон противоречия. Отрицание же этого закона, доказывает Поппер, позволяет диалектике ускользать от всякой критики – ее практически нельзя опровергнуть, поскольку из противоречивых высказываний можно вывести все что угодно, и все это будет считаться научным и обоснованным [7, с. 13]. Но основной критерий научности и состоит, согласно методологии самого Поппера, в том, что теория должна поддаваться опровержению, – иначе она ненаучна. То, что принципиально нельзя опровергнуть – ненаучно, и поэтому не заслуживает никакого доверия. Но именно такую теорию и представляет собой марксизм. Благодаря его диалектичности, марксизм не поддается никакой критике и его принципиально нельзя опровергнуть. Следовательно, он, заключает Поппер, ненаучен.

«Маркс и Энгельс, – писал Поппер, – настойчиво утверждали, что науку не следует интерпретировать как массив, состоящий из окончательного и устоявшегося знания или из «вечных истин», но надо рассматривать ее как нечто развивающееся, прогрессирующее. Ученый – это не тот человек, который много знает, а тот, кто полон решимости не оставлять поиск истины. Научные системы развиваются, причем развиваются, согласно Марксу, диалектически... Реальность, однако, такова, – говорит Поппер, – что марксов прогрессивный и антидогматический взгляд на науку на деле никогда не проводился ортодоксальными марксистами. Гегель полагал, – продолжает Поппер, – что философия развивается и что его система, однако, должна оставаться последней, наивысшей и вечно непревзойденной стадией развития. Марксисты переняли эту установку, распространив ее на систему Маркса. Поэтому антидогматическая уста-

новка Маркса проводится только в теории, а не в практике ортодоксального марксизма, диалектика же используется марксистами, по примеру «Анти-Дюринга», главным образом в апологетических целях – для защиты марксизма от критики. Как правило, критиков хулят за неумение понять диалектику – эту пролетарскую науку – или за предательство. Благодаря диалектике антидогматическая установка была оставлена и марксизм утвердился как догматизм, и догматизм достаточно гибкий, чтобы с помощью диалектического метода уклониться от всякой животворной критики. Таким образом он превратился в то, что я назвал железобетонным догматизмом» [2, с. 550–551].

Нужно заметить, прежде всего, что в критике (не совсем точной) Поппера внимание сосредоточено не на том, что говорили сами классики, а на том, что стали говорить после их адепты – «ортодоксальные марксисты», которые и действительно, как мы знаем, на определенном этапе развития учения впали в жесткий догматизм и потому вполне заслужили эти упреки. В самом деле, известно, что Маркс никогда явно не формулировал принципы своего «диалектического» метода, которым пользовался в исследованиях, но он иногда делал это косвенно, позволяя говорить за себя другим. Так, в частности, в послесловии ко второму изданию «Капитала» он цитирует русского экономиста И. И. Кауфмана: «Иному читателю, может при этом прийти на мысль и такой вопрос ... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует ... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы ... Но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами. Словом, экономическая жизнь представляет нам в этом случае явление, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаем в других разрядах биологических явлений ... Старые, экономисты не понимали природы экономических законов, считая их однородными с законами физики и химии ... Более глубокий анализ явлений показал, что социальные организмы отличаются друг от друга не менее глубоко, чем организмы ботанические и зоологические» [3, с. 23]. Приведя эти рассуждения, Маркс заключает: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод» [3, с. 26–29]. Ведь почти все, что написал там Кауфман, не имеет никакого отношения не только к диалектическому методу, но и просто к научному методу вообще. Не может быть никаких частных законов, которые не имели бы под собой некоторых общих законов. Частного без общего вообще не существует. При этом, конечно, верно, что домарксовские экономисты приписывали первобытному обществу те социальные порядки, которые они наблюдали в современном им обществе. Но это доказывает лишь наивность тех экономистов, а не отсутствие самих общих категорий и законов экономической реальности. Они принимали частное и особенное за все-

общее, что было их ошибкой, но само их стремление найти такое общее было совершенно правильным, и грубейшей ошибкой является как раз отказ от поисков такого всеобщего. В своей критике гегелевской логики он сосредоточил все внимание на том, что эта логика отвергает закон противоречия в качестве необходимой методологической основы мышления (познания) и, что еще более важно для Поппера, – основы всякой рациональной критики. Гегель на самом деле отвергает этот закон мышления и противопоставляет ему противоположный принцип: что непротиворечиво, то неистинно. По сути, гегелевская логика требует противоречивости как необходимого (формального) условия истинности теоретического мышления, тогда как традиционная логика требует, наоборот, его непротиворечивости. И в этом действительно заключается основной пункт демаркации между традиционной (аристотелевской) и диалектической (гегелевской) логикой. Любая критика, по Попперу, – это именно указание на противоречия в той или иной теории. Если «отнять» у ученых закон противоречия, то никакая критика станет вообще невозможной. А значит – станет невозможной и сама наука! Ибо наука, согласно Попперу, развивается только посредством критики. Так кто же против?! При этом в отношении любой теории он указывает на существование трех видов противоречий. Во-первых, – это могут быть противоречия в рамках самой научной теории. Если в ней можно вывести некоторое утверждение и его отрицание, то такая теория сразу же бракуется по формальным основаниям (без обращения к опыту и фактам), так как в ней нарушается закон противоречия. Последний здесь выступает в качестве формального негативного критерия истинности теории. Не может быть истинной теории, если она противоречива [13, с. 20].

Мы должны, однако, заметить, что классические варианты теории истины вовсе не накладывают столь строгих ограничений. Согласно этой теории, истина есть знание, соответствующее своему предмету. В ней не говорится, что истина – это строго непротиворечивое знание. Более того, если предмет познания сам по себе противоречив, то и знание, чтобы быть истинным относительно этого предмета, тоже обязано быть противоречивым. Иначе оно не будет соответствовать своему предмету, а значит – не будет истинным знанием о нем. Именно так и подходит к делу гегелевская логика [14, с. 40].

Второй вид противоречий, выделяемых Поппером, – это противоречия между теориями и фактами. Сама теория может быть формально непротиворечивой, но если она противоречит фактам, то она тотчас признается ложной, несмотря на свою непротиворечивость, и на этом основании тоже бракуется. Таким образом, противоречие между теорией и фактами признается более сильным, чем формальная непротиворечивость самой теории [15, с. 16–19]. Но это тоже вполне согласуется и с точкой зрения гегелевской логики – именно на этом основании она и требует от знания быть противоречивым.

Наконец, третий вид противоречия, рассматриваемый Поппером, – это противоречия между двумя теориями. Если мы имеем две одинаково непротиворечивые теории, которые, однако, противоречат друг другу, то мы должны

выбрать из них только какую-то одну, а именно, – ту, которая соответствует фактам. Но как же быть ученому в том случае, когда обе противоречащие друг другу теории в одинаковой степени подтверждаются фактами? Для современной науки такой случай не представляет собой чего-то экзотического. Известно, например, что есть две противоречащих друг другу теории световых явлений. Но не является ли это опровержением самого требования непротиворечивого выбора только одной из двух противоречащих друг другу теорий? Конечно, является. И сам Поппер просто обязан был признать в данном случае, что его методология, основанная на законе противоречия, не работает, что она неадекватна научному познанию и является методологическим препятствием к достижению истины.

Разобрав случай с этими двумя теориями света и признав, что необходимо принять их обе, более того, даже согласившись, что в данном случае диалектическая логика оказывается более адекватной методологией, чем теория, запрещающая противоречия, он тем не менее, делает ригористичный вывод, что «мы должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей лишних достоинств» [2, с. 520]. Уклонившись, таким образом, от признания ограниченности своей методологии, – ведь обе эти теории опровергнуты фактами и обе должны быть отброшены! – Поппер продолжает настаивать на ее универсальной значимости. Тем не менее, для всякого непредвзятого (пытливого) ума, рассматривающего вышеописанную коллизию, проблема здесь действительно существует и требует адекватного решения. С одной стороны, противоречия существуют и даже допускаются в такой «эталонной» науке, как современная теоретическая физика; а с другой, – если допустить противоречивые теории, то это будет означать не только крах всех попыток критиковать их (как можно критиковать противоречивые построения?!), но и крах самой теоретической науки как таковой (ведь из противоречащих друг другу посылов можно вывести все что угодно!).

На наш взгляд, решение всех этих затруднений и парадоксов имплицитно уже содержится в рассмотренном выше случае с физической теорией световых явлений. Противоречие там допускается не в рамках самих теорий, а в рамках лишь всей науки о них в целом (в рамках всей оптики). Каждая из двух теорий – корпускулярная и волновая – оставляется внутренне непротиворечивой (иначе невозможно логическое выведение всех следствий из принимаемых ею постулатов), но одновременно с этим признается, что и противоположная ей непротиворечивая теория тоже обладает объективной значимостью, поскольку она тоже подтверждается опытом (фактами) [16, с. 66]. Более того, признается, что ни одна из этих теорий не способна по отдельности самостоятельно выразить истину, и только вместе эту истину выражают. Тем самым признается справедливость гегелевского принципа – что не противоречиво, то не истинно. Но вместе с тем признается и необходимость непротиворечивого развития каждой из сторон этого противоречия в противоположные друг другу непротиворечивые теории.

Таким образом, противоречие переносится из сферы отдельной теории (которые оставляются непротиворечивыми) в сферу их высшего единства, состав-

ляющего науку. Противоречивыми должны быть науки в целом, а не отдельные, составляющие их теории. Ведь наука – это и есть некоторое сложное единство: 1) накопленных и проверенных ею фактов, 2) различных теорий, призванных объяснять эти факты, и 3) различных методов сбора этих фактов, построения этих теорий и организации всей науки в целом.

Диалектика, таким образом, является логикой развития (и методом ее организации) всей науки в целом, но не методом построения ее отдельных теорий и их проверки. Ею руководствуется (должна руководствоваться) вся наука в целом, но не отдельный ученый, создающий конкретную теорию.

Если мы обратимся теперь к самому создателю диалектической логики – Гегелю, – то увидим, что он и действительно трактовал ее именно таким образом. В самом деле, «Лекции по истории философии» описывают противоречивое развитие самой философии в целом как особой науки, а не развитие какой-либо отдельной теории. То есть, противоречивой внутри себя была вся наука философия, а не ее отдельные теории. И именно эти противоречия между всеми учеными и их взаимная критика теорий друг друга и двигали всю эту науку вперед по пути развития философского знания в целом [17, с. 9–12]. Никакая отдельная теория не способна выразить истину познаваемого всей наукой предмета – ее способна достигать только вся наука в целом, взятая во всей совокупности своих теорий, фактов и методов. Таким образом, диалектика как логика науки не только не устраняет критики, но, наоборот, она требует ее, причем – тотальной и всесторонней.

Здесь будет полезно коснуться кратко и одного бытующего до сих пор заблуждения – об относительной незрелости (или несовершенстве) социального познания, по сравнению с познанием естественнонаучным. Проявление этой незрелости видят обычно в том, что гуманитарии и до сих пор все еще не могут никак договориться между собой даже и по самым принципиальным вопросам их наук, тогда как среди физиков и химиков, например, давно уже якобы достигнут консенсус чуть ли не по всем принципиальным вопросам их наук.

Так, Л. Лаудан, в частности, исследовавший проблемы консенсуса и диссенсуса в науках, описывает этот устоявшийся стереотип следующим образом: «...между конкурирующими школами философов очень мало согласия даже по периферийным вопросам [18, с. 92]. Неудивительно поэтому, что философские тексты, написанные, скажем, томистами, имеют очень мало общего с текстами, написанными позитивистами. Социологи подобным же образом разделены на ряд воюющих лагерей, причем до такой степени, что существуют вопиющие различия в учебниках, написанных, скажем, марксистами, герменевтиками, феноменологами, функционалистами и социометриками. Естественные науки просто не таковы, и это отмечали многие философы и социологи 50–60-х годов» [19, с. 486–487].

Между прочим, если перевести этот предрассудок на язык методологии «критического рационализма» Поппера, то гуманитариев следовало бы, наоборот, хвалить за бескомпромиссную критичность по отношению к теориям друг

друга, а физиков, наоборот, следовало бы порицать за их излишний конформизм и некритическое отношение к теориям друг друга [20, с. 89]. Другое дело, что этот взгляд на положение дел в науке не соответствует действительности, и на самом деле и в естествознании мы имеем ничуть не меньше противоречий в теоретических подходах, чем в области социально-гуманитарного знания [21, с. 58–60]. Если же учесть еще и то, что сам предмет естествознания по своей природе неизмеримо беднее предмета социально-гуманитарных наук, то, наоборот, уже и то количество противоречий, которое имеется в области естествознания, покажется нам уже чем-то удивительным и чрезмерным.

«Теории в науке, – отмечает Л. Лаудан, – изменяются быстро – общим местом является то, что вчерашняя научная фикция становится сегодняшней ортодоксией. Однако иногда эти изменения могут обернуться продолжительными перепалками, приводящими к основательным разделениям внутри научного сообщества по вере и верности. Ситуации, вроде упомянутых, – заключает Л. Лаудан, – ясно показывают, что, какая бы сила ни исходила от правил и норм науки, они на самом деле недостаточны, чтобы разрешить быстро и определенно эти дискуссии» [19, с. 489]. С нашей же точки зрения, отсюда следует совсем иной вывод: «сила, исходящая из правил и норм науки» как раз и является глубинной причиной этих разногласий, поскольку наука стремится постичь истину своего предмета, а все предметы в этом мире противоречивы. Не сварливый характер ученых заставляет их постоянно ссориться между собой и критиковать друг друга, а сам предмет их исследования и требование стремиться к истине. Каждый ученый стремится построить непротиворечивую теорию предмета, но у всех вместе это получиться не может, поскольку истина противоречива [22, с. 37]. Поэтому и споры между ними неизбежны в естествознании не меньше, чем в социальных и гуманитарных науках. Следует видеть в этих противоречиях норму и истину, а не досадное отклонение от таковых.

Конечно, не возбраняется (и даже было бы желательным), чтобы и сами отдельные ученые, создающие те или иные теории, учитывали требования диалектической логики и не пытались бы во что бы то ни стало уничтожить (опровергнуть) теории других ученых, исходящих из противоположных по отношению к ним принципов. Более того, было бы хорошо, чтобы они даже и приветствовали создание и развитие таких теорий, понимая, что истина достижима только их совместными усилиями, хотя они и противоречат друг другу. Это и было бы на деле следованием принципам диалектической логики как методологии научного познания [23, с. 27–30].

Применяя теперь это мерило к марксизму, легко заметить, что эти ученые на деле следовали прямо противоположной логике, а именно, – старались во что бы то ни стало доказать, что теории, исходящие из противоположных по отношению к ним принципов, – ложны. В частности, они отвергали гегелевский (и контовский) подход к развитию общества как «идеалистический», все теории стоимости в экономической науке, противоречащие их «трудовой теории» – как «вульгарные»; все индивидуалистические теории общества (теории М. Ве-

бера), противоречившие их холистическому принципу, — как «буржуазные» и т. д. Тем самым они на деле отказывались следовать диалектической логике [24, с. 77]. Кроме того, диалектическая логика, в том виде как изложил Гегель, требует разрешения противоречия в синтезе противоположностей, в их «примирении», посредством которого противоречие ни в коем случае не уничтожается, а только лишь «снимается», то есть одновременно и устраняется, и сохраняется. В марксистском же подходе упор делается именно на уничтожении самого противоречия посредством уничтожения одной из противоположностей в пользу другой [25, с. 64]. Именно из такой (антидиалектической) логики и следовал у эпигонов марксизма тезис, что неизбежной социальной революцией принцип частной собственности будет отвергнут и общество перейдет полностью к принципу общественной собственности. С позиций Гегеля такое попросту невозможно (ибо противоречивость вещей неустранима), и, в лучшем случае, можно было бы говорить лишь о примирении обоих этих принципов и о нахождении некоторого разумного сосуществования между ними. Гегелевское положение о том, что истина конкретна, означает то, что она есть единство противоположностей, а вовсе не победа одной из них.

Но диалектическая логика не является той логикой пролиферации всяких теорий, к которой поневоле пришла и антидиалектическая — позитивистская — методология, развивавшаяся параллельно советской в западной философской мысли [26, с. 216]. От так называемого методологического анархизма (П. Фейерабенд) она отличается тем, что в ней допускаются не все возможные теории (объяснения), а лишь те и только те, которые являются развитием логически противоположных принципов, по отношению к уже проверенным теориям, и остающиеся при этом полностью в модуле науки с соблюдением всех ее основных требований к научному познанию (объективность, рациональность, обоснованность, истинность). В согласии с этими требованиями, критерием истинности научного познания признается лишь сама объективная реальность, не зависящая в своем бытии от нашего уровня познания [27, с. 63].

Поэтому и сама по себе противоречивость науки не является доминантным доводом в пользу истинности. Иначе говоря, диалектическая логика не может применяться тотально и, так сказать, механически. Она, так же, как и традиционная (формальная) логика, не может служить единым органом научного познания. Но она может (и это главное!!) предотвращать ложные направления развития, экономя при этом усилия и энергию ученых, растрачиваемые обычно на бесплодные споры и нереализуемые, в принципе, тупиковые научные проекты.

Список использованных источников

1. *Конт, О.* Дух позитивной философии / О. Конт. — СПб., 1910.
2. *Поппер, К. Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер ; пер. с англ. — М. : ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 638 с.
3. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс ; предисл. Ф. Энгельса ; пер. И. И. Степанова-Скворцова. — М. : Политиздат, 1969. — Т. 1. — 908 с.

4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23 : Три источника и три составные части марксизма. – С. 40–48.
5. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош ; пер. с англ. – М. : Изд-во «Весь мир», 2000. – 296 с.
6. Brzezinski, Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era / Z. Brzezinski. – New York, 1971.
7. Койре, А. В. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. В. Койре. – М. : «Прогресс», 1985.
8. Мизес, Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Л. Мизес ; пер. с англ., под ред. А. Г. Грязновой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.
9. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; ред. З. Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2 : Вторая аналитика. – 687 с.
10. Мамедов, А. К. Проблема оснований социального знания (полемиические заметки) / А. К. Мамедов // Электрон. науч. журн. БГУ им. акад. И. Г. Петровского «Экономика. Социология. Право». – 2016. – № 3. – С. 67–79.
11. Микулинский, С. Р. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» / С. Р. Микулинский, Л. А. Маркова // Кун Т. Структура научных революций. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с. – С. 274–292.
12. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон ; общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. – М. : Издат. группа «Прогресс» – «Политика», 1992.
13. Имянитов, Н. С. По «лестнице науки» – к искусству / Н. С. Имянитов // Философия науки. – 2003. – № 4. – С. 3–17.
14. Comte, A. Cours de philosophic positive/ A. Comte. – Paris, 1869. – Vol. 1–6.
15. Мамедов, А. К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) / А. К. Мамедов // Социология. – 2016. – № 3. – С. 8–19.
16. Пауэлл, С. Роль чистой науки в развитии цивилизации / С. Пауэлл // Наука и человечество. – М. : Знание, 1966. – 399 с.
17. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
18. Гайденок, П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ / П. П. Гайденок. – М. : «Наука», 1980.
19. Лаудан, Л. Наука и ценности / Л. Лаудан // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура : Хрестоматия : учеб. пособие для вузов / отв. ред.-сост. Л. А. Микешина ; науч. ред. Т. Г. Щедрина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. дом Междунар. ун-та в Москве, 2006.
20. Кудряшев, А. Ф. Единство научного знания: методологические и социальные основания : автореф. дис. ... доктора философ. наук : 19.00.01 / А. Ф. Кудряшев. – М., 1988.
21. Мамедов, А. К. Самопрезентация социологии в научном знании / А. К. Мамедов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. – 2016. – № 2. – С. 4–23.
22. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Наука, 1991. – 411 с.
23. Мамедов, А. К. Методологические основания социального познания / А. К. Мамедов // Социология. – 2015. – № 4. – С. 17–33.
24. Кондратьев, Н. Л. Основные учения о законах развития общественной жизни : Избр. соч. / Н. Л. Кондратьев ; ред. колл.: Л. И. Абалкин [и др.] ; сост. В. М. Бондаренко [и др.]. – М. : Экономика, 1993.
25. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант – М. : Мысль, 1963. – Т. 1. – 1963. – 543 с.
26. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. – М. : Издат. группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
27. Желтов, В. В. История западной социологии: этапы, идеи, школы : учеб. пособие для вузов / В. В. Желтов, М. В. Желтов. – М. : Акад. Проект; Гаудеамус, 2010.

Поступила 25.10.2020 г.

В. И. НАДОЛЬСКАЯ,

аспирант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АНХИМЕТАМОРФОЗ ХХІ ВЕКА (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

В рамках данного исследования рассматривается процесс формирования и развития цивилизационных теорий, их типология и многообразие. Пристальное внимание уделяется месту и роли локальных цивилизаций в цивилизационной научной парадигме, раскрывается разнообразие трактовок содержания данного понятия. Анализируется проблема локальности-универсальности и интерпретация понятия «цивилизационная идентичность».

Ключевые слова: социальный код, глобализация, культурный генотип, цивилизационный код, цивилизационная парадигма, идентичность, локальная цивилизация, цивилизационная матрица, геополитика, архетип.

V. I. NADOLSKAYA,

Postgraduate Student, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF ANCHIMETAMORPHIC OF THE XXI CENTURY (SOCIO-POLITICAL DISCOURSE)

The article examines the forming and developing process of civilizational theories, their typology and diversity. The close attention is paid to the local civilizations role in the civilizational scientific paradigm, a variety of interpretations content of the concept is revealed. The issue of the locality-universality and the concept of civilizational identity are analyzed.

Keywords: social code, globalization, cultural genotype, civilizational code, civilizational paradigm, identity, local civilization, civilizational matrix, geopolitics, archetype.

Дефиниция «цивилизация» – одна из самых распространенных в различных социально-гуманитарных и общественно-политических науках. В контексте вызовов ХХІ века – политических пертурбаций в обществе, глобального экономического кризиса, военных конфликтов – многозначность употребления понятия «цивилизация» привело к тому, что его сущность и смысл размываются. Понятие «цивилизация» стало приобретать политизированную окраску, потеряло свои устойчивые концептуальные очертания, перестало отличаться строгостью и системностью. Кроме того, в поле зрения многих современных ученых при изучении понятия «цивилизация» прорисовываются принципиально иные проблемы и подходы, направленные на изучение практически всех параметров цивилизации.

Понятие «цивилизация» концептуально произошло от прилагательного «культурный», однако в научный оборот оно вошло значительно позже. Впер-

вые его упомянул шотландский мыслитель А. Фергюсон. Философ выдвинул тезис, что цивилизация представляет собой новую ступень в жизни общества, характеризующуюся развитием капиталистических отношений, модернизацией промышленности и технологий в сельском хозяйстве, ростом городов, развитием рынка, преобразованиями в жизненном укладе, формированием человека как личности новой формации, с новым мировоззрением, мироощущением и миропониманием, усложнением социально-классового деления общества и др. Постепенно смысл слова цивилизация расширился: все чаще он применяется к целым народам и эпохам как обозначение всей совокупности достижений человечества.

Российский ученый С. В. Васильев, считает, что термин цивилизация может иметь множество значений, а именно:

1) общефилософское – цивилизация выступает как социальная материя огромных масштабов, общечеловеческое планетарное устройство, которое находится в движении и способно саморазвиваться;

2) историко-философское – цивилизация как длительный исторический процесс, в ходе которого сменялись исторические эпохи и формации, видоизменялись политические и социальные отношения, свершались новые научные открытия и появлялись удивительные достижения научно-технического процесса;

3) цивилизация как определенная фаза развития исторического процесса, которая создала необходимые условия для развития культуры и искусства, показала стремления социума приобретать знания и самосовершенствоваться, тем самым способствуя формированию нового мировоззрения и общественного сознания, которое стало зеркалом всей цивилизации;

4) цивилизация как исторически сложившаяся локальная общность, макрокультура, которая имеет свое жизненное пространство, ареал проживания, которому присущи закономерности развития культурной и социально-политической жизни [1].

В научной парадигме конца XX – начала XXI в. цивилизация означает «зону устойчивого и укоренившегося влияния определенного социокультурного стиля, паттерн которого, как правило, совпадает с границами распространения мировых религий. Политическое оформление отдельных сегментов, входящих в цивилизацию, может быть различным: цивилизации шире, чем одно государство; ...цивилизация может состоять из нескольких стран. Кроме того, границы некоторых цивилизаций могут проходить через страны, разделяя их на части» [1, с. 94].

Однако из многообразия всех трактовок данного понятия в науке получили широкое использование две основные: общечеловеческая (всемирная, глобальная) цивилизация, выражающая совокупность всего рода человеческого, и цивилизация как уникальная социокультурная общность, макрокультурный ареал проживания человека – локальная цивилизация.

Своего пика расцвета концепция глобальной цивилизации получила в XX в. Одним из ярких представителей данной теории является американский иссле-

дователь Ф. Фукуяма. В теории исследователя получила широкий резонанс мысль о том, что в ходе заимствования различными странами западных ценностей теряется их самобытный социокультурный пласт знаний, традиций и опыта, их единственность и уникальность, и это – конец истории цивилизаций [2]. Теория глобальной цивилизации имеет свои вехи формирования. Первоначально возникли очаги мировых цивилизаций, которые имели свой генезис возникновения, периоды расцвета, кризиса, упадка и в отдельных случаях гибели. Каждая из мировых цивилизаций имела свои отличительные особенности: численность и динамика народонаселения, менталитет и культура, разнообразие социального строя и политических систем, технологических способов производства и др. Являясь по сути своей уникальными, мировые цивилизации составляют звенья одной цепи в пространстве глобальной цивилизации.

Процессы глобализации, происходящие в обществе, указывают на единство судьбы человечества (применение общих усилий для борьбы с голодом и эпидемиями, сохранение духовного наследия, борьба с терроризмом и предотвращение международных конфликтов и войн и др.). Отрицать положительные моменты глобализации было бы неправильно. В современном мироустройстве очень важно соблюсти баланс сил и интересов, ведь столкновение локальных цивилизаций, противопоставление частных интересов общим может привести к военным, техногенным и экологическим катастрофам.

Другая группа ученых отрицает существование глобальной цивилизации и приводит аргументы в пользу того, что существует множество различных цивилизаций, наций и этносов с собственной культурой и самобытностью. В частности, российский ученый, доктор исторических наук, Л. И. Семенникова считает, что единая глобальная цивилизация – это лишь идеализированный образ, выдуманный учеными, а не реальность. О ней лишь можно сказать в том контексте, что есть глобальное пространство, которое развивается по своим законам, его населяют разумные человеческие существа, которые должны сплотиться ради реализации общих целей и своего выживания. Данное глобальное человеческое сообщество неоднородно. Но концепция единой глобальной цивилизации отрицает это социокультурное разнообразие [3].

В данном исследовании мы будем использовать авторское определение и рассматривать цивилизацию как социальную организацию людей, расположенных в конкретный исторический период на довольно обширной территории, объединенных географической средой и жизненным пространством, системой ведения хозяйствования и исторической памятью, этническими признаками и менталитетом, политикой и религией, фундаментальными ценностями и духовно-нравственными традициями, системой знаний и технологиями их хранения и передачи.

Цивилизация в настоящее время многими исследователями рассматривается как определенная целостность, совокупность материальных и духовных, ментальных и моральных, эстетических и других ценностей. Важнейшими ее характеристиками являются жизненное пространство и протяженность во времени,

историческая память и устойчивость (по сравнению с остальными социальными и историческими образованиями). Такой подход позволил сформулировать идею дискретности истории и возможности деления цивилизационного процесса на конкретные типы цивилизаций.

Классическая теория цивилизаций делает акцент на то, что существует множество локальных цивилизаций, которые имеют свою индивидуальную природу, особенности культурного, социально-политического развития. В каждой такой цивилизации находят отражение универсальные общецивилизационные ценности, но в то же время ни одна цивилизация не похожа на другую, в них есть своя собственная самобытность, традиции, ценности и история.

Многие общественно-политические и исторические науки, исследуя понятие цивилизация, спорят не только о понимании и содержании данной дефиниции, но и о их количествах.

Широкий отклик в исследовании локальных цивилизаций получила книга О. Шпенглера «Закат Европы». Немецкий ученый считал, что каждая мировая культура самостоятельна и независима в своем развитии и ей следует пройти свой жизненный цикл. Цивилизация в данном контексте – это уже заключительная стадия развития какой-либо локальной культуры. Всего же он выделил восемь таких макрообществ: египетская, вавилонская, классическая, арабская, индийская, китайская, мексиканская и западная [4].

Другой известный ученый А. Тойнби обнаружил пять живых цивилизаций: западное общество, православно-христианское, исламское, индуистское, дальневосточное. По мнению английского историка, цивилизации очень динамичны, они постоянно сменяют свои границы жизненного пространства в ходе завоеваний и ассимиляции с другими народами, тем самым ученый смог выделить основные фазы в их развитии – возникновение, рост, надлом и распад. Если цивилизация не смогла ответить на вызов, в обществе начинается кризис, в свою очередь социальный распад становится причиной для захвата другой цивилизацией [5].

Немецкий ученый-компаративист К. Ясперс разделил все локальные цивилизации на «осевые» и «доосевые», пояснив, что выживают лишь те цивилизации, которые смогли сформировать базовые ценности мышления, тем самым преодолели эпоху «доосевого» времени и сохранили себя до сегодняшних дней. Другим цивилизациям пришлось погибнуть или войти в состав других выживших макрокультур [6].

Бесспорно, весомый вклад в исследовании цивилизаций внес русский социолог и геополитик Н. Я. Данилевский, который не просто выделил двенадцать отдельных самостоятельных цивилизационных общностей («культурно-исторические типы» или «самобытные цивилизации»), но и сформулировал закономерности их развития. Ученый подчеркнул, что ценность таких цивилизаций заключается в их несхожести. Кроме того, автором полностью отрицалось существование в природе глобальной цивилизации – Н. Я. Данилев-

ский считал, что это лишь идеал, который можно достичь совместным развитием всех «культурно-исторических типов» [7].

Еще одной выдающейся личностью в данной области является макросоциолог П. Сорокин. По мнению ученого, в динамике глобальной цивилизации существуют крупные социокультурные общности (суперсистемы), которые взаимодействуют друг с другом как целостный организм. Территориальные границы таких крупных культурных цивилизаций могут не совпадать с границами государства или проживающей на данной территории нацией.

В истории человечества таких суперсистем можно насчитать не много, количество же малых культурных систем – бесконечно. Задача суперсистемы определять будущее и ход исторических событий, изменения в поведении социума, в его мировоззрении и иных социально-культурных процессах. Каждая суперсистема является самобытной, влияние извне может лишь задавать темпы или условия ее внутреннего потенциала, ускорять или замедлять, облегчать или затруднять их развитие. Несмотря на различие происходящих исторических процессов, нетождественность экономических, политических, социальных условий, в жизненном организме всех цивилизаций существуют общие стадии развития – генезис локальной цивилизации, ее рост, расцвет, упадок и – возрождение. На каждом таком жизненном этапе цивилизации претерпевают различные изменения, но вместе с этим они сохраняют преемственность. И самое важное – каждая суперсистема в своей основе хранит некую особенную ценность, код, который она сначала порождает, затем развивает на протяжении всей своей жизни и исторической судьбы, и, наконец, передает другим поколениям [8].

Особенностью американской цивилизационной школы прошлого столетия был акцент на проблемах взаимоотношений между цивилизациями. Например, У. Мак-Нил утверждает, что огромную роль в историческом прогрессе играет то, как общаются цивилизации, какие точки соприкосновений они находят, так как именно эти факторы меняют всю совокупность имеющихся знаний и технологий, культурного развития любой локальной цивилизации. Чем совершеннее средства транспорта и связи, тем сильнее разные культуры могут влиять друг на друга [9].

В концепции еще одного американского ученого, С. Хантингтона, представлена многообразная, но значительно усложненная типологизация цивилизаций. Автор считает, что многополярная международная политика порождает многоцивилизационность. Меняется соотношение сил между цивилизациями – страны Азии наращивают высокими темпами свою экономику, усиливают политическую и военную мощь, западное общество шагает к пропасти – упадок культуры, социальная напряженность, экономический кризис, безработица, в то время как исламские государства переживают демографический взрыв. Более экономически и политически слабые государства начинают группироваться вокруг сильных государств своих цивилизаций. Страны Запада так или иначе сталкиваются с интересами исламских государств и Китая [10].

Таким образом, ученые-цивилизационисты не только попытались исследовать особенности политической и социальной жизни различных макрообществ, но и подчеркнули, что в каждом таком макрокультурном обществе существует свой уникальный код. Однако провести сравнительные исследования между локальными обществами очень сложно в силу их разнообразия, универсальности и сложной количественной типологизации.

Множество споров исследователей сосредоточено на том, что же считать детерминантой – стадии развития и исторических явлений локальных цивилизаций или специфику культурно-национальных субъектов. Проблема локальности и универсальности осложняется тем, что «...закономерности развития, характерные для одних исторических субъектов, не воспроизводятся или воспроизводятся с большими искажениями в ходе развития других» [1, с. 92]. В данном случае на первый план мы все же поставим именно понятие «уникальность» как специфичность, самобытность, непохожесть социокультурных и цивилизационных особенностей каждой локальной цивилизации.

Отметим, что в рамках исследования дефиниции «цивилизация» вырисовывается принципиально новое научное понятие «цивилизационная идентичность», которая подразумевает «отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, народа или государства с той или иной локальной цивилизацией» [11, с. 19–20]. Вместе с этим появилась еще одна дефиниция «национально-цивилизационная идентичность». Российский ученый В. И. Пантин считает, что данный тип идентичности присущ в первую очередь незападным обществам, которые находятся на стадии модернизации своих социально-политических систем, становления процесса нациестроительства. В данном контексте понятие означает «отождествление или соотнесение себя индивидами с определенной национально-цивилизационной общностью, т. е. такой общностью, которая одновременно имеет черты как нации, так и цивилизации, или же является промежуточным образованием между нацией и цивилизацией» [12, с. 151]. Другой российский ученый, историк О. Ю. Яхшиян, разделяет мнение предыдущего ученого и отмечает, что национально-цивилизационная идентичность присуща крупным государствам, которые стремительно наращивают темпы своего экономического развития, таким как Китай, Индия и Россия [13].

Группа ученых Российской академии наук во главе с профессором Ю. В. Пазюком предложила свое понимание локальной цивилизации – «локализованное во времени и пространстве мега-общество как самобытный социоисторический организм и определенный вид социально-культурной среды обитания» [14]. Данной социально-культурной общности присущи индивидуальные ценностные установки и ориентации, обычаи и традиции, особенности социального поведения, своеобразие быта и жизнедеятельности. Главный субъект локальной цивилизации – народ, который в процессе своей деятельности создает социально-культурные и материальные блага [14].

Эти же ученые обратили внимание на то, что локальные цивилизации обладают различными типами закономерностей: статическим, динамическим и генетическим.

Статистический тип характеризуется взаимодействием внутренних и внешних элементов системы в состоянии покоя. Основа данной системы состоит из ядра локальной цивилизации, которое получило название «государство-лидер» [14]. «Государству-лидеру» присущи свои свойства: большая численность населения, большие размеры территории, военно-политический и экономический потенциал, наличие большого количества ресурсов, полный суверенитет.

В основе динамического типа находится хаотичное движение общественных систем, внутри которых взаимодействуют отдельные факторы цивилизационного кода: «технологический, социально-политический, социокультурный, отражающие динамику развития жизнестойкости локальной цивилизации как направление вектора ее роста/деградации, при сохранении общей культурной идентичности и территориально-ресурсной базы...» [14].

В генетическом типе содержатся «закономерности и механизмы наследственности, изменчивости и отбора в динамике социальных систем», которые надавливают на внутренние пружины и вскрывают механизмы функционирования социальных систем. Фактором, обуславливающим их развитие, является нация как носитель культурного кода [14].

Более широкое определение локальной цивилизации дал другой российский исследователь – Р. П. Трофимова. Локальная цивилизация – это «общественная система, соединяющая в себе различные основания: общецивилизационные, культурные, экономические, технологические, ценностные, коммуникативно-информационные, этнопсихологические, религиозно-этические и другие, объединенные воедино и, таким образом, соединяющие между собой людей, их общности (семьи, этносы, племена) и их культуры в нечто единое и неповторимое в многообразии человеческого мира» [15].

Всего, по ее мнению, с позиций геоисторической локализации можно выделить 21–22 локальные цивилизации, существовавшие в истории человечества [16, с. 87].

Несколько иную классификацию локальных цивилизаций предложили доктор философских наук Г. А. Чупина и доктор политических наук В. И. Шерпаев. Изучая типологию локальных цивилизаций, ученые взяли за основу понятие «генотип (наследственная первоструктура) и код (система сигналов для передачи информации)» [17]. В соответствии с этим авторы выделили два основных типа:

1) «традиционный», для «генотипа» которого характерно жесткое присоединение индивида к социальной группе, народу, этносу или сословию. Социокультурный код в таком случае является «сакрализованной традицией», которая определяет воспроизводство и сохранение социокультурной жизни общества;

2) техногенный, «генотип» которого указывает на включения индивида в научно-техническую и образовательную деятельность. Культурно-исторический код формируется посредством человеческого научного разума, когда наука становится частью системы ценностей в обществе [17, с. 6].

На наш взгляд, белорусское общество также являет из себя сформировавшуюся локальную социально-политическую и межнациональную общность, которая населяет определенную территорию и имеет:

- общие ценности и знания, духовно-нравственную основу бытия и традиции, историческую преемственность, своеобразную материальную и духовную культуру, единое социально-экономическое, культурное и конфессиональное пространство;
- отличительные этнические признаки и особенности жизненного уклада, формирующиеся на основе общей исторической судьбы народов, длительного и тесного соприкосновения культур;
- культурного обмена информацией между ними, схожести и подобию в институциональных образованиях и механизмах социальной организации общества, специализированных формах хозяйственного уклада, а также правовых и политических системах [18].

Интегрирующим инструментом измерения многомерности локальных цивилизаций, с учетом всех ее многочисленных сложных структурных элементов, может быть цивилизационный код.

Таким образом, в контексте вызовов и изменений XXI века, в условиях нарастающего глобального кризиса, понятие «цивилизация» используется для анализа реальных социальных процессов нового социального пространства. Особое место в исследовании цивилизаций, их типологии отводится понятию «локальная цивилизация». Проблема соотношения локальности-универсальности состоит в том, что определение «локальность» позволяет рассматривать локальную цивилизацию как отдельную социокультурную систему, уникальный, самобытный живой организм, у которого есть свое ядро (генотип), жизненное пространство, жизненный цикл, исторический опыт, менталитет и система ценностей, которые передаются от поколения к поколению. Локальные цивилизации являются важнейшей составной частью глобального сообщества. Кроме того, каждое малое культурное общество придерживается в своем социокультурном развитии общецивилизационных ценностей, а процессы решения экологических, военных и техногенных проблем, демонстрируют, что в каком бы пространственно-временном разрезе мы не изучали понятие цивилизация, такая особенность как универсальность всегда будет присутствовать, подразумевая под собой единый этап развития человечества как одной мега-системы, которую мы должны сохранить. В данном контексте немаловажную роль играет цивилизационная идентичность.

Список использованных источников

1. Васильев, С. В. Парадигма геочивилизационного подхода в современной геополитике / С. В. Васильев // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 3, Обществ. науки. – 2011. – № 1 (88). – С. 91–96.
2. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Философия истории: антология / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М. : Аспект-Пресс, 1995. – 351 с.
3. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. И. Семенникова. – М. : Интерпресса, 1994. – 436 с.
4. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – Т. 1 : Образ и действительность / пер. с нем.: Н. Ф. Гарелина. – 663 с.
5. Тойнби, А. Постыжение истории : сборник / А. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
6. Ясперс, К. «Осевое время» и цивилизации / К. Ясперс // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия : учеб. пособие / сост. Б. С. Ерасов. – М. : Аспект-Пресс, 1998. – 556 с.
7. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Интерпресса, 2003. – 284 с.
8. Кузык, Б. Н., Цивилизации: теория, история, диалог, будущее : в 2 т. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – М. : Ин-т экон. стратегий, 2006. – Т. 1 : Теория и история цивилизаций. – 768 с.
9. Мак-Нил, У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества / У. Мак-Нил. – М. : Весь мир, 2004. – 356 с.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ.: Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 310 с.
11. Современная-политическая наука: методология / О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во «Аспект Пресс», 2019. – 388 с.
12. Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. / И. С. Семененко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2017. – 462 с.
13. Яхшиян, О. Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика / О. Ю. Яхшиян // Вестн. университета. – 2019. – № 10. – С. 53–54.
14. Пазюк, Ю. В. Закономерности развития локальных цивилизаций в третьем тысячелетии. Вопросы национальной безопасности / Ю. В. Пазюк, В. П. Ефимова, В. А. Кубрина. – М. : СвР–Аргус, 2016. – 362 с.
15. Трофимова, Р. П. Локальные цивилизации и взаимодействие в них культурных и экономических факторов / Р. П. Трофимова // Вестн. Финансовой акад. – 2001 – № 2. – С. 43–50.
16. Трофимова, Р. П. Культура и типология цивилизаций. Иден и смыслы / Р. П. Трофимова // Власть. – 2016. – № 2. – С. 86–91.
17. Чупина, Г. А., Цивилизационная идентичность России: проблема культурно-генетического кода [Электронный ресурс] / Г. А. Чупина, В. И. Шерпаев // Рос. юрид. журн. : электронное приложение. – 2015. – № 4. – С. 8–15. – Режим доступа: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A7%D1%83%D0%BF%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf>. – Дата доступа: 20.09.2020.
18. Надольская, В. И. Цивилизационный код: понятие и сущность / В. И. Надольская // Иппокрена. – 2018. – № 2. – С. 218–225.

Поступила 15.01.2021 г.

И. Н. ХАРИТОНОВ,

научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Рассматриваются три модели классовой структуры белорусского общества, его сельской части. Определяется реальная модель классовой структуры как среднее между позднесоветской моделью и западной «триадой». Указывается на несформированность низшего класса и его фактическую неотрывность от среднего. Предлагаются два сценария дальнейшего развития положения низшего слоя: с его отделением от среднего класса (негативный) или с сохранением неотрывной связи с ним (позитивный).

Ключевые слова: сельское население, классы, социально-экономическое положение, классовая структура Беларуси, средний класс.

I. N. HARITONOV,

Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

THE BASIC CLASS STRUCTURE'S MODELS AND CHARACTERISTICS OF RURAL POPULATION OF BELARUS

The article considers three class structure models of the Belarusian society and its rural part. The factual class structure model is defined as the average between the late Soviet model and the Western «triad». The author points to the unfinished state of the lower class and its actual inseparability from the middle. Two scenarios are proposed for the further development of the position of the lower stratum: with its separation from the middle class (negative) or with maintaining an inseparable connection with it (positive).

Keywords: rural population, classes, social and economic status, the class structure of Belarus, middle class.

Вопросы классовой структуры белорусского общества не утрачивают своей актуальности и по сегодняшний день. Несмотря на то что многие социологи (Д. Белл, Э. Тоффлер и др.) считают, что классовая структура в современном обществе размывается, утрачивая свою актуальность как социальный феномен, мы полагаем, что по-прежнему целесообразно использовать ее в социологическом анализе. На наш взгляд, классы выступают как максимально крупные, временно устойчивые социальные группы с определенными общественно значимыми функциями и взаимосвязями. Они выделяются на основе общности социально-экономического положения (определяется уровнем доходов, имущественным положением и отношением к средствам производства, самоидентификацией) и образуют определенную наиболее обобщенную социальную кон-

фигурацию общества. Социологический анализ классовой структуры в данном аспекте позволяет схематично и целостно охарактеризовать такой сложный феномен как общество и даже разрабатывать ряд всеобъемлющих практических рекомендаций и стратегий, как это делали, например, К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин, Э. Гидденс и др.

Под сельским населением со статистической точки зрения обычно подразумевается население, проживающее в населенных пунктах, официально классифицированных как сельские. В Беларуси это агрогородки, деревни и хутора. С точки зрения классовой структуры сельское население отличается от городского представленностью людей, связанных с сельскохозяйственным трудом, однако, это вовсе не означает, что в сельской местности нет трудящихся, характерных для города. Так или иначе, классовая структура сельского населения находится в тесном соответствии со структурой общества в целом. Однако в рамках данной статьи будут рассматриваться эмпирические социологические данные, полученные по выборке сельского населения.

Считаем необходимым рассмотреть в отношении белорусского общества в целом и сельского населения в частности две такие модели классовой структуры: 1) советская (ленинско-марксистская) и 2) социально-стратификационная «триада» (высший, средний, низший классы). С учетом данных двух моделей нами будет предложена третья, скорректированная модель актуальной классовой структуры белорусского общества («промежуточная» модель).

Классы выступают как наиболее крупные социальные группы. Согласно обобщению С. Ю. Солодовникова, классом является типичная группа, составленная из совокупности трех группировок: профессиональной, имущественной, объемно-правовой [1]. В рамках марксистской теории социальной стратификации классы определяются как страты, выделяемые на основании отношения к собственности на средства производства, – сугубо экономических критериях.

Считалось, что первоначальная классовая структура белорусского общества, базирующаяся на прежнем укладе и эксплуатации человека человеком, в советскую эпоху была разрушена, что привело впоследствии к формированию практически единого массива трудящихся, состоявшего из класса рабочих, класса крестьян (колхозных и кооперированных) и классоподобной прослойки – интеллигенции, опять же преимущественно рабоче-крестьянской по происхождению (в крайне обобщенной схеме данная структура позднесоветского времени приведена на рис. 1). М. Н. Руткевич описывает такую социальную структуру формулой «2+1» [2, с. 20].

В 80-х годах XX века говорилось о том, что уже имеются признаки стирания различий между классом рабочих и классом колхозного крестьян-

Рис. 1. Классовая структура белорусского общества в позднесоветский период

ства, их фактического размытия, тем более что сам К. Маркс утверждал, что коммунизм в конечном счете ведет к бесклассовому обществу. Т. И. Заславская указывала, что межклассовые различия между крестьянами и рабочими были менее видны, чем внутриклассовые и между городом и деревней [3].

Если сравнивать с теми временами, когда крестьянство составляли мелкоземельные собственники (или прикрепленные к земле пожизненные пользователи), получавшие средства к существованию индивидуальным и семейным натуральным сельскохозяйственным трудом, то в индустриальную эпоху, после коллективизации, оно стало фактически состоять из сельскохозяйственных рабочих, по своему труду близких к индустриальному рабочему классу.

Интеллигенция же обычно делилась на две части и распределялась между классом рабочих и классом крестьян [2, с. 22]. Служащих также относили к интеллигенции. Хотя советские социологи и понимали примитивизм схемы «2+1», в основном признавалась ее верность [2, с. 21]. Ее можно брать за основу как максимально обобщенную модель.

На современном этапе в связи развитием экономических рыночных отношений и капиталистического уклада, исследователи говорят о неактуальности данной модели. Вместе с тем даже структурный анализ собственности на средства производства (особенно в области промышленного производства и социальной сферы, сферы науки и образования, в сельском хозяйстве) показывает, что с момента распада СССР белорусское государство преимущественно сохраняет контроль над большинством средств производства, поскольку полного их распределения (путем приватизации) не было осуществлено. Также не была введена частная собственность на землю. Большую часть сельхозпредприятий представляют государственные колхозы и совхозы (агрохолдинги), то есть с марксистской точки зрения речь идет о значительном сохранении экономического базиса советской классовой структуры (прежде всего, в промышленности и сельском хозяйстве).

Так, по данным Белстата за январь–декабрь 2019 г., на государственный сектор экономики (с учетом частных организаций с долей государственной собственности) приходилось 58 % всей выручки, 73 % промышленного производства, 43 % списочной численности занятого населения, 57 % инвестиций в основной капитал [4, с. 11]. По данным «Статистического ежегодника Республики Беларусь, 2019» Белстата, на начало 2019 г. 44,6 % всех основных средств страны находились в государственной собственности и еще 23,0 % принадлежали организациям с долей государственной собственности [5, с. 222].

В сельской местности присутствие государства более заметно в связи с отсутствием частной собственности на землю. 22,5 % всех сельхозорганизаций страны – с государственной формой собственности, с долей государственной собственности – 47,1 % [6, с. 20]. Суммарно государство частично или полностью владеет 69,6 % сельхозпредприятий. Следует также обратить внимание на то, что многие частные предприятия с долей государственной собственности являют собой открытые и закрытые акционерные общества,

где акции распределены среди миноритарных держателей (часто работников этих предприятий), но при этом государство остается фактическим управляющим данных предприятий и распределителем его прибыли.

Даже если не учитывать фактическое частичное сохранение в Беларуси социалистического экономического базиса, нужно отметить, что длительное существование такой сложившейся в советское время и слившейся рабоче-крестьянской классовой структуры, оставившей глубокий след во всех сферах жизни, также предопределяет и нынешнее состояние белорусского общества. 30 лет рыночных отношений, судя по всему, ее только видоизменили в степени, достаточной для того, чтобы не применять всецело прежнюю устаревшую модель, но и недостаточной для того, чтобы ее вообще не учитывать.

Для понимания многих социальных процессов, происходящих в нашем современном обществе, о ней приходится вспоминать. Достаточно сказать, что такой показатель, как коэффициент Джини, в современной Беларуси соответствует его уровню в позднем СССР. Если в 2013–2018 гг. в Беларуси средний показатель данного коэффициента составлял 0,276 [7, с. 59], то в СССР с 1980 по 1990 г. в среднем он равнялся 0,284, что говорит о сохранении с того времени несущественной разницы в расслоении доходов социальных групп населения [8, с. 29].

Можно говорить о том, что прежний конгломерат трудящихся превратился в современных условиях в конгломерат наемных работников, сохраняющих в той или иной степени общность характеристик. При этом, по сути, это не средний класс в его классическом капиталистическом понимании, а именно видоизмененный прежний советский массив рабочих и крестьян, интеллигенции. В этом массиве наемных работников происходят процессы социального расслоения, однако, в недостаточно сильной степени для того, чтобы говорить об устойчивом окончательном оформлении отдельных новых классов. Мы рассмотрим данный вопрос далее.

Немарксистское направление социальной стратификации общества в социологической науке заложил М. Вебер, который помимо экономического основания выделения страт предложил критерии социального престижа и власти. Впоследствии в рамках данного немарксистского подхода был предложен ряд других социальных, неимущественных критериев структурной дифференциации. Как правило, в этих немарксистских моделях выделяются три класса: высший, средний, низший. Данная классово-стратификационная триада в последнее время популярна и в белорусской социологической науке.

Рассмотрим актуальность для Беларуси этой популярной на Западе (в исконном капиталистическом обществе) трехуровневой модели «высший / средний / низший классы». Ведущим классом в таком случае является средний как самый массовый, хотя он в постсоветском контексте и не соответствует традиционному определению «среднего класса» на Западе с его довольно высоким уровнем доходов.

Критериями разграничения высшего, среднего и низшего классов в социологической практике Беларуси, соседних России, Украины (как стран с похожим

историческим наследием) являются образование, уровень доходов на каждого члена семьи, оценка ими своего материального положения, самоидентификация. Наиболее простым способом выделения классов в таком случае, является их выделение в соотношении друг с другом. Например, высший и низший классы образуются представителями с наиболее высокими и низкими уровнями доходов (с учетом и других критериев).

Вместе с тем более детальный анализ социологических показателей в белорусском контексте показывает признаки размытости и «недооформленности» классов, особенно в их сравнении с классовой структурой западного общества.

Особенный интерес в данном контексте представляет работа Э. Гидденса. Он определял классы «как крупномасштабные группы людей, обладающие сходными материальными ресурсами, что, в свою очередь, определяет образ жизни, который они ведут. Классовые различия, прежде всего, зависят от благосостояния людей и рода их занятий» [9]. В современном западном (индустриальном) обществе Э. Гидденс выделил следующие основные классы:

- высший класс (богачи, предприниматели, промышленники, а также высший слой управленцев, владеющих или непосредственно контролирующих средства производства);
- средний класс (который включает большинство “белых воротничков” и специалистов);
- рабочий класс (“синие воротнички”, или люди, занятые физическим трудом), который он относил к более низкому классу, чем средний [9, с. 115].

Также он говорил о классе крестьян (люди, занятые в традиционных типах сельскохозяйственного производства), присутствующего в значительной мере в странах третьего мира, но практически не играющих роли или отсутствующих в индустриальных обществах. Схематично данную триаду можно представить на рис. 2.

В белорусском контексте с данной классификацией приходится не соглашаться, поскольку в целом, на наш взгляд, рабочий класс Беларуси в принципе пока не относится к заметно более низкооплачиваемому и менее материально обеспеченному классу, чем служащие. Хотя, согласно данным опроса сельского населения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси

Рис. 2. Классическая, упрощенная модель стратификационной триады, характерная для современной западной социологии (в интерпретации Э. Гидденса)

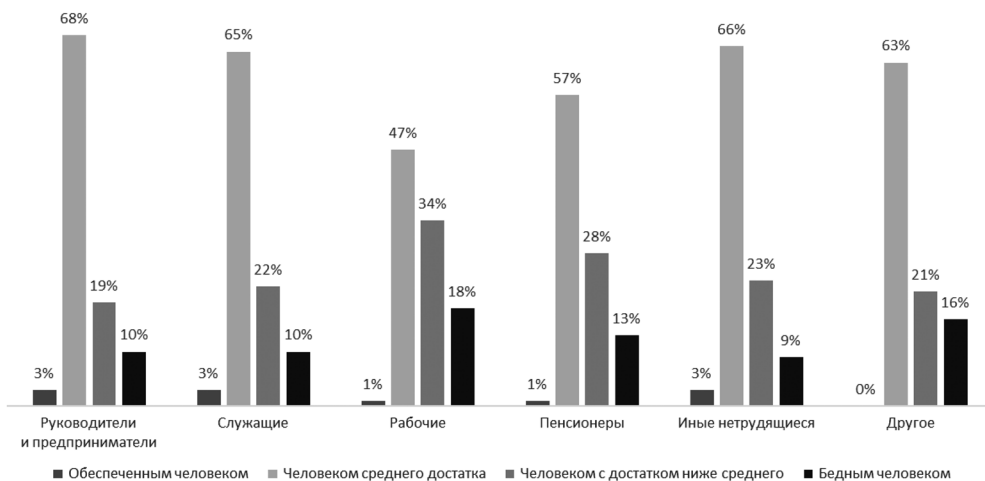

Рис. 3. Отнесение себя респондентами-сельчанами к группам по уровню достатка, при ответе на вопрос «Кем Вы себя считаете по уровню достатка?» (без учета неответивших или затруднившихся ответить)

в марте–апреле 2020 г. (репрезентативная республиканская выборка количеством 893 чел.), рабочие в сельской местности (с учетом рабочих сельского хозяйства) на 20 % больше относят себя к людям с достатком ниже среднего и бедным людям, чем служащие (30 % таковых среди служащих и 50 % – среди рабочих (рис. 3)). Вместе с тем нет оснований полагать, что рабочие в целом в заметно меньшей степени, чем служащие, владеют иным имуществом (жильем и т. д.), социальным капиталом и ресурсами.

Если рассматривать по группам, выделенным по социальному положению, на предмет их отнесения себя к определенной категории по уровню своего благосостояния, то можно обнаружить, что более обеспеченно себя чувствуют руководители вместе с предпринимателями и служащие. В меньшей степени обеспеченно себя чувствуют рабочие. При этом видно, что наибольшую долю во всех группах составляют лица, отнесшие себя к людям со средним достатком (рис. 3). Также не следует автоматически выносить респондентов, указавших на уровень достатка ниже среднего, за пределы среднего класса.

На указанном рисунке в состав группы «руководители и предприниматели» были отнесены респонденты-сельчане, указавшие следующее свое положение: руководитель высшего звена – 10 %, руководитель среднего звена – 26 %, руководитель низшего звена – 26 %, предприниматель, фермер, самозанятый – 39 %. В группу «служащие» – служащий, специалист производственной сферы (инженер, технолог и т. д.) – 26 %; служащий, специалист непроизводственной сферы (учитель, врач и т. д.) – 47 %; служащий без специального образования (секретарь, регистратор) – 19 %; военнотрудовой, работник правоохранительных органов – 8 %. В группу «рабочие» – рабочий промышленности, транспорта, строительства и т. д. – 61 %; крестьянин, рабочий сельского хозяйства – 39 %.

В группу «пенсионеры» вошли как работающие – 13 %, так и неработающие пенсионеры – 87 %. Группу иных нетрудящихся составили домохозяйки – 31 %, учащиеся – 69 %.

На наш взгляд, выделение высшего, среднего и низшего классов сельского населения Беларуси носит достаточно размытый характер. Большинство людей составляют лица, имеющие приблизительно одинаковый доход и имущественное положение. Более того, можно высказать предположение, что между средним классом и более малообеспеченными наблюдается меньший разрыв, чем между высшим и средним классами.

Это говорит также о том, что низшие слои у белорусов в большей степени сохраняют связь со средним классом, потому что в эту группу, скорее всего, попадают представители среднего класса, оказавшиеся в сложных жизненных условиях (потеря работы или понижение по работе, ухудшение финансовых показателей на месте работы, уход за членами семьи с невозможностью полноценно трудиться, неблагополучные семьи, неполные семьи; наличие заболеваний, лишающих или ограничивающих трудоспособность, многодетность и т. д.).

При этом представители низших слоев могут оставаться собственниками ценного жилья, пользователями земельных участков и т. д., но не желать расставаться с данными пассивами. Кроме того, получение более оплачиваемой работы или начало трудовой деятельности (например, подростками членами неполных семей) сразу способно заметно нормализовать финансовое положение. Таким образом, низший класс белорусского общества, возможно, правильнее было бы назвать «низшим средним классом». Однако, при этом сохраняется риск превращения данной группы в устойчивый низший класс.

Схематично, такая классовая триада белорусского сельского населения (да и всего белорусского общества) может быть представлена в виде непропорционального «снеговика», с преобладающей массой среднего класса, представленной в виде трапециевидного блока, с более высокой степенью слитости между средним и потенциальным, окончательно несформировавшимся, низшим классом, а также с более отграниченным от остальных двух высшим классом. В то же время легко перейти из высшего класса в средний (потеряв высокооплачиваемую работу или выйдя на пенсию), но при этом у его представителей может сохраняться более высокий уровень накопленного богатства. Низший класс в данной модели можно характеризовать как оказавшийся в сложных жизненных условиях средний класс, то есть как фактически являющийся его частью. На данный же момент автор не видит достаточных оснований, чтобы говорить о сформировавшемся в белорусском обществе устойчивом во времени и по уровню материального положения низшем классе. По сути, более необеспеченные слои сельского населения и населения страны в целом с более низким уровнем дохода являются в настоящий момент частью среднего класса, его низшей подгруппой («низший средний класс») (рис. 4).

В отношении низшего слоя (по материальному положению, уровню доходов) – потенциального низшего класса – существуют два сценария дальней-

шего развития. Согласно негативному сценарию, в будущем возможно окончательное формирование низшего класса с устойчиво более низким социально-экономическим положением, с самовоспроизводящейся бедностью или ограниченными ресурсами и возможностями к улучшению своего социального положения для его представителей. Таким образом, произойдет утрата близкой связи, фактической слитости низшего слоя со средним классом, отрыв от него.

Позитивный же сценарий предполагает, что при сохранении социального характера белорусского государства, невысокой степени материального расслоения общества, при эффективных стратегиях справедливого развития экономики низшие слои будут фактически составлять часть среднего класса, сохранять системные и масштабные возможности для улучшения своего материального положения, пользоваться важными благами и ресурсами, доступными среднему классу.

Схема, представленная на рисунке 4, теоретически и эмпирически похожа на модель известного белорусского социолога, академика Е. М. Бабосова, который представлял стратификационно-классовую архитектуру современной Беларуси в виде объемного эллипсоида, суженного к низу (рис. 5).

Исходя из нескольких других оснований для выделения данной структурной модели в контексте динамики социальной трансформации, он отмечал, что в 2000–2015 годах произошло «резкое сокращение численности семей,

Рис. 4. «Скорректированная» модель реальной «триады» классовой структуры белорусского общества (в том числе и сельского населения)

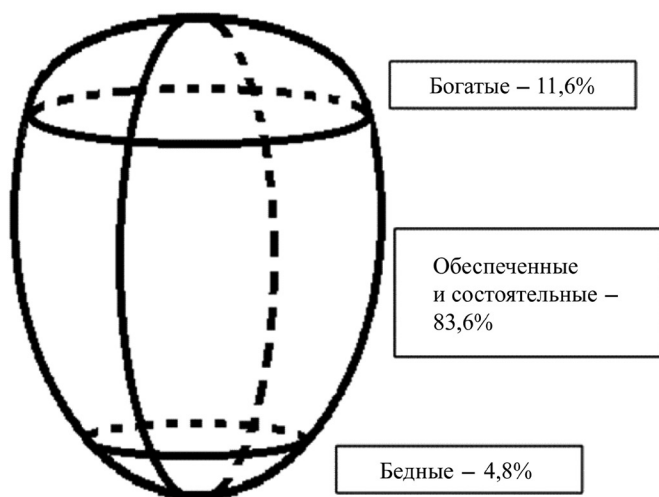

Рис. 5. Структурная модель стратификационно-классового расслоения белорусского общества в 2014–2015 гг. (по Е. М. Бабосову)

относящихся к бедствующим... существенное снижение количества малообеспеченных... при одновременном возрастании количества людей среднеобеспеченных...», что позволило перейти от пирамидальной конфигурации социальной стратификации, актуальной в конце 1990-х – начале 2000-х гг., к эллипсоидной [10, с. 22]. При этом, «эллипсоидная матрица... имеет расширяющуюся вершину и сужающееся основание» [10, с. 23].

Для нас в данных размышлениях важно, что такое расслоение имеет не блочный характер, а напоминает общий шаровый массив, растянутый на концах. Что указывает на отсутствие стабильной и четкой иерархии между классами; на высокую мобильность и соответствие между социальными стратами, не характерные для типичной устоявшейся классовой структуры общества.

Схожесть модели Е. М. Бабосова и нашей, представленной на рис. 4 выражается, с одной стороны, в слитности стратификационного массива белорусского общества, а с другой – в трапециевидной форме классовой структуры, указывающего на то, что в верхней его части находится больше людей, чем в нижней. Различия заключаются в том, что в нашей модели высший класс уже отпочкован от среднего, а нижний имеет потенциальную возможность к такому в будущем.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о существовании крестьянства как класса на современном этапе. Несмотря на то что термин «крестьяне» и поныне активно используется, в социологическом смысле нынешние «крестьяне», скорее, относятся к рабочему классу (подкласс сельскохозяйственных рабочих), поскольку они работают, как правило, в составе коллективных хозяйств и агрохолдингов, осуществляют наемный труд с высокой степенью механизации. Исторически, крестьянство – класс, имеющий основной доход и получающий ресурсы для существования от самостоятельной, достаточно примитивной сельскохозяйственной деятельности на собственном наделе, что в Беларуси в настоящее время наблюдается редко, так как очень небольшая часть населения получает средства к жизни в основном от сельскохозяйственного труда на личных подсобных участках, от дохода с них. Более того, высокая значимость личного подсобного хозяйства для семьи скорее свидетельствует о недостаточном доходе и плохом материальном благосостоянии.

Кроме того, в современных условиях механизированный труд и ориентированность на продажу большинства полученной сельхозпродукции позволяет относить людей, живущих за счет частной сельскохозяйственной деятельности, к фермерам, предпринимателям, поскольку требует приличных инвестиций и капиталов, предполагает иной способ организации труда. В Беларуси также нет той мелкоразмерной частной собственности на землю с сельскохозяйственным назначением, характерной для крестьян прежних времен. Таким образом, на наш взгляд, выделение крестьянства как класса в современных белорусских условиях не актуально. Распространенность личных подсобных хозяйств не позволяет судить о них как о признаках принадлежности к классу «крестьян».

Подводя итог по поводу современной классовой структуры сельского населения Беларуси (да и всего белорусского общества в целом), можно говорить о том, что она на данный момент схематично является промежуточным состоянием между двумя моделями: советской (марксистско-ленинской) и западной стратификационно-классовой «триады». Промежуточное состояние выражается в том, что классовая структура белорусского общества более слитая и размытая, чем на Западе, но вместе с тем размежевание между классами, особенно высшим и средним, имеет тенденцию к более высокой степени выраженности, чем в советское время.

Список использованных источников

1. Солодовников, С. Ю. Социально-классовая стратификация / С. Ю. Солодовников // Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Книжный мир, 2010. – С. 987.
2. Руткевич, М. Н. О социальной структуре советского общества / М. Н. Руткевич // Социс. – 1999. – № 4. – С. 19–28.
3. Заславская, Т. И. О стратегии социального управления перестройкой / Т. И. Заславская // Иного не дано: Судьбы перестройки; Вглядываясь в прошлое; Возвращение к будущему / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Прогресс; Минск : Беларусь, 1988.
4. Основные показатели деятельности организаций государственного сектора за январь–декабрь 2019 г. [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/el1defa4ff94b6e94ae34df5e98ddbba6.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2020.
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2019 [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/35d/35d07d80895909d7f4fdd0ea36968465.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2020.
6. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. сборник, 2019 [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/429/429ae6b65d2b59e6e9f9e108ce690fbf.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2020.
7. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : стат. сборник [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/592/5923980812e0b33af45229b406deef42.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2020.
8. Alexeev, Michael V. Income Distribution in the USSR in the 1980s [Электронный ресурс] / Michael V. Alexeev // Review of Income and Wealth. Indiana University. – 2017. – 1 April. – Режим доступа: <http://www.roi.w.org/1993/23.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2020.
9. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура [Электронный ресурс] / Э. Гидденс // Социол. исслед. – 1992. – № 9. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/210/660/1216/014.GIDDENS.pdf>. – Дата доступа: 30.10.2020.
10. Бабосов, Е. М. Стратификационная трансформация современной Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 362 с.

Поступила 06.11.2020 г.

Т. М. ШАВЕРДО,

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: tamara.shaverdo17@ya.ru*

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ: СИСТЕМА «ПРОПУСКОВ» В СООБЩЕСТВО

В статье анализируется соотношение понятий «национального», «этнического» и «гражданского» применительно к исследованию социальной идентичности. На основании эссенциалистского и конструктивистского подходов эксплицируются характерные черты гражданского и этнического национализма и соответствующих типов идентичности. Доказывается, что полемика между гражданской и этнической идентичностями сводится не к их содержанию, а главным образом к системе «пропусков» в сообщество, в связи с чем оба типа идентичности имеют одинаковые компоненты, но различную специфику их проявления. В контексте многополярной современности обосновывается продуктивность конструирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность, гражданский национализм, этнический национализм, пропуск в сообщество, компоненты гражданской идентичности, компоненты этнической идентичности.

T. M. SHAVERDO,

*Junior Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: tamara.shaverdo17@ya.ru*

CIVIL AND ETHNIC IDENTITY: THE SYSTEM OF “ACCESS” TO THE COMMUNITY

The article analyzes the correlation of concepts such as “national”, “ethnic”, “civil” in relation to the study of social identity. On the basis of essentialist and constructivist approaches, the characteristic features of civil and ethnic nationalism and the corresponding types of identity are explicated. It is proved that the controversy between civil and ethnic identities is not reduced to their content, but mainly to the system of “access” to the community, in connection with which both types of identity have the same components, but different specifics of their manifestation. In the context of multipolar modernity, the effectiveness of the construction of civic identity is substantiated.

Keywords: social identity, civil identity, ethnic identity, civil nationalism, ethnic nationalism, access to the community, components of civil identity, components of ethnic identity.

Одним из параметров консолидации больших социальных групп и макросоциальных общностей является социальная идентичность. Предварительно можно обозначить, что социальная идентичность представляет собой «сцепление» личности и общества, которое обнаруживает себя через членство в группах. С одной стороны, она жестко задается социальной структурой, с другой –

является предметом осознанного самоопределения и выбора индивида в рамках существующих социальных условий и возможностей. Приобретая идентичность, индивид реализует потребность в принадлежности, в свою очередь и социальная группа как некий коллективный субъект позиционирует себя в контексте более широкой общности. Отсутствие такого объединительного контура создает угрозу дестабилизации и фрагментации социума.

Понятие «идентичность» не имеет собственного содержания и приобретает его посредством референта, по отношению к которому осуществляется отождествление – совокупности специфических черт и характеристик, присущих реальной общности или какому-либо символическому образованию. Ввиду этого для анализа идентификационных процессов внутри макросоциальных общностей необходимо прояснить ряд понятий, которые традиционно выступают в качестве таких референций: «национальность», «этничность», «гражданственность».

Наиболее спорным понятием в этой триаде является «национальное» и его производные – «нация» и «национализм». Представляется возможным выделить две логики соотношения понятий:

1) нация как высшая ступень развития этноса – данная логика позволяет произвести *содержательное* разграничение всех трех категорий;

2) нация как особая форма социального единства и национализм как способ мобилизации сообщества – данная логика предполагает, что «национальное» представляет собой *форму*, которая приобретает *содержание* посредством понятий «гражданское» и «этническое».

В контексте социологического знания интерес представляет именно вторая логика, так как она описывает способ социальной связи (по аналогии с социальными формами Г. Зиммеля). Так, белорусский историк, этнолог и культурный антрополог П. В. Терешкович, рассматривая *нацию* как форму социального единства, обозначает два ее возможных содержания: «как политической общности (политической нации) граждан определенного государства и как этнической общности (этно-нации) с единым языком и самосознанием» [1].

Национализм, в терминах британского историка и социолога Э. Смита, представляет собой движение и идеологию по установлению автономии, сплоченности и индивидуальности социальной группы, члены которой видят себя реальной или потенциальной нацией [2]. Исследователь метафорично отмечает, что национализм предлагает своим последователям чувство онтологической безопасности, так как связывает «мертвых и ещё не родившихся», что роднит данную идеологию с религией, трансформируя «фатальности в преемственность, а случайности – в смысл» [2, с. 241]. Американский социолог Р. Брубейкер, используя не менее метафоричный язык, предпринимает попытку описать феномен национализма через полярные ассоциативные ряды: с одной стороны, он «ассоциируется с милитаризмом, войной, иррационализмом, шовинизмом, нетерпимостью, гомогенизацией, вынужденной ассимиляцией, авторитаризмом, узостью, ксенофобией, этноцентризмом, этническими чистками,

даже геноцидом; он характеризуется как “совершеннейший политический позор XX века”»; с другой стороны, «национальность и национализм связаны с демократией, самоопределением, политической легитимностью, социальной интеграцией, гражданской религией, солидарностью, достоинством, культурным выживанием, гражданством, патриотизмом и освобождением от чуждого правления» [3, с. 241]. По такому принципу национальную идеологию можно разделить на гражданский и этнический национализм, где этнический – обладает свойством определения нации посредством особой генетической, культурно-языковой, исторической общности, а гражданский – апеллирует к идее превращения людей в сообщество граждан, обладающих равными политическими правами вне зависимости от их происхождения и приверженности культурно-религиозным практикам.

Советская идеология утвердила негативное отношение к понятию национализма, увязав его именно с этническим национализмом, который Д. Лихачев определял, как «самое тяжелое из несчастий человеческого рода» [4, с. 27]. В то же время сама общность советского народа основывалась на принципах гражданского национализма, объединившего различные этнокультурные локальности в сообщество граждан единого государства. Сходным образом выстраивался и американский государствообразующий принцип «плавильного котла».

Идентичность членов макросоциальной общности формируется во многом под влиянием определенной национальной идеологии, которая создает представления о том, кто является членом нации, где проходят государственные границы, как должны быть устроены основные общественные институты. Р. Брубейкер не считает строгое разделение национализма на этнический и гражданский продуктивным, и к его позиции трудно не прислушаться: этничность и гражданственность в реальной социокультурной практике оказываются тесно переплетены. Однако в интересах исследования гражданский и этнический национализм могут быть разведены для выявления преобладающего способа идентификации в конкретном сообществе.

В соответствии с рассмотренными типами национализма выделяются этническая и гражданская идентичности. При этом в современном мире обе идентичности включают в себя в значительной мере институциональный компонент, предельным выражением которого является государство.

Рассматривая способы консолидации макросоциальных общностей на теоретико-методологическом уровне, представляется возможным выделить два полярных подхода – эссенциалистский и конструктивистский [5]. Первый сводится к тому, что идентичность – это «судьба», которую нельзя изменить. Второй заключается в том, что идентичность социально конструируется на базе некоего проекта, не является чем-то раз и навсегда заданным, а изменяется с течением жизни и в зависимости от условий.

В исследовании гражданской идентичности наиболее продуктивной стратегией видится именно социальный конструктивизм, тогда как в разговоре об этнической идентичности трудно преодолеть эссенциализм, особенно опи-

раясь на примордиалистскую интерпретацию этноса. Однако элемент конструирования так или иначе присутствует и в этнической идентичности, так как полноценное членство в этническом сообществе, помимо определенного происхождения, предполагает и усвоение ряда культурных практик (ввиду чего продуктивнее использовать понятие «этнокультурная идентичность»).

Фактически, полемика между рассмотренными типами идентичности сводится не к их содержанию, а в большей степени к системе «пропусков» в сообщество. Эссенциализм практически не предусматривает возможностей приобретения «билета» кроме как по факту рождения (образно говоря, «мои документы – усы, лапы, хвост»), а конструктивизм не закрепляет за индивидом бессменных ярлыков по факту происхождения – идентичность обретается посредством усвоения и интериоризации ценностей, норм и правил определенного социального окружения, то есть конструируется.

Каждый из подходов имеет свои сильные и слабые стороны. Заманчивость эссенциализма состоит в том, что критерий членства в сообществе однозначен и неотчуждаем – человеку не нужно ничего предпринимать, чтобы быть, белорусом или немцем, если на свет его произвели люди соответствующего генотипа. Апелляция к «крови» сильна и часто фатальна по своим последствиям, трагическим апофеозом которых стала «коричневая чума» XX века. «Слабость» конструктивизма, в свою очередь, можно усмотреть в излишней подвижности идентичностей и порой в отсутствии оформленного критерия, чтобы отделить различные идентичности друг от друга.

Данные подходы имеют тенденцию к взаимопроникновению с целью «усиления» слабых мест. Так, к примеру, сформировавшееся в эпоху классического модерна эссенциалистское понимание субъекта (как субъекта, который на протяжении жизни воплощает некий предзаданный проект себя самого) наложило свой отпечаток и на процесс нациестроительства. Несмотря на то что универсализированная модель гражданства появилась именно в Новое время, она соседствовала с представлениями о том, что субъект по рождению наделен неким «народным духом», который неотчуждаем (к примеру, «быть немцем» значит обладать некой «немецкостью») [6].

Р. Брубейкер, предостерегая от методологической неточности, указывает на то, что не следует закреплять за гражданским национализмом ярлык инклюзивности, а за этническим – эксклюзивности: «В сущности, все понимания национальности и все формы национализма являются одновременно включающими и исключающими. Различие же заключается не в самом факте инклюзивности и эксклюзивности и даже не в их степени, но в основаниях и критериях включения и исключения» [3, с. 256]. С нашей точки зрения, этническая и гражданская идентичности формально имеют общие основания для референции, в связи с чем этничность и гражданственность обнаруживают себя не как два обособленных набора маркеров, а фиксируются исследователем через *специфику проявления* одних и тех же идентификационных оснований на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

Адаптировав критерии этничности американской исследовательницы Дж. Финни [7], мы предлагаем параметры изучения этнической и гражданской идентичности, позволяющие охватить наиболее значимые стороны социальной жизни макросообществ: язык, территория, нарратив, социальные связи, культурные и религиозные практики, общественная деятельность и политическая активность.

Язык как знаково-символическая система, опосредующая мышление индивидов и обеспечивающая социальную коммуникацию, выступает важнейшим компонентом идентификационных процессов, однако играет различную роль в гражданском и этническом дискурсе. Если в гражданском сообществе язык выступает главным образом механизмом коммуникации, позволяющим осуществлять эффективное взаимодействие как внутри группы, так и с представителями других социальных образований, то в рамках этнического сообщества язык расценивается не просто как инструмент для передачи информации, но в значительной степени как уникальная «душа народа», сакральный символ культуры.

Роль *территориального* фактора в идентификационных процессах макросообществ заключается в обеспечении реальной площадки социального взаимодействия и установлении дифференциации между членами сообщества и представителями других групп. В контексте гражданской идентичности территория связывается с государственными границами, несмотря на то что зачастую субъект идентификации не имеет со всей «мыслимой» территорией прямой и однозначной связи (если он не включен в процессы непосредственного межгосударственного регулирования). Территория как составная часть этнической идентичности обычно связана с конкретным местом рождения, с историей семьи и переплетена с непосредственной сферой жизнедеятельности индивида.

Нарратив как фактор консолидации сообщества связывает прошлое с настоящим и позволяет вписать каждого отдельного члена сообщества в единый «рассказ». Нарратив не имеет конкретного автора, что подчеркивает некоторый примордиальный характер этого повествования, его дологическую присущность каждому представителю народа. В контексте гражданского сообщества нарратив мыслится в терминах официальной истории, а народ и государство оказываются в этом «рассказе» практически неразделимы. Институционально это выливается в экспертные институты, которые поддерживают дисциплинарную власть официальной истории по отношению к любым конкурирующим повествованиям. Для этнической идентичности в большей мере характерна ориентация на тему «исторической судьбы», которая не обязательно имеет привязку к государству, а тем более к его актуальным пространственно-временным границам.

Способы установления *социальных связей* выступают существенным фактором формирования идентичности, выражаясь в механизмах определения «свой-чужой», что напрямую отражается на круге общения человека. Именно через описание способа установления и распространения социальных связей становится возможным говорить об устойчивых функциональных различиях

между гражданским и этническим типами идентичности. В рамках гражданского сообщества преобладает инклюзивный принцип формирования социальных связей (круг общения неоднороден, состоит из представителей разных социальных групп), конфликтность такой идентичности минимальна. В рамках этнического сообщества преобладает эксклюзивный характер построения социальных связей – «ближний круг» сопротивляется или совсем не допускает носителей каких-либо отличных субстанциальных характеристик.

Культурные практики, имея родовую связь с человеческим как таковым, представляют собой саму ткань социальной реальности, и различия, обнаруженные на этом уровне, могут оказаться наиболее фундаментальными. Для культурных практик как компонента гражданской идентичности характерна связь с историей общественного прогресса и секуляризацией. Такие практики носят подчеркнуто бытовой, утилитарный характер. В них очевидна ориентация на светские ценности, нет разграничения на сакральное и профанное, поэтому к участию в них допускаются все кандидаты, отвечающие нормам формального соответствия. Культурные практики в рамках этнического мировоззрения всегда оказываются тесно связанными с религией и ее социальными функциями. Также этнический дискурс предполагает наличие неких религиозных институций, которые проводят сегрегацию по предполагаемому внутреннему (субстанциональному) соответствию или несоответствию между природой человека, его духовными заслугами и уровнем значимости культурной практики, в которой он желает принять участие.

Являясь существенной частью мировой культуры, религия тысячелетиями продолжает транслировать образцы поведения, а *религиозные практики* формируют актуальное поле социальной действительности и оказывают существенное (а в некоторых обществах даже определяющее) влияние на идентификационные процессы. Так, в рамках этнического сообщества внутреннее законодательство религии с ее базовым разграничением на сакральное и профанное во многом определяет характер социальных практик, а также является существенным фактором консолидации членов внутри группы и критерием обособления от представителей других социокультурных образований. В рамках гражданской общности религия мыслится как личный выбор каждого. Сакральная значимость обрядов и иных практик пролегает как бы в другой плоскости по отношению к жизни большинства людей в сообществе. Религии отводится место одного из культурных феноменов, наравне с искусством, наукой, философией.

Общественная деятельность как форма коллективной самоорганизации для достижения общезначимых целей является древнейшим способом существования человеческого сообщества. Внутри гражданского сообщества участники объединяются вместе по принципу совпадения интересов (которые могут быть предельно разнообразны) и аккумулируют свои усилия для их достижения, при этом порогом вхождения в такие объединения является минимальный коммуникативный навык и готовность прикладывать усилия. Для этнической

общности наиболее важным фактором мобилизации является не «тематическая» проблема, требующая решения (бездомные животные, отсутствие велосипедных дорожек), а этнические или родовые интересы, затрагивающие непосредственно проблемы этнической группы, семьи, клана и т. д.

Политическая активность как игра с жесткой системой правил внутри специально оформленных институций, позволяющая оказывать прямое или опосредованное влияние на жизнь сообщества, в полной мере может быть реализована лишь при условии осознания членами группы своей *функциональной* связи с государственными институтами. В рамках этнической группы политическая активность не рассматривается как реальная возможность повлиять на жизнь сообщества, а действующая власть расценивается как элемент «народной судьбы».

Таким образом, как в гражданской, так и в этнической идентичности присутствуют одни и те же компоненты, однако они имеют различную специфику проявления на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях (таблица).

Специфика «гражданственности» и «этничности»

Линии сравнения	Гражданская идентичность	Этническая идентичность
Язык	Язык как инструмент эффективной коммуникации членов сообщества	Язык как «душа народа» и способ самовыражения членов сообщества
Территория	Территория, очерченная государственными границами, которую индивид мыслит в притяжательном ключе, несмотря на то что не имеет с ней непосредственной связи	Территория, выраженная <i>местом</i> рождения, проживания, связанная с непосредственной сферой жизнедеятельности индивида
Нарратив	Нарратив мыслится в терминах официальной истории; народ и государство оказываются в этом «рассказе» практически неразделимы	Нарратив больше напоминает <i>миф</i> о едином происхождении народа, который не обязательно имеет привязку к государству, а тем более к его актуальным пространственно-временным границам
Социальные связи	Круг общения состоит из представителей самых разных социальных групп и не предполагает деления по принципу происхождения («кавказец», «негр» и т. п.)	Круг общения строится по принципу исключения: субъект стремится не допускать в ближайшее окружение представителей иных этнических групп
Культурные практики	Культурные практики преимущественно носят бытовой и светский характер, не наделяются свойствами сакрального и не предполагают особого пропуска для лиц, которые в них участвуют	Культурные практики могут наделяться свойствами сакрального и предполагают «посвященность» исполнителей
Религиозные практики	Религия и религиозные обряды воспринимаются как одна из частей культуры и не обладают значительной степенью сакрализации	Религия и исполнение религиозных обрядов занимают значимое место в жизни общности, выступают консолидирующим признаком внутри нее и достаточным основанием для отделения общностей друг от друга

Окончание таблицы

Линии сравнения	Гражданская идентичность	Этническая идентичность
Общественная деятельность	Представители сообщества организуются в группы, создают движения по принципу общности интересов и аккумулируют свои усилия для их реализации (движение «зеленых», общество защиты животных и т. д.)	Интересы делятся по принципу этнического происхождения (интересы «русских», интересы «белорусов») или же по родовому признаку («интересы семьи», «интересы клана»), соответственно и мобилизация усилий для их реализации происходит по соответствующим основаниям
Политическая активность	Политическая активность является значимой стороной жизни сообщества и предполагает: 1) непосредственное принятие политических решений субъектами, получившими определенные полномочия в ходе процедуры делегирования; 2) опосредованное участие субъектов в политической жизни с помощью таких способов общественно-го волеизъявления, как выборы, референдумы, шествия, митинги	Сфера политического не представляется значимой стороной жизни сообщества, а действующая власть рассматривается как элемент «народной судьбы»

В реальной социокультурной практике характеристики этничности и гражданственности тесно переплетаются, во многом определяя специфику каждого конкретного социума. Инструменты социологического анализа позволяют выявить преобладающий вектор идентификации, который в практике государственного управления может рассматриваться как наиболее эффективный мобилизационный ресурс сообщества для решения внутренних задач и ответов на внешние вызовы.

Характер социальной идентичности как фактора консолидации макросоциальной общности напрямую зависит не только от локальных особенностей территории, но и от глобального фрейма современности. Сегодняшний мир характеризуется такими категориями, как «текучесть», «неопределенность», «амбивалентность», что предопределяет трансформацию связи «человек – общество» [8]. Наблюдается тотальная подвижность, изменчивость идентичностей, «схлопывание» категорий «идентичность» и «роль», что свидетельствует о нарастании индивидуализации и атомизации общества. В этих условиях попытка индивида отыскать свое место в системе координат всегда остается до конца нереализованной: человек вынужден непрерывно «переписывать» картину мира, включаясь то в одну, то в другую социальную группу, между которыми не существует однозначной иерархии. Несмотря на то что для различных социальных идентичностей существует возможность интеграции, порой возникает опасность формирования противоречивого набора социальных идентичностей, что оказывает деструктивное влияние как на личность, так и на функционирование макросоциальной общности.

Наиболее продуктивным типом идентичности в этих условиях представляется гражданская. Гражданская идентичность предполагает облегченный «пропуск» в сообщество (при исполнении ряда определенных условий и формализованных процедур индивид вполне может получить гражданство), в отличие от членства в этническом сообществе, которое практически невозможно получить, не являясь носителем некоторых субстанциональных характеристик.

Гражданская идентичность является, с одной стороны, достаточно сильным фактором консолидации макросоциальной общности, а с другой – представляет собой наиболее нейтральный объединительный контур, который позволяет не проблематизировать такие структуры, как культурно-историческая память, религия, народные привычки и обычаи. Более того, гражданская идентичность как некая рациональная структура, «надстраиваясь» над всем разнообразием социальных идентичностей, выполняет своеобразную «охранительную» функцию по отношению к локальным культурным образованиям.

Список использованных источников

1. *Терешкович, П. В.* Нация [Электронный ресурс] / П. В. Терешкович // Новейший философский словарь / авт.-сост. А. А. Грицанов. – Режим доступа: http://www.e-reading.by/chapter.php/149350/806/Gricanov_Noveiishiii_filosofskiii_slovar%27.html. – Дата доступа: 15.08.2020.
2. *Смит, Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит ; пер. с англ. А. В. Смирнова и др. – М. : Праксис, 2004. – 464 с.
3. *Брубейкер, Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. *Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г.* Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем, завтрашнем / Д. С. Лихачев, Н. Г. Самвелян. – М. : Сов. Россия, 1987. – 143 с.
5. *Монастырский, Д. В.* Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы / Д. В. Монастырский // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 1. – С.181–188.
6. *Барт, Р.* Мифологии [Электронный ресурс] / Р. Барт. – Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7016>. – Дата доступа: 20.08.2020.
7. *Phinney, Jean S.* Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research [Электронный ресурс] / Jean S. Phinney. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Jean_Phinney/publication/20886312_Ethnic_Identity_in_Adolescents_and_Adults_Review_of_Research/links/0fcfd5100589bec91000000/Ethnic-Identity-in-Adolescents-and-Adults-Review-of-Research.pdf. – Дата доступа: 12.08.2020.
8. *Бауман, З.* Постмодернити, или жизнь с амбивалентностью / З. Бауман // Современная западная социология : хрестоматия / авт.-сост. Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. – Минск : Тесей, 2008. – С. 411–418.

Поступила 30.10.2020 г.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.4.051:339.924

Е. М. БАБОСОВ,

*доктор философских наук, академик, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: babosov@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

В статье на основе обобщения статистических данных и результатов социологических исследований характеризуются сущность и особенности осуществления формирования идентичности в рамках Союзного государства России и Беларуси и интеграционного объединения государств – ЕАЭС.

Ключевые слова: транснациональная идентичность, Союзное государство, Евразийский экономический союз.

E. M. BABOSOV,

*Doctor of Philosophical Sciences, Academician, Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: babosov@yandex.ru*

FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF TRANSNATIONAL IDENTITY IN MODERN BELARUS

On the basis of the generalization of statistical data and the results of sociological research, the article characterizes the essence and features of the implementation of identity within the framework of the Union State of Russia and Belarus and the EAEU state integration association.

Keywords: transnational identity, Union State of Russia and Belarus, Eurasian Economic Union.

В первой четверти XXI века в условиях углубляющейся и интенсифицирующейся глобализации возрастающую значимость приобретает транснациональная идентичность. Особенности данного процесса отчетливо выражаются в развитии пяти государств: Беларуси, Казахстана, Киргизии, Российской Федерации и Армении, входящих в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Идентификация в своем содержательном наполнении выступает не только в качестве средства адекватизации индивидом самого себя, но и как процесс аналогизации его определенному социальному объекту, представленному чаще всего той или иной социально-структурированной общностью – семьей, трудовым коллективом, религиозной общиной, субкультурной группой и т. п.

Идентификация – это процесс отождествления индивидом самого себя с другими индивидами, социальными группами и/или общностями, ценностными стандартами и образцами поведения. Она формируется, закрепляется либо транс-

формируется в результате социального взаимодействия и помогает индивиду овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать определенные социальные нормы и роли. Идентификация является социально-психологическим механизмом социализации личности, формирования и развития ее социальных качеств.

Такое понимание идентификации позволяет концептуализировать понятие «идентичность», являющееся результатом развития охарактеризованного процесса. Идентичность – это субъективное переживание человеком своей индивидуальности в качестве тождественной самой себе целостности. Она представляет собой не свойство, а отношение, формирующееся, закрепляющееся, а иногда и трансформирующееся только в процессе социального взаимодействия. Идентичность может проявляться по отношению к социальным феноменам трех уровней: а) человечество в целом и общечеловеческое в каждом конкретном его представителе; б) определенная социальная общность людей (национальная, территориальная, профессиональная, социокультурная, конфессиональная, возрастная, половая и др.); в) отдельная личность в конкретной уникальности своего реального существования. В субъективном восприятии каждого индивида в большей или меньшей степени представлены все три уровня. Идентичность современного человека определяется его сознательной ориентацией на определенный образ жизни, конкретную систему ценностных предпочтений и образцов поведения, в которых он формирует свою тождественность с определенной социальной группой, культурой, политической системой.

Стратегической значимостью в существующих интеграционных процессах ЕАЭС обладает сложный и многогранный феномен *транснациональной идентичности*. Его сущность можно сформулировать следующим образом: транснациональная идентичность – это комплекс идейно-политических и социокультурных ориентаций и предпочтений личностей и социальных групп, предполагающих возможность отождествимости их носителей (субъектов) с определенным этнонациональным сообществом.

В условиях модернизации информационного и цифрового обществ, на фоне возрастания значимости креативности мышления и действий людей во всех сферах жизнедеятельности исходным началом исследования различных типов идентификации является выявление социологическими методами основных параметров становления и действия личностной идентичности индивидов. Когда мы анализируем самоидентификацию, осуществляющуюся в жизнедеятельности конкретных индивидов, то речь идет не только о тождественности личности самой себе, но и об ее целостности, способности оставаться самой собой при любых обстоятельствах и в любых отношениях с другими людьми. В этих характеристиках проявляются сущностные, типические особенности «Я», представляющего собой специфически-индивидуальное выделение субъектом познания и действия самого себя среди других личностей, из окружающей социальной среды с учетом своей индивидуально-социальной целостности,

а также временных рамок прошлого, настоящего и будущего. Чем органичнее связаны эти три темпоральных модуса бытия личности, тем более социально развитой и интересной для других становится данная личность и ее транснациональная идентичность.

Экономической основой ЕАЭС является успешное развитие национальных экономик входящих в данное межгосударственное сообщество стран. Объем товарооборота во взаимной торговле в рамках объединения в 2019 г. составил 61 млрд долл., или 101,3 % к уровню 2018 г. Средняя цена на товары единого рынка снизилась на 0,4 %. Кроме улучшения социально-экономических показателей, важную роль в развитии стран ЕАЭС выполняет создание и активное действие договорно-правовой базы многостороннего сотрудничества в различных сферах – заключено 215 таких договоров. Это существенно важно для пространства и общих правил экономических взаимодействий на внешних рынках с населением 170 млн человек в масштабах совокупного экономического потенциала, превосходящего 4 % глобального ВВП. Очень значимо создание антикризисного фонда с капиталом 10 млрд долларов. Нельзя не учитывать принципиальную значимость приобретения правительственными структурами стран – участников межгосударственного объединения практического опыта руководства данным интеграционным сообществом.

Важнейшим фактором и конкретным воплощением интеграционной социодинамики в широком пространстве ЕАЭС становится реальная коммуникация между гражданами входящих в него стран. Примечательно, что более 80 % граждан Армении и Киргизии, свыше половины жителей Беларуси и Казахстана поддерживают постоянные связи с родственниками, друзьями, коллегами других стран, входящих в данное интеграционное объединение, прежде всего, в России. Жить и работать большинство граждан государств ЕАЭС предпочитают на просторах этого сообщества. Здесь создаются и работают транснациональные компании, корпорации, к тому же создается и действует единая система идентификации участников внеэкономической деятельности.

Социально-экономическим и общественно-политическим ядром ЕАЭС, его активно действующим стержнем на протяжении второго десятилетия XXI в. являются Беларусь, Россия и Казахстан. Своеобразие и сложность осуществления интеграционного союза этих трех государств определяется тем, что в данных суверенных государствах, возникших на развалинах рухнувшего Советского Союза, происходит не только смена социально-политических режимов, но и коренное изменение общественного строя. Как раз в этом заключается первая отличительная особенность интеграционного взаимодействия трех стран. Вторая существенная особенность данного сценария интеграционной динамики детерминирована тем, что политическая демократизация началась в указанных странах до того, как сложились элементы современного рынка. Третья особенность существующей модели интеграции заключается в том, что реализация ее ключевых задач происходит при одновременном разрешении

не во всем совпадающих по времени проблем: изменение старой общественно-политической системы и проведение коренной экономической реформы, призванной обеспечить переход к социально ориентированной рыночной экономике, осуществляются разнотемными методами. Четвертая особенность предопределяется тем, что выбран путь быстрой, радикальной, ни за кем не следующей и никого не догоняющей, самостоятельно осуществляющейся по собственной модели развития своеобразной модернизации. Пятая особенность интеграционного варианта развития России, Беларуси и Казахстана по пути их социально-политического, экономического и социокультурного сближения и сплочения воплощается в этатизме, то есть в решающей роли государства в реформировании и обновлении социально-политической и экономической систем, в действии мобилизационного механизма функционирования государства. Шестая особенность вырисовывается в становлении принципиально новой системы социальной стратификации общества, отличительными чертами которой становится возрастание значимости научно-интеллектуальной элиты и частного предпринимательства, в переходе трех союзных стран в информационное общество, базирующееся на инновационной экономике. Седьмая особенность данной модели проявляется в том, что это межгосударственное интеграционное объединение функционирует на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ. Восьмая ее особенность заключается в том, что интеграционные процессы охватывают не только экономическую сферу (что является в них решающим фактором), но и включают в свою орбиту также политическую и социокультурную интеграции. Наконец, девятая отличительная черта данной модели состоит в формировании и функционировании наднациональных политических структур, играющих важную конструктивную роль в осуществлении объединительных процессов (рисунок).

Указанные структуры являются основными скрепами, соединяющими в единое экономическое пространство колоссальный рынок с более чем 170 млн потребителей, со свободным перемещением капиталов, товаров, услуг и рабочей силы. В таких условиях приоритетную значимость приобретают согласованные действия в решающих институциональных областях: в макроэкономике, в обеспечении правил конкуренции, в сферах сельскохозяйственных субсидий, а затем – в выработке и реализации единой визовой и миграционной политики, базирующейся на единых стандартах и требованиях к товарам и услугам.

Если дать обобщенную оценку создаваемой модернизационной интеграционной модели геостратегического трехстороннего взаимодействия, то следует подчеркнуть, что создается и получает благоприятное социально-политическое и экономическое пространство для своего эффективного функционирования наднациональное объединение, имеющее все необходимые предпосылки и возможности, чтобы превратиться в один из полюсов современного многополярного мира и одновременно стать одним из центров сосредоточения силы

Модель интеграционных процессов в Беларуси, России и Казахстане в рамках ЕАЭС

в этом динамично и противоречиво, нелинейно развивающемся мире. Поскольку данное межгосударственное объединение является в своей сущности наднациональным, постольку его принципиальное своеобразие заключается в наличии надгосударственных структур.

Однако функционирование надгосударственных структур ни в коем случае не означает какого-либо ущемления или недооценки национальных интересов. В условиях нарастающей глобальной нестабильности и развертывания турбулентных процессов создание и функционирование наднационального межгосударственного объединения обуславливается собственными национальными интересами каждой суверенной страны и складывающимся стратегическим схождением исторических судеб и перспектив развития народов этих стран.

Важное значение в интеграционной модернизации России, Беларуси и Казахстана имеет оставшаяся от Советского Союза производственная специализация, общее языковое пространство, традиционные научно-образовательные и культурные связи. Интеграционные трансформации в этих государствах могут быть успешными и эффективными только в том случае, когда станут эффективными объединенные усилия этих стран в обеспечении их коллективной безопасности, что имеет судьбоносное значение в ситуации нарастающей неустойчивости глобального экономического, финансового, научно-технического,

информационного развития, порождающей источники новых вызовов и угроз. В этом контексте важную конструктивную и сдерживающую роль выполняет Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), активными действующими акторами которого являются и Россия, и Беларусь, и Казахстан.

Интеграционное взаимодействие указанных стран осуществляется по принципам синергетического сложения и умножения сил экономических, политических, финансовых, научно-технических, социокультурных, но одновременно оно все более отчетливо приобретает характер открытого разомкнутого проекта, открытого для вступления в Единое экономическое пространство других суверенных стран.

Краеугольным принципом формирования и успешного функционирования не декларативного, а реально и эффективно действующего интегративного объединения модернизированного типа России, Беларуси и Казахстана, а впоследствии Армении, Кыргызстана и других стран в Едином экономическом пространстве, а затем и в Евразийском союзе может и должно быть равенство партнеров. Причем желательно, чтобы такое равенство было многогранным и всеобъемлющим. Оно должно включать и равенство условий хозяйствования на всем интегративном экономическом пространстве, и равный доступ к единой энергетической и транспортной системам, и единые правовые установления в социальной сфере. Лишь в таком случае интеграционные взаимодействия будут прочными, взаимоприемлемыми и эффективно действующими. Хорошо скоординированная и взаимодействующая во всех своих компонентах интегрированная социально-экономическая система позволит создать прочную основу для Единого экономического пространства и надстраиваемой над ней интегрированной социально-политической системой, реализующей свои функции и задачи посредством деятельности надгосударственных административно-исполнительных органов.

Следует подчеркнуть, что все более многосторонняя и глубокая интеграция в рамках межгосударственного союза России, Беларуси и Казахстана ни в коей мере не означает игнорирования национальных интересов какой-либо из этих стран, либо ущемления национальных суверенитетов. Сохранение и упрочнение суверенитета – это тот незыблемый фундамент, на котором выстраивается и действует любой вариант межстрановой интеграции.

Разрабатывая интеграционную стратегию и претворяя ее в эффективно реализуемую практику, партнеры по Единому экономическому пространству и присоединяющиеся к ним страны выражают готовность развивать интеграционные взаимодействия в осях координат Восток–Запад, Север–Юг. Речь идет, прежде всего, о возможности и желательности развития интеграционных взаимодействий с Евросоюзом. Это позволит объединенными взаимными усилиями создать гармоничную экономическую и человеческую интеграцию на огромном пространстве от Атлантики до Тихого океана. Такая интеграционная деятельность может стать надежной и эффективной лишь в том случае, когда она

охватывает не только общий рынок товаров и услуг, общий рынок рабочей силы, но и общее научно-техническое, образовательное и социокультурное пространство, будет находить реализацию в широком цивилизационном и межкультурном диалоге, в содружестве национальных культур, мировых культурных ценностей.

Очень важно, что большая часть населения трех интегрирующихся стран поддерживает развитие интеграционных связей между ними. Проведенный в 2020 г. социологический опрос в Беларуси зафиксировал, что две трети населения республики (66,4 %) с одобрением относятся к разворачиванию интеграции Беларуси, России и Казахстана в Единое экономическое пространство, причем 34,9 % респондентов поддерживают такое интеграционное объединение полностью.

Мощным локомотивом интеграционных процессов в стратегическом треугольнике Беларусь–Казахстан–Россия выступает Союзное государство Беларуси и России. Оно добивается не только высокого уровня индустриальной капитализации, но и обеспечения социальных гарантий населения, его медицинского обслуживания и широкого доступа к образованию, серьезных успехов в осуществлении военно-оборонительной политики и в других сферах общественного развития. Все это становится мощным долговременным действующим фактором качественных позитивных экономических, социокультурных и политических преобразований в данных странах и обеспечения международной безопасности.

Однако следует иметь в виду, что экономическая взаимозависимость стран, входящих в ЕАЭС, наталкивается на определенные препятствия и трудности, не всегда во взаимоотношениях соблюдаются принципы равенства и справедливости. Для преодоления таких трудностей необходимо проведение комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности экономической системы и рассчитанных до 2030 г. Следует акцентировать внимание не только на объективных факторах данного процесса (скажем, рост ВВП в расчете на душу населения или среднего дохода потребителей), но и на субъективных факторах (интересы, вкусы, предпочтения, ценностные ориентации людей), оказывающих регулирующее влияние на их экономическое поведение и реализующихся в их социальных отношениях и взаимодействиях. Последние же регулируются действующими в обществе стандартами поведения, нормами и ценностями культуры, социальными институтами, которые в своей совокупности составляют систему социальных механизмов развития экономики.

Успешная экономическая интеграция входящих в ЕАЭС государств создает достаточно благоприятные условия и возможности для развития идентификационных процессов, выходящих за границы отдельных стран и развивающихся в межстрановых интеграционных взаимодействиях. Важнейшим фильтром и конкретным воплощением интеграционной социодинамики на широких про-

сторях данного образования становится реальная коммуникация между гражданами тех или иных стран – членов этого сообщества.

Важное место во взаимодействии друг с другом народов ЕАЭС занимают насыщенные любовью, заботой, взаимоподдержкой межнациональные семьи. Такие семьи в настоящее время не редкость. По статистике в Беларуси около 7 % браков заключаются с иностранцами. Причем география иностранных женихов и невест очень разнообразна, но чаще всего это граждане СНГ (78 %), половина из которых россияне, причем невест-россиянок оказалось в несколько раз больше, чем женихов-россиян. Принять решение о создании межнациональной семьи не очень просто, ведь в такой ситуации происходит наложение друг на друга различных особенностей гражданства, религии, культуры, бытовых традиций. Поэтому такой шаг не должен предприниматься опрометчиво, он требует высокой нравственной и гражданской ответственности.

Существенную роль в упрочении транснациональной интеграционной деятельности выполняют регулярно проходящие форумы регионов России и Беларуси, во время осуществления которых обсуждается и решается круг проблем, интересующих народы этих стран. Конкретный пример такого взаимодействия сотрудничества представляет целая серия конкретных взаимодействий, о проведении которых договорилась наша страна с делегацией Приморского края в августе 2020 г. во время работы VII Форума регионов России и Беларуси. Приморчане очень заинтересованы в приобретении минских электробусов и автобусов нового поколения: таких в Приморье пока еще нет. В 2019 г. Беларусь и Приморский край наторговали на 19,2 млн долларов. За январь–июль 2020 г. товарооборот превысил 9 млн долл., увеличившись по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 17 %. Делегация Приморского края высказала глубокую заинтересованность в активном участии белорусских строителей при возведении космодрома «Восточный», который строят вблизи города Циолковский в Амурской области. Первую очередь этого строительства завершили в 2016 г., а возведение его второй очереди началось в 2019 г.

Учитывая высокую оценку приморцами продукции агропромышленной сферы Беларуси, наша страна будет наращивать экспорт в Приморье белорусской мясомолочной продукции, детского питания, семян и другого посадочного материала.

Проведенные в последнее время в России и Беларуси социологические исследования убеждают, что у Союзного государства существует перспективное будущее как у стержневого, стратегически важного звена евразийской интеграции. Белорусский экспорт в Россию составляет 15 млрд долл. в год. По товарообороту за 2019 г. доля Российской Федерации занимает практически половину в Беларуси – 48 %. Поэтому народы наших стран всеми своими помыслами, стремлениями и практическими действиями всячески поддерживают упрочение и развитие Союзного государства, равно как и в целом ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Евразийская экономическая интеграция – 2019 : докл. № 52 / Евразийский банк развития. – М. : ЦИИ ЕАБР, 2019. – 140 с.
2. *Бабосов, Е. М.* Основные тренды формирования транснациональной идентификации в интеграционных процессах функционирования Евразийского союза / Е. М. Бабосов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / РАН, ИНИОН. – М., 2021. – Вып. 4, ч. 1. – С. 30–34.
3. *Бурдьё, П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдьё // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 45–60.
4. *Кортунов, С. В.* Национальная идентичность. Постигание смысла / С. В. Кортунов. – М. : Аспект Пресс, 2009. – С. 7–28.
5. *Хантингтон, С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – М. : АСТ, Транзиткнига, 2008. – С. 50–53.
6. *Ядов, В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // *Мир России*. – 1995. – № 3-4. – С. 158–181.

Поступила 30.10.2020 г.

УДК 1:316.75

Н. М. БРОВЧУК,

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com*

А. А. СТАШКЕВИЧ,

*магистрант, Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: anastashkevich@gmail.com*

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье исследуется специфика практик идентификации в обществе поздней современности. Выявлено значение исторической памяти для современной исторической идентичности. Проведен анализ феномена забвения как неотъемлемой части исторической памяти, а также обоснована необходимость рационального регулирования процессов памяти и забвения для сохранения исторической идентичности.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, историческая идентичность, историческое забвение, историческая память, рефлексивность, поздняя современность, глобализация, типы исторического забвения, кризис исторической памяти.

N. M. BROVCHUK,

*Junior Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com*

A. A. STASHKEVICH,

*Master's Degree Student, Belarusian State University, Minsk,
e-mail: anastashkevich@gmail.com*

IDENTITY AND HISTORICAL MEMORY IN LATE MODERN SOCIETY

The article explores the specifics of identification practices in the late modern society. The significance of historical memory for modern historical identity is revealed. The analysis of the phenomenon of oblivion as an integral part of historical memory is carried out, and the necessity of rational regulation of the processes of memory and oblivion for the preservation of historical identity is substantiated.

Keywords: identity, identification, historical identity, historical oblivion, historical memory, reflexivity, late modernity, globalization, types of historical oblivion, crisis of historical memory.

Вопрос об исторической идентичности является важным и болезненным не только для гуманитарного знания, но и для всего современного мирового сообщества. Человеческая идентичность, заключающая в себе то общее и отли-

чительное, что делает того или иного индивида самим собой и определяет его отношение к другим людям, не покидала область интереса ученых и интеллектуалов с момента зарождения рефлексии о человеке и его сущности. Однако следует признать, что в последние десятилетия проблема идентичности приобрела особое звучание за счет процессов, сопутствующих становлению общества «поздней современности». Одним из таких процессов, безусловно, является глобализация, выступающая общей рамкой всех разнообразных и противоречивых тенденций, которые ощущает на себе культура поздней современности и предлагаемые ею формы идентификации.

Среди характеристик современного общества, которые, на наш взгляд, позволяют охарактеризовать его как общество «поздней современности» и которые важны для исторической идентификации индивидов, можно выделить следующие: развитие информационных технологий и средств коммуникации и, как следствие, информатизация всех сфер общественной жизни, размывающая традиционные рамки жизненного пространства и опыта; экспансия стандартизирующей технической рациональности и пролиферация абстрактных систем, появление «массы» и «анонимного большинства»; массовизация культурного производства; прагматизация всех сфер социальной жизни, превращение «конкуренции в общую форму производящих видов деятельности, и в частности тех, где оказываются нерыночные услуги, и даже социальных отношений за пределами производственной сферы», распространение «логики рынка» на неэкономические виды человеческой деятельности, вызванные глобализацией экономики [1, с. 105].

Социальную идентификацию невозможно представить без определенной формы рефлексии о себе и своих действиях, о связи, существующей между прошлым, настоящим и будущим человека. Эта связь определяет его тождество самому себе и его уникальность, раскрывает, какие отношения человек образует с другими людьми.

Американский социолог Э. Гидденс в своей работе «Последствия современности» указывает на особый характер рефлексивности, отличающий современные общества от традиционных или премодерных.

В до-современных обществах рефлексивный мониторинг действий ведется с оглядкой на традицию. Традиция несет в себе «память предков» и ценнейший опыт прошлого, связанный со специфическим локальным контекстом. Она выступает принципом организации и воспроизводства социальных практик, является основой для самоопределения индивида. Согласно Э. Гидденсу, традиция – «это способ обращения с пространством и временем, который включает любое действие или опыт в непрерывную последовательность прошлого, настоящего и будущего, которые, в свою очередь, структурированы циклическими социальными практиками» [2, с. 154]. Традиция в премодерных обществах является тем знанием, которое обеспечивает единообразие и предсказуемость социальной жизни, а «рефлексивность <...> во многом сводится к повторным толкованиям и разъяснению традиции» [2, с. 155].

В обществе высокой современности рефлексия о человеческой деятельности не опирается на традицию, но «включается в самую основу воспроизводства системы» [2, с. 155]. Социальные практики постоянно исследуются и реформируются на основании полученной о них информации, а эта информация, в свою очередь, проверяется и пересматривается. Таким образом, знания изменяют практики, а общество нуждается в новых знаниях об этих реформированных практиках. Э. Гидденс утверждает, что в современном мире нет абсолютно достоверного знания, сама рефлексия как социальная практика и рациональность как ее основа также оказываются поставлены под сомнение, что влияет на механизмы идентификации. Рефлексивность современности подрывает традиционные основания идентичности и «высвобождает» ее из специфического пространственно-временного контекста. Таким образом, современному индивиду приходится испытывать чувство неуверенности в целостности своей идентичности, связь между его прошлым, настоящим и будущим носит относительный, неустойчивый характер, а социальные взаимодействия оказываются связаны с рисками, вызванными непредсказуемостью их последствий.

Социальные науки, которые представляют собой формализованную версию рефлексии и позволяют осуществить критический пересмотр социальных практик, образуют ключевые институты современности. Этот тип экспертного знания лежит в основе абстрактных систем, призванных ликвидировать характерную для поздней современности глобальную неопределенность и связанные с ней риски. Абстрактные экспертные системы социального знания вырабатывают универсализируемые понятия и концептуальные модели, которые оказывают влияние на реальное поведение людей, в частности, на практики идентификации.

Так, например, французский философ М. Фуко удачно отразил формы такого взаимодействия между научным дискурсом и социальными практиками в своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», описав генеалогию «нынешнего научно-судебного единства» [3, с. 31]. В этом исследовании М. Фуко рассматривает становление объектов познания гуманитарных наук в одном ряду с историей практик и институтов уголовного наказания, обозначая контуры единого диспозитива власти и знания. Согласно М. Фуко, знание производит отношения власти, которые, в свою очередь, предполагают выработку определенного типа знания. Это значит, что само понятие идентичности оказывается вплетено в эти отношения, ведь оно является продуктом рефлексивных институтов современности.

Таким образом, в сегодняшнем обществе «поздней современности» абстрактные экспертные системы социального знания, вовлеченные во властные отношения, предлагают различные концептуальные модели идентификации и формы идентичности, которые претендуют на общечеловеческую значимость в условиях глобального мира. Мы видим, как в настоящее время темы гендерной, расовой, исторической и других идентичностей пользуются особенной популярностью не только в академической среде, но и в массовой культуре,

что свидетельствует о расширении экспертной системы идентификации. Идентичность становится предметом профессиональной деятельности не только ученых, но и многих других специалистов, задействованных в производстве знания: журналистов, политиков, маркетологов и т. д.

Экспертные системы социального знания сделали возможной политику идентичности, создав сам объект исследования-экспертизы (идентичность) и корпус знаний о ней, используемых в качестве инструментов властных практик. Британская исследовательница М. Калдор в своей работе «Новые и старые войны» отмечает, что порождением современного глобализирующегося мира стали «новые войны» – особый тип организованного насилия, возникший в последние десятилетия XX века, цели которого лежат в области «политики идентичности». В отличие от войн предшествующих эпох, которые развязывались из-за геополитических интересов или идеологических разногласий, общей чертой современных конфликтов «является способ использования ярлыков в качестве основания для политических притязаний» [4, с. 167]. Под словосочетанием «политика идентичности» М. Калдор понимает «движения, которые мобилизуются вокруг этнической, расовой или религиозной идентичности с тем, чтобы претендовать на государственную власть», однако не стоит забывать, что существует и иной его смысл – консолидация угнетенных социальных групп вокруг сознательно сконструированной идентичности с целью продвижения своих политических интересов [4, с. 167].

Мы увидели, как благодаря глобализации и появлению абстрактных экспертных систем социального знания с их механизмами «высвобождения», идентичность оказывается вовлеченной в процессы производства и потребления, выступает средством и целью ведения политической борьбы.

Современная культура предоставляет индивиду определенную свободу выбора в деле самоопределения. Рефлексивность высокого модерна «высвобождает» субъекта идентификации от локальных контекстов, традиций и «предрассудков», позволяет совершать постоянный критический пересмотр своей идентичности, относить себя к различным социальным общностям на глобальном уровне. Таким образом, идентичность в эпоху поздней современности предстает как «рефлексивный» проект.

Однако у данных процессов есть и «темная» сторона. Выходя на глобальный уровень, уровень массового производства, они все более отдаляются от конкретного индивида с его уникальными экзистенциальными параметрами. По мере расширения абстрактных экспертных систем участие в них пользователя и его возможности в их преобразовании уменьшаются, так как они становятся все более сложными и непрозрачными. Рефлексивные институты современности, основанные на социальном знании, включаясь в политические и экономические отношения, оказывают все большее властное, принуждающее воздействие, а последствия их функционирования становятся все более непредсказуемыми. Внедряясь во все сферы общественного бытия знание приносит вместе с собой «подрывной эффект» рефлексивности.

Действие экспертных систем подобно работе паноптикума, описанного М. Фуко в качестве иллюстрации матрицы дисциплинарной власти. Сама экспертная система располагается на месте центральной башни, а индивиды, вступающие во взаимодействие с ней, – на месте заключенных. Индивиды не знают достоверно принципов действия абстрактной системы, как не могут видеть своего обезличенного надсмотрщика люди в камерах паноптикума, и во избежание рисков предпочитают ей довериться. В свою очередь экспертная система обладает возможностью объективации индивидов, она видит их насквозь, заставляет их действовать по тем правилам, которые она задает, в соответствии со стратегией, которую она предполагает. Чем хуже видно надсмотрщика, чем выше риски и неопределенность, связанные с непредсказуемостью тотально рефлексивной современности, тем сильнее властное воздействие экспертных систем.

Таким образом, в условиях «поздней современности» рефлексивный проект идентичности может быть лишен той творческой свободы самоопределения, о которой говорилось ранее. Модели идентификации, предлагаемые современной культурой, могут оказаться частью властной стратегии, узкими стандартами и костными идеологемами, которые слишком тесны для отдельного индивида с его уникальной историей. Поэтому следует внимательнее рассмотреть формы исторической идентификации, тактики, которые субъект проводит как бы в обход властной стратегии, способы, какими он «играет» с порядком, находясь внутри его.

Французский философ М. де Серто, определяет стратегию как «подсчет соотношений сил, который становится возможным с того момента, когда субъект, обладающий волей и властью, может быть вычленен из “окружающих условий”» [5, с. 50]. Экспертная система социального знания «высвобождает» субъекта идентификации из «окружающих условий», делая возможной стратегию, утверждающую «место, которое может быть очерчено как собственное и тем самым может стать основой управления этими отношениями, возникающими с отличным от него внешним пространством» [5, с. 50]. Так институты современности создают свое собственное «глобальное» пространство, в котором действуют специфические отношения власти и знания. Стратегия стремится опровергнуть собственную историчность, стать безличным универсальным принципом, оправдав производимое ей символическое насилие.

Субъект сопротивляется стратегиям с помощью тактик, которые не имеют собственного места, но зависят от времени. Речь идет о неоднородном времени, которое не есть просто вместилище исторических фактов и «собственных» мест – его сущность «в том, чтобы реализовывать себя, а не в том, чтобы быть конституированным» [6, с. 214]. Оно таит в себе возможности изменения соотношения сил, выгодный момент, подлинное историческое событие. Таким «анти-музеем», который «нельзя локализовать», вложить в пространственную схему стратегии выступает память [5, с. 208]. «Нет такого места, которое бы не населяли всевозможные призраки, прячущиеся там в тишине, – призраки, которые удастся “вызвать” или нет. Люди могут жить лишь в местах с привидениями – и это выворачивает схему “Паноптикона” наизнанку» [5, с. 208].

Историческая память – одна из наиболее актуальных и дискуссионных исследовательских проблем в области социогуманитарных наук. На протяжении уже многих десятилетий она привлекает внимание представителей самых разных областей социального знания: истории, философии, психологии, социологии, культурологии, антропологии, музееведения и др. Как пишет российский историк Л. Репина, «историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [7, с. 10].

По ее мнению, в формировании исторической памяти важную роль играют три основных процесса:

- «забвение прошлого» (утрата возможности сохранять и воспроизводить ранее запомненную информацию);
- различные интерпретации событий и фактов;
- актуализация прошлого в связи с современными проблемами [8, с. 11–19].

Особый интерес здесь представляет такое понятие, как «забвение прошлого», или, как его часто называют, «историческое забвение». На наш взгляд, нельзя не согласиться с утверждением, согласно которому историю и память так или иначе сопровождает забвение: ведь человеческая память, равно как и память целого общества, не имеет способности хранить исключительно точную информацию обо всем, что встречается человеку в течение жизни. Какие-то моменты он помнит ярко, какие-то забывает, преднамеренно или непреднамеренно. То же самое верно и для исторической памяти общества: одни события становятся ее содержанием, другие – нет. Со временем, в силу самых разнообразных причин, существующая память о прошлом может видоизменяться, иногда полностью стираться. Историческое забвение – это явление утраты обществом и людьми исторической памяти о своем прошлом.

Феномен забвения, как и феномен исторической памяти, наиболее ярко проявляет себя в переломные моменты жизни целых обществ, народов, государств или цивилизаций, когда происходит смена идеологии, религии, общественного строя, культурных парадигм, что влечет за собой уничтожение одних ценностей и создание новых. Н. А. Кочеляева пишет о том, что «тема памяти в культуре неизменно сопряжена с темой забвения, сопровождающей всякое практическое действие, направленное на увековечение образов событий, людей и т. д. Процесс создания одних культурных ценностей всегда неотделим от процесса разрушения других, и в этом смысле ценность намеренного уничтожения обладает особыми смыслами и значениями» [9, с. 59]. Многие исследователи-философы сходятся во мнении, что человек способен помнить, потому что способен забывать.

Немецкий мыслитель Ф. Ницше в «Несвоевременных размышлениях: “О пользе и вреде истории для жизни”» упоминал, что для здоровья челове-

ка, народа и культуры одинаково важны как историческое, так и неисторическое [10, с. 164], под последним он подразумевал именно способность к забвению, желание человека дистанцироваться от прошлого, жить настоящим, чтобы реализовывать свой творческий потенциал. С точки зрения Ф. Ницше, тот, кто увлекается прошлым, неспособен жить настоящим, а изучение истории ведет к утрате человеком способности ее творить. Однако, как указывает Ю. Сафронова [11, с. 152], отрицательные взгляды Ф. Ницше на историю не были чем-то из ряда вон выходящим: в его время к излишней памятьливости относились как к болезни и не поощряли ее, потому что считалось, что помнить все почти так же плохо, как не помнить ничего. В психологии и психиатрии того времени также не видели в хорошей памяти ничего позитивного и занимались поиском средств, которые помогали бы пациентам забывать.

Смена взглядов на проблематику исторического забвения произошла в XX веке. Австрийский философ Р. Бургер в книге «Малая история прошлого» соотносит этот момент с окончанием Второй мировой войны [12]. Забвение, он полагает, выступает основой существования человечества, а долг помнить о страшных, бесчеловечных событиях – преступление. В результате в обществе и в социальных науках был порожден конфликт – разгорелась борьба памяти против забвения. С одной стороны, память – хранительница социально-исторической идентичности и каждый индивид несет ответственность как за нее, так и за свою роль в исторических событиях, а забвение – область ее потери; с другой стороны – не может ли слишком хорошая память нести еще более разрушительный посыл?

По мнению французского исследователя П. Рикера, забвение в «обычном режиме», если можно так выразиться, трудно поддается исследованию, поэтому исследовательскими объектами должны стать «искаженные формы забвения» [13, с. 619]. Забвение памяти имеет двойственную натуру, связанную с целенаправленным формированием «удобного» нарратива: он часто применяется различными социальными акторами (часто властными структурами) и одновременно необходим для конструирования удобной картины мира, направленной на избегание плохого, на устранение травмы, вреда. Историческому забвению чаще всего подвергаются тяжелые, травмирующие исторические события, связанные с чувствами страха, тревоги, горечи, стыда, вины или отвращения, а также приносящие значительный ущерб социально-политическому, культурно-историческому благосостоянию общества и идентификации его членов. В связи с этим в исследованиях исторического забвения, как и в исследованиях травмы, всегда присутствует сильный этический компонент.

Существуют различные типы исторического забвения. Английский социолог П. Коннертон выделял семь типов, три из которых можно считать практиками позитивного забвения, а оставшиеся четыре – негативного:

- предписанное забвение (официально утверждается государственными структурами во имя соблюдения интересов всех заинтересованных сторон, чтобы не допустить разрастания конфликта до бесконечности);

- учредительное забвение (способствует формированию новой идентичности посредством создания новых поведенческих паттернов, которые, в свою очередь, определяются нарративами исторической памяти; в результате некоторые старые нарративы переходят в латентное состояние, а новая память формируется на основе не только общих воспоминаний, но и общих умолчаний);

- аннулирование (в результате пресыщения информацией возникает необходимость отсеять ненужную информацию);

- репрессивное уничтожение (развенчание и забывание объектов прошлого, характерно для тоталитарных режимов);

- запланированное устаревание (характерно для капиталистических систем, предполагает вывод из потребления старого товара и замену его новым, более лучшим, более совершенным продуктом);

- молчание унижения и стыда (замалчивание исторических фактов, которые относятся к позорным страницам истории);

- амнистия («освобождение» от «плохой» памяти в качестве особой милости, амбивалентный тип исторического забвения с позитивными и негативными моментами) [14].

Свою типологию исторического забвения предлагает Ф. Анкерсмит, выделяющий следующие типы забвения:

- первый тип характеризуется тем, что информация забывается без вреда для идентичности;

- второму присуще забывание важной для индивида или группы информации, при этом значимость ее часто не осознана, иначе она не была бы забыта;

- третий тип соответствует ситуациям, когда память становится слишком болезненной;

- четвертый предполагает обретение новой идентичности через отказ от предыдущего травматического опыта, сопряжен с тяжелыми ощущениями потери, упадка [15, с. 438–442].

Существует также широкий спектр социальных практик (многие из которых носят ярко выраженный политический характер), направленных на вытеснение из рамок общественного дискурса определенных событий и процессов прошлого: замалчивание исторических фактов, уничтожение документальных свидетельств, архивов и памятников истории, разработку и использование новой интерпретации тех или иных исторических событий с последующим распространением ее при помощи доступных средств коммуникации и т. д. В качестве агентов могут выступать самые различные акторы, начиная от отдельного человека и заканчивая целым обществом (или государством). Последствия исторического забвения воспринимаются обществом и социальными науками неоднозначно: с одной стороны, общество таким образом старается залечить пережитый травмирующий опыт, а с другой – лишается возможности уберечь себя от повторения прошлых ошибок и создает почву для возникновения конфликтов в восприятии исторического прошлого.

Следует также разграничивать понятия исторического забвения и исторической амнезии. Историческое забвение – это в большей степени целенаправленный и контролируемый процесс, который способен сосуществовать с исторической памятью. Это достаточно закономерное явление. Амнезия же – это всегда нарушение естественного течения памяти, нарушение ее базовых функций, в отличие от исторического забвения всегда непосредственно связанное с культурно-историческими травмами. Последствия исторической амнезии всегда гораздо более тяжелые, столкнувшиеся с нею общества с большим трудом возвращаются на путь развития (иногда этого не происходит совсем).

В связи с этим интересной представляется оценка понятия исторической памяти, данная немецким историком Й. Рюзеном, с позиций культурно-антропологического подхода. Он объяснял суть процесса изменения коллективного самосознания как результат «кризиса исторической памяти». Кризис исторической памяти, согласно Й. Рюзену, наступает, когда происходит столкновение сформировавшихся общественных представлений о прошлом с опытом, который не укладывается в привычные схемы восприятия исторического прошлого. По критерию глубины и тяжести кризисов, Й. Рюзен выделял такие кризисы:

1. Нормальный кризис – может быть преодолен собственными силами общества без особых изменений в образовании смыслов.

2. Критический кризис – ставит под сомнение возможности общества и человека воспринимать и адекватно интерпретировать прошлый опыт, закрепленный в исторической памяти; следствием данного кризиса выступает изменение внутреннего содержания исторической памяти, основ идентификации и способов сохранения.

3. Катастрофический кризис – разрушение групповой идентичности, обесценивание прежних морально-ценностных ориентиров культуры, невозможность нового смыслообразования, восприятие предыдущего исторического опыта как катастрофического, его замалчивание или фальсификация ведут к пагубным последствиям для социально-исторического развития общества [16, с. 41–42].

Данные рассуждения позволяют говорить о том, что историческая память приобретает особую ценность для трансформирующихся обществ, или же в периоды острых социальных и исторических перемен. Соответственно, для любого общества в достаточно высокой степени важно сохранить внутреннюю устойчивость исторической памяти, чтобы удержать свою национальную и цивилизационную самобытность.

Таким образом, вопрос исторической идентичности и исторической памяти приобретает особенную важность в условиях современного глобализирующегося мира. Рефлексивность, положенная в основу воспроизводства всех социальных институтов современности, связана с отказом от традиции и высвобождением идентичности от локальных контекстов. В то же время процессы идентификации в обществе высокого модерна связаны с опасностью вовлечения в глобальные властные стратегии, которые не всегда предполагают благоприятный для индивида и общества путь развития. Способом противодействия вы-

зовам и проблемам глобального мира может выступать историческая память и связанные с нею практики формирования и поддержания исторической идентичности. Но при этом необходимо учитывать тот факт, что память является весьма противоречивым социальным феноменом, и в силу того, что общества поздней современности довольно часто предпочитают подвергать забвению опасные, неудобные, травмирующие стороны, процессы и явления своей жизни, необходимо стремиться к рациональному регулированию процессов памяти и забвения с целью минимизации рисков для идентичности как отдельного человека, так и всего общества в целом.

Список использованных источников

1. Дардо, П. Неолиберализм и капиталистическая субъективация / П. Дардо, К. Лаваль // Логос. – 2011. – № 1. – С. 103–117.
2. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М. : Издат. и консалтинг. группа «Праксис», 2011. – 352 с.
3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 416 с.
4. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского ; ред. перевода А. Смирнов, В. Софранов. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 416 с.
5. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
6. Наливайко, И. М. Роль повседневных практик в примирении исторических памятей / И. М. Наливайко // Культура примирення: нова історична свідомість в Україні. – Одеса : Фенікс, 2015. – С. 211–221.
7. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 / Л. П. Репина. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
8. Репина, Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – 2-е изд. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
9. Кочеляева, Н. А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества / Н. А. Кочеляева // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллект. моногр. / Нов. ин-т культурологии ; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – М. : Совпадение, 2012. – С. 58–72.
10. Ницше, Ф. В. Несвоевременные размышления: «О пользе и вреде истории для жизни» : Сочинения : в 2 т. / Ф. В. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1 : Литературные памятники. – С. 158–230.
11. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение : учеб. пособие / Ю. А. Сафронова. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. – 220 с.
12. Burger, R. Kleine Geschichte der Vergangenheit. Eine pyrrhonische Skizze der historischen Vernunft / R. Burger. – Österreich : Styria, 2004. – 127 S.
13. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М. : Изд-во гуманитар. лит., 2004. – 728 с.
14. Connerton, P. Seven Types of Forgetting / P. Connerton // Memory Studies. – 2008. – Iss. 1(1). – P. 59–71.
15. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с англ. А. А. Олейников [и др.] ; науч. ред. А. А. Олейников. – М. : Европа, 2007. – 609 с.
16. Рюзен, Й. Кризис, травма и идентичность / Й. Рюзен // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2005. – С. 38–63.

Поступила 18.12.2020 г.

УДК 316.776.32

С. Н. ВОРОНИНА,

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: snevoron@gmail.com*

МЕДИАРЫНОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется состояние рынка медиа в Беларуси. Приводятся такие показатели как: индекс свободы прессы, индекс устойчивости средств массовой информации IREX (MSI). На примере социологических исследований показаны наиболее популярные источники информации у населения Беларуси в целом и в разрезе возрастных групп. Также приводятся данные исследований о соблюдении журналистских стандартов белорусскими медиа.

Ключевые слова: медиа, медиарынок, СМИ, индекс устойчивости средств массовой информации IREX (MSI), популярность источников информации, журналистские стандарты.

S. N. VORONINA,

*Junior Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: snevoron@gmail.com*

THE MEDIA MARKET IN THE REPUBLIC OF BELARUS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article analyzes the state of the media market in Belarus. The following indicators are given which are the press freedom index, the IREX media sustainability index (MSI). The most popular information sources among the population of Belarus in general and by age group are shown on the example of sociological research. Also, research data on compliance with journalistic standards by Belarusian media is provided.

Keywords: media, media market, mass media, the IREX media sustainability index (MSI), the popularity of information sources, journalistic standards.

Современный медиарынок в Республике Беларусь начал формироваться в начале 1990-х гг. Деятельность средств массовой информации в нашей стране регулирует Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 года (с изменениями и дополнениями от 17 июля 2018 года). В нем прописаны основные принципы деятельности СМИ, недопустимость цензуры, монополизации СМИ. Также прописаны порядок регистрации, распространения, финансирования СМИ. В Законе отражена недопустимость незаконного ограничения свободы массовой информации [1].

В Конституции Республики Беларусь закреплены гарантии свободы выражения мнения и получения, хранения и распространения информации, а также запрещена цензура. Но вместе с тем Беларусь остается «несвободной» страной

в рейтинге «Свобода в мире» организации Freedom House. Так, в 2019 г. Беларусь находилась на 153 месте в мире из 180 стран по уровню свободы прессы [2].

Еще одним важным показателем состояния СМИ в стране является индекс устойчивости средств массовой информации IREX (MSI). Он обеспечивает углубленный анализ условий для независимых средств массовой информации в 80 странах мира. В Беларуси наблюдалось снижение общего балла с 1,61 в 2018 г. до 1,46 в 2019 г.. Участники дискуссионной группы MSI объяснили это снижение усилением правительственного давления на журналистов и средства массовой информации, а также изменениями в законе «О средствах массовой информации», которые, как ожидается, еще больше ограничат свободу выражения мнений [2].

По состоянию на 1 октября 2020 г. зарегистрированы в Государственном реестре средств массовой информации 1629 печатных СМИ, 261 электронное СМИ, 9 информационных агентств, 30 сетевых изданий (табл. 1) [3].

Таблица 1. Количество зарегистрированных СМИ в Республике Беларусь по состоянию на 1 октября 2020 года

Виды	Всего	Государственные	Негосударственные
Печатные СМИ			
Газеты	722	214	508
Журналы	866	213	653
Бюллетени	31	11	20
Каталоги	8	—	8
Альманахи	2	—	2
<i>Всего</i>	1629	438	1191
Электронные СМИ			
Радиoproграммы	163	136	27
Телепрограммы	98	44	54
<i>Всего</i>	261	180	81
Информационные агентства			
<i>Всего</i>	9	2	7
Сетевые издания			
<i>Всего</i>	30	23	7

Важным компонентом для оценки состояния СМИ является такой показатель, как соблюдение журналистских стандартов. В нашей стране такой мониторинг ежемесячно проводится в рамках проекта «Media IQ» организацией «Пресс-клуб Беларусь». В данном мониторинге анализируются шесть национальных СМИ и четыре телеканала: Tut.by, Naviny.by, Euroradio, «Наша Ніва», «СБ. Беларусь сегодня», «Спутник Беларусь», ОНТ, СТБ, «Беларусь 1» и «Белсат TV» на предмет соблюдения ими пяти стандартов (достоверность, точность, отделение мнений от фактов, баланс мнений, полнота информации) и наличия признаков пропаганды и манипуляций.

Самый высокий средний балл по соблюдению стандартов в августе у Naviny.by – 4,99 и TUT.BY (4,99). Необходимо отметить, что максимальный балл – 5 [4].

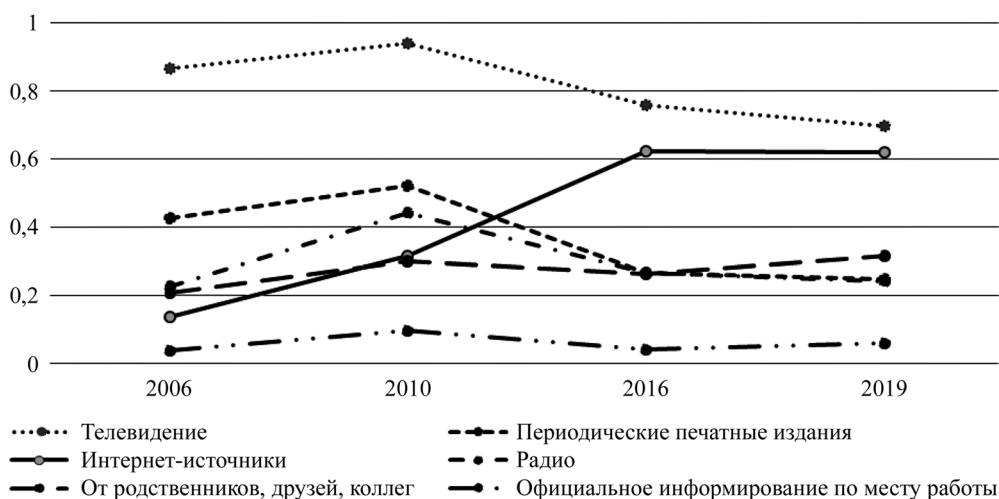
В топ-5 вошли: Euroradio (4,98), «Наша Ніва» (4,96), «Спутник Беларусь» (4,88), «Белсат TV» (4,62). Самый низкий балл – у «Беларусь 1» (3,05) и ОНТ (2,93).

Для полной картины о медиарынке необходимо рассмотреть популярность источников информации.

Важно отметить, что популярность источников информации у населения Беларуси менялась с течением времени. Так, начиная с 2010 года очень резко падает популярность телевидения, но вместе с тем возрастает популярность интернет-источников (рисунок) [5, с. 101].

Популярность источников информации зависит от возраста потребителей контента. Это подтверждают и результаты исследования, опубликованного в «Global Voices». Авторы (Джон О’Лафлин, Жерар Тоал, Кристин Бакке) приводят результаты исследования, проведенного в январе 2020 г. в Беларуси. Данное исследование является частью большого проекта, который изучает геополитические ориентации людей в странах и территориях на границах с Россией. В рамках этого исследования изучался и вопрос источников информации населения Беларуси. Был проведен республиканский репрезентативный опрос (1209 респондентов). Согласно полученным данным, преобладающим источником информации у возрастной группы 18–30 лет является Интернет (60 %), у возрастной группы 31–45 лет также главным источником информации является Интернет (50 %), у возрастной группы 46–60 – телевидение (67,5 %), старше 60 лет – телевидение (80 %) [7].

Для дальнейшего анализа медиарынка рассмотрим какие сайты являются наиболее популярными у населения Беларуси.

Источники получения информации у населения Республики Беларусь
в период с 2006 по 2019 гг.

По данным компании по анализу web-трафика Alexa Internet, наиболее популярными сайтами в Беларуси являются: Google.com, Youtube.com, Vk.com, Tut.by, Yandex.by. Согласно этим результатам, самым популярным новостным ресурсом в Республике Беларусь является Tut.by. Также по данным этой компании, средняя продолжительность нахождения на сайте составляет – 10,52 мин, большее время только у Youtube.com – 16,32 мин (данные предоставлены за июль–сентябрь 2020) [8].

Рассмотрим наиболее популярные новостные сайты в Беларуси. Baltic Internet Policy Initiative по данным gemiusAudience приводит наиболее популярные новостные сайты Республики Беларусь (по состоянию на январь 2020 года): 1) tut.by; 2) naviny.by; 3) kp.by; 4) belta.by; 5) belsat.eu; 6) citydog.by; 7) obozrevatel.com; 8) mail.ru (новости); 9) the-village.me; 10) aif.by [2].

Для дальнейшего анализа были отобраны топ-5 сайтов из рейтинга: tut.by, naviny.by, kp.by, belta.by, belsat.eu. С помощью сервиса SimilarWeb были получены следующие данные (табл. 2, 3, 4)¹.

Таблица 2. Данные, полученные с помощью сервиса SimilarWeb для сайтов tut.by и naviny.by

Показатели	tut.by	naviny.by
Количество посещений (в месяц)	99 300 000	712 068
Глобальный рейтинг	393	5 962
Рейтинг в Республике Беларусь	5	324
Средняя продолжительность визита (мин)	6,35	2,17
Трафик по странам (%)	79,18 – Беларусь; 8,66 – Россия; 2,46 – США; 1,84 – Украина; 1,44 – Германия.	41,19 – Беларусь; 14,57 – Россия; 9,62 – Германия; 7,22 – Литва; 6,04 – США.
Медийная реклама (% от трафика)	0,03 %	отсутствует
Аудитория также посещает сайты	1. lenta.ru; 2. people.onliner.by; 3. onliner.by; 4. ria.ru; 5. rbc.ru.	1. news.tut.by; 2. tut.by; 3. belaruspartisan.by; 4. charter97.org; 5. belta.by

При анализе новостных сайтов tut.by и naviny.by были выявлены следующие особенности: показатели tut.by значительно выше показателей naviny.by. К примеру, количество посещений у tut.by за сентябрь составляет – 99 300 000, а у naviny.by – 712 068. Рейтинг по Республике Беларусь у tut.by – 5 место, у naviny.by – 324 позиция. Схожая ситуация и с другими показателями (табл. 1). Это при том, что naviny.by находятся на второй позиции рейтинга новостных сайтов. Данные результаты свидетельствуют, что tut.by является несомненным лидером новостного рынка Беларуси.

¹ Таблицы 2–4 – собственная разработка автора на основе данных сервиса SimilarWeb.

В период с апреля по сентябрь 2020 г. пик посещаемости у портала naviny.by приходился на апрель (17 074 025) [9]. Как мы видим, к сентябрю количество посещений значительно сократилось. Пик посещаемости в апреле мог быть вызван темой коронавируса. Из-за нехватки достоверной информации по данной тематике, возрос спрос на информационные ресурсы.

Пик посещаемости у портала tut.by приходится на 9 августа 2020 года (за период апрель–сентябрь 2020 г.) – 125 500 000 [9]. Данный факт может быть связан с прошедшими 9 августа выборами Президента Республики Беларусь.

Важно отметить, что аудитория портала naviny.by, помимо этого портала чаще всего посещает портал tut.by. А аудитория портала tut.by чаще всего посещает новостной сайт lenta.ru (табл. 2).

За анализируемый период (апрель–сентябрь 2020) пик посещаемости (табл. 3) у сайта kp.by приходится на апрель (11 457 947) и август (9 695 200), что также может быть связано с освещением первой волны коронавируса и избирательной кампании в Республике Беларусь [8]. У новостного ресурса belta.by наблюдалось небольшое увеличение количества посещений также в апреле (7 192 009) и в августе (6 759 058) [8]. В остальное время анализируемого периода (апрель–сентябрь 2020 года) количество посещений распределялось равномерно.

Важным моментом при анализе новостных сайтов kp.by и belta.by является то, что их аудитория чаще всего посещает новостной раздел портала tut.by (news.tut.by), что еще раз подтверждает его безоговорочное лидерство.

У сайта belsat.eu также наблюдался рост количества посещений в апреле (3 350 000) и августе (3 650 000) [9].

Важно отметить, что в августе 2020 г. по решению Министерства информации Республики Беларусь доступ к сайту belsat.eu был ограничен на территории

Таблица 3. Данные, полученные с помощью сервиса SimilarWeb для сайтов kp.by, belta.by по состоянию на сентябрь 2020 г.

Показатели	kp.by	belta.by
Количество посещений (в месяц)	7 545 726	4 927 518
Глобальный рейтинг	15 667	16 590
Рейтинг в Республике Беларусь	74	114
Средняя продолжительность визита (мин)	7,55	4,93
Трафик по странам (%)	78,16 – Беларусь; 16,65 – Россия; 1,38 – Украина; 0,47 – США; 0,39 – Латвия.	46,94 – Беларусь; 32,45 – Россия; 8,13 – Украина; 1,66 – США; 1,52 – Германия.
Медийная реклама (% от трафика)	0,07 %	отсутствует
Аудитория также посещает сайты	1. news.tut.by; 2. kyky.org; 3. telegraf.by; 4. gazetaby.com; 5. euroradio.fm.	1. news.tut.by; 2. talks.by; 3. tut.by; 4. newsbel.by; 5. the-village.me.

Таблица 4. Данные, полученные с помощью сервиса SimilarWeb для сайта belsat.eu по состоянию на сентябрь 2020 г.

Показатели	belsat.eu
Количество посещений (в месяц)	1 250 000
Глобальный рейтинг	44 491
Рейтинг в Польше	2835
Средняя продолжительность визита (мин)	1,26
Трафик по странам (%)	32,48 – Польша; 26,76 – Беларусь; 9,39 – Россия; 7,67 – Германия; 5,06 – Украина.
Медийная реклама (% от трафика)	отсутствует
Аудитория также посещает сайты	1. news.tut.by; 2. tut.by; 3. svaboda.org; 4. charter97.org; 5. europaradio.fm.

Беларуси. В связи с этим количество посещений в сентябре резко сократилось и составило – 1 250 000 посещений (табл. 4) [9].

По результатам анализа можно выделить следующие положения, характеризующие состояние медиарынка в Республике Беларусь:

- наблюдается значительный рост интернет-аудитории новостных медиа и диверсификация каналов распространения контента;
- появляются и развиваются новые медийные проекты, включая локальные и региональные, которые тесно связаны со своей аудиторией;
- значительно возросла роль телеграм-каналов как источников получения информации. Важно, что крупнейший (самый крупный русскоязычный) белорусский телеграм-канал в октябре 2020 г. был признан экстремистским;
- было заблокировано более 70 информационно-новостных сайтов в период с августа по октябрь 2020 г. Крупнейший новостной портал Tut.by был лишен статуса СМИ до 31 декабря 2020 года;
- популярность источников информации менялась с течением времени и зависит от возрастной группы потребителя контента: с 2010 г. падает популярность телевидения и возрастает роль Интернета как источника информации. У возрастной группы 18–30 лет и 31–45 лет ведущая роль в получении информации принадлежит Интернету. Возрастные группы 46–60 лет и старше отдают предпочтение телевидению.

Для развития медиарынка в Республике Беларусь необходимо:

1. Четкое соблюдение законов средствами массовой информации и государством.
2. Соблюдение журналистских стандартов средствами массовой информации.
3. Повышение уровня медиаграмотности населения.

Список использованных источников

1. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427>. – Дата доступа: 29.09.2020
2. Медиа в Беларуси 2020. Рынок, законы и информационная безопасность. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Белорусская ассоциация журналистов. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://baj.by/be/analytics/doklad-media-v-belarusi-2020-est-tendencii-usileniya-gosudarstvennogo-kontrolya-nad>. – Дата доступа: 18.10.2020.
3. Министерство информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/activities/statisticheskiy/>. – Дата доступа: 14.10.2020.
4. Мониторинг MediaIQ. Как национальные СМИ нарушали стандарты в августе [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://mediaiq.by/article/voyska-nato-podogrevayut-protestnye-nastroeniya-v-obshchestve-kak-nacionalnye-smi-narushali>. – Дата доступа: 20.10.2020.
5. Кармызова, Д. Д. Возрастные особенности использования интернет-ресурсов для коммуникации / Д. Д. Кармызова // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 нояб. 2019 г. / ред. кол. : Коршунов Г. П. (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : СтройМедиаПроект, 2019. – С. 100–102.
6. Рэпрэсіі супраць журналістаў у 2020 годзе (табліца, спіс арыштаваных) [Электронный ресурс] / ОО Белорусская ассоциация журналистов – 2020. – Режим доступа: <https://baj.by/be/analytics/represii-suprac-zhurnalistau-u-2020-godze-tablica-spis-aryshtavanyh>. – Дата доступа: 18.10.2020.
7. Is Belarus in the midst of a generational upheaval? [Электронный ресурс]. // GlobalVoices. – 2020. – Режим доступа: <https://globalvoices.org/2020/09/17/is-belarus-in-the-midst-of-a-generational-upheaval/#>. – Дата доступа: 19.10.2020.
8. Alexa Internet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alexa.com/topsites>. – Дата доступа: 16.10.2020.
9. SimilarWeb [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.similarweb.com. – Дата доступа: 16.10.2020.

Поступила 02.11.2020 г.

А. К. ЛЕШКЕВИЧ,

*аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: focus.aleksandr@yandex.by*

ПОНЯТИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В статье рассматриваются подходы к формированию категориального аппарата социологии религии. Показано, что вариативность определения основных понятий социологии религии, таких как «религиозность», «религия», может приводить к трудностям при проведении социологических исследований. В статье выявлена проблема связи трансформации понятия «религиозность» и трансформации проявления религиозности в обществе. Обозначается актуальность и необходимость проведения социологических исследований религиозности внутри отдельных крупных религиозных организаций.

Ключевые слова: религия, социология религии, религиозность, трансформация религиозности, проявление религиозности, религиозные организации.

A. K. LESHKEVICH,

*Postgraduate Student, Belarusian State University, Minsk,
e-mail: focus.aleksandr@yandex.by*

THE CONCEPT OF RELIGIOSITY IN SOCIOLOGICAL RESEARCH

The article discusses the complexity of defining the sociology of religion's categorical-conceptual apparatus. It is shown that the definition variability of the basic concepts of the sociology of religion, such as «religiosity», «religion», can lead to difficulties in conducting sociological research. The problem of connection between the transformation of the concept of «religiosity» and the transformation of the manifestation of religiosity in society has been revealed. The article also indicates the relevance and necessity of conducting sociological studies about religiosity within individual large religious organizations.

Keywords: religion, sociology of religion, religiosity, religiosity transformation, manifestation of religiosity, religious organizations.

В настоящее время сложно представить себе современное социологическое исследование, которое исключало бы работу с понятийным аппаратом при формировании программы исследования. Чаще всего работа ученого предполагает уточнение отдельных понятий, их конкретизацию, реже – определение новых или переопределение старых составляющих используемого категориально-понятийного аппарата. Главной причиной, обуславливающей необходимость проведения такой работы, является непрерывное развитие общества. Если мы говорим о проведении социологического исследования религиозности

современного общества, то уже само слово «современный» указывает на уникальность данного общества по отношению к тому, которое было несколько лет назад. Как результат, исследуя религиозность современного общества, мы будем говорить о современных формах ее проявления. В рамках данной статьи автор проведет анализ формирования понятия «религиозность» с целью определения наиболее подходящего его значения для использования в социологических исследованиях.

Условия проведения социологического исследования во многом определяют терминологические особенности используемых понятий. В первую очередь речь идет об уникальности конкретной социальной группы и социальной среды, в которой находится исследователь. Так, белорусский социолог Д. К. Безнюк отмечает, что современная ситуация, в которой находится социолог, пытающийся диагностировать религиозность или особенности веры, отличается мультифакторностью и наличием нескольких важных фоновых характеристик, таких как экономический кризис, трансформация религиозного поля, цифровизация и эпидемиологическая ситуация [1, с. 125]. Современная философия и методология науки предполагают максимально возможное использование формализации понятийного аппарата или же максимально возможную конкретизацию категориально-понятийного аппарата при проведении социологических исследований. Такой подход позволяет избегать неточностей и неопределенностей. Однако стоит отметить, что вариативность используемых понятий в социологических исследованиях не только не запрещена, но и предполагается изначально, поэтому многие авторы считают необходимым определять или переопределять такие понятия, как религиозность, религия, вера и т. д. Безусловно, такой подход позволяет другим ученым более правильно и глубоко понимать как исследователей, так и результаты исследования. И если в начале 2000-х гг. исследователи позволяли себе говорить о религиозности общества не определяя ее, то в настоящее время социологи все чаще и чаще переопределяют используемые понятия. Так, например, в публикации Ю. Ю. Синелиной [2, с. 89], посвященной определению критериев религиозности населения, сам термин «религиозность» никак не определяется. Однако в публикациях, монографиях и исследованиях белорусских ученых с начала 2010-х термин «религиозность» определяется все чаще и чаще. Примером может служить публикация ученых С. Г. Карасевой, Е. В. Шкуровой и С. И. Шатравского [3, с. 56], посвященная изучению религиозности современных белорусов путем выявления основных типов их религиозных позиций.

Кроме обозначенной тенденции на определение и переопределение используемых в социологии религии терминов, необходимо говорить о научном поле исследователя. Здесь речь идет не о поле интересов ученого. Мы говорим о принадлежности социологической школы, в рамках которой проводится исследование. Это возможно, когда, например, исследовательский институт сформирован внутри организации и осуществляет свою деятельность на деньги этой организации. Очевидно, что направленность деятельности и научных интере-

сов организации определяет не только проводимые исследования, их цели и т. д., но и особенности позиционирования результатов исследования в академическом сообществе. На примере социологии религии мы можем говорить о внутриконфессиональной или теологической социологии религии. Представителем данного направления в Республике Беларусь можно назвать ученого В. А. Мартиновича, работа которого осуществляется в рамках образовательного учреждения Белорусской православной церкви – Минской духовной академии. Интерес к научному измерению религиозности общества, в котором существует православная церковь, является естественным для указанной религиозной организации, что накладывает свой отпечаток на деятельность ученого. В его трудах используется термин «нетрадиционная религиозность» [4, с. 85], который инструментально предназначен для определения всего многообразия форм религиозности, находящихся за пределами традиционных религий для общества. Таким образом, можно заключить, что использование вариативности в определении понятия «религиозность» учеными-социологами является естественной потребностью научного сообщества. Это выражается в инструментальной направленности используемых понятий, поэтому сегодня вполне актуальным является разговор о способах и подходах к формированию используемых терминов и понятий в социологическом научном сообществе.

В настоящее время по всему миру проводится большое количество социологических исследований, которые так или иначе затрагивают вопросы религиозности общества. Однако стоит отметить, что чаще всего в рамках своих программ ученые изучают влияние религии на поведение индивида или социальной группы, степень вовлеченности в деятельность религиозной организации, принадлежность к той или иной религиозной организации и большое многообразие других форм проявления религиозности индивида или социальной группы. Это вызывает необходимость формулирования простых эмпирических индикаторов, позволяющих однозначно и понятно определить, например, степень согласия респондента с предложенным ему утверждением. Вместе с тем за теоретическим обоснованием исследования того или иного проявления религиозности индивидом или социальной группой стоит сложность использования и интерпретаций одного и того же понятия или смысловой конструкции разными религиозными организациями. И если внутри религиозной организации для индивида было строго оговорено, что значит, например, принадлежать к данной религиозной организации, то это окажет свое влияние на его позицию по вопросу принадлежности или непринадлежности к обозначенной религиозной организации. Так, исследователь и респондент будут по-разному определять критерии принадлежности к организации. Социологическое изучение проявления религиозности индивидом позволяет зафиксировать степень влияния религиозной организации на формирование норм социального поведения данного индивида или степень влияния на формирование ценностных ориентаций и установок определенной социальной группы. Благодаря таким исследованиям может возникнуть ситуация, в которой государство может пре-

достеречь от межконфессионального конфликта, нарастающего, например, в силу естественной миграции населения.

Отдельного внимания требует вопрос трансформации эмпирических индикаторов религиозности. Данная трансформация может иметь множество причин: от социокультурных феноменов до катастроф и пандемий. Так, например, в настоящее время уже сложно говорить о степени религиозности человека исходя из количества времени, проведенного им в культовом здании. Причины трансформации способов проявления религиозности – отдельная тема для исследования, однако в рамках данной статьи обозначим два основных вопроса:

1. Происходит ли трансформация религиозности общества с течением времени?

2. Может ли трансформация религиозности быть причиной трансформации способов проявления религиозности?

Ответ на первый вопрос очевиден – религиозность изменяется вместе с самим обществом, так как она является его составляющей. Однако отметим, что внутриконфессиональная социология религии может утверждать обратное, рассматривая религиозность как неизменяемую составляющую религии. Если говорить о связи трансформации религиозности и способов проявления религиозности, то здесь связь неочевидна, поэтому правильно будет сказать, что необязательно следствием трансформации религиозности будет являться трансформация способов проявления религиозности.

Сложность определения понятия «религиозность» и неочевидность связи трансформаций религиозности и способов ее проявления указывают на несколько существенных моментов.

Первый из них – необходимость обсуждения в научном сообществе и исследования понятия «религиозность» и возможной его трансформации. Как было представлено выше, очевидно отсутствие постоянной связи трансформации религиозности и способов ее проявления. Как результат, мы можем говорить о возможном самостоятельном развитии (усложнении, трансформации, изменении и т. д.) понятия «религиозность». Главной причиной этого будет выступать постоянное развитие общества, что приводит к инструментальному использованию этого понятия. Но если вовсе оставить обсуждение данного вопроса, то мы получим две потенциальные проблемы в будущем: несистематизированность и вариативность понятийного аппарата социологии религии, а также манипуляторное использование понятия «религиозность» в различных социальных сферах.

Вторым важным моментом, связанным со сложностью определения понятия «религиозность» и одновременной неочевидностью связи трансформаций религиозности и способов ее проявления, будет необходимость проведения социологических исследований внутри отдельных религиозных организаций. Здесь мы получаем несколько преимуществ. Первое – это разрешение проблемы теоретического обоснования социологического исследования проявления религиозности в силу преодоления вариативности понятийного аппарата раз-

личных религиозных организаций. Второе – усиление прогностических функций потенциально-проводимых исследований. Проводя исследование среди верующих различных религиозных организаций, ученым сложно (даже теоретически) заранее запланировать прогностический потенциал своего исследования. При таком исследовании в большинстве случаев мы говорим о том, что одна организация оказывает в какой-то социальной сфере более сильное влияние на общество, чем другая. Однако, сложно исследовать перспективы потенциального, например, усиления влияния конкретной религиозной организации на общество.

Вместе с этим в данной статье необходимо отметить и сложность проведения социологических исследований внутри конкретной религиозной организации. Обозначим, что, уходя от проблем определения религиозности и вариативности понятийного аппарата, автор не утверждает, что эта проблема исчезнет полностью. Могут появиться вопросы среди других используемых терминов. Однако отметим, что эти сложности будут носить локальный характер и будут легче разрешаться. Например, среди верующих определенной религиозной организации может возникнуть ситуация, при которой для разных верующих будет различным определение религии в силу разных оснований формирования религиозности.

По мнению автора, основания религиозности, которые ее формируют, всегда требуют отдельного научного внимания. Так, индивид или группа могут определять религию через нормы социального поведения, к которым призывает религиозная организация. В таком случае эмпирическими индикаторами проявления религиозности будут являться характеристики поведения индивида (группы). Это будут нормативно-поведенческие основания религиозности.

Также индивид (группа) может определять религию через культуру общества, с которым он себя ассоциирует. В данном случае эмпирические индикаторы в своем большинстве будут относиться к сфере сознания, и их можно будет зафиксировать в ответах респондентов на определенные вопросы. Это будут культурные основания религиозности.

Еще одним вариантом может быть определение религии через традиции. В таком случае и проявлением религиозности для данной группы людей будет выступать исполнение требуемых традицией действий. Это будут нормативно-традиционные основания религиозности. Возможны и другие основания религиозности, однако автор статьи не ставит перед собой цель сформулировать их полную классификацию. Лишь обозначает, что основания, как и проявление религиозности требуют отдельных исследований и внимания социологии религии.

Возвращаясь к сложности определения понятия «религиозность» необходимо сказать, что в настоящее время также проводятся научные исследования в данном вопросе. Глубокий ретроспективный анализ трансформации понятия религиозность проведен в работе О. А. Ширковой, в которой говорится о необходимости и полезности использования интегральной модели в изуче-

нии религиозности [5, с. 50]. В настоящее время исследователь должен стремиться к конкретизации своих понятий в рамках целей и задач конкретного исследования.

Приведем несколько вариантов определения религиозности и проведем небольшой анализ. В социологическом словаре под редакцией Г. В. Осипова приводится такое определение: «религиозность – качество индивида или группы, проявляющееся в вере и поклонении священному и/или сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений как в религиозных, так и нерелигиозной сферах» [6, с. 389–390].

По мнению Д. М. Угриновича под религиозностью понимается «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных, и демографических групп» [7, с. 127].

Согласно Р. А. Лопаткину, «под религиозностью понимается определенное состояние индивидов и человеческих общностей различного масштаба, отличительной чертой которого является вера в Бога (и сверхъестественное) и поклонение ему, их приверженность к религии и принятие ее вероучения и предписаний» [8, с. 194].

Профессор И. Н. Яблоков предлагает определять религиозность как «качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения, отношений» [9, с. 460].

Группа ученых во главе с С. Г. Карасевой в рамках своего исследования религиозность определяют как вовлеченность (индивида, группы, общества) в религию, оформленную (в той или иной степени выраженности) в религиозную систему и существующую в виде религиозной традиции или религиозного движения [3, с. 56].

Доктор социологии Д. К. Безнюк говорит, что понятием «религиозность» описывается состояние сознания и реального поведения субъекта (личности или группы), продиктованное приверженностью к тому или иному вероучению [10, с. 158–159].

В большинстве случаев при определении религиозности социологи используют такие термины как сознание и поведение индивида или группы. Тем самым возможные эмпирические маркеры религиозности при проведении исследования условно будут разделены на сферу сознания и сферу поведения (отметим, что в определениях нету различия между религиозностью индивида и религиозностью группы). Также можно классифицировать определения религиозности через состояния сознания и поведения индивида (группы) или через воздействие на сознание и поведение религией или религиозной организацией. Данные классификационные отличия будут определять составляющие исследования религиозности. В одном случае мы будем изучать исключительно состояние сознания и поведение индивида или группы, а во втором случае мы будем изучать то, насколько сильно воздействует религиозная организация или религия (в зависимости от целей исследования) на сознание и поведение индивида или группы. В последнем случае мы выходим за пределы группы

респондентов и говорим, что религиозность – это больше чем просто состояние сознания и поведение человека.

Обратим внимание на то, что вера в Бога и поклонение ему или поклонение чему-то священному (сверхъестественному) не является обязательными при определении религиозности. Однако такие определения существуют. Еще одним маркером классификации религиозности, как отмечалось ранее, может являться принадлежность социологической школы или лаборатории религиозной организации. В таком случае мы говорим о внутриконфессиональной или теологической социологии религии. Особенностью таких определений будет направленность деятельности религиозной организации. В таком случае данные определения могут иметь узкую сферу применимости при проведении исследований. По мнению профессора И. Н. Яблокова, «Теологическая социология религии, как мы видели, имеет специфические предпосылки, отличается своеобразным толкованием ряда проблем, практически направлена на изыскание средств усиления влияния религии на общество, социальные группы и индивидов» [11, с. 32–33]. Способы классификации определения религиозности будут зависеть как от содержательного определения религиозности, так и от области применения определения. Говоря о последнем, например, можно выделить теоретические и практические исследования социологии религии.

В завершение автор отметит, что полезность проведения социологических исследований религии высока. Необходимо проводить исследования внутри крупных религиозных организаций не просто с целью идентификации проявления религиозности членами этой организации, а с целью прогнозирования возможного влияния этих организаций на социальную среду, в которой они существуют. А. Н. Данилов, говоря о настоящем времени, отмечает, что сейчас налицо симптомы глубокого мировоззренческого кризиса, что проявляется в недоверии, растерянности, парадоксальности человеческого сознания [12, с. 34]. По мнению автора, именно в такие этапы развития общества возможна высокая степень трансформации религиозности, что говорит об актуальности в настоящее время проведения социологических исследований в рамках социологии религии.

Таким образом, социологическое изучение понятия «религиозность» во многом определяет направленность научных теоретических и практических исследований трансформации религиозности современного общества и степени влияния религиозности на возможные социокультурные изменения. Также трансформация религиозности не обязательно связана с трансформацией способов проявления религиозности индивидом или социальной группой. Кроме того, изучение понятия «религиозность» во многом определяет качество проводимых социологических исследований и их прагматический аспект. Современные социологи должны не только определять понятие «религиозность» инструментально, в рамках конкретных исследований, но также изучать феномен религиозности в рамках современных парадигм социологии религии. В настоящее время наиболее правильным будет являться системный подход

к изучению религиозности. Преимуществом данного подхода будет выступать разностороннее описание проблематики проводимых исследований, что открывает возможность последующего междисциплинарного изучения феномена религиозности.

Список использованных источников

1. *Безнюк, Д. К.* Кризис веры или вера кризиса / Д. К. Безнюк // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2020. – № 2. – С. 124–128.
2. *Синелина, Ю. Ю.* О критериях определения религиозности населения / Ю. Ю. Синелина // Социол. исслед. – 2001. – № 7. – С. 89–96.
3. *Карасева, С. Г.* Исследование религиозности в Беларуси: кроссконфессиональный подход / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 53–58.
4. *Мартинювич, В. А.* Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция / В. А. Мартинювич – Минск: Минская духовная академия, 2015. – 560 с.
5. *Ширко, О. А.* Религиозность как категория изучения / О. А. Ширко // Выш. шк: навук.-метад. і публіц. час. – 2016. – № 2 – С. 49–52.
6. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М. : Норма, 2008. – 608 с.
7. *Угринович, Д. М.* Введение в религиоведение / Д. М. Угринович. – 2-е изд., доп. – М. : Мысль, 1985. – 270 с.
8. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Ф. Г. Овсиенко [и др.] ; под ред. Ф. Г. Овсиенко. – М. : Изд-во РАГС, 1996. – 252 с.
9. *Яблоков, И. Н.* Религиоведение : учеб. пособие и словарь-минимум по религиоведению / И. Н. Яблоков. – М. : Гардарики, 1998. – 536 с.
10. *Безнюк, Д. К.* Социология религии : пособие для студентов, обуч-ся по спец. «Социология» / Д. К. Безнюк. – Минск : БГУ, 2009. – 191 с.
11. *Яблоков, И. Н.* Критика теологической интерпретации предмета и задач социологии религии / И. Н. Яблоков // Методологические проблемы социологии религии. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – С. 19–33.
12. *Данилов А. Н.* Формирование новой матрицы ценностей как условие цивилизационного развития (по работам В. С. Стёпина) / А. Н. Данилов // Социол. альм.. – 2020. – № 11. – С. 28–35.

Поступила 05.02.2021 г.

УДК 316.334:338.48-4/-6:616.98-036.21

К. В. ЛИТВЯКОВА,

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: kiralityakova@gmail.com*

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В статье проанализировано состояние туристического сектора Беларуси до пандемии COVID-19, определен национальный туристический потенциал. Рассмотрены последствия пандемии для мировой и белорусской туристической индустрии. Определена проблематика развития туризма в Беларуси, а также перспективы его развития в период пандемии для поддержания и дальнейшего восстановления сектора.

Ключевые слова: туризм, туристический потенциал, внутренний туризм, внешний туризм, пандемия, туризм в период пандемии.

K. V. LITVYAKOVA,

*Junior Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus,
Minsk, e-mail: kiralityakova@gmail.com*

TOURIST POTENTIAL OF BELARUS DURING THE PANDEMIC PERIOD

The article analyzes the state of the tourism sector in Belarus before the COVID-019 pandemic and identifies the national tourism potential. The consequences of the pandemic for the world and Belarusian tourism industry are considered. The problems of the development of tourism in Belarus and the prospects for its development during a pandemic to maintain and further restore the sector are defined.

Keywords: tourism, tourism potential, domestic tourism, external tourism, pandemic, tourism during the pandemic.

Индустрия туризма оказывает огромное влияние на жизнедеятельность регионов и страны в целом: влияет на экономику, способствует развитию инфраструктуры, обеспечивает рабочие места и повышает территориальный имидж на мировой арене. Наличие туристического потенциала территории – это необходимое условие для развития туризма. В этой связи роль и значение социологии возрастает, поскольку ее возможности в выявлении содержательных характеристик туристического потенциала достаточно велики. Под туристическим потенциалом понимается наличие у региона возможностей для развития индустрии туризма и получения положительного социально-экономического эффекта от ее функционирования. Одним из возможных вариантов анализа

туристического потенциала региона может являться понимание его структуры как системы, включающей в себя: совокупность природных и культурно-исторических ресурсов; социально-экономические и политические факторы, условия и средства для формирования и реализации туристического продукта [1, с. 32].

Необходимо обратить внимание на то, что каждый из этих элементов не может быть доминирующим, поскольку туристический потенциал является комплексной системой (таблица).

Факторы формирования туристического потенциала [сост. по 1, 2]

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ		
Природные ресурсы	Культурно-исторические ресурсы	Социально-экономические ресурсы и политические факторы
1. Климатические 2. Флористические 3. Фаунистические 4. Гидрологические	1. Материальные: памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, документальные памятники. 2. Духовные: совокупность достижений общества в образовании, науке, искусстве, литературе, в организации государственной и общественной жизни, в труде и быте.	1. Трудовые 2. Управленческие 3. Информационные 4. Материальные: • инфраструктура размещения; • инфраструктура питания; • транспортное сообщение; • деятельность организаций культуры, спорта и развлечений. 5. Международное сотрудничество

В Республике Беларусь в последние 10 лет прослеживается тенденция к росту и развитию сектора туризма, что свидетельствует о его высоком потенциале. Если еще 5 лет назад вклад туристической индустрии в ВВП страны составлял 0,5 %, то по итогам 2019 г. этот показатель составил 2,2 %. Въездной туристический поток за 2019 г. – 11 832, 1 тыс. поездок, выездной – 9221,2 тысяч. Для сравнения, в 2016 г. въездной поток составлял 10 935,4 тыс., а выездной – 8 339,6 тыс. поездок [2, с. 6]. Согласно Национальной стратегии развития туризма, вклад туризма в ВВП к 2035 г. составит 3,1 % [5, с. 15], что еще раз подтверждает его значимость как сферы экономики.

Туристический потенциал Беларуси можно оценить по ранее обозначенным показателям: наличие природных, культурно-исторических и социально-экономических ресурсов для развития отрасли. Беларусь имеет выгодное географическое расположение – находится в центре Европы, граничит с Латвией, Российской Федерацией, Литвой, Польшей и Украиной и является важным торговым и транспортным коридором между Европой и странами СНГ.

Несмотря на отсутствие выхода к морю, Беларусь располагает богатыми гидрологическими ресурсами. На ее территории насчитывается более 20 тыс. рек и 10 тыс. озер. Также значительную часть территории занимают болотные массивы, обеспечивающие благоприятные места для охоты и сбора ягод, а также представляющие собой уникальные для всего европейского конти-

нента объекты экологического туризма. Важную роль в белорусском туризме отводится особо охраняемым природным территориям. В стране функционирует Березинский биосферный заповедник, а также 4 национальных парка: Беловежская пуша (включен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО), Браславские озера, «Припятский» и «Нарочанский». В Беларуси создано 99 заказников республиканского значения и 282 – местного [3, с. 14–16]. Республика обладает значительным объемом культурно-исторических ресурсов, интересных с точки зрения привлечения туристов. В частности, в нашей стране находится 3 объекта Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (замковый комплекс «Мир», архитектурно-культурный комплекс бывшей резиденции Радзивиллов в г. Несвиже, Геодезическая Дуга Струве). В качестве кандидатов в предварительный список ЮНЕСКО внесены следующие объекты: Августовский канал, Спасо-Преображенская церковь и Софийский собор в Полоцке, Борисо-Глебская (Коложская) церковь в Гродно, Свято-Никольский женский монастырь в Могилеве; культовые сооружения оборонного типа (костел Святого Иоанна Крестителя в деревне Камаи Поставского района, церковь-крепость Свято-Рождества Богородицы в деревне Мурованка Щучинского района, церковь Святого Михаила в деревне Сыновичи Зельвенского района). К Всемирному нематериальному наследию ЮНЕСКО в Беларуси отнесены обряды «Колядные цари» и «Юрьевский хоровод», а также торжество в честь почитания Иконы Матери Божьей Будславской (Будславский фест) [4]. Отдельно стоит отметить военно-патриотические объекты: мемориальные комплексы «Хатынь», «Дальва» и «Брестская крепость-герой», историко-культурный комплекс «Линия Сталина», монумент Победы в Минске, стела «Минск – город-герой», «Курган Славы» и многое другое.

По состоянию на 2019 г. численность занятых в сфере туризма составила 5,6 % от общей численности занятых в экономике, этот показатель обеспечивают 1 544 организации, занятых в сфере туризма [2, с. 6]. В 2015 г. в Беларуси функционировало 1 364 организации, занимающихся туристической деятельностью. Подготовка кадров для сферы туризма осуществляют 8 учреждений общего среднего образования и 16 учреждений высшего образования (ежегодный выпуск – 260–290 и 1550–1835 специалистов соответственно). В настоящее время в управленческий аппарат Беларуси в сфере туризма входит: Министерство спорта и туризма, ГУ «Национальное агентство по туризму», а также главные управления спорта и туризма облисполкомов и Минского горисполкома, управления образования, спорта и туризма, отделы спорта и туризма районных и городских исполнительных комитетов [5, с. 11–12].

Информирование о Беларуси как о туристическом регионе довольно слабое. Стоит отметить государственные сайты Президента страны и Республики Беларусь, официальный портал Национального агентства по туризму, сайт Республиканского союза туристических организаций, на которых публикуется информация относительно сферы туризма, а также негосударственные интернет-порталы, такие как 34travel.me, traveling.by.

Говоря о туристическом потенциале, необходимо также рассмотреть туристическую инфраструктуру. В Беларуси на 2019 г. туристов принимали более 1000 коллективных средств размещения из числа гостиниц и санаторно-курортных и оздоровительных организаций, а также 2760 агроусадеб. На 2015 г. число агроусадеб составляло 2263 единицы [2, с. 23–24, 29]. В стране на текущий момент функционирует 159 музеев, 29 театров, 2674 клуба, 2 стационарных цирка и 5 зоопарков; 23 326 физкультурно-спортивных объектов, из них 134 стадиона, 52 манежа и 37 сооружений с искусственным льдом [3, с. 62–69].

Несомненным шагом к развитию туризма стала возможность безвизового въезда в Беларусь. Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 8 от 9 января 2017 г. «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 24 июля 2018 г.) для граждан 74 государств установлен безвизовый порядок въезда в Республику Беларусь, выезда из страны в пункте пропуска через Государственную границу Республики Беларусь «Национальный аэропорт Минск» и временного пребывания на территории Беларуси на срок не более 30 суток. Указ Президента Республики Беларусь № 300 от 7 августа 2019 г. «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» разрешает временное пребывание в туристических целях на срок до пятнадцати суток на безвизовой территории «Брест – Гродно» для граждан из 73 государств. Въезд должен быть осуществлен через определенные пропускные пункты Брестской и Гродненской области: автодорожные, железнодорожные и пункты пропуска в аэропортах Бреста и Гродно. Также в Беларуси устанавливаются временные безвизовые режимы под крупные международные события в стране [6].

Важным этапом в развитии въездного и выездного туризма является международное сотрудничество. Беларусь имеет соглашения в области туризма с рядом стран. Динамично развивается взаимодействие с Всемирной туристской организацией (UNWTO), членом которой Беларусь является с 2005 г., что объективно может внести вклад в решение государственных задач по формированию высокоэффективного национального туристического сектора, а также повысить уровень въездного туризма.

В целом мировой и в частности белорусский туризм ежегодно показывает значительный рост. Прогнозы на 2020 г. также имели положительную тенденцию – рост мирового туристического сектора на 3–4 %. Однако в этот период функционирование сферы туризма происходило в нетипичных условиях – в период пандемии, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, которая началась в Китае. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку коронавируса в Китае чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, а 11 марта 2020 г. – пандемией. Вирус оказался довольно контагиозным и быстро распространился как внутри Китая, так и за его пределами. Ряд стран ввел ограничительные и запретительные меры, в том числе прибегли к закрытию государственных границ. Республика Беларусь

не вводила карантинные и ограничительные меры, государственные границы были открыты до ноября 2020 года.

Всемирная туристская организация озвучила, что в апреле туристические поездки по всему миру сократились на 97 %, в марте – на 55 %. В период с января по апрель 2020 г. туристический сектор потерял 195 млрд долл. за счет сокращения поездок на 44 %. Эксперты предполагали снижение мирового турпотока на 58–78 % в зависимости от введенных странами ограничений. В отчете UNWTO, в частности, отмечается, что из-за пандемии COVID-19 число международных туристических поездок в мире сократится на 850 млн – 1,1 млрд, а потери сектора составят 910 млрд долл. – 1,2 трлн долларов. Вследствие этого под угрозой находятся 100 – 120 млн рабочих мест в сфере туризма [7, с. 4].

К июню 2020 г. ситуация с COVID-19 стала стабилизироваться, многие страны преодолели пик первой вирусной волны, уровень заражений пошел на спад. Со спадом заболеваемости стал возобновляться и туризм. Что касается выездного туризма, туристы из Беларуси могли посетить такие страны как Турция, Египет, Черногория, Албания и Тунис. Ряд популярных туристических направлений так и не снял ограничения, что сказалось на туристической отрасли. Вторая волна заболеваемости пришлась на осень 2020 г. Многие страны вновь стали предпринимать ограничительные меры. Беларусь с 1 ноября 2020 г. закрыла наземные границы для зарубежных граждан. При этом доступ в страну для иностранцев через аэропорты Беларуси не закрыт. Есть также исключения из правил по наземному перемещению – они касаются дипломатов, граждан Российской Федерации, следующих транзитом, и других категорий, которые к туризму отношения не имеют [8].

В сложившихся условиях доля въездного и выездного туризма очень мала, основной въездной поток обеспечивали граждане Российской Федерации, однако в «ковидный» период лишь малая часть россиян, предпочитающая отдых в белорусских санаториях, въехала в страну. Экскурсионный въездной туризм фактически встал на паузу, как и деловые поездки. В Республике Беларусь экспорт туристических услуг снизился примерно на 60 % по сравнению с 2019 г. [9]. По состоянию на ноябрь 2020 г. для белорусских туристов доступно ограниченное количество стран, зачастую по приезду необходимо соблюдать десятидневную самоизоляцию.

На текущий момент для поддержания сферы туризма необходимо внимательнее присмотреться к внутреннему туризму и его развитию. Перспективным направлением туризма в Беларуси является агроэкотуризм. Беларусь дважды оказывалась на первой строчке рейтинга лучших стран для агротуризма по версии National Geographic в 2016 и 2018 гг. Количество агроэкоусадеб с 2016 по 2019 г. выросло на 21,1 %, а численность обслуженных туристов – на 70,6 %. Основной контингент отдыхающих – граждане Республики Беларусь (90,1 %). Ввиду успешного функционирования необходимо продолжать совершенствовать и поддерживать данный вид туризма [5, с. 30].

Следующим направлением, пользующимся спросом в период пандемии, стал активный туризм. К данному виду туризма можно отнести пешие походы, в том числе набирающий популярность болотинг (походы по заболоченной местности), сплавы на байдарках, велопоходы, конные походы. Природные ресурсы Беларуси располагают к такому виду туризма. Активный туризм может сочетаться с экологическим. Для меньшего антропогенного воздействия в Беларуси создаются экологические тропы на особо охраняемых природных территориях.

Культурно-познавательный внутренний туризм может стать довольно успешным направлением. В туристические маршруты Беларуси включено более 1440 памятников архитектуры, что составляет 53 % от общего количества памятников, включенных в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. По состоянию на 2019 г. в данный список включено 5580 историко-культурных ценностей, в том числе недвижимых и движимых материальных историко-культурных ценностей – 5352 и 101 соответственно, а также 127 нематериальных проявлений творчества человека. Из них объектами туризма в полном объеме являются 72 объекта, имеющие всемирное и международное значение, 57 % объектов, имеющих национальное значение, и 22 % объектов, имеющих региональное значение [5, с. 9].

Среди въездного туризма пользуется спросом белорусские лечебно-оздоровительные учреждения, которые, как правило, ориентированы на внешний рынок. Однако разработка туристических пакетов выходного дня, расширение пакетов услуг, популяризация данного вида отдыха посредством разработки эффективной маркетинговой стратегии на внутреннем рынке может сказаться на положительной тенденции роста внутреннего туризма.

Одним из перспективных направлений можно считать промышленный туризм. Он может стать не только поддержкой для туристической отрасли, но и дополнительной рекламой продукции местных предприятий, что может поспособствовать ее сбыту и росту организаций. В Беларуси более 120 предприятий промышленности осуществляют организацию приема и обслуживание экскурсионных групп. Необычное и интересное направление промышленного туризма – туристические узкоколейный пути, совмещенные с экскурсиями на предприятиях.

В настоящее время в стране довольно низкие темпы развития внутреннего туризма, невзирая на отсутствие альтернативы. Причинами этого могут быть следующие факторы: недостаточность мер государственной поддержки, небольшое количество туристических организаций, работающих на внутренний туризм, недостаточная развитость инфраструктур при высокой стоимости туристического продукта, недостаточная заинтересованность во внутренних путешествиях.

В условиях пандемии ограничителем туристического потенциала страны может являться снижение объемов финансирования, в частности это приводит к тому, что снижаются возможности по обеспечению эффективной маркетинговой стратегии для создания достаточного уровня информирования о Бела-

руси как о туристическом регионе на мировом рынке, а также о локальных туристических объектах и их потенциале на внутреннем рынке. Несомненным ограничением для роста туристического сектора является недостаточно развитая инфраструктура размещения и аттракций, а также высокая стоимость авиаперелетов.

Таким образом, исходя из национального туристического потенциала, в Беларуси с достаточным успехом могут функционировать и при эффективном содействии активно развиваться следующие виды туризма: культурно-познавательный и религиозный, лечебно-оздоровительный и медицинский, экологический и активный, агротуризм, а также промышленный, образовательный, деловой и событийный виды туризма. Вместе с этим особое внимание необходимо уделять и формированию общественного мнения относительно туристических и рекреационных возможностей Беларуси. К сожалению, в общественном сознании не сформировано устойчивое представление о значимости природных, культурно-исторических и социальных возможностей страны в сфере туризма. В условиях пандемии перенаправление национального туристического потока на внутренний рынок позволит усилить вклад данной отрасли в экономику страны. Помимо этого, имеющийся туристический потенциал при его адекватной реализации позволит повлиять на историческую память, став элементом консолидации общества.

Список использованных источников

1. Святохо, Н. В. Концептуальные основы туристского потенциала региона / Н. В. Святохо // Экономика и управление. – 2007. – № 2. – С. 30–35.
2. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь : буклет / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2020. – 31 с.
3. Туризм в туристические ресурсы в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2019. – 76 с.
4. Всемирное наследие ЮНЕСКО в Беларуси [Электронный ресурс] / Офиц. сайт Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belarus.by/ru/travel/heritage>. – Дата доступа: 20.10.2020.
5. Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс] / Интернет-портал М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.mst.by/uploads/files_news/strateg-1671.pdf. – Дата доступа: 20.10.2020.
6. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/>. – Дата доступа: 20.10.2020.
7. World Tourism Organization (2018) // UNWTO Tourism Highlights [Electronic resource]. – Madrid, 2018. – Mode of access: <https://doi.org/10.18111/9789284419876>. – Date of access: 20.10.2020.
8. Беларусь ограничила въезд. Въездной туризм – все? [Электронный ресурс] / Респ. союз турист. орг. – Режим доступа: <https://www.toursoyuz.by/2020/11/02/belarus-ogranichila-vezd-vezdnoj-turizm-vsyo/>. – Дата доступа: 20.10.2020.
9. 3 ноября 2020 года состоялась пресс-конференция «Внутренний туризм – новые возможности нашей страны. О XVIII Республиканском туристическом конкурсе “Познай Беларусь”» [Электронный ресурс] / Офиц. портал Нац. агентства по туризму. – Режим доступа: <https://www.belarustourism.by/news/3-noyabrya-2020-goda-sostoyalas-press-konferentsiya-vnutrenniy-turizm-novye-vozmozhnosti-nashey-stra/>. – Дата доступа: 20.10.2020.

Поступила 01.12.2020 г.

В. А. МАРТИНОВИЧ,

*доктор теологии, кандидат социологических наук,
Минская духовная академия, г. Минск, e-mail: nrmsect@yandex.ru*

СООТНОШЕНИЕ РЕКЛАМЫ И КРИТИКИ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье представлен анализ соотношения количества статей, рекламирующих и критикующих новые религиозные движения (НРД) в печатных СМИ Беларуси в период с 1988 по 2015 г. На выборке из 1180 статей для 44 НРД показано, что рекламные материалы в 3 раза превышают критические, а высокоструктурированные НРД критикуются активнее, чем остальные типы НРД. Выявлены проблемы, связанные с анализом заявленной темы.

Ключевые слова: новые религиозные движения, реклама, нетрадиционная религиозность, печатные средства массовой информации

V. A. MARTINOVICH

*Doctor of Theology, Candidate of Sociological Sciences,
Minsk Theological Academy, Minsk, e-mail: nrmsect@yandex.ru*

RATIO OF ADVERTISING AND CRITICISM NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN PRINT MEDIA

The article presents an analysis of reports quantity ratio advertising and criticizing new religious movements (NRMs) in the Belarus printed media during the period from 1988 to 2015. A sample consisting of 1,180 articles for 44 NRMs shows that advertising materials are three times surpass critical ones, and highly structured NRMs are criticized more actively than other types of NRMs. The problems related to the analysis of the stated topic are identified.

Keywords: new religious movements, advertising, unconventional religiosity, printed mass media.

Предшествующее исследование соотношения количества рекламируемых и критикуемых новых религиозных движений (далее – НРД) в печатных СМИ Беларуси частично опровергло ранее не проверявшееся предположение ряда авторов о доминировании в прессе критических материалов по НРД (см. труды Д. Хилла и Д. Сэлвея [1, с. 119], М. Хассенфельд [2, с. 22]). На выборке из 696 организаций было показано, что на страницах прессы рекламируется в 4,4 раза больше НРД чем критикуется [3, с. 21]. При этом было выявлено 3 группы НРД: а) только рекламируемые; б) только критикуемые; в) рекламируемые и критикуемые одновременно. Открытым остался вопрос соотношения общего количества статей с рекламой и критикой НРД в рамках всех трех групп. Некоторые ученые высказывают предположения о возможных пропорциях такого соотношения для отдельных НРД из разных стран, но также без соответствующей

эмпирической проверки. Так, Л. Ров и Г. Кавендер отмечают в американской прессе доминирование негативных материалов по сатанизму и позитивных статей по ведьмовству [4]. Х. Бергер и Э. Дуглас полагают, что ведовство является исключением из общего правила негативного освещения конкретных НРД в СМИ: по ведовству печатается намного больше позитивных материалов в СМИ, в то время по остальным НРД доминируют критические материалы [5, с. 503–504]. Фукс пишет об активной рекламе религиозной йоги в немецких СМИ, хотя и не сопоставляет ее с объемами критических публикаций [6, с. 144–146]. В целом точные статистические данные учеными практически не приводятся. По означенной теме высказываются и сами НРД, но также по-разному. Когда необходимо показать свои успехи в работе со СМИ, они говорят о доминировании позитивных материалов в прессе (см., например, позицию Движения объединения по СМИ в Корее [7]). Если же необходимо заявить о преследованиях и притеснениях, говорится о преобладании критических материалов (см. позицию сайентологии по прессе Германии [8]). В настоящей статье предпринимается попытка анализа соотношения количества статей для третьей группы одновременно рекламируемых и критикуемых НРД, а также вычленения основных проблем при изучении означенной темы.

Исследование соотношения рекламы и критики НРД. Генеральная совокупность критических и рекламных материалов по НРД в печатных СМИ неизвестна. Необходимые для исследования материалы прессы неравномерно распределены среди разных типов СМИ, а искомые статьи публикуются в газетах с разным тиражом, форматом, объемом, периодичностью издания, формами собственности и регистрации, политической направленности и т. д. В силу этого *отбор статей для анализа производился методом доступной выборки*. В объем критических материалов включались статьи, посвященные критике конкретных НРД. В процессе исследования не выносились суждения о степени корректности отнесения печатными СМИ тех или иных групп к числу НРД, но лишь фиксировался сам факт такой идентификации, являвшийся основанием для сбора данных по рекламе этих же групп. В объем рекламных материалов включались статьи, содержащие информацию, направленную на привлечение внимания к НРД с целью формирования или поддержания интереса к нему самому, проводимым им мероприятиям, либо разделяемым им религиозным идеям и практикам. Хронологические рамки исследования оставались прежними: 1988–2015 гг. В выборку не включались материалы, которые могли оказать на нее негативное влияние: а) реклама НРД в собственных печатных СМИ; б) реклама и критика НРД в электронных СМИ; в) критика НРД в печатных изданиях религиозных организаций Беларуси (напр., «Церковное слово», «Каталіцкі Веснік» и др.), а также профильных антисектантских изданиях (газета «Личность»).

Анализ статей производился методом стандартизированного опроса текста, технология которого была разработана Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана [9]. Соответствующий

бланк опроса текста включал в себя несколько вопросов. Среди релевантных для данного исследования можно упомянуть: а) какие группы в тексте статьи идентифицируются в качестве НРД, б) присутствует ли в тексте статьи реклама НРД. В то время как в упомянутом выше исследовании рекламы учитывалась только одна рекламная статья для одного НРД, в настоящем случае была предпринята попытка найти максимально большое количество примеров как рекламы, так и критики каждого НРД.

Предшествующее исследование рекламы показало, что из 696 НРД, упоминаемых в любой форме печатными СМИ Республики Беларусь, 522 НРД только рекламируется, 96 – только критикуется и 78 рекламируется и критикуется одновременно. Совокупность из 78 критикуемых и рекламируемых НРД, избранных в качестве основного объекта анализа в настоящей статье, в зависимости от типа критики была разделена на 2 подгруппы. К первой, включающей 44 НРД, были отнесены организации, критике которых посвящена целиком одна и более статей в прессе. 34 НРД из второй группы критикуются в печатных СМИ опосредованно, в рамках статей, посвященных анализу иных НРД или феномена нетрадиционной религиозности в целом (например, в статье на 1 страницу критикуется 10 разных НРД, каждому из которых посвящено 0,1 от общего объема материала). В первом случае прямая критика конкретного НРД является целью статьи и охватывает собой все содержание материала. Во-втором, критика конкретного НРД выступает лишь в качестве одного из множества примеров при описании нетрадиционной религиозности, конфессионального пространства либо далеких от религии тем и вопросов¹. НРД первой группы периодически критикуются также и опосредованно. В результате в подборку вошло 1 180 статей из 76 белорусских газет, представляющих совокупность найденных рекламных и критических материалов для означенной группы из 44 НРД. Данное число статей не исчерпывает собой всю совокупность рекламных и критических материалов означенной группы.

Тип печатного СМИ и характер освещения темы НРД. В рамках исследования не удалось обнаружить существенной взаимосвязи между типом СМИ и наличием в нем материалов только рекламного или только критического характера. Такая взаимосвязь однозначно прослеживается в религиозных изданиях Православной и Католической церкви, а также в специализированных антисектантских изданиях, которые публикуют только критические материалы. Однако эти издания изначально были исключены из настоящего исследования. Во всех остальных случаях все типы печатных СМИ занимаются рекламой и критикой НРД одновременно. Существенные различия между изданиями будут касаться лишь интенсивности обращения к теме НРД в целом: в одних СМИ она освещается редкими вкраплениями рекламных и критических материалов на уровне 2–3 статей за 4–5 лет. Другие затрагивают эту тему

¹ См., например, интервью со следователем прокуратуры, 0,2 части которого посвящены воспоминанию о раскрытии уголовных преступлений одного из белорусских «народных целителей»: Кожух С. Шок – это не по-нашему // СБ. Беларусь сегодня. – 2003. – 29 янв.

в той или иной форме чуть ли не в каждом номере. При этом степень интенсивности таких обращений для одного и того же издания с течением времени может меняться. В рамках исследования были найдены достаточно интересные примеры, когда газета на одной и той же странице публиковала критические материалы против одних НРД, и рекламу других, а иногда тех же самых групп. Так, газета «Знамя Юности» совместила в одном номере критику Центра гармоничного развития¹ и рекламу Авестийской школы астрологии². Газета «Вечерний Минск» поместила в одном и том же номере на одной странице рекламу и критику корейского НРД Дами Сонгехэ³. Газета «Наш край» публиковала в одном номере на одной странице рекламу астрологии⁴ и общую критику сектантства в целом⁵. «Аргументы и факты в Белоруссии» на одной и той же странице печатали рекламу неоиндуистского НРД Искусство жизни⁶ и критику сайентологии⁷. Таким образом, как поочередное, так и одновременное размещение рекламы и критики НРД в одних и тех же печатных СМИ с разными промежутками времени являются нормой освещения ими процессов, протекающих в конфессиональном пространстве страны, а также наиболее распространенным форматом непосредственного участия в них. За рамки настоящего исследования выходит анализ редакционной политики, а также всего множества факторов, влияющих на редакции и журналистов при освещении ими феномена НРД. Сплошное социологическое исследование материалов белорусской прессы могло бы: а) выявить полную картину соотношения рекламных и критических материалов в прессе; б) найти отклонения конкретных изданий в сторону чуть более активной критики либо рекламы разных типов НРД и конкретных групп; в) вскрыть динамику изменений в степени интенсивности обращений конкретных СМИ и белорусской прессы в целом к теме НРД.

Основные результаты исследования. Из 1180 статей выборочной совокупности 902 посвящены рекламе 44 НРД и 278 их же критике. Данный результат свидетельствует о количественном преобладании рекламных материалов над критическими в группе одновременно рекламируемых и критикуемых НРД. По типу структуры и количеству статей 44 НРД распределяются следующим образом (таблица).

Из 44 НРД только 9 критикуется в СМИ чаще, чем рекламируется. На их долю приходится 160 критических статей. Случаи доминирования критики над рекламой являются исключением из общего правила преобладания рекламных материалов. Ввиду этого наибольшего внимания заслуживает не столько реклама НРД, являющаяся *de facto* нормой для СМИ в вопросе освещения проблематики

¹ Сечко Ю. Манная каша... по-сектантски // Знамя Юности. – 1996. – 1 июня. – С. 1.

² Все звезды в гости к нам! // Знамя Юности. – 1996. – 1 июня. – С. 2.

³ Марчук Ф. «О дне и часе том никто не знает...» ; Евангельско-христианская церковь «Дами Сонгехэ» // Вечерний Минск. – 1992. – 23 окт. – С. 1.

⁴ Елагина В. Что нам февраль готовит? // Наш край. – 2000. – 3 февр. – С. 3.

⁵ Кто попадает в секты? // Наш край. – 2000. – 3 февр. – С. 3.

⁶ Жизнь может быть ярче! // Аргументы и факты. – 2005. – № 7. – С. 15.

⁷ Крашаков А. Секты сгоняют крестьян с земли // Аргументы и факты. – 2005. – № 7. – С. 15.

Распределение количества рекламных и критических статей по типу НРД

Тип НРД	Количество групп	Количество статей с рекламой	Количество статей с критикой
Секты и культы	23	541	241
Клиентурные культы	9	228	14
Аудиторные культы	12	133	23
Итого:	44	902	278

нетрадиционной религиозности, сколько случаи отступления от данной нормы в область критики НРД.

По структурным характеристикам все 9 НРД относятся к типу «сект и культов», однако среди чаще рекламируемых НРД присутствует еще 14 групп того же типа. Тем не менее исследование показало однозначное доминирование критики типа высокоструктурированных сект и культов над средне- и слабо-структурированными клиентурными и аудиторными культами. В то же время разрыв в количестве рекламных статей для разных типов НРД не столь существенен. Так, в среднем на 1 НРД типа «секты и культы» приходится 23,5 рекламных и 10,4 критических статей. На каждый клиентурный культ – 25,3 рекламных и 1,5 критических статей. На каждый аудиторный культ – 11,1 рекламных и 1,9 критических. Этот результат предсказуем и лишь уточняет полученные ранее данные о преобладании критического внимания СМИ к типу «сект и культов» по сравнению с иными типами НРД [10], что имеет место на фоне общего доминирования рекламных материалов прессы [3].

Для 4 из 9 чаще критикуемых групп разница в количестве критических и рекламных материалов не превышает 3 статей: 1 (ОШО), по 2 (Щербовское братство и Дети Бога), 3 (Церковь последнего завета). Для оставшихся 5 НРД критические материалы доминируют над рекламой с отрывом в 7 (Движение объединения), 12 (сайентология), 21 (Аум Синрикё), 22 (Свидетели Иеговы) и 44 статьи (Великое белое братство). Например, с рекламой Великого белого братства было опубликовано 7 статей, а его критике посвящен 51 материал. Кроме того, 8 из 9 НРД не имеют официальной регистрации в Республике Беларусь в качестве религиозных организаций. Однако наличие или отсутствие регистрации не является фактором, влияющим как на критику, так и на рекламу НРД: большинство из 35 чаще рекламируемых НРД соответствующей регистрации также не имеет. Более того, зарегистрированные в установленном порядке религиозные организации (напр., баптисты, пятидесятники, адвентисты) и общественные объединения (последователи Рерихов, авестийская школа астрологии) также относятся печатными СМИ к НРД и не менее активно рекламируются. Все 9 НРД разнятся по уровню развития своих филиалов и представительств на территории Беларуси, но не отличаются по этому параметру от 35 НРД: от разрозненных и слабо развитых групп последователей (напр., Великое белое братство), до хорошо налаженной работы нескольких десятков филиалов с бюджетом и периодическим проведением массовых акций (Свидетели Иеговы).

Следует отметить, что 8 из 9 НРД (кроме Щербовского братства) на разных этапах своего развития были вовлечены в крупные скандалы, являвшиеся основным стимулом для публикации критических материалов по ним в прессе разных стран мира. При этом из числа оставшихся 35 чаще рекламируемых НРД только 2 группы (Сознание Кришны и последователи Грабового) были отмечены скандалами сопоставимого масштаба. В то же время на территории Республики Беларусь у всех означенных НРД не было действительно масштабных конфликтов и скандалов. Более того, основная масса критики в адрес этих же организаций со стороны СМИ других стран не была заимствована белорусской прессой. Материалы этих статей не обнаруживают глубокого знакомства с историей означенных организаций. Так, лидеры критического внимания СМИ на Западе: ОШО, Дети Бога и сайентология занимают незначительные позиции среди критикуемых в Беларуси НРД.

Полученные данные позволяют предположить, что основное влияние на высокие показатели критики со стороны СМИ для НРД этой группы определяются спецификой их истории, учения и культовой практики прежде всего в самой Беларуси. Так, завышенное внимание к Великому белому братству объясняется получившим широкий резонанс назначением группой конца света на 1993 г. и последующим заключением в тюрьму ее руководителей. Высокие критические показатели для Свидетелей Иеговы могут быть объяснены определенным антагонизмом организации по отношению к окружающему обществу в целом и большинству его институтов в частности, а также оригинальным и весьма настойчивым методом обращения в НРД новых членов. Внимание к Аум Синрикё вызвано газовой атакой в токийском метро 1995 г., посадкой в тюрьму высшего руководящего состава организации и обнародованием многочисленных фактов криминала со стороны организации. ОШО, Дети Бога, сайентология и Движение объединения еще до своего появления в Беларуси активно критиковались в атеистической литературе и СМИ 1980-х гг. как наиболее показательные образцы «религий нового века». В качестве таковых они перекочевали в критическую литературу и СМИ независимой Беларуси, которые получили новый стимул для их критики после их появления в стране. При этом сайентология и движение объединения в 1990-е гг. были лишены в Беларуси регистрации в качестве общественных объединений, что также получило определенный общественный резонанс.

Большинство рекламных объявлений размещается в белорусской прессе в качестве платной рекламы и сильно варьируется по своему объему от нескольких строк, до целой страницы. Как можно предположить, реклама приносит немедленный экономический эффект, что является серьезным стимулом для ее размещения. При этом можно выделить 4 наиболее распространенных варианта рекламы: а) регулярные объявления в заданные промежутки времени; б) объявления о проведении разовых мероприятий; в) разовое объявление без привязки к мероприятию; г) рекламная статья с объявлением контактных данных. Исследование позволило также выявить отсутствие прямой зависи-

мости между количеством рекламных объявлений и размером НРД. Отдельные мелкие НРД рекламируют себя чаще, чем крупные международные НРД с последователями по всему миру (например, с рекламой Авестийской школы астрологии опубликовано не менее 91 статьи, в то время как Общество сознания Кришны рекламировалось в 68 публикациях).

В заключение отметим, что принципиально важным для анализа полученных результатов представляется сравнение данной группы одновременно критикуемых и рекламируемых НРД с группами только рекламируемых и только критикуемых НРД. Представление результатов такого анализа выходит за рамки настоящей статьи и должно стать темой будущих исследований.

Список использованных источников

1. *Richardson, J. T.* Journalist's attitudes toward new religious movements / J. T. Richardson, B. van Driel // *Review of Religious Research*. – 1997. – Vol. 39:2. – P. 116–136.
2. *Hassenfeldt, M. B.* New Age, NRM's and the press / M. B. Hassenfeldt // *News from RENNER*. – 1993. – Vol. 1. – P. 21–24.
3. *Мартинович, В. А.* Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ / В. А. Мартинович // *Журн. БГУ. Социология*. – 2019. – № 3. – С. 17–24.
4. *Rowe, L.* Caldrons Bubble, Satan's Trouble, but Witches Are Okay: Media Constructions of Satanism and Witchcraft / L. Rowe, G. Cavender // *The Satanism Scare*. Ed. by J. Richardson, J. Best, D. Bromley. – New-York : Aldine de Gruyter, 1991. – P. 263–275.
5. *Berger, H. A.* A Mass Media and Religious Identity: Case Study of Young Witches / H. A. Berger, D. Ezzy // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2009. – Vol. 48:3. – P. 501–514.
6. *Fuchs, C.* Yoga in Deutschland. Rezeption, Organisation, Typologie / C. Fuch. – Stuttgart & Berlin & Köln : Verlag W. Kohlhammer, 1990. – 310 s.
7. *In Chan Park.* Public opinion of the Unification Movement in Korea: 1990–2006 / In Chan Park // *Journal of Unification Studies*. – 2007. – Vol. 8. – P. 61–70.
8. *Medien als Werkzeuge der Intoleranz* // *Freiheit. Psychiatrie*. – 1995. – №1. – P. 14–17.
9. *Ротман, Д. Г.* Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований) / Д. Г. Ротман // *Социол. исслед.* – 2015. – № 5. – С. 145–149.
10. *Мартинович, В. А.* Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси / В. А. Мартинович // *Журн. БГУ. Социология*. – 2017. – № 4. – С. 56–65.

Поступила 03.11.2020 г.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 378.147.091.3(476)

М. Г. ВОЛНИСТАЯ,

*кандидат социологических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск, e-mail: mgv22@mail.ru*

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В статье представлен методологический подход и анализ проблемы формирования и развития интеллектуального капитала в контексте современных институциональных изменений в системе высшего образования. Показано, что в организационном проектировании системы регионального кластера «образование-наука-практика» основополагающими являются концептуальные принципы методологии системного подхода. Данный подход позволяет создавать имитационные модели, которые выявляют различные аспекты проблем эффективного участия университетов в процессе реализации перспективных программ и планов развития региональных образовательных кластеров.

Ключевые слова: экономика знаний, интеллектуальный капитал, интеллектуальный потенциал, системный подход, университет, инновационная деятельность, кластер, региональный образовательный кластер.

M. G. VALNISTAYA,

*Candidate of Sociological Sciences, Associate professor,
Belarussian State University, Minsk, e-mail: mgv22@mail.ru*

METHODOLOGY OF DESIGNING A REGIONAL EDUCATIONAL CLUSTER IN THE CONTEXT OF INSTITUTIONAL SHIFTS IN HIGH EDUCATION

The article presents the methodological and analytical approaches to forming and developing the intellectual capital of contemporary institutional shifts in the higher education system context. It is shown that in the organized designing of a regional cluster system of “education-research-practice” the most fundamental conceptual principles are systematic methodology. This approach allows the creation of imitation models useful for highlighting the key obstacles for involving universities in the regional education clusters development.

Keywords: knowledge economics, intellectual capital, intellectual potential, systems theory, university, innovation implementation, regional education cluster.

Новые условия жизнедеятельности требуют научного осмысления и поиска моделей эффективного решения сложных проблем управления механизмами адаптивного поведения и конкурентоспособностью государственных образовательных организаций, в том числе университетов как акторов глобального

рынка образовательных услуг. Учебные центры, научно-технологические парки и центры инновационного развития, бизнес-структуры, компании малого и крупного бизнеса, предприятия высокотехнологического производства, различные институты социальной инфраструктуры остро нуждаются в новых условиях в обеспечении своей деятельности кадровыми ресурсами, обладающими системой взаимосвязанных компетенций и знаний, профессиональными навыками и умениями. Этот факт, а также принципиально новое разделение труда в глобальной экономической сфере жизнедеятельности и определяют институциональные изменения высшей школы, происходящие под влиянием расширения сферы внедрения информационных технологий в образовании, внедрения и применения системы дистанционного обучения, всех тех средств обеспечения безопасного образа жизни в организации образовательного процесса в условиях пандемии.

Сегодня актуализируется проблема формирования новых эффективных социальных механизмов для развития интеллектуальных национальных элит. Речь идет об интеллектуальном капитале страны и интеллектуальной элите как носителях системообразующих характеристик и свойств современного социума (общества знаний), так необходимых для развития и накопления интеллектуального потенциала, который будет способствовать обеспечению и реализации эффективной научно-технологической политики, направленной на осуществление стратегии устойчивого социально-экономического развития страны и экономики региона.

Системный подход становится методологической основой стратегического управления процессами инновационного развития науки и образования. Как показывает мировой опыт, одним из эффективных методов реализации этой стратегии в системе высшей школы является социальный механизм, формируемый в рамках регионального образовательного кластера как современной институции экономики знаний.

Кластерный подход уже достаточно давно определен как управленческая технология, позволяющая повысить конкурентоспособность как отдельного региона или отрасли, так и государства в целом. Майкл Портер предложил под термином «кластер» понимать определенные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний (предприятий) и среди них: специализированные поставщики услуг, фирмы в различных отраслях, а также связанные с их деятельностью организации, в том числе и образовательные (например, университеты), агентства по стандартизации, торговые объединения в определенных областях, конкурирующие, но вместе с тем ведущие совместную работу [1, с. 38]. В дальнейшем тема кластеров и кластерного подхода получила активное развитие в работах целого ряда зарубежных и российских экономистов: С. Розенфельда, Б. Далума, М. Энрайта, К. Педерсена, Г. Вилумсена, О. Москвиной, А. Анохиной, Т. Даниловой, С. Кротова, В. Иноземцева, И. Пилипенко, А. Горкина, В. Бабурина, М. Половицкой, А. Чистобаева, Ю. Гладкого, А. Пилясова, И. Новиковой, О. Ломовцевой, Г. Яшевой и др.

В современной научной литературе все определения кластера можно дифференцировать в рамках трех основных групп:

- «*регионально ограниченные формы экономической активности внутри родственных секторов, обычно связанные с тем или иным научным учреждением*;

- *вертикальные производственные цепочки, узко определенные секторы, в которых смежные этапы производственного процесса образуют ядро кластера*;

- *отрасли промышленности, определенные на высоком уровне агрегации (например, фармацевтический кластер) или совокупности секторов на еще более высоком уровне агрегации (например, агропромышленный кластер)*» [2, с. 21–23].

Сегодня сложилась традиция, в рамках которой кластер определяется с помощью ряда признаков пространственного критерия. Среди основных характеристик кластеров выделяются [11]:

- «географическая интеграция (близко расположенные фирмы привлекает возможность экономить на быстром производственном взаимодействии, обмене социальным капиталом и процессах обучения);

- специализация (кластеры сосредоточены вокруг определенной сферы деятельности, к которой все участники или авторы имеют отношение);

- множественность экономических агентов (деятельность кластеров охватывает не только фирмы, финансовых посредников, входящие в них, но и общественные организации, академии, институты, способствующие кооперации и т. д.);

- конкуренция и сотрудничество (как основные виды взаимодействия между фирмами – членами кластера);

- достижение необходимого масштаба «критической массы» в размере кластера (для получения эффектов внутренней динамики и развития);

- период жизнеспособности кластеров (рассчитаны на долгосрочную перспективу);

- участие в инновационных процессах (фирмы и предприятия, входящие в состав кластера, обычно включены в процессы технологических продуктовых, рыночных или организационных инноваций» (данные характеристики были выделены в обзоре Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) 2008 г. «Повышение инновационного уровня фирм: выбор политики и практических инструментов») [3].

В настоящее время в стране уже создано информационное обеспечение системы принятия решений в управлении процессами инновационного развития науки, образования и производства. Представляется также, что данная проблема требует разработки научных подходов и создания информационного обеспечения системы принятия решений для формирования и развития регионального образовательного кластера с участием университетов.

В Беларуси в Республиканском институте высшей школы уже разработано научно-методическое обеспечение для системы повышения квалификации кадров высшей школы, организована переподготовка и обучение управленче-

ских кадров, в том числе для формирования региональных образовательных кластеров. Большую работу в данном направлении проделал и БГПУ им. М. Танка, научный и педагогический коллектив которого много лет занимается исследованием проблемы методологического обеспечения процессов устойчивого развития в контексте инновационного развития высшей школы. Большинство университетов страны все более активно включаются в эту работу и формируют новые институциональные связи с экономической средой регионов в контексте создания системы «образование-наука-практика». Это необходимо для адаптации, существующей сегодня системы подготовки кадрового потенциала к реалиям современного рынка труда.

Второй аспект рассматриваемой проблемы – это методология разработки критериев оценки интеллектуального потенциала (ИП) и интеллектуального капитала (ИК). Данная проблема важна в том числе и для оценки деятельности регионального образовательного кластера, она определяется сущностью реализуемых концептов и функций кластера в региональном развитии, их структурой.

Вопрос методов и критерии оценки «интеллектуального капитала» и «интеллектуального потенциала» в научных публикациях на междисциплинарном уровне является одним из самых обсуждаемых среди экспертного сообщества. В социальных и экономических науках под ИП общества понимается совокупность человеческих, материальных и финансовых ресурсов, задействованных в таких областях интеллектуальной жизни общества, как наука и образование [5, с. 74–76].

Отбор индикаторов для измерения ИП и ИК требует от исследователя учитывать критерии проверяемости и доступности достоверной социологической и статистической информации. Это достаточно сложная междисциплинарная научная проблема, поскольку на локальном уровне системы принятия решений, региональном уровне социального управления может отсутствовать необходимая информация, что сделает процедуру оценивания невозможной.

Поэтому методология оценки интеллектуального потенциала и капитала сосредоточена на следующих принципах:

1) *принцип объективности и научности* – оценка должна опираться на достижения науки в области инновационной деятельности, управления инновационным развитием социально-экономических систем, а методики оценки должны позволять получить объективную характеристику уровня развития интеллектуального потенциала и капитала на основе представлений об их структурных компонентах;

2) *принцип системности и комплексного подхода* – использование системы как финансовых, так и социально-психологических, экспертных (то есть нефинансовых) показателей, позволяющих вместе комплексно оценить уровень и качество интеллектуального потенциала и капитала с учетом особенностей объекта оценки как системы;

3) *принцип релевантности функций оценки текущим и стратегическим целями объекта оценки* – функции оценки (мотивационная, функция целедо-

стижения, функция синхронизации, реновации, контролирующая функция, управляющая, экономическая). Они формируются в соответствии с актуальными потребностями и целями инновационного развития социально-экономического субъекта (организации, региона);

4) *принцип иерархичности* – оценка осуществляется на различных уровнях иерархии (кадры, организация, регион);

5) *принцип оптимальности и экономичности* – алгоритм оценки должен быть рациональным с точки зрения минимизации потерь (финансовых, трудовых, временных), но без ущерба для достижения целей;

6) *принцип динамичности и сопоставимости* – оценка должна проводиться в динамике и обеспечивать возможность сравнительной характеристики состояний объектов оценки;

7) *принцип адаптивности* – методики оценки должны соответствовать изменяющимся целям деятельности объекта оценки;

8) *принцип практической доступности* – обеспеченность методологии оценки соответствующими научными инструментами для ее практической реализации;

9) *принцип стандартизации* – наличие системы стандартов проведения оценочных процедур [6].

На сегодняшний день существует и достаточно широкий спектр критериев оценки регионального ИК, причем наиболее традиционным подходом является выделение их в соответствии с его структурой.

Привлекает внимание точка зрения, представленная, например, в исследованиях П. Ю. Макарова. Исследователь в составе человеческого капитала выделяет три элемента: один является ключевым фактором развития инновационных процессов и конкурентоспособности экономики региона – это уровень профессиональной подготовки населения (ЧК-1 «Образование»); второй отражает продолжительность и качество жизни (ЧК-2 «Здоровье»); а третий – социальное благополучие региона. Следующий элемент ИК – структурный капитал – включает в себя три составляющие, две из которых характеризуют условия, в которых функционирует система: эффективность работы органов власти (СК-1 «Эффективность органов власти») и проникновение информационных технологий в различные сферы жизни (СК-2 «ИТ-инфраструктура»), а третья – научный потенциал региона как система создания знаний (СК-3 «Научный потенциал»). Третий элемент ИК – капитал социальных отношений – считается наиболее сложно формализуемой категорией, в которой представляется целесообразным оценивать развитие инноваций в регионе, который обеспечивает приток финансирования к перспективным проектам (ОК-1 «Инвестиционная привлекательность») [4].

В социальной науке разработаны и критерии оценки интеллектуального потенциала региона, причем, так же, как и в отношении интеллектуального капитала, в плане оценки интеллектуального потенциала существует достаточно широкий спектр показателей для измерения. Представляет интерес предложен-

ное Г. В. Леонидовой обобщение наиболее распространенных в научной литературе показателей оценки ИП региона, который конструируется в соответствии со структурной моделью ИП, на которую опирается сам разработчик. Как правило, интеллектуальный потенциал региона определяется «количеством его носителей и их удельным весом в данном сообществе, состоянием науки, в том числе формированием научных школ, уровнем специального образования, наконец, отношением к своему прошлому, сохранением интеллектуального и индустриального наследия» [10]. В исследовании М. Н. Руткевич, В. К. Левашова для конструирования интегрального индекса ИП объединены показатели состояния *образования и науки, образовательного и научного потенциала* [10]. При этом для оценки образовательного потенциала используются три индекса:

- уровень *«общей образованности «взрослого» населения*, то есть в основной своей массе уже завершившего обучение в учебных заведениях и составляющего костяк занятого населения;
- удельный вес в населении студенчества, то есть той части молодежи, которая является резервом пополнения специалистов умственного труда во всех сферах жизни общества (в пересчете на 10 000 населения);
- доля расходов на образование в ВВП.

Белорусские исследователи при обосновании критериев оценивания ИП региона считают, что важной является функциональная роль субъекта интеллектуального потенциала в региональных производственно-хозяйственных процессах. Отечественные ученые обращают внимание на саму принадлежность интеллектуального потенциала региона и характер носителя, – именно последний является оптимальной основой для оценки уровня интеллектуального потенциала региона [7; 8].

В заключение следует отметить, что в современной мировой исследовательской практике институциональных изменений с участием высшей школы в экономике знаний зафиксирована ориентация образовательных подходов на процессы оптимизации национальных концепций модернизации. В этом контексте совершенствование государственной научно-технической и инновационной политики в области образовательных стратегий и технологий воспроизводства знаний, формирование элит развития как механизма интеллектуального потенциала государства становятся приоритетными задачами в реализации курса устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь.

В рамках повышения конкурентоспособности сегодня республика запаздывает с организацией и внедрением моделей нового типа воспроизводства знаний, а также новых институциональных образований и структур, в которых объединены университет и наука, колледжи профессиональной специализации и элитные структуры подготовки высококвалифицированных ученых и специалистов.

Одним из средств решения данной проблемы может рассматриваться модель регионального образовательного кластера как инновационного механизма

формирования и развития интеллектуального потенциала страны. В республике почти отсутствует практический опыт разработки отечественной методологии построения данной модели, а также концепции формирования элиты национального развития в рамках именно исследовательского университета как базы регионального роста и экономической модернизации.

Высшее образование один из важнейших факторов формирования экономики знаний, и сегодня стоит проблема поиска эффективных решений в межведомственном взаимодействии системы государственного управления для реализации концепции регионального образовательного кластера, который должен стать современным инновационным механизмом формирования и развития интеллектуального потенциала Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. *Ленчук, Е. Б.* Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран [Электронный ресурс] / Е. Б. Ленчук, Г. А. Власкин. – Режим доступа: <http://institutiones.com/strategies/1928-klasternyj-podxod-v-strategii-innovacionnogo-razvitiya-zarubezhnyx-stran.html>. – Дата доступа: 27.01.2020 г.
2. *Цихан, Т. В.* Кластерная теория экономического развития / Т. В. Цихан // Теория и практика управления. – 2003. – № 55. – С. 49–56.
3. Synopsis of Policy Options for Creating a Supportive Environment for Innovative Development. ECE/CECI/2008/3. – Geneva, 9 September – 2008.
4. *Макаров, П. Ю.* Механизмы управления интеллектуальным капиталом региона в интересах инновационного развития : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.05 / П. Ю. Макаров. – Владимир, 2012.
5. *Левашов, В. К.* Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование / В. К. Левашов // Мониторинг обществ. мнения. – 2008. – № 3. – С. 17–30.
6. *Лосева, О. В.* Концепция оценки человеческого капитала в инновационной экономике [Электронный ресурс] / О. В. Лосева // Вестн. финансового ун-та. – 2012. – № 5. – Режим доступа: <http://framestar.ru/free/anglijskij-s-nositelem-yazyka-vestnik-finansovogo-universiteta/>. – Дата доступа: 10.01.2020 г.
7. *Лисиченок, Е. П.* Определение структуры интеллектуального капитала региона на основе ее исследования на уровне предприятия / Е. П. Лисиченок // Вестн. Гомельского гос. техн. ун-та. – 2004. – № 2. – С. 32–39.
8. *Лисиченок, Е. П.* Формирование системы показателей оценки интеллектуального потенциала региона / Е. П. Лисиченок // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия Д. Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 6. – С. 21–26.
9. *Заболотская, К. А.* Изменение интеллектуального потенциала региона в контексте его экономического развития / К. А. Заболотская // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы II Всерос. науч. чтений. – Кемерово, 2002. – С. 121–124.
10. *Руткевич, М. Н.* О способе измерения интеллектуального потенциала / М. Н. Руткевич, В. К. Левашов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hdirussia.ru/499>. – Дата доступа: 28.01.2020 г.
11. *Кудачин В. В.* Инновационный путь развития Республики Алтай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dve100.com/sekcija-5-doklad-kudachin-v-v>. – Дата доступа: 27.01.2020 г.

Поступила 10.02.2021 г.

УДК 378.225(476):[331.101.2+331.108.4]

О. Г. ВОРОШЕНЬ,

научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА АСПИРАНТАМИ АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУКИ

В статье рассматриваются особенности оценки профессионального выбора, совершенного аспирантами академического сектора науки. Среди факторов, которые оказывают влияние на оценку профессионального выбора аспирантов, рассмотрены профессиональные ожидания, отношение к профессии, оценка профессиональных достижений. Установлено, что позитивное отношение к профессии, удовлетворенность своими достижениями в период обучения в аспирантуре способствует формированию уверенности в правильности своего профессионального выбора. В то же время рассогласование профессиональных ожиданий и реальной действительности ведет к сомнениям в окончательности своего профессионального выбора.

Ключевые слова: аспиранты, профессиональный выбор, отношение к профессии, профессиональный кризис.

O. G. VOROSHEN,

Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

ASSESSMENT OF PROFESSIONAL CHOICE BY POSTGRADUATE STUDENTS IN THE ACADEMIC SECTOR OF SCIENCE

The article describes the features of the assessment of the professional choice made by graduate students of the academic sector of science. Among the factors, that influence the assessment of the professional choice of postgraduate students are professional expectations, attitude to the profession, assessment of professional achievements. It was found that a positive attitude to the profession, satisfaction with their achievements during the period of study in graduate school contributes to the formation of confidence in the correctness of their professional choice. At the same time, the discrepancy between professional expectations and reality leads to doubts about the finality of their professional choice.

Keywords: graduate students, professional choice, attitude to the profession, professional crisis.

Исследования проблемы жизненного выбора широко представлены в работах психологов и философов. Выбор – сложный и многоаспектный феномен, обладающий мощными движущими и направляющими силами, регулятивными возможностями [1]. Человеческая жизнь состоит из огромного количества ситуаций выбора, осуществляемых в различных сферах и на разных уровнях: психологическом, этическом, социальном и др.

Одним из значимых жизненных выборов, с которым сталкивается каждый, является ситуация профессионального выбора. Выбор в профессиональной сфере может привести к изменениям профессионального статуса, уровня квалифи-

кации, смене деятельности внутри и вне профессиональной среды, смене профессии или места работы, получению второго образования и пр. Профессиональные выборы многогранны и задают направление и характер для дальнейшего профессионального и личностного развития. По мнению Н. Е. Рубцовой, в профессиональном выборе человек стремится к удовлетворению не только своих элементарных потребностей, но и к реализации потребностей высшего порядка, духовных и экзистенциальных [2]. Эффективный выбор способствует успешному развитию, самореализации в профессиональной сфере. Неэффективный, напротив, пробуждает чувство неудовлетворенности жизнью и стремление ее изменить.

Оценку профессионального выбора можно рассматривать с позиции представлений о кризисах профессионального становления личности. Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сымонюк, основываясь на представлениях о стадийном характере профессионального становления личности, полагают, что переход от одной стадии профессионального становления к другой может сопровождаться кризисами. Кризисы профессионального становления представляют собой непродолжительные периоды «кардинальной перестройки профессионального сознания, деятельности и поведения личности, изменения вектора ее профессионального развития» [3]. Процесс преодоления кризисов приводят к профессиональной переориентации на новые цели, а в отдельных случаях – смене сферы профессиональной деятельности и профессии.

Основываясь на периодизации Э. Ф. Зеер и Э. Э. Сымонюк, период обучения в аспирантуре может сопровождаться такими кризисами, как:

- кризис профессионального выбора на стадии получения профессионального образования, который сопровождается неудовлетворенностью процессом получения образования и ведет к ревизии и коррекции выбора профессии;
- кризис профессиональных ожиданий на стадии оптации, который сопровождается трудностями в профессиональной адаптации и освоении ведущей деятельности, несовпадением профессиональных ожиданий и реальности [3].

Сомнения в правильности выбора профессии может оцениваться как внутренний индикатор переживания профессионального кризиса.

Таким образом, оценка своего профессионального выбора – важный момент становления профессионала. В начале профессиональной карьеры осознание правильности либо ошибочности своего выбора важно для построения планов дальнейшего профессионального роста и успешного преодоления кризисов профессионального становления.

Исследование, проведенное сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси в 2019 г., позволило выявить особенности оценки своего профессионального выбора аспирантами. В ходе исследования был проведен сплошной опрос аспирантов дневной формы обучения академического сектора науки и получены ответы от 237 человек.

Респондентам предлагалось оценить правильность своего профессионального выбора, ответив на вопрос, считают ли они науку своим окончательным

профессиональным выбором в жизни. Только треть опрошенных аспирантов (30 %) уверенно заявили, что сделали окончательный профессиональный выбор, связав свою жизнь с наукой (табл. 1). Для 21,4 % респондентов, напротив, наука не является окончательным профессиональным выбором в жизни. Половина аспирантов (48,6 %) продемонстрировали сомнения в своем профессиональном выборе, выбрав ответ «пока не определился». Высокая доля неопределившихся со своим окончательным профессиональным выбором свидетельствует о незавершенности процессов профессионального самоопределения у значительной части аспирантов.

Таблица 1. Распределение ответов аспирантов на вопрос «Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?», %

Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?	Срок обучения			Всего
	1 год	2 год	3 год	
Да	25	33,3	31,7	30
Нет	20,7	14,8	28,6	21,4
Пока не определился	54,3	51,9	39,7	48,6
Всего	100	100	100	100

Анализ полученных результатов показал, что имеют место различия в ответах аспирантов разных лет обучения. Как представлено в табл. 1, к концу обучения возрастает доля опрошенных, которые считают науку своим окончательным профессиональным выбором: от 25 % среди аспирантов первого года обучения до 33,3 % – второго и 31,7 % – третьего года обучения. В то же время к концу обучения в аспирантуре растет доля аспирантов, которые не считают науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни.

Следует также отметить, что доля обучающихся, которые пока не определились со своим окончательным профессиональным выбором, снижается к концу обучения в аспирантуре. Если в первый год обучения доля таких респондентов составила 54,3 %, то к третьему году обучения – 39,7 %.

Анализ ответов аспирантов, представляющих разные отделения наук, показал, что наибольшая доля уверенных в том, что они сделали окончательный профессиональный выбор, наблюдается среди аспирантов Отделения гуманитарных наук и искусств (34,7 %) и Отделения биологических наук (39,5 %), наименьшая – среди аспирантов Отделения химии и наук о Земле (19 %). Опять же среди аспирантов Отделения гуманитарных наук и искусств (40,8 %) и отделения биологических наук (44,2 %) выявлена наименьшая доля опрошенных, которые не до конца уверены в выборе сферы профессиональной деятельности, наибольшая – среди аспирантов Отделения химии и наук о Земле (66,7 %).

В процессе профессионального становления молодых ученых могут возникать различные проблемы, такие как неудачный опыт адаптации к социально-профессиональной ситуации, неудовлетворенность условиями обучения, его содержательной компонентой, неудовлетворенность собой и своими достижениями

в период обучения в аспирантуре и т. п. Проблемы подобного рода обычно наблюдаются в ситуациях рассогласования представлений человека о профессии с той реальностью, в которую он попадает [4; 5]. Рассогласование представлений о работе в сфере науки, которые сложились у молодых людей до их поступления в аспирантуру, и их трансформация в процессе обучения может провоцировать сомнения в правильности своего профессионального выбора.

Аспирантам было предложено ответить на вопрос: «Изменились ли Ваши представления о работе в сфере науки во время учебы в аспирантуре?» Распределение полученных ответов представлено в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов аспирантов на вопрос «Изменились ли Ваши представления о работе в сфере науки во время учебы в аспирантуре?», %

Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?	Изменились ли Ваши представления о работе в сфере науки во время учебы в аспирантуре?		
	Нет, все так, как я себе представлял(а)	Да, немного изменились	Да, и изменились кардинально
Да	43,9	30,4	12,8
Нет	22,8	12	38,3
Пока не определился	33,3	57,6	48,9
Всего	100	100	100

Среди респондентов, которые уверены в своем профессиональном выборе, доля опрошенных, представления которых о работе в научной сфере изменились кардинально, минимальна и составляет 12,8 %. Среди аспирантов, которые не считают науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни, отмечается высокая доля опрошенных, представления которых о профессии ученого и работе в научной сфере кардинально изменились в процессе обучения в аспирантуре (38,3 %). Среди аспирантов, которые пока не определились со своим окончательным профессиональным выбором, наблюдается высокая доля опрошенных, представления которых о работе в сфере науки претерпели кардинальные (48,9 %) либо небольшие (57,6 %) изменения.

Очевидно, что расхождение ожиданий и реальности снижает уверенность аспирантов в том, что они сделали правильный выбор. Несовпадение реалий профессиональной деятельности со сформировавшимися представлениями и ожиданиями относительно профессии ученого может спровоцировать кризис профессионального самоопределения и серьезно повлиять на дальнейшую профессиональную деятельность, вплоть до ее смены.

Успешность освоения профессиональной деятельности в процессе обучения в аспирантуре также оказывает влияние на оценку аспирантами своего профессионального выбора. В ходе исследования аспирантам было предложено оценить, в какой мере они удовлетворены своими достижениями, результатами обучения в аспирантуре (табл. 3).

Как показали полученные данные, среди аспирантов, осознавших, что сделали правильный профессиональный выбор, доля респондентов, которые

Таблица 3. Распределение ответов аспирантов на вопрос «В какой мере вы удовлетворены своими достижениями (результатами обучения) в аспирантуре?», %

Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?	В какой мере вы удовлетворены своими достижениями (результатами обучения) в аспирантуре?		
	Полностью либо скорее удовлетворен	Скорее или полностью не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Да	37,6	15,1	26,7
Нет	16,8	28,8	20
Пока не определился	45,6	56,1	53,3
Всего	100	100	100

полностью или скорее удовлетворены своими достижениями в аспирантуре, выше (37,6 %), чем доля опрошенных, которые скорее или полностью не удовлетворены своими результатами обучения (15,1 %). И, напротив, лица, которые разочаровались в своем профессиональном выборе и не считают его окончательным, чаще выражают неудовлетворение своими результатами обучения в аспирантуре (28,8 %). Такая ситуация создает предпосылки для очередного профессионального выбора.

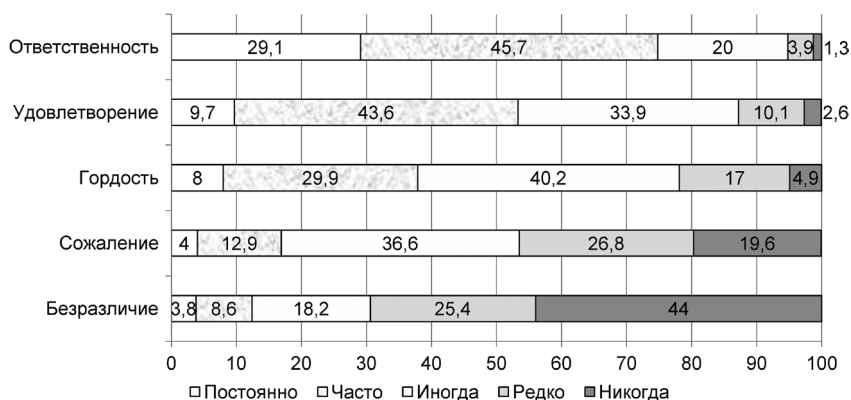
Если профессия нравится, позволяет реализовать свои творческие способности, удовлетворять потребности в самореализации, самоуважении, – все это в совокупности способствует осознанию правильности выбранной сферы профессиональной деятельности.

Формирование позитивного отношения к профессии является важным фактором, определяющим дальнейшие профессиональные планы личности. В нашем исследовании аспирантам было предложено оценить свое отношение к профессии, ответив на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда речь идет о профессии ученого?». Респондентам предлагалось оценить, как часто они испытывают то или иное чувство. Степень выраженности того или иного чувства оценивалась по шкале от 1 – «никогда» до 5 – «постоянно».

Основываясь на полученных данных, в целом можно констатировать наличие общей тенденции в доминировании позитивных чувств над негативными в оценке выбранной профессии.

Согласно полученным данным, доминирующие средние значения выявлены в выраженности таких позитивных чувств, как ответственность (4,03), удовлетворение (3,56), гордость (3,32). Отмечено их явное превалирование над оценками таких чувств как безразличие (2,44), сожаление (2,70).

Процентное распределение оценок следующим образом иллюстрирует данную тенденцию. Так, чувство ответственности постоянно испытывают 29,1 % опрошенных аспирантов, часто – 45,7 % (рисунок). В то же время чувство безразличия, выраженное в той же мере, указали только 3,8 % и 8,6 % респондентов соответственно. Сожаление по отношению к профессии постоянно или часто испытывают 4 % и 12,9 % опрошенных, а чувство гордости, связанное с выбранной профессией, в той же мере отметили 8 % и 29,9 % аспирантов.

Распространенность чувств по отношению к профессии ученого среди аспирантов, %

Удовлетворение от сопричастности к профессии ученого постоянно испытывают 9,7 % аспирантов, часто – 43,6 %, иногда – 33,9 %.

Никогда не испытывали чувств негативного спектра по отношению к профессии ученого 44 % (безразличие) и 19,6 % (сожаление) опрошенных. Доля аспирантов, никогда либо редко испытывавших позитивные чувства к профессии ученого, значительно ниже. Так, только 1,3 % аспирантов никогда не переживали чувство ответственности, 2,6 % – чувство удовлетворения, 4,9 % – чувство гордости по отношению к своей будущей профессии.

Таким образом, у опрошенных аспирантов преобладают позитивные чувства (гордость, ответственность, удовлетворение) в отношении своей профессии. Негативные чувства (безразличие, сожаления) выражены значительно слабее.

В ходе анализа также выявлено, что максимально высокие значения в оценках позитивных чувств и минимальные значения в оценках негативных чувств характерны для аспирантов, считающих науку своим окончательным профессиональным выбором. С другой стороны, аспирантов, не считающих науку своим окончательным профессиональным выбором, отличают минимальные значения в оценках позитивных чувств при максимально высоко оцененных чувствах негативного спектра.

Итак, среди факторов, которые оказывают влияние на оценку профессионального выбора аспирантов, нами были рассмотрены профессиональные ожидания, отношение к профессии, оценка профессиональных достижений. Отмечено, что формирование позитивной эмоциональной оценки профессии, удовлетворенность своими достижениями в период обучения в аспирантуре способствуют формированию уверенности в правильности своего профессионального выбора. В то время как рассогласование профессиональных ожиданий и реальности снижает уверенность аспирантов в том, что научная деятельность является их окончательным профессиональным выбором в жизни.

Список использованных источников

1. *Щебетова, А. Л.* Психологические особенности ситуаций жизненного выбора в среднем возрасте / А. Л. Щебетова // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 6. – С. 111–113.
2. *Рубцова, Н. Е.* Смыслообразующая роль профессионального выбора [Электронный ресурс] / Н. Е. Рубцова // Педагогика искусства. – 2009. – № 4. – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/AE-magazine/> – Дата доступа: 10.10.2020.
3. *Зеер, Э. Ф.* Эмоциональный компонент в профессиональном становлении педагога / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк // Мир психологии. – 2002. – № 4 (32). – С. 194–203.
4. *Валиуллина, Е. В.* Содержание и динамика кризисов профессионального самоопределения студентов медицинского вуза : автореферат дис. ... канд. психолог. наук : 19.00.07 / Е. В. Валиуллина. – Кемерово, 2012. – 23 с.
5. *Петраш, М. Д.* Психологическое содержание и факторы возникновения кризисов профессионального развития на этапе начала профессиональной деятельности / М. Д. Петраш // Эксперимент. психология. – 2011. – Т. 4, № 4. – С. 88–100.

Поступила 30.10.2020 г.

УДК 316.4+378 (476)

В. А. КЛИМЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,

Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств, г. Минск,

e-mail: vak_@tut.by

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается понятие «профессиональная компетентность», анализируется структура профессиональной компетенции специалиста. Выявлены основные профессиональные и личностные качества, предъявляемые к специалисту в условиях цифровизации современного общества. Предлагается новая форма подготовки специалистов по модели свободных искусств и наук.

Ключевые слова: дигитализация общества, компетентность специалиста, структура профессиональной компетентности, hard skills и soft skills современного специалиста, подготовка специалистов по модели свободных искусств и наук (liberal arts and sciences education).

V. A. KLIMENKO,

Doctor of Sociological Sciences, Professor,

Executive Committee of the Commonwealth of Independent States, Minsk,

e-mail: vak_@tut.by

PROFESSIONAL COMPETENCE OF A SPECIALIST IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF MODERN SOCIETY

The article discusses the concept of «professional competence», analyzes the structure of the specialist professional competence. The main professional and personal qualities required for a specialist in the digitalization of modern society have been identified. A new form of training specialists on the model of liberal arts and sciences is proposed.

Keywords: digitalization of society, specialist competence, structure of professional competence, hard skills and soft skills of a modern specialist, training specialists according to the model of liberal arts and sciences education.

В последние два-три десятилетия результатом процесса информатизации всех сфер экономики выступает формирование информационного (цифрового) общества. Знания, информации и инновации становятся базисным ресурсом его развития. Это связано с тем, что в современной экономике начинает доминировать пятый технологический уклад, ядро которого составляют электронные компоненты и устройства, электронно-вычислительная техника, радио- и телекоммуникационное оборудование, лазерное оборудование, услуги по обслу-

живанию вычислительной техники. Одновременно происходит формирование шестого технологического уклада, который будет определять глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия. Основные направления его развития: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, микро- и оптоэлектроника, информационные технологии и глобальные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы [1, с. 11–12].

Действительно, по мнению экспертов, в 2020–2040 гг. ключевую роль для конкурентоспособности будут играть технологии шестого технологического уклада – NBICS-технологии (nano, bio, info, cogno, socio – нано, био, инфо, когно, социо). Их развитие в Беларуси только начинается. В США, например, доля технологий VI-го технологического уклада составила 5 %, V-го – 60 % (2014 г.). В России доля V-го уклада составляет 10 %, IV – 50 %. Беларусь отстает от уровня развитых стран по доле высоких технологий почти в три раза, в 4–5 раз по уровню производительности труда в промышленности. В результате этого доля Беларуси в мировой экономике снизилась с 0,1 % в 2005–2008 гг. до 0,07 % в 2019 г. Таким образом, генерирование новых знаний, инноваций, является ключевым фактором развития экономики знаний, экономического и социального прогресса современного общества.

Становление информационного (цифрового) общества знаменует радикальные преобразования социально-экономических, политических отношений, а также изменения в культуре, духовной жизни и быту. Информатизация, или становление информационного (цифрового) общества – это не только технико-технологическая, но и социально-технологическая и интеллектуально-гуманитарная трансформация всей системы общественных отношений [2]. Под воздействием информационных технологий изменяется содержание и характер труда, исчезают старые и появляются новые профессии. Более того, изменения тарифно-квалификационной сетки ведет в конечном результате к изменению социальной структуры общества, формируется сетевое общество, трансформирующее социальное время и пространство.

Более того, как подчеркивают многие эксперты в области профессиональной деятельности, наступает эпоха работников умственного труда. Постиндустриальная революция также радикально меняет не только технологии, но и мировоззрение. Многие существующие модели и ценности будут постепенно переосмыслены не только в профессиональной сфере, но и в личной жизни. Людям придется научиться самим организовывать свой труд, ставить себе цели, делать выбор и принимать решения, которые раньше принимал за них работодатель. Концепция цифровой экономики будущего будет построена на принципах свободного развития, на самореализации каждого в деятельности, на появлении новых форм коммуникации и сотрудничества. Для примера, уже сегодня для многих сотрудников в сфере IT-технологий наличие профессиональных вызовов и возможность самореализации становится ключевым фактором выбора места работы.

Неотъемлемой характеристикой высокообразованной и высококвалифицированной личности выступает такое ее качество, как компетентность. На сущности понятия «компетентность» (компетенция) в научной литературе существуют различные точки зрения. До недавнего времени она определялась как совокупность профессиональных знаний и навыков, а также способы осуществления профессиональной деятельности. Дополняют профессиональную компетентность в значительной степени такие качества личности специалиста, как эрудированность, осведомленность, информированность и др. [3, с. 220]. Компетентность в традиционном понимании трактуется и как степень выраженности присущего человеку профессионального опыта, который позволяет решить вопрос о профессиональной пригодности к занимаемой конкретной должности. И в этом случае она является высшей степенью развития профессионализма. В ряде работ в структуре профессиональной компетентности современного молодого специалиста выделяют: предметные знания; развитые мыследеятельностные творческие способности; научно-исследовательские, организаторские способности; управленческие, коммуникативные умения; личностно-ценностные качества (динамизм, мобильность, деловитость, ответственность и др.) [4, с. 65]. Профессиональная компетентность предполагает также владение ситуативными знаниями, которые наряду с усвоенными образцами, нормами определенной деятельности включают субъективное акцентирование на собственном запасе знаний. Это выражается в особом отношении человека к знаниям, когда более важным становится не запоминание определенных способов решения различного типа задач, а выработка определенной установки, готовности индивида к проблемному видению реальности, к умению находить адекватные пути и методы их решения [5, с. 125]. Таким образом, профессиональная компетентность предопределяется не только наличием соответствующих специальных знаний и навыков, но и в значительной мере индивидуально-личностными качествами (задатки, способности, интеллект, уровень развития психических процессов индивида, организационные, деловые, управленческие и другие свойства).

Профессиональная компетентность тесно связана с таким понятием, как «профессионализм», которое является также качественной характеристикой работника, выражает высокую степень овладения индивидом какой-либо профессией или специальностью и базируется на приобретении им необходимого уровня и объема специальных теоретических знаний, практических умений и навыков. Работники с высоким уровнем профессионализма представляют особый социальный слой общества – «профессионалы». Представители данной социальной группы, по мнению Д. Миллерсона, обладают следующими характерными качествами: 1) занятость на основе применения навыков, базирующихся на теоретическом знании; 2) специализированное образование и обучение этим навыкам; 3) особая компетентность, подтвержденная сданными экзаменами; 4) наличие определенного кодекса поведения, обеспечивающего профессиональную идентичность; 5) членство в профессиональной организации (ассоциации);

б) исполнение определенных служебных обязанностей на благо общества и др. [6, с. 813]. Для профессионала характерен не только высокий теоретический уровень специализированных знаний, но и наличие достаточно высокого культурного уровня и обладание нравственными и этическими качествами.

В целом можно подчеркнуть, что «компетентность» и «профессионализм» – два взаимосвязанных понятия, которые характеризуют эффективность профессиональной деятельности, включая и готовность к ней. Вместе с тем термин «компетентность» рассматривается более широко и является, скорее всего, родовым, а профессионализм – видовым (по отношению к нему) понятием. Профессионализм свидетельствует о компетентности в определенном специальном виде деятельности. Компетентность же может характеризовать не только профессиональную, но и успешную общесоциальную деятельность [7, с. 82].

Проблему компетентности не узкопрофессионально, а с позиции социальных запросов впервые рассматривал английский психолог Дж. Равен. Важнейшими характеристиками компетентности являются, по его мнению, мотивация и ценностные компоненты. Исходя из этого, компетентность предполагает наличие таких качеств личности, как инициатива, лидерство, непосредственный интерес к механизмам работы организаций и общества в целом, а также рефлексия о возможном влиянии этих качеств на компетентность [8, с. 24]. Кроме того, изучаемые ценности личности рассматриваются Дж. Равеном в качестве предпочитаемых стилей поведения. Поведение и мотивация личности являются результатом взаимодействия между собой трех групп переменных: ценностей, компонентов компетентности и социальных установок [8, с. 261]. Сама модель компетентности, по Дж. Равену, представляет собой матрицу, в которой пересекаются значимые аспекты поведения (достижение, сотрудничество, влияние) и компоненты эффективного поведения (когнитивные, аффективные, волевые) [8, с. 254].

В условиях дигитализации современного общества, увеличения информационных потоков, внедрения компьютерных технологий и автоматизации производства понятие «профессиональная компетентность» видоизменяется, дополняется новыми качествами. С одной стороны, неизменными остаются базовые основы компетенции: общенаучные и специальные знания, навыки и умения. С другой стороны, наиболее актуальной является выработка у обучающихся умений и навыков, связанных с анализом ситуации на изменяющемся рынке труда, реальным оцениванием и совершенствованием своих профессиональных возможностей, способов самоорганизации и адекватной адаптации к изменяющейся системе профессионально-трудовой деятельности. Особую значимость приобретают личностные качества специалиста (мировоззренческая компетенция, широта взглядов, умение работать на стыке различных сфер науки и техники, наличие корпоративной культуры, умение работать в команде и т. д.). Кроме того, такая компетентность должна быть органично увязана с формированием у будущих специалистов их компетентности в сферах общественной и социокультурной деятельности, что дает возможность рабо-

тающему человеку справляться с многочисленными ситуациями, возникающими не только в сфере трудовой деятельности, но и во всех других областях повседневной жизни [9, с. 15].

Более того, в современных условиях понятие «компетентность» трансформируется в систему ключевых компетенций, которыми должны обладать выпускники учебных заведений. В докладе международной комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI века «Образование: сокрытое сокровище» сформулированы четыре компетенции глобального уровня: научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить» [10, с. 37]. Еще в последнем десятилетии прошлого века в соответствии с программой Совета Европы (г. Берлин, 27–30 марта 1996 г.) в странах Европейского союза в образовательной системе было выделено пять основных компетенций, которые должны быть сформированы у молодого поколения: политические и социальные компетенции; компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе; компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией; компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества; способность учиться на протяжении жизни в качестве основы непрерывного обучения в контексте как личной профессиональной, так и социальной жизни [11, с. 7–8].

Если вести речь о последних двух десятилетиях, то рынок труда в условиях глобальной дигитализации требует формирования у выпускников высшей школы не только профессиональных навыков и знаний (*hard skills*), связанных с конкретной специальностью, но, самое главное, накопления так называемых универсальных (надпрофессиональных, гибких) компетенций (*soft skills*), которые можно применять во всех сферах профессиональной деятельности. К *soft skills* относятся такие социальные, интеллектуальные и волевые компетенции, как коммуникабельность, умение работать в команде, креативность, организованность, пунктуальность, уравновешенность и др.

В настоящее время без этих гибких навыков невозможно построить успешную профессиональную карьеру во всех сферах общества. К числу основных надпрофессиональных качеств современного специалиста можно отнести следующие [12]: *гибкость* (умение постоянно меняться и подстраиваться под требования окружения и среды); *креативность* (придумывание новых и нестандартных решений, что позволяет в современных условиях конкурировать с искусственным интеллектом. В этой же плоскости лежат когнитивные навыки и способность к сложным мыслительным процессам, таким как анализ, синтез, логика, системное мышление. Это порождает необходимость формирования в процессе обучения таких важных психических познавательных процессов и качеств, как мышление, воображение, интеллект); *медиаграмотность* (способность анализировать, критически оценивать и понимать сообщения разных форм медиа); *критическое мышление* (способность анализировать информацию и события, подвергать их оценке на предмет надежности, а также выносить собственные суждения и корректно применять полученные выводы к жизненным ситуациям); *эмоциональный интеллект* (способность легко понимать на-

стоящие и ложные эмоции своего окружения, адекватно вести себя в ситуации конфликтов и обладать большей стрессоустойчивостью); *способность к самообразованию* (оперативно овладевать актуальными знаниями и умениями, постоянно, на протяжении всей жизни, учиться и переучиваться не только в образовательных учреждениях, но и через самообразование, когда знания получают посредством новых форм и технологий обучения: вебинары, онлайн-курсы, конференции и т. д.).

Наряду с *soft skills* сейчас актуальными у современных специалистов также выступают и другие гибридные навыки, среди которых можно выделить, прежде всего, весь спектр знаний и компетенций, которые помогают жить в мире информационных и коммуникационных технологий, в том числе цифровую грамотность, базовые навыки программирования, поиска информации, навыки обработки и анализа информации, способности к картированию знаний, кросс-культурность и др. Несмотря на стремительное развитие технологий, знание иностранных языков все еще остается ключевым навыком, способствующим развитию, адаптивности и интеграции в кросс-культурном контексте. И еще одним из актуальных качеств индивида является способность управлять своим временем, а также умение направлять и удерживать внимание в условиях информационной перегрузки [13]. Все эти качества способствует формированию высокоинтеллектуального человека-творца как ключевого элемента и движущей силы современного информационного общества.

Новая социальная данность обуславливает новые подходы к управлению высшей школой, модернизации методов, форм и средств обучения в ней. И в этом плане традиционная информационно-знаниевая парадигма образования, основанная на передаче определенного объема знаний по конкретной специальности, отходит на второй план, потому что она не может сформировать современного специалиста с набором качеств и компетенций, необходимых для работы в цифровой экономике. Как было отмечено выше, в некотором смысле ценность самих профессиональных знаний как таковых сейчас отходит на второй план и им на смену приходит спрос на мышление, интеллект и спрос на так называемые гибкие навыки (*soft* компетенции). В силу этого образование меняет формат с лекционного на проектное. Привычный цикл «узнал–понял–сделал» сменяется на дедуктивный, по принципу «сделал–понял–узнал». Именно такое обучение позволяет формировать у будущих специалистов реальный опыт, прикладные компетенции, личностные навыки и креативный потенциал [13].

Появляется потребность и в альтернативных формах обучения. Сейчас, когда знания по многим специальностям устаревают через 3–5 лет, необходимо постоянное их пополнение, а также формирование новых профессиональных умений и навыков. В силу этого на передний план выходят короткие обучающие программы для быстрого усвоения новых, постоянно меняющихся навыков. Сегодня мы это видим при подготовке специалистов для работы ИТ сферы. Такой формат обучения породил особую группу специалистов, которой не су-

ществовало прежде (например, так называемые «тестировщики» в компьютерных фирмах). Но такой подход зачастую порождает слишком «узких» специалистов, которые не могут решать фундаментальные задачи в своей профессиональной сфере. Наличие только прикладных знаний и функциональную неграмотность сегодня считают серьезным цивилизационным риском, поскольку именно это в конечном итоге приводит к тому, что молодые специалисты в процессе трудовой деятельности при решении производственных проблем недостаточно умеют «добывать сложные смыслы, критически оценивать представленную информацию, формулировать гипотезы, делать выводы и многое другое».

Кроме того, в настоящее время все в большей степени стираются различия между формальным и неформальным образованием. Развитие цифровых технологий и бизнес-методологий приводит к тому, что на стыке неформального, полужформального и формального видов образования возникают инновационные формы и новые модели обучения, которые направлены на то, чтобы сделать студента субъектом своего образования. Вследствие этого образование становится персонифицированным и непрерывным, обучающийся сам выстраивает свою учебную траекторию.

Если вести речь о развитии системы высшего образования Беларуси, то следует отметить, что социально-экономические и культурные трансформации современного белорусского общества также обуславливают новые требования к такому его социальному институту как высшее профессиональное образование. Вместе с тем для высшей школы Беларуси все еще актуальными проблемами, препятствующими ее эффективному развитию, на наш взгляд, являются следующие: слабая учебно-материальная база; невысокий уровень общеобразовательной подготовки абитуриентов; низкий уровень практической и исследовательской подготовки студентов; формальная система контроля знаний студентов; недостаточное участие предприятий в разработке и согласовании учебных планов и учебных программ при подготовке специалистов; высокая централизация управления вузами и др. Справедливости ради необходимо отметить и такие основные достоинства высшей школы Республики Беларусь, как доступность получения образования, его относительно низкая стоимость, а также в некоторой степени его широта, что позволяет мотивированным студентам получить теоретические знания по широкому спектру дисциплин.

Таким образом, в современную цифровую эпоху развития общества на систему высшего образования возлагается особая функция. В условиях цифровизации всех сфер социума «образование должно развивать то, что не сможет делать искусственный интеллект». К ключевым навыкам и умениям, которые должна формировать система высшего образования в обучающихся сегодня, следует отнести, прежде всего, так называемые «гибкие навыки», такие, как творчество, проектная деятельность, умение принимать решения, командное мышление, способность экспериментировать, изобретать, критически мыслить. Не менее важными качествами выпускников современной школы выступают

также лидерские качества, умение планировать, правильно расставлять приоритеты, выполнять задачи в сроки, а также коммуникативность, способность решать межличностные конфликты, справляться с перепадами учебной нагрузки, рисковать и рассматривать совершенные ошибки как точки роста.

Развитие новых компетенций у выпускников вузов, как было отмечено выше, накладывает свой отпечаток на все элементы учебного процесса в высшей школе, начиная от профориентационной работы со школьниками и отбора абитуриентов и заканчивая новыми требованиями к содержанию учебных планов по специальностям и учебных программ изучаемых дисциплин, а также обуславливает формирование соответствующей образовательной политики в стране, разработку новых подходов к управлению высшей школой, модернизацию методов, форм и средств обучения в ней.

В последние два десятилетия для формирования новой генерации специалистов в европейских и американских вузах широкое распространение получила система подготовки специалистов по модели свободных искусств и наук (*liberal arts and sciences education*). Именно по такой модели высшего образования осуществляют в настоящее время обучение бакалавров (*первая ступень вузовского образования*) ведущие американские университеты, входящие в Лигу плюща: Гарвардский, Йельский, Принстонский, Колумбийский, Корнеллский и др. Следует отметить, что в настоящее время около двадцати университетов Российской Федерации получили лицензии Министерства науки и высшего образования на открытие образовательных программ по модели свободных искусств и наук. Лидером среди вузов России в этом направлении является Санкт-Петербургский государственный университет, в котором уже функционирует факультет свободных искусств и наук.

Современное образование по модели свободных искусств и наук можно представить как систему высшего образования, призванную развивать в студентах желание и способность учиться, критически мыслить и ясно выражать свои мысли, а также готовить их к роли сознательных и активных граждан общества [14, с. 20; 15, с. 17].

Такой подход в обучении делает акцент как на широту знаний о мире в его целостности (то есть и о науке, и о культуре, и об обществе), так и глубину достижений в специфической интересующей человека области. При этом реализация его в высшей школе помогает студентам развивать чувство социальной ответственности, сильные интеллектуальные, социальные и практические навыки, востребованные во всех основных областях исследований (такие, как коммуникабельность, навык аналитического мышления и навык решения задач), формирует способность применять знания и навыки в конкретных жизненных ситуациях и другие качества.

Кроме того, такая модель либерального образования, уделяя большее внимание развитию специфических личностных качеств обучающихся, чем при чистой «профессионализации», позволяет готовить специалистов, которые без труда ориентируются в меняющемся мире и способны к активной деятельности

во всех сферах общества. Следует отметить, что опросы американских работодателей показали, что сейчас девять из десяти из них считают, «что демонстрируемая способность кандидата на рабочее место мыслить критически, ясно выражать свои суждения и решать разнообразные сложные проблемы гораздо важнее, чем то, какая специальность значится в дипломе бакалавра и какими конкретными профессиональными знаниями и навыками он обладает» [15, с. 7].

В контексте данной модели образования под понятием «свободные искусства» подразумевается специфический набор академических дисциплин, ассоциирующийся, прежде всего, с гуманитарными дисциплинами. Однако в этот набор дисциплин могут входить интерпретативные и практические искусства, социальные, естественные, компьютерные и другие науки [15, с. 8]. Кроме того, неотъемлемой составной частью образовательной программы этой модели выступают естественные науки и математика. К примеру, в настоящее время Бард колледж (США) требует от студентов выбрать курсы по следующим семи областям изучения: философия, эстетика и интерпретация; литературные тексты и лингвистика; социальные и исторические дисциплины; иностранный язык и культура; естественные науки, эмпирические социальные науки или математика; практические искусства; научно-практический курс или курс, связанный с программированием. Студенты также должны пройти тест на владение методами математического вычисления и прослушать курс, в котором важную роль играет работа с цифровыми данными. Все курсы классифицируются согласно тем требованиям, которым они удовлетворяют.

Следует подчеркнуть, что образование по модели свободных искусств и наук как система, включает в себя не просто набор изучаемых дисциплин, будь это классические предметы или более современная ассоциация с искусствами и гуманитарными науками, но и принципы построения учебного плана, специфические процедуры, которые обеспечивают такие возможности, как свобода выбора студентами конкретных учебных дисциплин, междисциплинарный характер учебного плана и педагогические методики, подразумевающие демократизацию процесса обучения, что выражается в том, что обучение реализуется через ориентированную на студента педагогику – интерактивную и вовлекающую их в работу с текстами как в аудитории, так и за ее пределами [15, с. 18].

Однако право выбора по модели свободных искусств и наук не означает, что студентам разрешено все. Учебный процесс в этой системе управляется тем, что можно назвать *bounded uncertainty* (ограниченной неопределенностью) [16]. Согласно этому принципу, учебный план формируется так, чтобы обеспечить не только широту охвата, но и глубину изучения. Широта обычно достигается благодаря тому, что существует определенный набор обязательных дисциплин (групп дисциплин) по избранной специальности. Глубина изучения той или иной дисциплины достигается тем, что учебный план обычно требует, чтобы студент вместе с преподавателями выбирал сферу научных интересов или специализацию. Главная цель заключается в том, чтобы выпускник

приобрел минимально достаточную профессиональную квалификацию хотя бы в одной интеллектуально целостной сфере (иногда студенты концентрируются в двух областях).

В целом система образования Liberal Arts строится на следующих ключевых положениях:

1) развитие критического мышления (*critical thinking*): умение задавать вопросы, искать возможности, погружаться в проблему с разных сторон, ставить под сомнение позиции, искать доказательства, выходить за рамки;

2) самопознание (*self-discovering*) – пробовать разные виды активностей, изучать разные научные дисциплины, постоянно отслеживать собственное восприятие того, что пробуешь – искать и активизировать собственные задатки и способности, и в итоге, найти сферу своих интересов;

3) командная работа и сотрудничество (*team-work and collaboration*);

4) мультидисциплинарный подход (*multi-discipline*): когда берется проблема и исследуется через методы и инструменты нескольких наук;

5) межнациональный подход (*multi-cultural*) – умение работать с учетом специфики мышления и разницы поведения и реакций людей из разных стран и континентов;

6) формирование жизнестойкости (*resilient building*) – развитие умений восстанавливаться в условиях сильного стресса и больших перегрузок [17].

Реализация этих принципов в обучении в конечном итоге способствует формированию у выпускников высшей школы не только профессиональных навыков и знаний (*hard skills*), связанных с конкретной специальностью, но самое главное, накоплению так называемых универсальных компетенций (*soft skills*), которые можно применять во всех сферах профессиональной деятельности.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации всех сфер общества, университетское образование в новых социальных реалиях должно учить преобразовывать мир и себя, а не просто познавать окружающий мир; формировать духовную и нравственную личность студента; прогнозировать и проектировать развитие новых профессиональных знаний, умений и навыков, а не поддерживать и транслировать их определенный уровень; учить приобретать практический проектно-деятельностный опыт для решения социально-экономических и профессиональных проблем; быть диалогичным, интерактивным и плюралистичным, когда преподаватель и студент являются равноправными субъектами образовательного процесса.

Список использованных источников

1. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040». Проект. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 42 с.
2. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М., 2003. – 528 с.
3. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учеб. пособие / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб. – М. : Воронеж, 2003. – 480 с.

4. Жук, О. Л. Система управления качеством образования и психолого-педагогической подготовкой студентов / О. Л. Жук // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 8. – С. 61–67.
5. Гончарик, Н. Г. Компетентностный подход и его реализация в профессиональной школе / Н. Г. Гончарик // Проблемы инженерно-педагогического образования в Республике Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Б. М. Хрусталева. – Минск, 2004. – С. 123–128.
6. Социология : энцикл. / сост.: А. А. Грицанов [и др.]. – Минск, 2003. – 1312 с.
7. Кочергин, В. Я. Компетентность и профессиональная культура / В. Я. Кочергин // Социология. – 2005. – № 1. – С. 82–87.
8. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен ; пер. с англ. – М., 2002. – 396 с.
9. Дополнительное профессиональное образование как фактор повышения качества трудовых ресурсов : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Воронеж, 2005. – Ч. 1. – 181 с.
10. Образование: сокрытое сокровище : докл. Междунар. комис. по образованию для XXI в., представленный ЮНЕСКО. – Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 1996. – 46 с.
11. Проблемы качества образования : материалы XIII Всерос. совещания : [В 5 кн.]. – М. ; Уфа, 2003. – Кн. 2. – 70 с.
12. Какие качества в себе нужно развивать сейчас, чтобы быть успешным в будущем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/go/669130.html> – Дата доступа: 27.01.2020.
13. Идигова, А. Пока человек учится, ценность его образования уже снижается на 50 % [Электронный ресурс] / А. Идигова. – Режим доступа: http://www.zautra.by/art.php?sn_nid=30354. – Дата доступа: 21.02.2019.
14. Беккер, Дж. Что такое либеральное образование и чем оно...не является / Дж. Беккер // Проблемы либерального образования : сб. ст. / ред. В. Б. Касевич. – СПб : С.-петерб.гос. ун-т, 2012. – 142 с.
15. Свободные искусства и науки на современном этапе: опыт США и Европы в контексте российского образования : сб. ст. / под ред. Дж. Беккера, Ф. В. Федчина. – СПб : С.-петерб. гос. ун-т, 2014. – 124 с.
16. *Philippe C. Schmitter, Terry Lynn Karl*, 'What Democracy is... and is Not,' *Journal of Democracy*. Vol. 2, No. 3. Summer 1991. P. 82.
17. Чему нам стоит поучиться у образовательной системы США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://probusiness.io/hr/6416-chemu-nam-stoit-pouchitsya-u-obrazovatelnoy-sistemy-sshamnenie.html?utm_source=tut.by&utm_medium=title_block&utm_campaign=tut.by#ua:ne. – Дата доступа: 04.10.2019.

Поступила 25.10.2020 г.

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,
*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: О БАЛАНСЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО УМЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

В статье обосновывается необходимость дополнить интеллектуальные умения, которые развивала у студентов и школьников советская система образования, способствующая научно-техническому прогрессу, воспитанием у них экономической инициативы. Рыночная инновационная экономика требует от современного человека не только образованности, но также и развитых деловых качеств. Это позволит сформировать отношение к образованию как к экономической ценности, в связи с чем экономическая активность так же, как в свое время научно-технический прогресс, должна получить ценностную поддержку образования.

Ключевые слова: ценности образования, человеческий капитал, инновационная экономика, интеллектуальные умения, экономическая инициатива.

S. V. KOSTJUKEVICH,
*Candidate of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk*

VALUES OF EDUCATION, A HUMAN CAPITAL AND THE INNOVATIVE ECONOMY: ABOUT THE BALANCE OF INTELLECTUAL SKILL AND ECONOMIC INITIATIVE

The article gives reason for the necessity not only to develop intellectual skills by students but also to educate economic initiative with them. This is because the market innovation economy requires a combination a developed intellect with a business activity in a person.

Keywords: values of education, human capital, innovative economy, intellectual skills, economic initiative.

Обретя в 1991 г. независимость, Беларусь получила в наследство от Советского Союза промышленный сектор, в котором приоритетом было развитие тяжелой промышленности (в рамках административной экономики). В качестве примера можно привести знаменитый Минский завод колесных тягачей – сегодня это открытое акционерное общество, 100 % акций которого принадлежит Республике Беларусь. ОАО «МЗКТ» ведет отсчет своей истории с 23 июля 1954 г. В этот день приказом директора Минского автозавода № 15сс во испол-

нение Постановления Совета Министров СССР от 25 июня 1954 года № 1258-563сс и приказов Министра автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР № 21сс и № 25сс на Минском автомобильном заводе было создано специальное конструкторское бюро № 1 (СКБ-1) по тяжелым колесным артиллерийским тягачам и двигателям к ним с опытной базой [1].

Из-за приоритетного развития тяжелой промышленности нужды населения как потребителей приходилось часто удовлетворять за счет ввозимого импорта. Как пишут о советской экономике Г. Попов и Н. Аджубей: «Это была военно-промышленная модель экономики, базирующаяся на полном преобладании тяжёлой индустрии» [2]. В итоге товарный дефицит и низкое качество товаров для населения было общеизвестным нареканием в советской экономике. К тому же в 1980-е гг. экономика СССР вошла в стадию застоя.

Выбор военно-промышленной модели экономики означал, что геополитическое лидерство СССР связывал только с военно-техническим развитием. После Второй мировой войны США внесли новшество в геополитические установки: не только создание оружия, но и экономическое богатство стало считаться в равной степени фактором лидерства. Это наложило отпечаток на процессы, протекающие в современном мире – цифровая экономика сегодня не менее важна, чем цифровое оружие, а запущенный тренд инновационной экономики означает, что научно-технологический прогресс должен служить не только военно-техническому превосходству, но и поддержанию экономического богатства. Необходимость интеграции научного и технического прогресса с экономикой – это, в принципе, общее для западных стран убеждение, связанное с работами австрийского экономиста И. Шумпетера и подкрепленное историей промышленного развития в Европе, которая показала пример индустриализации, основанной на заинтересованности капиталиста-предпринимателя в научно-техническом развитии для получения прибыли: «...это то, что Йозеф Шумпетер называл «созидательным разрушением» и считал основой динамичного развития капитализма – предприниматели вкладывают деньги в технические новшества, которые ведут к созданию новых и разрушению старых отраслей» [3, с. 140].

Инновационная экономика, таким образом, тесно связана с коммерциализацией технического творчества – характерной чертой западного промышленного капитализма, в рамках которого фигура инженера-предпринимателя (типа Илона Маска), органичная для западного мира, поддерживает в западной рыночной экономике развитие технологического прогресса и экономического богатства – это две вещи, ключевые для капиталистической системы, которая сделала технологический прогресс в рамках промышленного производства условием экономического богатства.

Коммерциализация технического творчества стала характерным признаком во многих странах, и она является логическим следствием того, что экономика современных стран следует духу западной экономики как оформившегося симбиоза научно-технической цивилизации и буржуазного социального

строю (когда капиталист-предприниматель использует для получения прибылей научно-технические разработки).

Советский Союз не рассматривал экономическое богатство как фактор геополитического лидерства, сосредоточившись только на военно-техническом превосходстве, которое обеспечивалось поддержкой научно-технического прогресса. Отсюда главной задачей советских технических вузов была подготовка инженеров как разработчиков и исследователей. Приведем авторитетное мнение академика И. Б. Федорова, президента МГТУ имени Баумана: «...когда мы говорим о нашей российской инженерной школе, то в первую очередь подразумеваем подготовку инженеров-конструкторов, инженеров-разработчиков...» [4]. В соответствии с этим советские инженерные вузы давали хорошую научную подготовку студентам. А хорошая научная подготовка развивала их интеллект – так СССР запустил в общественное сознание ценность образования как интеллектуального развития личности.

Будучи в составе СССР, Беларусь приобрела опыт использования системы высшего и профессионального образования, которая была создана в годы правления коммунистов, для индустриализации страны и продвижения научно-технического прогресса. Однако для постсоветской Беларуси актуальной стала задача использования образования для экономического роста страны в условиях глобальной торговли и инновационного развития. Однако здесь возникают трудности, поскольку советская система образования была заточена под продвижение научно-технического прогресса для военно-промышленного лидерства, но не была ориентирована на продвижение научно-технического прогресса для экономического роста и создания экономического богатства.

Если советская система образования, которая призвана была способствовать научно-техническому прогрессу, интеллектуально развивала школьников и студентов, обеспечивая их интеллектуальными умениями, то сегодня, в рыночной инновационной экономике, необходимо дополнить интеллектуальные умения экономической инициативой. Инновационная экономика нуждается именно в такой комбинации. Однако обеспечить эту комбинацию постсоветским странам довольно сложно: в советской системе образования развивали интеллект, но не воспитывали предприимчивых и инициативных. Экономическая активность была возможна лишь с санкции политической власти (типа стахановского движения) и сопровождалась идеологической мотивацией труда. Социологический опрос 2018 г.¹ подтвердил наличие проблемы – так, он показал, что только 5,5 % опрошенных граждан Беларуси связывают образование

¹ С целью изучения потенциала использования сферы образования и, в частности, ценностного отношения жителей республики к образованию как неэкономическому ресурсу социально-экономического развития общества Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г. была разработана анкета и проведен опрос населения в рамках выполнения плановой темы «Социальная сфера и неэкономические ресурсы развития белорусского общества» на 2016–2020 гг. Подробно о методологии данного исследования можно прочесть в монографии «Неэкономические факторы устойчивого развития общества» [5].

Отношение населения Беларуси к образованию как ценности, % от числа опрошенных

На Ваш взгляд, в чем главная ценность образования, что оно дает человеку? (возможно выбрать не более 3-х вариантов ответа)	%	Ранг
Дает человеку профессиональные знания и навыки	54,8	1
Развивает ум и способности человека	31,4	2
Помогает делать карьеру и повышать социальный статус (положение в обществе)	28,2	3
Помогает человеку больше зарабатывать, повышать свое благосостояние	23,6	4
Делает человека более конкурентоспособным на рынке труда	21,0	5
Воспитывает нравственные качества, характер	20,1	6
Повышает самооценку человека	19,7	7
Делает человека более полезным и эффективным членом общества	17,9	8
Помогает лучше понять себя и других, правильно строить отношения с людьми	14,9	9
Помогает справляться с трудными жизненными ситуациями	12,9	10
Формирует определенный круг общения (в том числе и на будущее)	9,5	11
Развивает инициативу	5,5	12
Другое	0,9	
Нет ответа	0,8	

с такой ценностью, как «развитие инициативы» (таблица). 23,6 % опрошенных видят ценность образования с экономической точки зрения, а именно как фактор повышения материального благосостояния. Столь значительная разбежка в цифрах означает, что инициатива не рассматривается как фактор повышения собственного материального благосостояния. Во-вторых, опрос зафиксировал, что советская система идеологических предпочтений отражена в ценностном восприятии населения – так, 31,4 % опрошенных видят ценность образования в том, что оно развивает ум и способности и всего лишь 5,5 % – что оно развивает инициативу. Но как интеллектуально развитому человеку, желающему повысить свое материальное благосостояние, обойтись без инициативы?

Очевидно, что *следует обратить внимание на повышение воспитательной функции учебных заведений в качестве фактора формирования инициативности, предприимчивости и ответственности как важных элементов рыночного экономического поведения*. Необходимо формировать экономическое мышление и экономический подход к делу как главные составляющие человеческого капитала.

Введением понятия «человеческий капитал» была выдвинута идея, что образованность работника – это ценное качество для его экономической активности и успеха, а также для развития экономики в целом. На образованность (и образование) стали смотреть как на ценность и капитал, а значит, источник дохода (как для отдельного работника, так и для общества в целом). Такой подход к образованию был следствием того, что термин «человеческий капитал» изобрели экономисты (Т. Шульц и Г. Беккер).

Сегодня уже не рассматривают человеческий капитал так, как его рассматривал один из основателей теории человеческого капитала американский экономист Т. Шульц. Он считал, что образование само по себе уже делает людей

более производительными, а значит, более обеспеченными¹. Сегодня во многих зарубежных фирмах смотрят, прежде всего, не на образовательную подготовку, а на креативность и деловые качества работника. Об этом, например, свидетельствует Ф. Бурлацкий, который изучал японский опыт: «...образование не рассматривается как решающий фактор для карьеры человека. Главное – это активность, изобретательность, лояльность. Каждая компания или фирма, принимая на работу человека, даже получившего лучшее университетское образование, устраивает ему собеседование или экзамен и ставит на самую низшую должность, предлагая проявить себя либо как изобретательного инженера, либо как умелого коммерсанта, либо как менеджера. Все его продвижение зависит исключительно от его деловой хватки» [6, с. 72]. И как нередко бывает, не всегда деловая хватка именно у тех, кто обладает наилучшей образовательной подготовкой. Вот почему остро встает вопрос воспитания экономического человека с его экономическим мышлением и экономическим подходом к делу – это те люди, которые планомерно уничтожались и подавлялись в Советском Союзе, но которые сегодня очень востребованы в рыночной инновационной экономике. *Итак, развитие человеческого капитала как неэкономического фактора развития экономики сегодня ставится не только в плане образования человека, но и в плане его воспитания, так как человеческий капитал формируют не только знания, но и воспитание: в рыночной инновационной экономике нужен не просто хорошо образованный человек с развитым интеллектом, он должен быть еще воспитан и деловым человеком.*

Сегодня интеллектуальное умение должно сочетаться с предприимчивым (экономическим) мышлением и с развитием инициативы и креативности. Предприниматели должны стать такой же уважаемой фигурой в обществе, как в свое время в советском обществе уважаемыми фигурами были ученые и инженеры. Понимая это, в постсоветской России были созданы экономиче-

¹ Однако подобное заключение убедительно лишь отчасти, поскольку само по себе образование не сделает каждого Генри Фордом (известный американский инженер и предприниматель, внесший вклад в развитие американской экономики) или Николаем Путиловым (известный русский инженер и предприниматель, много сделавший для развития тяжелого машиностроения в России). Нужны еще способности, мотивация и предоставление обществом высокой степени личной свободы в экономической деятельности (чего, например, не было в СССР), то есть не само по себе образование делает человека производительным, а совокупность условий (одним из которых является образование). Неудивительно поэтому, что «в 70-е годы теория человеческого капитала подверглась атакам со стороны так называемой теории фильтра (среди ее авторов известные экономисты и социологи – А. Берг, М. Спенс, Дж. Стиглиц (Stiglitz, Jhon), П. Уилс (Wiles, Peter), К. Эрроу). Согласно этой теории, образование представляет собой механизм, сортирующий людей по уровню их способностей. Информация об этом достается фирмам даром, помогая отбирать наиболее перспективных кандидатов на рабочие места. Более высокая производительность оказывается связана не с полученным работниками образованием, а с их личными способностями, которые существуют до и помимо него и которые оно просто делает явными. Теория фильтра не ставит под сомнение выгодность обладания дипломом для отдельного человека. Но для общества в целом содержание такого дорогостоящего сигнального устройства как система образования заведомо неэффективно, поскольку известны намного более простые и дешевые методы проверки деловых качеств» [7].

ские школы по типу западных и был создан Сколтех по аналогии с Массачусетским технологическим институтом.

В 1992 г. в Москве основываются Высшая школа экономики (теперь Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и Российская экономическая школа (РЭШ). В 2011 г. были созданы Открытый университет Сколково и Сколковский институт науки и технологий (Сколтех). Сколковский институт науки и технологий – негосударственный образовательно-исследовательский институт, который готовит новые поколения исследователей и предпринимателей, продвигает научные знания и содействует технологическим инновациям. Сколтех строит свою работу, опираясь на лучшие традиции российских и международных образовательных и исследовательских практик, делая особый акцент на предпринимательской и инновационной деятельности [8].

В постсоветской Беларуси также стали копировать западное экономическое образование, но денег, чтобы создать свой белорусский Сколтех, не было. Однако, помимо модели Сколково, для запуска тренда коммерциализации технического творчества в бывших советских странах можно использовать другой путь – подготовку части инженеров как предпринимателей в технических университетах. Этой проблемой занимаются в Украине и Беларуси¹ [9].

Распад СССР и смена идеологических приоритетов в бывших советских республиках привели к тому, что двигателем прогресса в этих странах стала рассматриваться не наука и техника (и, соответственно, индустрия), как это было в Советском Союзе, а рыночная экономика. Это означало, что советская эпоха с ее экономической и идеологической гегемонией промышленного производства, когда молодые люди охотно шли учиться в технические вузы и работали в промышленности (зарплаты в индустриальном секторе были выше, чем в других секторах советской экономики), закончилась. Отныне не заводы, а банки стали центром успешной жизни. В результате именно финансово-экономическое образование стало одним из самых популярных видов образования в постсоветских странах.

Потеряв приоритетный статус, советские технические вузы оказались в трудном положении, и чтобы выжить, они начали перепрофилироваться и готовить экономистов, юристов и менеджеров. Однако для технических вузов есть другой путь встроиться в рыночную экономику: интегрировать инженерное образование и бизнес-образование и тем самым готовить часть инженеров как бизнесменов для промышленного предпринимательства.

Экономическое богатство создают не только финансовые институты, но и промышленные предприятия. Инженеры и ученые, занятые в промышленном предпринимательстве, также создают богатство – об этом пишут авторы

¹ Так, например, в 2016–2018 гг. было проведено совместное социологическое исследование «Интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах Украины и Беларуси как фактор развития национальных экономик» при грантовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (Г16К-038) и Государственного фонда фундаментальных исследований Украины (Ф73/24456).

документа «Инженерное исследование в ирландском экономическом развитии», подготовленного Ирландской академией инженерии в 2010 г. [10]. *Однако, у лидеров в постсоветских странах пока нет понимания ценности инженерного сословия как фактора экономического развития и благосостояния.* Между тем Республика Беларусь, имея 7 технических вузов и ставшая в советский период инженерной республикой, обладает уже инженерным потенциалом для развития промышленного предпринимательства и рыночной инновационной экономики.

Ценностное сознание опрошенных граждан Беларуси определяет их выбор видеть экономический смысл образования в значительной степени в том, что оно помогает повышению конкурентоспособности на рынке труда и повышению материального благосостояния. Однако, чтобы образованные люди были более производительными и экономически активными, им следует дать шанс быть предприимчивыми и инициативными. *Это сформирует отношение к образованию как к экономической ценности – как неэкономическому ресурсу экономического развития. Экономическая активность так же, как в свое время научно-технический прогресс, должна получить ценностную поддержку образования.*

Список использованных источников

1. Минский завод колесных тягачей. История МЗКТ. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mzkt.by/about/history/>. – Дата доступа: 15.11.2020.
2. Попов, Г., Аджубей, Н. Пять выборов Никиты Хрущева [Электронный ресурс] / Г. Попов, Н. Аджубей. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/15100/>. – Дата доступа: 19.11.2020.
3. Таганлычева, Р. К. Рецензия на книгу «Есть ли будущее у капитализма?» / Р. Г. Таганлычева // Вестн. С.-петерб. ун-та. – 2016. – Сер. 12. Вып. 1. – С. 144–146. – Рец. на кн.: Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. / И. Валлерстайн [и др.] ; пер. с англ., под ред. Г. Дерлугьяна. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 320 с.
4. Инженерное образование сегодня: проблемы и тенденции. Интервью президента МГТУ им. Н. Э. Баумана, академика РАН И. Б. Федорова главному редактору журнала «Alma mater» (Вестник высшей школы) Л. Г. Тюриной [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.almavest.ru/ru/favorite/2012/04/26/299/>. – Дата доступа: 15.11.2020.
5. Неэкономические факторы устойчивого развития общества / С. А. Шавель [и др.] ; под общ. ред. С. А. Шавеля / Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 379 с.
6. Бурлацкий, Ф. Новое мышление: диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах / Ф. Бурлацкий. – М. : Политиздат, 1988. – 334 с.
7. Капелюшников, Р. И. Теория человеческого капитала [Электронный ресурс] / Р. И. Капелюшников. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/10624>. – Дата доступа: 19.11.2020.
8. Сколковский институт науки и технологий. Официальный сайт [Электронный ресурс] / Skoltech. – Режим доступа: <https://www.skoltech.ru/o-nas/>. – Дата доступа: 15.11.2020
9. Кутуев, П. В. Интеграция инженерного образования и бизнес-образования как драйвер развития национальных экономик постсоветских стран / П. В. Кутуев, Г. А. Коржов, С. В. Костюкевич // Вісн. Нац. техніч. ун-ту України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право : зб. наук. праць. – Київ ; Одеса : Типографія «Айс Принт», 2018. – № 1(37) – С. 43–55.
10. Engineering Research in Irish Economic Development [Electronic resource] / Irish Academy of Engineering. – December 2010. – Mode of access: <http://iae.ie/publications/engineering-research-economic-development-engineering-research-in-irish-economic-development-dec-3-2010/>. – Date of access: 19.11.2020.

Поступила 19.11.2020 г.

УДК 316:37.018.4

О. Н. ФАБЛИНОВА,

кандидат социологических наук,

*Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск*

РОЛЬ «МЯГКИХ» НАВЫКОВ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматривается понятие «мягкие» навыки и их роль в жизни индивидов в условиях инновационного развития экономики. Представлены результаты зарубежных и отечественных исследований, поднимающих вопросы актуальности формирования и развития «мягких» навыков.

Ключевые слова: «мягкие» навыки, человеческий капитал, человеческий потенциал, исследование, социологический опрос.

O. N. FABLINOVA,

Candidate of Sociological Sciences,

*Theory and Practice of Public Administration Research Institute of the Academy
of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk*

THE ROLE OF SOFT SKILLS IN THE CONDITIONS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

The article examines the concept of soft skills and their role in the individual's life in the context of innovative economic development. The results of foreign and domestic studies considering the formation and development importance of soft skills are presented.

Keywords: soft skills, human capital, human potential, research, sociological survey.

В условиях ускоренного научно-технического прогресса, внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни, усиления конкуренции, а также глобализации и интернационализации экономики возросла ценность человеческого потенциала как стратегического фактора инновационного развития отдельных организаций и целых регионов.

На сегодняшний день единое, общепризнанное толкование понятия «человеческий потенциал» отсутствует. Согласно К. К. Колину, под ним понимается «совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования людских ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения определенных задач и достижения поставленных целей» [1]. В. П. Бабинцев и М. П. Куркина определяют человеческий потенциал как «систему физических и духовных сил человека, отдельных социаль-

ных групп и общества в целом, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышение качества жизни индивида», И. В. Соболева – как накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, который реализуется в различных областях деятельности, а также в определенной иерархии потребностей людей [2; 3, с. 12].

О. И. Иванов для характеристики человеческого потенциала использует деятельностный подход и выделяет в человеческом потенциале в качестве базовых «системы потребностей, способностей и готовности индивидов и общностей к выполнению социально необходимых деятельностей, социальных ролей и функций» [4, с. 16]. Т. Е. Давыдова утверждает, что «человеческий потенциал – совокупность качеств, включающих способности, обеспечивающие жизнедеятельность его носителя». К компонентам такого потенциала, по мнению автора, относятся долголетие, здоровье, образованность, высокая профессиональная квалификация, информированность, наличие доступа к ресурсам, необходимым для поддержания достойного уровня жизни, возможность демонстрировать социальную активность и участвовать в жизни общества [5, с. 70].

Одной из форм проявления человеческого потенциала в системе рыночных отношений является человеческий капитал. Как отмечает Н. И. Хосроева, «капитализация человеческого потенциала происходит путем его использования в процессе труда, то есть преобразование человеческого потенциала в человеческий капитал происходит тогда, когда производительная сила человека становится товаром» [6].

О. И. Иванов проводит демаркационную линию между понятиями «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» через стоимостные оценки. Так, по мнению автора, понятие «человеческий капитал» фиксирует лишь «некоторые, произвольно, изолированно друг от друга выбранные свойства людей и общностей, которые можно выразить в стоимостной форме», в то время как в понятии «человеческий потенциал» все свойства следует рассматривать «во взаимосвязи, системно, на единой теоретико-методологической платформе и вне стоимостных оценок» [4, с. 21]. Аналогичной позиции придерживается и Е. В. Чучулина, отмечающая, что человеческий потенциал, отражающий сформировавшиеся возможности индивида, при наличии благоприятных условий превращается в человеческий капитал, выступающий источником дохода индивида и общества в целом [7, с. 3].

Согласно А. Н. Васильевой, в структуре человеческого капитала можно выделить несколько компонентов – профессиональный (включающий капитал образования и креативный капитал), культурный капитал (капитал отношений, нормы, ценности, мотивация) и капитал здоровья [8].

Человеческий капитал является основой цифровой и инновационной экономик, в которых роль специалистов и работников интеллектуального труда значительно выросла. В этих условиях конкурентоспособность отдельно взятого

индивида на рынке труда определяется не только степенью владения техническими навыками (hard skills), но и «мягкими» навыками (soft skills).

Hard skills («твердые», технические навыки) – это совокупность профессиональных навыков и умений, связанных с технической стороной деятельности. Их можно продемонстрировать, они относятся к обязательным требованиям при приеме на работу, следовательно, их указывают в вакансиях, резюме и должностных инструкциях. Примерами hard skills выступают набор текста на клавиатуре вслепую, владение компьютерными программами и иностранным языком, управление транспортным средством и т. д.

Soft skills («мягкие» навыки) – это совокупность надпрофессиональных навыков, необходимых для успешности индивида в любой сфере жизнедеятельности.

Сегодня в международном научном окружении и бизнес-сообществах отсутствует консенсус относительно наименования данных навыков. В качестве синонимов «мягких» навыков используются такие термины, как «социальные навыки» (social skills), «общие навыки» (generic skills), «гибкие навыки» (flexible skills), «основные навыки» (essential skills, core skills), «жизненные навыки» (skills for life), «базовые навыки» (basic skills), «сквозные навыки», или «трансверсальные навыки» (transversal skills) и др.

Л. Липпман (Laura H. Lippman), Р. Райберг (Renee Ryberg), Р. Карни (Rachel Carney), К. Мур (Kristin A. Moore) считают, что к «мягким» навыкам относится широкий набор навыков, компетенций, поведенческих установок и личностных качеств, который позволяет индивидам эффективно ориентироваться в своей среде и сотрудничать с другими людьми, успешно выступать и достигать своих целей [9]. Н. В. Емельянова определяет социальные навыки как «умение эффективно управлять отношениями с другими людьми», «комплексное понятие, включающее в себя как личностные навыки, так и навыки, обеспечивающие высокую компетенцию на межличностном и групповом уровнях взаимодействия», а цель их использования заключается в создании согласия и взаимопонимания с другим человеком или группой. В структуру социальных навыков, по мнению автора, входят самосознание и уверенность в себе, эмпатия, навыки общения, командное взаимодействие, конфликтное взаимодействие и решение проблем [10, с. 60–61].

В целом перечень «мягких навыков» довольно широк. В. Шипилов относит к ним «коммуникативные, лидерские, командные, публичные, «мышленческие» и другие» [11]. Т. А. Яркова и И. И. Черкасова причисляют к ним «способность к коммуникации, лидерству, кооперации, дипломатии, выстраиванию отношений; командные, публичные, «мышленческие» навыки; умения презентовать свои идеи, креативно решать открытые задачи, в том числе социального плана, и др.» [12, с. 225]. Д. Иванов относит к soft skills коммуникативные и управленческие навыки [13].

В связи с таким разнообразием «мягких» навыков исследователями предпринимаются попытки их систематизации. Так, С. Н. Бацунов, И. И. Дереча,

И. М. Кунгурова и Е. В. Слизова делят «мягкие» навыки на четыре группы: базовые коммуникативные навыки, или коммуникативная грамотность; навыки self-менеджмента; навыки эффективного мышления, или интеллектуального мышления; управленческие навыки, или форсайт-управление [14].

Ученые Венского университета прикладных наук (Х. Валь, К. Кауфманн, Ф. Эккраммер и др.) распределили «мягкие» навыки по следующим категориям: самоуправление и самомотивация; стрессоустойчивость; готовность к дальнейшему образованию или обучению; аналитические способности, интеграция команды; управление командой; сосредоточенность на целях и задачах; коммуникативные навыки; презентационные навыки [15, с. 226–227].

Согласно Е. Далл’Амико и С. Верона (Е. Dall’Amico, S. Verona), «мягкие» навыки можно сгруппировать в три кластера:

1. Навыки навигации по трудовой сфере («Navigating the world of work»): навыки определения рабочих целей, обучение обучению, адаптивность и гибкость, тайм-менеджмент и др.

2. Социальные навыки: навыки коммуникации, личной эффективности (управление стрессом), командной работы, лидерства, управления конфликтами и др.

3. Навыки достижения результатов: навыки принятия решений, навыки решения проблем, творчество и инновации, критическое и структурное мышление [16].

Для лучшего понимания специфики «мягких» навыков приведем их в сравнении с профессиональными навыками (таблица).

Характеристики soft skills и hard skills

Soft skills	Hard skills
Универсальны	Профессионально-ориентированы
Для освоения навыков не существует планового обучения и сертификации, доказать их наличие у индивида проблематично	Навыками можно овладеть в учебных заведениях, что подтверждается наличием сертификатов и дипломов (уровень владения определяется экзаменами, тестированием)
Гибкие навыки	Устойчивые навыки, которые можно отработать до автоматизма
Осваиваются медленнее	Осваиваются быстрее
Проявление навыков сложно отследить, измерить, продемонстрировать	Наличие и уровень развития навыков можно проверить при помощи экзаменов и аттестаций

Заинтересованность работодателей в наличии у работников «мягких» навыков высока. В 2016 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе аналитики назвали 10 компетенций, которые будут наиболее востребованы нанимателями к 2020 г.: комплексное решение проблем, критическое мышление, креативность, управление людьми, координация действий с другими, эмоциональный интеллект, составление суждений и принятие решений, клиентоориентированность («сервис-ориентация»); взаимодействие, ведение переговоров; когнитив-

ная гибкость [17]. Все вышеперечисленные компетенции относятся к «мягким» навыкам.

Такой повышенный спрос на «мягкие» навыки со стороны руководства организаций не случаен. Еще в 2013–2014 гг. сотрудники Гарвардского и Бостонского университетов и Школы бизнеса Росса Мичиганского университета провели научный эксперимент – рандомизированное контролируемое испытание на 5 фабриках в г. Бангалор (Индия). В нем приняли участие свыше 2700 человек (как в контрольной, так и экспериментальной группах). В результате проведенного исследования было установлено, что 12-месячная программа обучения «мягким» навыкам (навыкам межличностного общения, решения проблем и принятия решений, управления временем и стрессом, финансовая и юридическая грамотность) принесла существенную отдачу. Так, работники, освоившие программу обучения, оказались на 12 % производительнее тех, кто ее не прошел. Сравнивая окончательные затраты на программу с увеличением доходов, ученые обнаружили, что обучение «мягким» навыкам на фабриках окупилось примерно 250 % инвестиций менее, чем через год после завершения образовательного проекта [18; 19].

Согласно отчету «Будущее рынка труда. Противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году», представленному компанией PwC (ПрайсвотерхаусКуперс), специализирующейся на аудите и бизнес-консультировании, обязательным условием адаптации к быстро меняющимся условиям на рынке труда станет развитие «мягких» навыков, а именно – гибкости: «Невозможно предсказать, какие навыки будут востребованы даже через пять лет, поэтому сотрудникам и работодателям нужно быть готовыми маневрировать». Работникам и специалистам «необходимо будет не только подстраиваться под организационные изменения, но и быть готовыми учиться новым навыкам и приобретать новый опыт в любом возрасте, пробовать себя в ином качестве и даже переквалифицироваться в середине карьерного пути» [20].

Следовательно, сегодня актуальной задачей является формирование у современных студентов, выпускников, а также практикующих специалистов «мягких» навыков: стрессоустойчивости, тайм-менеджмента, коммуникативной компетентности, социального и эмоционального интеллекта и т. д.

Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных сотрудниками Академии управления при Президенте Республики Беларусь в 2020 г. Так, пилотажный опрос среди идеологических работников позволил установить, что основным качеством, которым сегодня должны обладать идеологи, является коммуникабельность [21, с. 39–41]. А онлайн-опрос студентов и слушателей Академии управления (объем выборки – 381 респондент) помог выявить, что, несмотря на высокую оценку организации дистанционного обучения в Академии управления, каждый седьмой участник исследования (15 %) столкнулся со сложностью самоорганизации и планирования учебного времени (то есть обладает недостаточно высоким уровнем развития навыка тайм-менеджмента).

В связи с этим представляется целесообразным на всех этапах получения образования, но в первую очередь – высшего и дополнительного образования взрослых, уделять повышенное внимание практикоориентированным занятиям по формированию и развитию у обучающихся soft skills.

Список использованных источников

1. Колин, К. К. Человеческий потенциал и инновационная экономика [Электронный ресурс] / К. К. Колин // Вестн. Рос. акад. естеств. наук. – 2003. – № 4. – Режим доступа: http://elibrary.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/NKIR/2003_4/irr03_01.pdf. – Дата доступа: 22.10.2020.
2. Бабинцев, В. П. Человеческий потенциал как научная категория [Электронный ресурс] / В. П. Бабинцев, М. П. Куркина // Науч. ведомости БелГУ. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8, вып. 20. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-kak-nauchnaya-kategoriya>. – Дата доступа: 22.10.2020.
3. Соболева, И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития / И. В. Соболева. – М.: Наука, 2007. – 202 с.
4. Иванов, О. И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / О. И. Иванов. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – 336 с.
5. Давыдова, Т. Е. Человеческий потенциал в стратегии развития региона: методологические аспекты исследования / Т. Е. Давыдова // Вестн. ВГУ. Сер.: Экономика и управление. – 2018. – № 4. – С. 69–74.
6. Хосроева, Н. И. Человеческий капитал как фактор формирования экономики знаний [Электронный ресурс] / Н. И. Хосроева // eLIBRARY.RU. – 2018. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32646133>. – Дата доступа: 25.10.2020.
7. Чучулина, Е. В. Человеческий потенциал как ключевой фактор социально-экономического развития региона : автореф. дис. ... канд. эк. наук : 08.00.05 / Е. В. Чучулина ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь : ПГНИУ, 2011. – 26 с.
8. Васильева, А. Н. Конкурентоспособность организации и ее человеческий капитал [Электронный ресурс] / А. Н. Васильева // Ин-т бизнеса БГУ. – Режим доступа: https://www.sbm.bsu.by/Data_RUS/ContBlocks/01112/Vasiljeva.pdf. – Дата доступа: 28.10.2020.
9. Lippman, L. H. Workforce Connections: Key “Soft Skills” that Foster Youth. Workforce Success: Toward a Consensus Across Fields. June 2015 [Electronic resource] / Laura H. Lippman [et al.]. – Mode of access: <https://www.edu-links.org/sites/default/files/media/file/KeySoftSkills.pdf>. – Date of access: 03.09.2020
10. Емельянова, Н. В. Роль и место социальных навыков в структуре компетенций бакалавров экономических вузов / Н. В. Емельянова // Теория и практика обществ. развития. – 2012. – № 1. – С. 60–63.
11. Шипилов, В. Перечень навыков soft-skills и способы их развития [Электронный ресурс] / В. Шипилов // Корпоративный менеджмент. – Режим доступа: https://www.cfin.ru/management/people/dev_val/soft-skills.shtml. – Дата доступа: 04.09.2020.
12. Яркова, Т. А. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога / Т. А. Яркова, И. И. Черкасова // Вестн. Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исслед. Humanitates. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 22–234.
13. Иванов, Д. Путь к вершине. Факторы успеха. Что важнее: soft skills или hard skills? [Электронный ресурс] / Д. Иванов // Colloquium. – Режим доступа: http://www.colloquium.ru/article/hard_soft/hard_soft.php. – Дата доступа: 04.09.2020.
14. Бацунов, С. Н. Современные детерминанты развития soft skills [Электронный ресурс] / С. Н. Бацунов [и др.] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-determinanty-razvitiya-soft-skills/viewer>. – Дата доступа: 22.08.2020.
15. Wahl, H. Soft Skills in Practice and in Education: An Evaluation / H. Wahl [et al.] // American Journal Of Business Education. – 2012. – Vol. 5, № 2. – P. 225–232.

16. *Dall'Amico, E.* Cross-country survey on Soft Skills required by companies to medium/high skilled migrants. Methodological approach for a common framework of Soft Skills at work [Electronic resource] / E. Dall'Amico, S. Verona. – 2015. – Mode of access: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/project-result-content/dce32717-6cfc-4b23-b7af-e4effad68f21/Framework_soft_skill_Report.pdf. – Date of access: 20.10.2020.
17. The Future of Jobs and Skills [Electronic resource] // World Economic Forum. – Mode of access: http://reports.weforum.org/future-of-jobs-2016/shareable-infographics/?doing_wp_cron=1599774664.6735930442810058593750. – Date of access: 05.09.2020.
18. *Adhvaryu, A.* The Skills to Pay the Bills: Returns to On-the-job Soft Skills Training / A. Adhvaryu, N. Kala, A. Nyshadham [Electronic resource]. – Mode of access: http://static1.l.sqspcdn.com/static/f/884336/27600987/1498048125603/PACE_june2017.pdf – Date of access: 20.10.2020.
19. Soft skills training boosts productivity [Electronic resource] // Michigan news. University of Michigan. – Mode of access: <https://news.umich.edu/soft-skills-training-boosts-productivity/>. – Date of access: 27.10.2020.
20. Будущее рынка труда. Противоборство тенденций, которые будут формировать рабочую среду в 2030 году [Электронный ресурс] // PwC. – Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/workforce-of-the-future-rus.pdf>. – Дата доступа: 29.10.2020.
21. *Фаблинова, О. Н.* Значение коммуникативной компетентности в работе представителей идеологической вертикали Республики Беларусь / О. Н. Фаблинова // Цифровая наука. – 2020. – № 9. – С. 33–45.

Поступила 30.11.2020 г.

И. Н. ШАРЫЙ,

*кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛИЗАЦИИ ЧИСЛЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представлен анализ динамики численности исследователей в научной сфере Республики Беларусь с учетом их квалификационной структуры. Проблемы стабилизации численности исследователей рассматриваются в связи с особенностями социального механизма их воспроизводства, с учетом деформации возрастной структуры. Выявлены особенности относительной стабилизации общей численности исследователей на отдельных временных этапах. Показано, что проблема стабилизации численности научных работников высшей квалификации пока не решена.

Ключевые слова: стабилизация численности исследователей, динамика численности исследователей, деформация возрастной структуры научных кадров, целевые показатели численности исследователей, научные работники высшей квалификации, доктора наук, кандидаты наук, исследователи без ученой степени.

I. N. SHARY,

*Candidate of Sociological Sciences,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk*

FEATURES OF ENSURING STABILIZATION OF THE NUMBER OF RESEARCHERS IN THE SCIENTIFIC SPHERE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The analysis of researchers' number dynamics in the scientific field of the Republic of Belarus is shown with taking into account their qualification structure. The issues of stabilizing researchers' number are considered in connection with the social mechanism features of their reproduction, taking into account the age structure deformation. The features of the relative stabilization of the total researchers' number at certain time stages are revealed. It is shown that issues of stabilizing researchers' number of highly qualified scientific workers have not yet been solved.

Keywords: researchers' number stabilization, researchers' number dynamics, age structure deformation of scientists, researchers' number target indicators, highly qualified researchers, doctors of sciences, PhD in sciences, researchers without a scientific degree.

После распада СССР изменения кадрового потенциала науки Республики Беларусь характеризовались высокой динамикой, при этом происходило не увеличение общей численности научных работников, как в прошлом, а их сокращение [1, с. 75]. На первом этапе сокращение численности исследователей

в целом было вызвано резким сокращением их численности в возрастной категории до 39 лет, что привело к деформации возрастной структуры научных работников. Обвальное сокращение численности кандидатов наук в возрасте до 39 лет привело к резкому росту доли кандидатов наук в возрастной категории старше 50 лет. Основатель белорусского науковедения доктор социологических наук Г. А. Несветаилов, характеризуя ситуацию старения научных кадров в середине 1990-х годов, отмечал, что «...в большинстве институтов основной груз ответственности за развитие научных направлений до сих пор лежит прежде всего на старшем поколении ученых» [2, с. 118].

В последующие десятилетия проблема сокращения численности исследователей сохранилась, определяя особенности динамики кадрового потенциала белорусской науки. Сокращение их численности было связано с деформацией возрастной структуры, что предопределило особенности социального механизма воспроизводства научных работников высшей квалификации в постсоветский период.

Сохранение и развитие кадрового потенциала науки предполагает преодоление этой негативной тенденции, достижение на первом этапе устойчивой стабилизации их численности как основы для последующего роста. На рис. 1 представлены данные об изменении численности исследователей с 1995 по 2019 гг. в Республике Беларусь, которые показывают, что за рассматриваемый период численность исследователей сократилась почти на 1/4.

В 2010 г. численность исследователей была восстановлена на уровне несколько более высоком, чем в 2000 г., то есть удалось достичь относительной стабилизации численности ученых. Этому предшествовала активная государственная политика в сфере науки, что в значительной мере было связано с результатами государственной программы «Научные кадры» (2002–2006 гг.). Однако

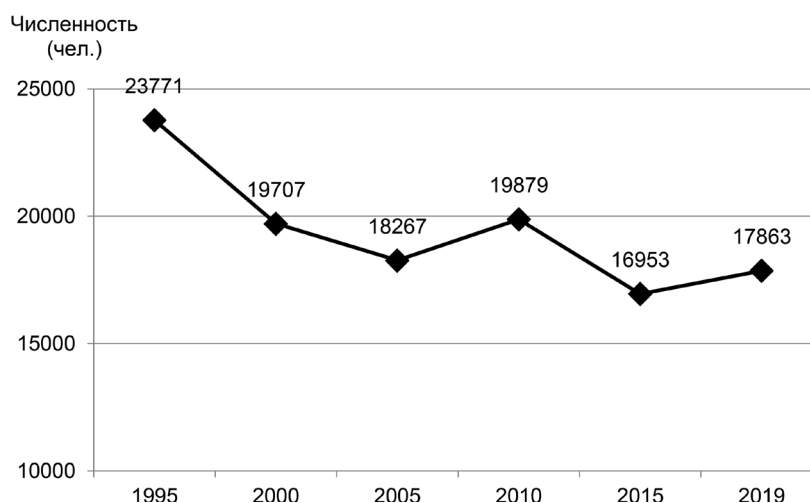

Рис. 1. Динамика численности исследователей с 1995 по 2019 гг. в Республике Беларусь [сост. по 3, 4]

в последующем достигнутая стабилизация была нарушена – с 2010 по 2015 гг. общая численность исследователей сократилась на 14,7 %. Это сокращение сопоставимо с сокращением в период с 1995 по 2000 гг. (–17,1 %). Таким образом, устойчивой стабилизации численности исследователей достичь не удалось. Как следует из данных, представленных на рис. 1, с 2015 по 2019 гг. начался рост численности исследователей, но пока этот рост не позволил восстановить их численность на уровне 2000 г., 2005 г. или 2010 г.

Перспективы развития кадрового потенциала белорусской науки связаны с уровнем финансирования научной сферы. В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, принятой в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 446 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы», прогнозировался рост к 2020 г. совокупных расходов на научную, научно-техническую и инновационную деятельность до 2,5 % ВВП, в том числе за счет бюджетных источников – до 1 % ВВП [5]. Эта задача соответствовала целям, сформулированным в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.) [6].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 26 от 26 января 2016 г. «О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь № 3» в Директиву Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «Экономия и бережливость – главные факторы экономической безопасности государства» были внесены изменения и дополнения [7]. Таким образом была принята новая редакция Директивы Президента Республики Беларусь № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства». В соответствии с новой редакцией Директивы № 3 было предусмотрено повысить бюджетные расходы на научную, научно-техническую и инновационную деятельность до 1 % от валового внутреннего продукта, увеличить численность исследователей до 22 человек на 10 тыс. населения [7]. В соответствии с планом мероприятий по реализации Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства», утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 25.04.2016 № 336, было предусмотрено к 2020 г. реализовать комплекс мер, направленных на обеспечение увеличения бюджетных расходов на научную, научно-техническую и инновационную деятельность до 1 % от валового внутреннего продукта, а также обеспечить в 2016–2020 гг. увеличение численности исследователей до 22 человек на 10 тысяч населения к 2020 г. [8]. Обеспечить целевой показатель наукоемкости ВВП пока не удалось. В 2019 г. этот показатель составил 0,59 % ВВП.

На начало 2019 г. в Республике Беларусь было 18,8 исследователей на 10 тыс. населения, таким образом обеспечить рост этого показателя до 22 исследователей на 10 тыс. населения к 2020 г. не получилось. Динамика численности исследователей остается проблемным аспектом развития научной сферы. Председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Бела-

русь А. Шумилин отмечал, что «...достигнутые темпы роста кадрового потенциала и финансирования научной сферы не обеспечивают выход к 2020 году на целевой уровень данных показателей» [9, с. 16]. По его оценке, в «предстоящем пятилетнем периоде необходимо обеспечить ускоренное развитие кадрового потенциала научной сферы, наращивания объемов финансирования научных исследований и разработок...» [9, с. 16].

В программе совершенствования научной сферы Республики Беларусь, утвержденной совместным постановлением НАН Беларуси и ГКНТ № 5/25 от 24.12.2013 г. отмечалось, что «численность работников научной сферы Беларуси находится на нижней границе оптимальности, ее значительное (более 15–20 %) сокращение может вызвать резкое падение уровня компетентности отдельных организаций и научной сферы в целом, станет барьером на пути модернизации экономики» [10, с. 15]. Эта оценка отражала обеспокоенность в связи с начавшимся сокращением численности исследователей после 2010 г. За период с 2010 по 2015 гг. численность исследователей в республике сократилась на 14,7 %. В соответствии с задачами Программы совершенствования научной сферы (2013 г.) предполагалось, что наукоемкость ВВП в 2020 г. будет на уровне 2,5–2,9 %, а на 10 тыс. населения будет 30 исследователей [10, с. 55, 56]. Из этого следует, что ожидания относительно роста численности исследователей к 2020 г. оказались завышенными. В то же время проблема стабилизации численности исследователей является важной задачей научной политики.

По сути, предусмотренное в Директиве № 3 (в редакции 2016 г.) повышение численности исследователей можно считать направленным на обеспечение стабилизации их численности на уровне 2010 г. Рост численности исследователей в стране, как это определено в Директиве № 3, возможен за счет притока и закрепления в научной сфере молодежи, склонной к научной деятельности, ориентированной на повышение научной квалификации и долгосрочную карьеру в науке [7]. В резолюции II съезда ученых Республики Беларусь, который состоялся в 2017 г., отмечалась необходимость обеспечить «реализацию масштабных мер по привлечению и закреплению талантливой молодежи в научно-инновационной сфере», а также дальнейшее совершенствование системы подготовки научных кадров высшей квалификации [11].

Для системного анализа тенденций изменения численности исследователей необходимо рассмотреть эти изменения с учетом динамики численности научных работников высшей квалификации (НРВК). На рис. 2 представлены данные, характеризующие изменение численности докторов наук за период с 2000 по 2019 гг.

Как следует из представленных данных, за рассматриваемый период численность докторов наук устойчиво сокращалась и сократилась почти на 26 %. При этом, если в период с 2000 по 2010 гг. численность докторов наук сократилась на 9 %, то с 2010 по 2019 гг. – на 18,6 %. Таким образом, в последние годы темпы сокращения численности докторов существенно выросли. Наибольшее сокращение численности докторов наук произошло с 2010 по 2015 гг. – на 13 %.

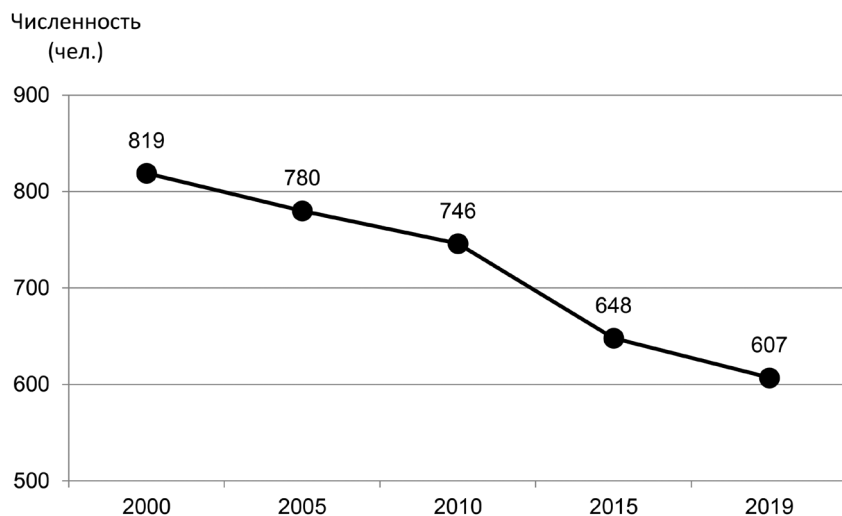

Рис. 2. Динамика численности докторов наук с 2000 по 2019 гг. в Республике Беларусь [сост. 3, 4]

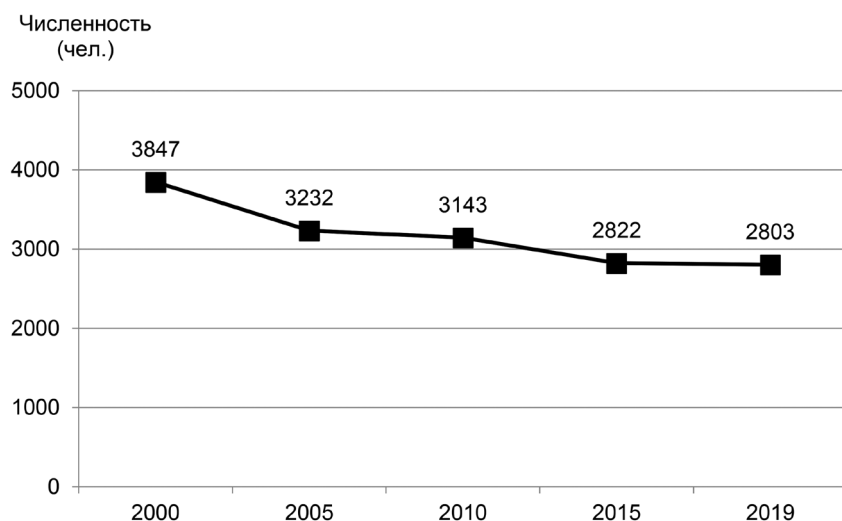

Рис. 3. Динамика численности кандидатов наук из числа исследователей с 2000 по 2019 гг. в Республике Беларусь [сост. по 3, 4]

На рис. 3 представлены данные, характеризующие динамику численности кандидатов наук с 2000 по 2019 гг.

Из представленного на рисунке графика следует, что численность кандидатов наук за рассматриваемый временной период сократилась на 27,1 %. В наибольшей степени численность кандидатов наук сократилась в период с 2000 по 2005 гг. — на 18,3 %, существенно сократилась с 2010 по 2015 гг. — на 10,2 %. Таким образом, стабилизация численности кандидатов наук не достигнута. Периоды существенного сокращения их численности сменяются пе-

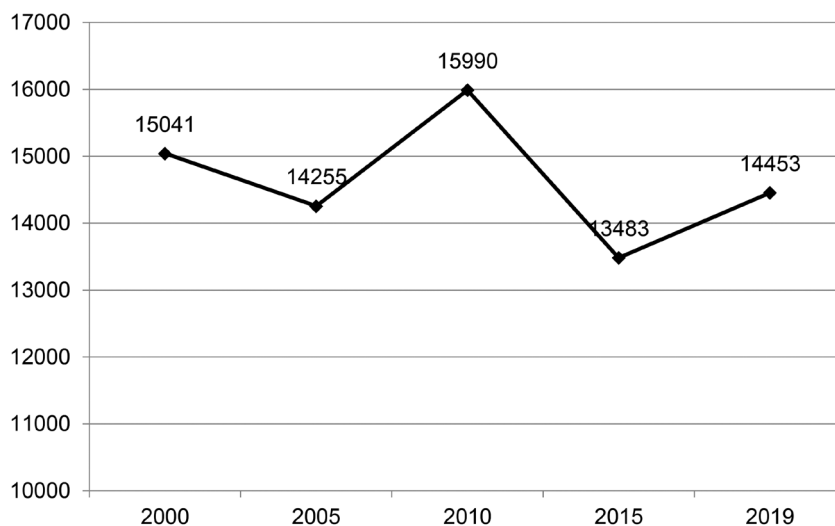

Рис. 4. Динамика численности исследователей без ученой степени с 2000 по 2019 гг. в Республике Беларусь [сост. по 3, 4]

риодами относительной стабилизации, которая проявляется в замедлении темпов сокращения. При этом общая тенденция сокращения численности кандидатов наук не преодолена. В целом следует отметить, что за рассматриваемый период сложилась неблагоприятная тенденция сокращения численности НРВК.

На рис. 4 представлены данные, характеризующие динамику численности исследователей без ученой степени за период с 2000 по 2019 гг. За рассматриваемый временной период направленность изменений численности исследователей без ученой степени менялась – периоды роста их численности сменялись периодами сокращения. С 2000 по 2010 гг. численность исследователей без ученой степени выросла на 6,3 %. Однако этот рост не был равномерным – сначала численность исследователей сократилась, а с 2005 по 2010 гг. выросла на 12,2 %. Во многом этот рост был обусловлен расширением числа учитываемых в статистике организаций. С 2010 по 2015 гг. численность исследователей без ученой степени сократилась на 15,7 %, однако в последующем имел место рост – на 7,2 %.

Анализ динамики численности исследователей с учетом их квалификационной структуры показал, что динамика численности научных работников высшей квалификации (докторов и кандидатов наук) существенно отличается от динамики численности исследователей без ученой степени по направленности изменений и по интенсивности изменений. В табл. 1 в обобщенном виде представлены данные, характеризующие особенности динамики исследователей без ученой степени и динамики научных работников высшей квалификации (докторов и кандидатов наук). Как следует из представленных в таблице данных, в период с 2000 по 2019 гг. темпы сокращения численности НРВК в Республике Беларусь были почти в 7 раз выше, чем темпы сокращения исследователей

Таблица 1. Динамика численности научных работников высшей квалификации и исследователей без ученой степени с 2000 по 2019 гг. [сост. по 3, 4]

Исследователи	Численность исследователей по годам			Темпы прироста (сокращения) численности исследователей, %		
	2000 г.	2010 г.	2019 г.	2000–2010 гг.	2010–2019 гг.	2000–2019 гг.
Всего (чел.)	19 707	19 879	17 863	0,9	–10,1	–9,4
Из них НРВК	4666	3889	3410	–16,7	–12,3	–26,9
Без ученой степени	15 041	15 990	14 453	6,3	–9,6	–3,9

без ученой степени. Во многом это было обусловлено изменениями за период с 2000 по 2010 гг., когда численность исследователей без ученой степени росла, а численность НРВК сокращалась. С 2010 по 2019 гг. сокращалась численность исследователей без ученой степени и численность НРВК, но темпы сокращения численности последних были существенно выше, чем темпы сокращения численности исследователей без ученой степени (12,3 % и 9,6 % соответственно).

Выявленные различия объясняются особенностями воспроизводства НРВК, для чего необходим продолжительный временной период, связанный с обучением в магистратуре, аспирантуре, подготовкой и защитой диссертации. Обеспечить стабилизацию численности НРВК существенно сложнее, чем обеспечить стабилизацию или рост численности исследователей без ученой степени.

Относительная стабилизация численности исследователей (при общей тенденции их сокращения) с 2000 по 2010 гг. обеспечивалась за счет численности исследователей без ученой степени, тогда как численность НРВК постоянно сокращалась. Сокращение численности и доли НРВК в общей численности исследователей свидетельствует о существенном ухудшении качественных характеристик кадрового потенциала белорусской науки. При этом следует отметить, что отсутствуют целевые показатели, ориентирующие на достижение определенной численности НРВК и в программных документах (перспективная цель поставлена только в отношении общей численности исследователей). Одной из целей научной политики должно быть создание базовых условий для прекращения сокращения НРВК и их устойчивой стабилизации.

В условиях высокой динамики социальных изменений повышается значение экспертных опросов для получения актуальной социологической информации. В 2019 г. сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров был проведен анкетный опрос аспирантов дневной формы обучения и их научных руководителей (экспертов). Экспертами в этом исследовании были руководители структурных научных подразделений научных организаций академического сектора науки, которые являлись также научными руководителями хотя бы одного аспиранта дневной формы обучения. В результате анкетного опроса были получены ответы от 110 экспертов научных учреждений из всех отделений наук НАН Беларуси. Как следует из ответов экспертов, самыми важными проблемами развития науки в Республике Беларусь являются: уровень финансирования науки (69 %), система заработной платы в науке (66,4 %), материально-техниче-

ская база науки (60 %). Среди других проблем развития науки была отмечена проблема сокращения численности научных кадров высшей квалификации (31 %).

В рамках экспертного опроса изучались проблемы кадрового обеспечения научных подразделений, которые возглавлялись экспертами. Внимание было обращено на изменение численности научных работников высшей квалификации, проблемы возрастной структуры научных кадров. В табл. 2 представлены сведения об изменении численности научных работников высшей квалификации в структурных научных подразделениях.

**Таблица 2. Распределение ответов экспертов на вопрос:
«Как изменилась численность научных работников высшей квалификации
вашего структурного подразделения за последние пять лет?», %**

Варианты ответов	Всего	В том числе по отделениям наук НАН Беларуси*						
		ОФМИ	ОАН	ОБН	ОГНИ	ОМН	ОХНЗ	ОФТН
Увеличилась	20,9	50,0	20,0	19,0	14,3	—	33,3	25,8
Не изменилась	32,0	50,0	16,0	47,6	42,9	50,0	50,0	19,4
Сократилась	42,7	—	64,0	23,8	33,3	50,0	16,7	51,6
Нет ответа	4,4	—	—	9,6	9,5	—	—	3,2

* ОФМИ – Отделение физики, математики и информатики; ОАН – Отделение аграрных наук; ОБН – Отделение биологических наук; ОГНИ – Отделение гуманитарных наук и искусств; ОМН – Отделение медицинских наук; ОХНЗ – Отделение химии и наук о земле; ОФТН – Отделение физико-технических наук.

Как следует из данных таблицы, по оценкам экспертов за последние пять лет стабильной оставалась численность 1/3 от общего количества структурных подразделений, возглавляемых экспертами. Доля экспертов, которые отметили сокращение численности научных кадров высшей квалификации в своих структурных научных подразделениях за последние пять лет, оказалась в два раза выше (42,7 %), чем доля экспертов в структурных подразделениях, в которых произошел рост численности высококвалифицированных кадров (20,9 %).

Не менее актуальной проблемой является проблема деформации возрастной структуры научных кадров. Рост доли научных кадров в старших возрастных категориях при недостаточном росте средневозрастных категорий работников ведет к проблеме разрыва поколений в науке. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, имеет ли место разрыв поколений научных работников в Вашей организации, в Вашем структурном подразделении?». Ответы экспертов на этот вопрос представлены в табл. 3.

Из данных таблицы следует, что почти каждый третий эксперт считает, что в организации, в которой он работает, есть разрыв научных поколений. Еще больше (42,7 %) экспертов на поставленный вопрос выбрали ответ «скорее да». Из общего числа экспертов 14,5 % считают, что в научной организации, в которой они работают, скорее нет разрыва научных поколений. И только 1,8 % от общего числа опрошенных выбрали ответ «нет». Таким образом, можно за-

Таблица 3. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Как Вы считаете, имеет ли место разрыв поколений научных работников в Вашей организации, в Вашем структурном подразделении?», %

Варианты ответов	Оценка организации	Оценка структурного подразделения
Да	32,7	24,5
Скорее да	42,7	30,0
Скорее нет	14,5	20,9
Нет	1,8	9,1
Затрудняюсь ответить	2,8	1,9
Нет ответа	5,5	13,6

ключить, что проблему разрыва научных поколений в организации, где работают эксперты, признает подавляющее большинство из них – 75,4 % (в том числе 32,7 % ответили «да», 42,7 % ответили «скорее да»).

Как показало исследование, во многих структурных научных подразделениях, которые возглавляют эксперты, произошло сокращение научных кадров высшей квалификации, оказалась существенно деформированной возрастная структура кадров.

Подводя итог, следует отметить, что одной из проблем белорусской науки является многолетнее сокращение численности исследователей. Актуальной задачей является преодоление этой негативной тенденции, что предусмотрено Директивой Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» (в редакции Указа Президента Республики Беларусь № 26 от 26 января 2016 г.), в которой поставлена задача увеличить численность исследователей до 22 человек на 10 тыс. населения (в настоящее время менее 19 человек).

Проведенный анализ показал, что наиболее успешными были меры по стабилизации численности исследователей в период с 2005 по 2010 гг. В 2010 г. численность исследователей была восстановлена на уровне 2000 г. Однако с 2010 по 2015 гг. общая численность исследователей существенно сократилась. В последующем, с 2015 по 2019 гг., начался рост численности исследователей без ученой степени, однако сокращение численности докторов и кандидатов наук продолжалось. Общий рост численности исследователей с 2015 по 2019 гг., обусловленный ростом численности исследователей без ученой степени, не позволил восстановить их численность на уровне 2000 г. и 2010 г. Таким образом задача стабилизации численности исследователей пока не решена.

Как показал анализ, особенность динамики кадрового потенциала науки состояла в том, что в периоды стабилизации численности исследователей в целом не была достигнута стабилизация численности НРВК. В результате сложившихся тенденций стала ухудшаться квалификационная структура исследователей. Если в 2000 г. доля НРВК составляла 23,7 % от общей численности исследователей, то в 2019 – 19,1 %.

За рассмотренный период численность докторов наук сократилась почти на 26 %. При этом, если с 2000 по 2010 гг. численность докторов наук сократилась почти на 9 %, то с 2010 по 2019 гг. – на 18,6 %. Таким образом, в последние годы темпы сокращения численности докторов наук существенно выросли.

С 2000 по 2019 гг. численность кандидатов наук за рассматриваемый временной период сократилась на 27 %. Периоды существенного сокращения их численности сменялись периодами замедления темпов сокращения, однако общая тенденция сокращения численности кандидатов наук не преодолена.

Наряду с решением задачи роста общей численности исследователей, которая официально поставлена, необходимо также обеспечить устойчивую стабилизацию численности научных работников высшей квалификации, которые являются интеллектуальным ядром кадрового потенциал науки. Обеспечение стабилизации численности НРВК может быть реализовано, прежде всего, в государственном, а также в вузовском секторах науки.

Список использованных источников

1. Шарый, И. Н. Научная политика в переходный период / И. Н. Шарый. – Минск : Современное слово, 2001. – 136 с.
2. Несветайлов, Г. А. Научные кадры: возраст и творчество / Г. А. Несветайлов // Социол. исслед. – 1998. – № 9. – С. 115–119.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2020. – 436 с.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2012. – 715 с.
5. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 декабря 2016 г. № 466. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/80/270/76324.php>. – Дата доступа: 29.10. 2020.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 (официальное издание). – Минск : Белорус. Дом печати, 2011. – 48 с.
7. О внесении изменений и дополнений в Директиву Президента Республики Беларусь № 3 [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 янв. 2016 г. № 26. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/ukaz-26-ot-26-janvarja-2016-g-12976/. – Дата доступа: 29.10.2020.
8. План мероприятий по реализации Директивы Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «О приоритетных направлениях укрепления экономической безопасности государства» [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 апреля, 2016 г. №336. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/ru/programmy/economia_i_berezlivost. – Дата доступа: 28.10.2020.
9. Шумилин, А. На надежном фундаменте инноваций / А. Шумилин // Беларуская думка. – 2019. – № 12. – С. 13–21.
10. Программа совершенствования научной сферы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление НАН Беларуси и ГКНТ № 5/25, 24.12.2013 г. – Минск, 2013. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view>. – Дата доступа: 28.10.2020.
11. Резолюция II Съезда ученых Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/rezoljutsija-ii-sjezda-uchenyh-espubliki-belarus-284062-2018/>. – Дата доступа: 3.09.2020.

Поступила 31.10.2020 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.752

Е. К. АРТЁМЕНКО-МЕЛЬЯНЦОВА,

*аспирант, Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: lena.artsiomenka@gmail.com*

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТИМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ БЕЛАРУСИ

В статье анализируется брачная структура населения Беларуси и влияние на нее актуальных тенденций трансформаций интимности. Показано, что доля семейных людей стабильно высока среди городского и сельского населения, однако снижается среди молодежи. На основании этого сделан вывод: установки молодежи относительно организации добрых отношений изменяются, однако остается высокая ориентация на создание семьи.

Ключевые слова: интимность, ценности, брак, семья, перепись населения.

A. K. ARTSIOMENKA-MELYANTSOVA,

*Postgraduate Student, Belarusian State University, Minsk,
e-mail: lena.artsiomenka@gmail.com*

CURRENT TRENDS OF TRANSFORMATION OF INTIMATE RELATIONS IN REFLECTION OF SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STATISTICS OF BELARUS

The article presents an analysis of marital structure of the population of Belarus and the influence of current trends in the transformation of intimacy on it. It is shown that the share of married people is consistently high among the urban and rural population, but decreases among young people. Based on this, the conclusion is the attitudes of young people regarding the organization of premarital relations are changing, but a high orientation towards creating a family remains.

Keywords: intimacy, values, marriage, family, population census.

В настоящее время и в западной социологии, и среди социологов на постсоветском пространстве активно обсуждается трансформация института семьи и изменение отношения к организации интимной жизни. Распространение постматериалистических ценностей в терминах концепции Р. Инглхарта сопровождается трансформацией системы семейных ценностей, которая происходит по условной оси движения от норм высокой рождаемости («которые акцентируют внимание на традиционных гендерных ролях и стигматизируют любое сексуальное поведение, не связанное с репродукцией») к нормам индивидуального выбора («поддерживающим гендерное равенство и толерантность к гомосексуальности»), которые предполагают гораздо большее разнообразие форм организации интимных отношений между людьми [1, с. 119].

На фоне этого предметом социологического интереса становится изменение форм интимности и отношения людей к личной жизни. Организация сферы интимности выходит за рамки исключительно семейных отношений. Авторы книги «Двое в обществе: интимная пара в современном мире» для характеристики межличностных отношений используют метафору З. Баумана о «текучей современности»: «Социальные группы и сообщества становятся более подвижными, неустойчивыми, «текучими», относительными. Частным случаем этого процесса является возрастание роли неформальных интимных пар как малых групп при одновременном падении значения интимной группы традиционного типа – семьи, закрепленной формальным браком» [2, с. 33]. Неформальные интимные пары, которые могут замещать традиционные семейные формы организации личной жизни, рассматриваются как значимый элемент социальной структуры.

Исследователи отмечают снижение склонности людей к образованию устойчивых пар и возрастание роли социальной группы одиночек. Существованию вне семейных отношений посвящена книга А. Шадриной «Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака». Автор утверждает: «Монополия брачного союза на эмоциональную и сексуальную близость, организацию досуга и воспитание детей постепенно ослабевает. Во всем мире отмечается высокий показатель уровня разводов, все дальше отодвигается возраст вступления в брак, все больше партнеров выбирают внебрачное сожитительство» [3, с. 8].

По мнению В. Ильина и соавторов, вид неформальной семейной пары взаимоотношения людей могут принимать и в процессе превращения пары в семью, и в виде самостоятельной формы отношений без намерения или перспективы брака. Интимные отношения, таким образом, в разных стадиях своего развития могут быть организованы в форме возникающей пары, романтической пары, сожитительства, а также пластичной интимной пары – непостоянного союза, не охватывающего все типы интимности [2, с. 35]. Таким образом, современные трансформации семейных ценностей и отношения к интимности могут вызывать снижение распространенности семейных форм организации отношений и повышение роли разных видов неформальных союзов.

Однако на постсоветском пространстве вообще и в Беларуси в частности логика ценностных трансформаций отличается от поступательных изменений во всем мире. После распада СССР в ценностях постсоветских стран проявляется тенденция традиционализации [4, с. 69]. В связи с этим возникает вопрос, насколько современные тенденции в изменении семьи и организации интимности сказываются на белорусском обществе. Для ответа на этот вопрос мы обратимся к свежее опубликованным данным переписи населения Беларуси за 2019 г. [5].

Перепись населения является основным источником информации о структуре населения по состоянию в браке. Анализ этих данных позволит ответить на вопрос, сказываются ли тенденции в изменении семейных ценностей и форм организации интимной жизни, фиксируемые российскими и западными

ми социологами, на белорусском обществе. Мы рассмотрим, как структура населения Беларуси по состоянию в браке отличается от других европейских стран, оценим, изменяется ли она с течением времени, и ответим на вопрос, за счет чего могут происходить эти изменения.

Для понимания того, как структура населения Беларуси по состоянию в браке выглядит на фоне других стран, сравним этот показатель по данным переписи 2009 г. с данными переписи населения Российской Федерации в 2010 г. и населения Европейского союза в 2011 г. (следующая волна переписи и в РФ, и в ЕС запланирована на 2021 г.). Сравнения позволяют говорить о том, что в период с 2009 по 2011 годы структура белорусского населения была практически идентична структуре российского, при этом значительно отличалась от структуры европейских стран (рис. 1). Доля людей старше 15 лет, которые никогда не состояли в браке, в Беларуси не превышала 22 %, тогда как даже в бывшей советской республике Литве она достигала 27 %, еще больше в Германии (31 %) и Швеции (42 %). В среднем по всем странам ЕС этот показатель составил 33 %. Доля людей, состоящих в браке или незарегистрированных отношениях, в Беларуси и России достигала 57 % – это больше, чем во всех рассматриваемых странах Европейского союза [6].

Таким образом, данные за 2009 год показывают, что значимость устойчивых парных взаимоотношений в белорусском обществе (как и в российском) была выше, чем в странах ЕС. Но повлияли ли тенденции изменения семейных ценностей и отношения к интимности на структуру белорусского общества за 10 прошедших лет? В 2019 г. доля людей, состоящих в отношениях, остается прежней (рис. 2) – 57 % (в абсолютном выражении – это 4445 тыс. белорусов в возрасте 15 лет и старше). Это позволяет утверждать, что значение роли семьи для белорусов за прошедшие 10 лет не снизилась. При этом доля тех, кто никогда не состоял в браке, сократилась с 22 % до 18 % (в абсолютном

Рис. 1. Структура населения 15 лет и старше по состоянию в браке, данные переписи населения

Рис. 2. Структура населения Беларуси 15 лет и старше по состоянию в браке в динамике, данные переписи населения Беларуси

выражении – это 1419 тыс. человек). Некоторое снижение доли людей, состоящих в отношениях, с 1999 г. происходит не за счет тех, кто отказывается от создания семьи, а за счет роста доли тех, кто состоял в браке, но расстался с партнером (с 9 % в 2009 г. до 11 % в 2019 г.).

Предположение о том, что, возможно, современные тенденции трансформации интимных отношений проявляются среди городского населения в большей степени, чем среди сельского, не находят подтверждения в данных (рис. 3). Доля тех, кто никогда не состоял в браке, среди городского населения только на 1 % выше, чем среди сельского (18 % против 17 %), а более низкая доля людей, состоящих в отношениях, объясняется различием в возрастной структуре. Так, среди сельского населения доля вдовых достигает 17 %, тогда как среди городского – только 11 %.

Рис. 3. Структура населения Беларуси 15 лет и старше по состоянию в браке в зависимости от места проживания, данные переписи населения Беларуси 2019 г.

Несмотря на то что структура населения в целом по состоянию в браке меняется незначительно, определенные изменения отношений к интимной жизни можно проследить, сравнивая динамику структуры по состоянию в браке в разных возрастных группах. Если в 1999 г. среди мужчин 20–24 лет доля одиноких была 70 % (рис. 4), то в 2019 г. – уже 80 % (для женщин 20–24 лет (рис. 5) показатель вырос с 45 % до 59 %). В группе мужчин 25–29 лет доля одиноких выросла с 28 % в 1999 г. до 39 % в 2019 г. (у женщин доля увеличилась с 16 % до 21 %). Среди мужчин 30–34 лет в 1999 г. доля одиноких составляла только 13 %, а в 2019 г. – уже 22 % (у женщин показатель изменился с 8 % до 12 %). В старших группах разница не столь заметна и постепенно нивелируется. Таким образом, актуальные для западных стран изменения в организации интимной жизни не сказываются на структуре белорусского общества в целом, однако

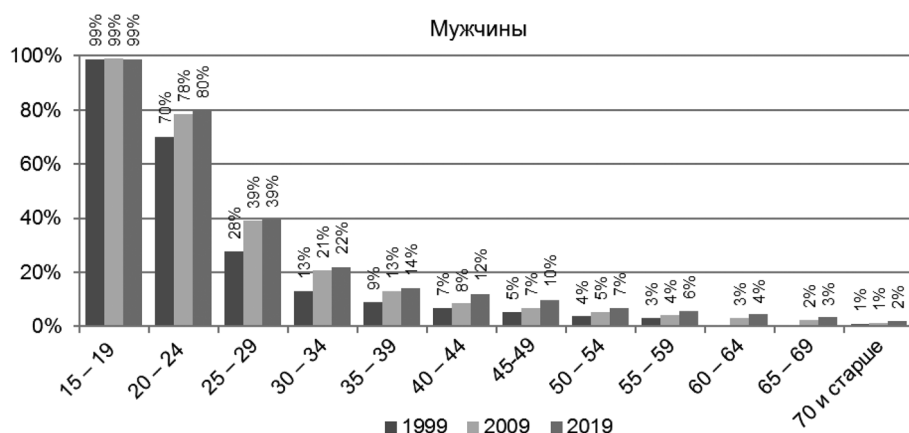

Рис. 4. Доля мужчин 15 лет и старше, никогда не состоявших в браке, данные переписи населения Беларуси, %

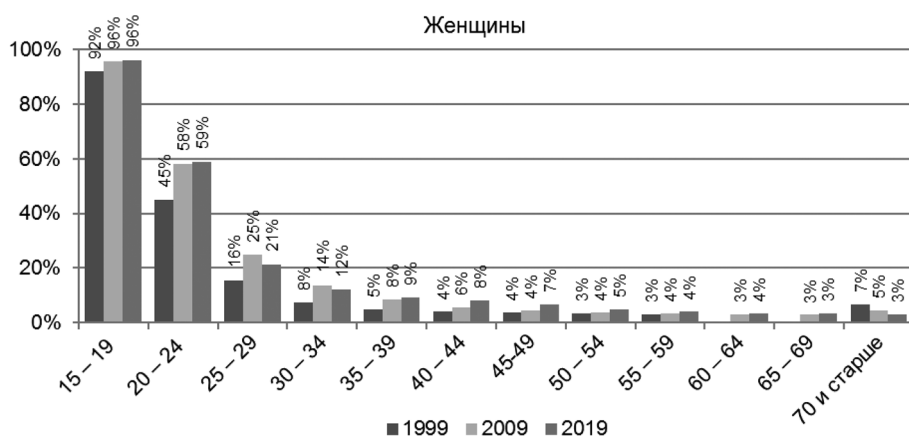

Рис. 5. Доля женщин 15 лет и старше, никогда не состоявших в браке, данные переписи населения Беларуси, %

находят отражение в изменении отношения к личной жизни среди молодежи – мужчин в возрасте 25–34 лет и женщин в возрасте 20–29 лет.

Это проявляется также и в статистике вступления в брак. При сохранении высокого уровня коэффициента брачности в целом (в 2000 г. в Беларуси было заключено 6,3 брака на 1000 человек, в 2018 г. – 6,4 брака на 1000 человек), возраст вступления в брак постепенно увеличивается. Средний возраст вступления в брак для мужчин в 2000 г. составлял 25 лет, тогда как в 2018 г. – 28,1 года, средний возраст вступления в брак для женщин вырос с 22,8 лет в 2000 г. до 26 лет в 2018 г. [7, с. 220].

С одной стороны, повышение возраста вступления в брак и, как следствие, изменение структуры организации интимной жизни людей молодого возраста, можно объяснять социально-экономическими макрофакторами – повышением уровня образования, неустойчивым экономическим положением молодых семей, жилищными условиями и т. д. Но с другой стороны, влияние внешних социально-экономических факторов на организацию личной жизни происходит через изменение социально-культурных норм и ценностей. Про роль социально-культурных норм как передаточного механизма от объективных условий среды к формированию демографического поведения писал А. Г. Вишневский в своей работе «Демографическая революция»: «Изменений только в объективных условиях недостаточно. Надо, чтобы утратили силу и уступили место новым старые культурные нормы, которые приводили поведение людей в соответствие со старыми условиями» [8, с. 29]. Именно поэтому видится продуктивным проанализировать возможные причины изменений в отношении к личной жизни среди молодежи с точки зрения ценностей и норм поведения.

Трансформацию отношения к интимности современных молодых людей можно рассматривать в терминах концепции «эмоционального капитализма», предложенной израильским социологом Е. Иллуз в ее книге «Охлажденная интимность: эмоциональный капитализм в действии». По мнению Е. Иллуз, капиталистические отношения и современная эмоциональная культура оказывают влияние друг на друга. В интимные отношения, как и в отношении людей к самим себе, проникают понятия рациональности и эффективности. Распространяющийся тип эмоциональной организации исследовательница называет «человек сентиментальный» (*homo sentimental*), также она отмечает распространение «нарратива самореализации» (*selfrealization narrative*) [9, с. 43]. Повышенное внимание к собственному эмоциональному комфорту «человека сентиментального» отодвигает образование устойчивых парных отношений на второй план, при этом дает дополнительные основания для разрыва отношений, не удовлетворяющих эмоциональным запросам. Отношение к себе как к проекту, а к своему развитию – как к вложению в себя с целью приращения капитала, заставляет откладывать образование устойчивой пары, в которой собственная ценность может быть конвертирована в приобретение партнера с более высоким капиталом. На практике это может выражаться в установке

на то, что для образования семьи сначала необходимо «стать на ноги», достигнуть определенного уровня самореализации.

Еще один подход в трактовке трансформации интимных отношений, созвучный с идеями Е. Иллоуз, предлагает П. Аронсон. Отношение к организации личной жизни она рассматривает с точки зрения двух режимов: «режима судьбы» (regime of fate), характерного для советской и постсоветской культуры, и «режима выбора» (regime of choice), характерного для западного общества [10]. «Режим судьбы» предполагает, что человек не властен над любовью, если она пришла, от влюбленного человека ожидается определенный уровень самопожертвования, даже если отношения его чем-то не устраивают. «Режим выбора», напротив, предполагает тщательный отбор потенциальных партнеров в соответствии с определенным перечнем качеств и требований. Этот рациональный подход предполагает, что, если подходящий партнер не встречается, от интимных отношений можно отказываться в пользу одиночного существования, в течение неопределенно долгого времени. Распространение среди молодежи такого рационального подхода к выбору партнеров, вытеснение «режима судьбы» за счет распространения «режима выбора» в установках по поводу романтических отношений также может служить объяснением откладывания вступления в брак при сохранении намерения заключить его, но в более позднем возрасте.

Развитие идеи «режима выбора» можно увидеть в том, как авторы книги «Двое в обществе: интимная пара в современном мире» описывают влияние современных технологий (специализированных приложений и сайтов знакомств) на изменения в интимной жизни. Доступность и широкий выбор потенциальных партнеров в сети парадоксальным образом может усложнить поиск и отсрочить создание устойчивой пары и впоследствии семьи. «Возникает феномен горизонта: не успеешь подойти к точке, которая казалась расположенной на нем, как оказывается, что горизонт снова где-то впереди. Найдя на сайте знакомств или в социальной сети желанный объект, человек сталкивается с риском, что “бес” будет шептать на ухо: “Все еще впереди!” И возникает парадоксальная ситуация: несмотря на то что интернет создал возможности для преодоления вековых препятствий на пути поиска партнера, жизнь, ставшая, быть может, легче, отнюдь не упростилась. Люди по всему миру тратят уйму времени на поиски партнеров в интернете, но не могут их найти» [2, с. 105].

Все эти взаимосвязанные тенденции (развитие эмоционального капитализма, распространение «режима выбора» и усложнение выбора партнера за счет расширения горизонта) могут объяснять, почему среди молодежи в Беларуси увеличивается доля тех, кто никогда не состоял в браке, а брак и создание семьи откладываются.

Подводя итог, можно отметить следующее. Данные социально-демографической статистики говорят о том, что значимость брака и семьи для населения Беларуси в целом не снижается. Распространение новых форм организации интимных отношений и рост значимости одиночного существования не сказыв-

вается на изменении структуры белорусского общества – ни среди сельского, ни среди городского населения. Важность семейных союзов для белорусов остается выше, чем для жителей других европейских стран. Однако современные тенденции трансформации интимных отношений влияют на поведение молодежи, что заставляет ее если не отказываться от семейного образа жизни, то откладывать создание семьи.

Список использованных источников

1. *Инглхарт, Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт. – М. : Мысль, 2018. – 347 с.
2. Двое в обществе: интимная пара в современном мире / В. И. Ильин [и др.]; под ред. В. И. Ильина – М. : ВЦИОМ, 2020. – 652с.
3. *Шадрина, А. С.* Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака / А. С. Шадрина. – СПб. : НЛЮ, 2014. – 230 с.
4. *Титаренко, Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2004. – 205 с.
5. Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь, 2020 : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; [редкол.: И. В. Медведева и др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2020. – 55 с.
6. Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. / Федер. служба гос. статистики; редкол. : М. А. Дианов и [др.]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с.
7. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева и [др.]. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 429 с.
8. *Вишневский, А. Г.* Демографическая революция / А. Г. Вишневский // Избранные демографические труды : в 2 т. – М. : Наука, 2005. – Т. 1 : Демографическая теория и демографическая история. – С. 3–214.
9. *Illouz, E.* Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism / E. Illouz. – Cambridge : Polity Press, 2007. – 134 p.
10. *Aronson, P.* Romantic regimes. – 2015 [Электронный ресурс] / P. Aronson. – Режим доступа: <https://aeon.co/essays/russia-against-the-western-way-of-love>. – Дата доступа: 28.10.2020.

Поступила 30.10.2020 г.

УДК 314.7(476)

М. И. АРТЮХИН,

*кандидат философских наук, доцент, Институт социологии НАН Беларуси,
г. Минск, e-mail: art47@mail.ru*

Э. М. ЩУРОК,

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси,
г. Минск, e-mail: ella1@tut.by*

С. А. ПУШКЕВИЧ,

*научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: pushkevich@gmail.com*

ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ НАМЕРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЗА ПЕРИОД 2010–2019 ГГ.: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются основные социально-экономические факторы, формирующие миграционный потенциал основных социально-профессиональных групп населения Беларуси. Представлена динамика миграционных намерений населения страны за период 2010–2019 гг. и их мотивация. Показано, что, уровень миграционной активности респондента во многом зависит от его возраста, образовательного уровня и сферы занятости. Выявлено, что экономические факторы являются определяющими как эмиграции, так и для выезда за границу с целью временной работы.

Ключевые слова: внешняя миграция, миграционные намерения, социально-демографические группы, социально-профессиональные группы.

M. I. ARTYUKHIN,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, e-mail: art47@mail.ru*

E. M. SHCHUROK,

*Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: ella_1@tut.by*

S. A. PUSHKEVICH,

*Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: pushkevich@gmail.com*

DYNAMICS OF MIGRATION INTENTIONS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS FOR THE PERIOD 2010–2019: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article considers the main socio-economic factors forming the migration potential of the main socio-professional groups of the population of Belarus. The dynamics and the motivation of migration

intentions of the country's population for the period 2010–2019 are presented, showing that the level of the respondent's migration activity largely depends on his/her age, educational level and employment. It was revealed that economic factors are decisive for both emigration and going abroad for temporary work.

Keywords: external migration, migration intentions, socio-demographic groups, socio-professional groups.

В настоящее время во всем мире все больше осознается тот факт, что миграция населения прямо или косвенно влияет на социально-экономическое и демографическое развитие государств, а миграционная безопасность все в большей мере становится важнейшей составляющей системы национальной безопасности.

Анализ основных результатов мониторинговых социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси за период 2010–2019 гг., подтверждает этот вывод. Динамика данных опросов населения показывает, что миграционные настроения граждан во многом связаны с социально-экономической ситуацией в Беларуси и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Данные социологических исследований свидетельствуют, что за период 2010–2019 гг. существенно выросла доля респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства: с 5,9 % в 2010 г. [1] до 12,8 % в 2019 г. Причем пик настроений на эмиграцию пришелся на весну 2017 г. – 15,7 % (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %¹
[сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	75,1	73,0	68,0	69,6	68,6	64,4	64,7	58,4	60,3	61,7
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	9,3	10,1	13,4	13,9	14,8	16,5	9,1	14,0	9,7	7,0
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	5,9	6,5	9,4	7,0	4,8	5,6	10,9	15,7	11,4	12,8
Другое	1,3	0,9	1,5	–	0,9	1,1	–	–	–	–
Затрудняюсь ответить	8,4	9,5	7,7	9,5	10,9	12,3	15,3	11,9	18,6	18,5

Если проследить динамику доли респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, за период 2010–2019 гг., то можно отметить довольно резкие колебания по годам. Так, доля респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы, в 2010 г. составила 9,3 % [1], в 2014 г. – 16,5 % [4], в 2019 г. – 7,0 %.

В 2019 г. среди стран, в которые белорусы хотели бы выехать на постоянное место жительства, респонденты выделили Польшу – 17,7 %, Россию – 16,4 %, США – 15,1 %, Германию – 11,3 %. Предпочтения респондентов для выезда за границу для временной работы распределились следующим образом: Польша – 36,6 %, Россия – 30,5 %, Германия – 13,4 %, США – 7,3 %.

¹ В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

Анализ социально-демографической структуры потенциальных мигрантов показывает, что она во многом различается в зависимости от дифференциации респондентов по полу, возрасту, уровню образования, социально-профессиональному положению.

Данные опроса (зима 2019 г.) показывают, что среди респондентов-мужчин доля желающих уехать за границу на постоянное место жительства составила в 2019 г. 14,7 % (7,3 % в 2010 г., 16,9 % в 2017 г. [1, 3]), а у женщин – 11,1 % (4,7 % в 2010 г., 14,7 % в 2017 г. [1, 3]). Среди респондентов-женщин доля желающих уехать из Беларуси с целью временной работы в 2019 г. составила 4,5 % (7,0 % в 2010 г., 11,3 % в 2017 г. [1, 4]), а среди мужчин – 9,8 % (12,0 % в 2010 г., 17,1 % в 2017 г. [1, 4]) (табл. 2–3).

Таблица 2. Распределение ответов респондентов-мужчин на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %¹ [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	71,4	70,3	62,3	65,3	67,2	59,6	57,9	54,4	54,9	57,7
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	12,0	12,5	18,9	16,3	14,8	18,7	12,7	17,1	12,0	9,8
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	7,3	7,4	8,9	8,4	6,1	5,5	12,6	16,9	13,2	14,7
Другое	0,9	0,5	1,6	0,0	1,0	1,6	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	8,4	9,3	8,2	10,0	10,9	14,5	16,8	11,6	19,9	17,8

Таблица 3. Распределение ответов респондентов-женщин на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %² [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	78,1	75,2	73,1	73,3	69,9	68,4	70,3	61,8	64,8	65,2
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	7,0	8,1	8,5	11,9	14,7	14,6	6,0	11,3	7,8	4,5
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	4,7	5,7	9,8	5,8	3,7	5,7	9,5	14,7	9,8	11,1
Другое	1,8	1,3	1,3	0,0	0,9	0,8	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	8,3	9,2	7,3	9,0	10,8	10,5	14,2	12,2	17,6	19,2

По данным опроса (зима 2019 г.), среди респондентов в возрасте до 29 лет доля желающих уехать за границу на постоянное место жительства составила 26,8 % (14,4 % в 2010 г., 28,0 % в 2017 г.); в возрасте 30–49 лет – 11,5 % (5,4 % в 2010 г., 16,0 % в 2017 г. [1, 3]), в возрасте 50 лет и старше – 4,8 % (2,1 % в 2010 г., 7,4 % в 2017 г. [1, 3]) (табл. 4–6).

¹ В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

² В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов в возрасте до 29 лет на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %¹ [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	54,2	53,7	42,3	48,0	44,2	39,3	43,0	35,9	41,7	37,7
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	16,1	18,0	21,4	24,7	29,8	30,5	16,7	18,7	15,3	7,5
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	14,4	13,0	23,0	14,1	10,3	11,7	19,6	28,0	21,8	26,8
Другое	2,0	1,5	2,5	0,0	0,8	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	13,3	13,8	10,8	13,2	14,9	17,5	20,7	17,4	21,2	28,0

Таблица 5. Распределение ответов респондентов в возрасте 30–49 лет на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %² [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	71,6	70,4	64,1	63,6	64,4	64,2	60,8	54,1	54,7	56,5
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	12,0	12,0	16,6	17,6	16,0	16,3	8,9	17,6	11,8	10,7
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	5,4	5,9	7,4	7,1	4,8	6,1	12,3	16,0	13,2	11,5
Другое	1,0	0,5	1,2	0,0	1,1	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	10,0	11,2	10,8	11,7	13,6	12,1	18,0	12,3	20,3	21,3

Таблица 6. Распределение ответов респондентов в возрасте 50 лет и старше на вопрос «Хотели бы вы уехать из Беларуси?», %³ [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	85,9	90,3	91,5	89,1	88,3	80,9	82,8	76,7	77,3	82,0
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	5,1	2,5	3,2	3,6	3,9	7,7	3,9	7,7	4,2	3,3
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	2,1	2,6	1,6	2,1	1,2	1,2	3,8	7,4	3,0	4,8
Другое	1,3	0,5	1,5	0,0	0,8	1,2	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	5,6	4,1	2,2	5,2	5,8	9,0	9,5	8,2	15,5	9,9

Динамика доли желающих уехать за границу с целью временной работы среди респондентов в возрасте до 29 лет составила в 2019 г. 7,5 % (16,1 % в 2010 г., 18,7 % в 2017 г. [1, 4]); среди респондентов в возрасте 30–49 лет – 10,7 % (12,0 % в 2010 г., 17,6 % в 2017 г. [1, 4]), среди лиц в возрасте 50 лет и старше – 3,3 % (5,1 % в 2010 г., 7,7 % в 2017 г. [1, 4]) (табл. 4–6).

¹ В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

² В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

³ В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

Динамика доли респондентов, желающих уехать за границу на постоянное место жительства, значительно различается среди групп *по уровню образования*. Так, среди респондентов, имеющих общее среднее образование, доля тех, кто желает уехать за границу на постоянное место жительства, составила в 2019 г. 13,2 % (6,7 % в 2010 г., 15,4 % в 2017 г. [3]); среди респондентов со средним специальным образованием – 11,3 % (5,0 % в 2010 г., 15,7 % в 2017 г. [3]), с высшим образованием – 16,7 % (7,1 % в 2010 г., 19,8 % в 2017 г. [3]) (табл. 7–9).

Динамика миграционных настроений респондентов, желающих уехать за границу с целью временной работы, за период 2010–2019 гг. в группах по уровню образования представлена следующим образом. Среди респондентов, имеющих среднее общее образование – 12,4 % в 2010 г. [3], 14,3 % в 2017 г. [4], 8,0 % в 2019 г. Среди респондентов, имеющих среднее специальное образование – 10,5 % в 2010 г. [3], 15,8 % в 2017 г. [4], 8,2 % в 2019 г. Среди респондентов, имеющих высшее и неоконченное высшее образование – 9,1 % в 2010 г. [3], 13,4 % в 2017 г. [4], 4,8 % в 2019 г. (табл. 7–9).

Таблица 7. Распределение ответов респондентов с общим средним образованием на вопрос «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», %¹ [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	71,0	69,8	63,5	68,4	71,6	57,8	62,0	60,4	60,0	58,7
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	12,4	11,4	16,2	14,6	14,3	21,3	9,1	14,3	10,2	8,0
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	6,7	8,6	10,5	6,3	5,4	6,9	11,7	15,4	12,6	13,2
Другое	1,4	0,2	1,0	0,0	0,8	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	8,5	10,0	8,8	10,7	7,9	13,0	17,2	9,9	17,2	20,1

Таблица 8. Распределение ответов респондентов со средним специальным образованием на вопрос «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», %² [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	74,3	70,5	65,3	71,1	67,3	68,3	65,5	55,6	56,2	62,4
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	10,5	10,7	14,6	13,1	15,2	15,2	9,6	15,8	11,6	8,2
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	5,0	6,5	9,6	6,5	4,7	4,5	10,0	15,7	13,3	11,3
Другое	1,6	1,3	1,5	0,0	0,6	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	8,6	11,0	9,0	9,3	12,2	11,0	14,9	12,9	18,9	18,1

¹ В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

² В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

Таблица 9. Распределение ответов респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием на вопрос «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?», %¹ [сост. по 1, 2, 3]

Варианты ответов	Осень 2010	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Весна 2013	Весна 2014	Весна 2016	Весна 2017	Лето 2018	Зима 2019
Таких планов нет	71,4	69,5	55,5	60,9	61,8	57,8	62,0	55,0	59,3	60,0
Хотел(а) бы уехать с целью временной работы	9,1	11,1	18,5	18,6	18,4	18,3	9,6	13,4	8,5	4,8
Хотел(а) бы уехать на постоянное место жительства (ПМЖ)	7,1	8,6	14,7	10,4	4,5	6,8	13,7	19,8	11,8	16,7
Другое	1,0	1,3	2,3	0,0	1,5	1,7	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	11,4	9,5	8,9	10,1	13,8	15,4	14,7	11,8	20,4	18,5

Анализ *мотивации эмиграционных настроений* по данным опроса населения республики (зима 2019 г.) показывает, что основной причиной выезда за границу на постоянное место жительства респонденты назвали невозможность обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь – 63,9 % (43,8 % в 2016 г., 50,5 % в 2017 г., 58,3 % в 2018 г. [3]), на втором месте – желание улучшить свое материальное положение – 42,1 % (39,8 % в 2016 г., 36,3 % в 2017 г., 48,4 % в 2018 г. [3]), на третьем – желание обеспечить будущее своим детям, дать им хорошее образование – 34,1 % (27,6 % в 2016 г., 34,4 % в 2017 г., 39,4 % в 2018 г. [3]) (табл. 10).

Таблица 10. Основные причины намерения респондентов выехать из страны на постоянное место жительства (зима 2019 г.), %²

Не удастся обеспечить себе достойную жизнь здесь	63,9
Хочу улучшить свое материальное положение	42,1
Хочу обеспечить будущее моим детям, дать им хорошее образование	34,1
Неопределенность профессиональных и жизненных перспектив	16,2
Отсутствует возможность решения жилищной проблемы	11,7
Беспокоит экологическая ситуация в месте моего проживания	10,6
Хочу жить вместе со своими близкими, родственниками	10,6
Другое	2,1

По данным социологического опроса (зима 2019 г.), к основным причинам своего намерения выехать за границу с целью временной работы респонденты отнесли: желание улучшить свое материальное положение – 72,0 % (66,7 % в 2016 г., 58,3 % в 2017 г., 61,5 % в 2018 г. [3]); желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране – 36,6 % (21,4 % в 2016 г., 28,7 % в 2017 г., 32,2 % в 2018 г. [3]); желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование – 24,0 % (25,4 % в 2016 г., 31,4 % в 2017 г., 37,8 % в 2018 г. [3]) (табл. 11).

¹ В 2015 г. в ходе мониторингового исследования вопрос не задавался.

² Суммы по столбцам составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 11. Основные причины намерения респондентов выехать из страны с целью временной работы (зима 2019 г.), %¹

Улучшить свое материальное положение	72,0
Посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране	36,6
Обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование	24,0
Заработать капитал для своего дела	20,6
Повысить свой профессиональный уровень, квалификацию	16,1
Установить контакты для эмиграции в будущем	7,4
Другое	1,7

Опрос населения республики (зима 2019 г.) показал, что эмиграционный потенциал *представителей различных социально-профессиональных групп* значительно различается.

Так, среди учащихся (студентов) доля потенциальных эмигрантов составила 23,3 %. Среди предпринимателей, фермеров, самозанятых – 20,7 %. Среди рабочих промышленности, транспорта, строительства – 18,8 %. У руководителей разного уровня – 16,6 %. Наименьшая доля желающих выехать за границу на постоянное место жительства выявлена среди крестьян, рабочих сельского хозяйства – 8,6 % (табл. 12).

Иная структура миграционного потенциала наблюдается среди респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы. К наиболее активным среди социально-профессиональных групп в этом виде миграции

Таблица 12. Распределение ответов респондентов: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» в зависимости от социально-профессионального положения (зима 2019 г.), %

Социально-профессиональное положение	Хотел бы уехать за границу на постоянное место жительства	Хотел бы выехать за границу с целью временной работы	Таких планов нет	Затрудняюсь ответить
Руководители разного уровня	16,6	7,0	57,3	19,1
Рабочий (промышленности, транспорта, строительства и др.)	18,8	9,4	51,6	20,2
Крестьянин, рабочий сельского хозяйства	8,6	15,2	46,7	29,5
Служащий, специалист производственной сферы (инженер, технолог и т. д.)	9,1	5,5	68,2	17,2
Служащий, специалист непроизводственной сферы (учитель, врач и т. д.)	12,8	8,2	57,2	21,8
Предприниматель, фермер, самозанятый (индивидуальная трудовая деятельность)	20,7	6,6	53,7	19,0
Учащийся, студент	23,3	7,2	36,4	33,1
Другие	6,2	4,8	76,7	12,3

¹ Суммы по столбцам составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

можно отнести: крестьян, рабочих сельского хозяйства (15,2 % респондентов этой социально-профессиональной группы намерены поработать за границей); среди рабочих промышленности, транспорта, строительства таких оказалось 9,4 %; среди служащих, специалистов непроизводственной сферы (учителя, врачи и др.) – 8,2 %. Наименьшая доля респондентов, имеющих планы поработать за границей, наблюдается среди служащих, специалистов производственной сферы (инженер, технолог и т. д.) – 5,5 % (табл. 12).

Ведущие мотивы желания выехать за границу на постоянное место жительства у основных социально-профессиональных групп населения Беларуси представлены в табл. 13.

Таблица 13. Основные мотивы желания выехать за границу на постоянное место жительства в зависимости от социально-профессионального положения (зима 2019 г.), %¹

Мотивы выезда за границу на постоянное место жительства	Социально-профессиональное положение						
	Руководители разного уровня	Рабочий (промышленности, транспорта, строительства и др.)	Крестьянин, рабочий сельского хозяйства	Служащий специалист производственной сферы (инженер, технолог и т. д.)	Служащий, специалист непроизводственной сферы (учитель, врач и т. д.)	Предприниматель, фермер, самозанятый	Учащийся, студент
Беспокоит экологическая ситуация в месте моего проживания	25,0	12,6	–	–	13,3	16,0	6,9
Не удастся обеспечить себе достойную жизнь здесь	65,6	74,8	44,4	70,0	67,7	57,7	51,7
Неопределенность профессиональных и жизненных перспектив	28,1	10,0	11,1	9,1	19,4	24,0	24,1
Отсутствует возможность решения жилищной проблемы	46,9	8,1	11,1	10,0	23,3	7,7	6,9
Хочу жить вместе со своими близкими, родственниками	21,9	2,7	33,3	9,1	6,7	15,4	1,7
Хочу обеспечить будущее моим детям, дать им хорошее образование	71,9	25,5	22,2	10,0	50,0	32,0	29,3
Хочу улучшить свое материальное положение	59,4	39,1	40,0	30,0	43,3	32,0	55,2

По данным опроса (зима 2019 г.), основными мотивами выезда за границу на постоянное место жительства у руководителей разного уровня являются: желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (71,9 %), отсутствие возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (65,6 %), а также желание улучшить свое материальное положение (59,4 %).

У рабочих промышленности, транспорта, строительства ведущими мотивами выезда за границу на постоянное место жительства являются: отсутствие возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (74,8 %), желание

¹ Суммы по столбцам составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

улучшить свое материальное положение (39,1 %), а также желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (25,5 %).

У крестьян, рабочих сельского хозяйства главными мотивами выезда за границу на постоянное место жительства являются: отсутствие возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (44,4 %), желание улучшить свое материальное положение (40,0 %), желание жить вместе со своими близкими, родственниками (33,3 %).

Служащие и специалисты производственной сферы (инженеры, технологи и т. д.) свое намерение покинуть страну мотивируют отсутствием возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (70,0 %) и желанием улучшить свое материальное положение (30,0 %).

Представители служащих и специалистов непроизводственной сферы (учителя, врачи и т. д.) свои эмиграционные настроения объясняют отсутствием возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (67,7 %), желанием обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (50,0 %), желанием улучшить свое материальное положение (43,3 %).

Предприниматели, фермеры, самозанятые к основным мотивам желания эмигрировать отнесли: отсутствие возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (57,7 %); желание улучшить свое материальное положение (32,0 %) и желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (32,0 %).

Учащиеся, студенты главными мотивами выезда за границу на постоянное место жительства назвали: желание улучшить свое материальное положение (55,2 %), отсутствие возможности обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь (51,7 %) и желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (29,3 %). Следует отметить, что значительная доля респондентов (24,1 %) из числа учащихся, студентов к основным мотивам выезда за границу на постоянное место жительства отнесли *неопределенность профессиональных и жизненных перспектив*.

Ведущие мотивы выезда за границу для временной работы у основных социально-профессиональных групп населения Беларуси представлены в табл. 14.

Как видно из данных таблицы, у руководителей разного уровня основными мотивами выезда за границу для временной работы являются: желание улучшить свое материальное положение (90,0 %), посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (44,4 %).

Рабочие промышленности, транспорта, строительства основным мотивом временной трудовой миграции называют желание улучшить свое материальное положение (83,0 %). На втором месте – желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (37,7 %), на третьем – желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (17,3 %).

Главным мотивом выезда крестьян, рабочих сельского хозяйства за границу с целью временной работы является желание улучшить свое материальное положение (43,8 %). Далее идут желание заработать капитал для своего дела (37,5 %) и повысить свой профессиональный уровень, квалификацию (37,5 %).

Таблица 14. Основные мотивы временной трудовой миграции в зависимости от социально-профессионального положения респондентов (зима 2019 г.), %¹

Мотивы временной трудовой миграции	Социально-профессиональное положение						
	Руководители разного уровня	Рабочий (промышленности, транспорта, строительства и др.)	Крестьянин, рабочий сельского хозяйства	Служащий, специалист производственной сферы (инженер, технолог и т. д.)	Служащий, специалист непроизводственной сферы (учитель, врач и т. д.)	Предприниматель, фермер, самозанятый	Учащийся, студент
Заработать капитал для своего дела	11,1	13,5	37,5	16,7	15,0	62,5	44,4
Обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование	11,1	17,3	18,8	20,0	50,0	37,5	26,3
Повысить свой профессиональный уровень, квалификацию	11,1	13,2	37,5	—	25,0	—	27,8
Посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране	44,4	37,7	18,8	14,0	40,0	22,2	61,1
Улучшить свое материальное положение	90,0	83,0	43,8	83,3	80,0	62,5	50,0
Установить контакты для эмиграции в будущем	11,1	7,7	6,3	—	5,0	—	22,2

Служащие и специалисты производственной сферы основным мотивом временной трудовой миграции называют желание улучшить свое материальное положение (83,3 %). На втором месте у них – желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (20,0 %).

У служащих и специалистов непроизводственной сферы главным мотивом выезда за границу с целью временной работы является желание улучшить свое материальное положение (80,0 %), вторым по значимости является желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (50,0 %).

Предприниматели, фермеры, самозанятые основными мотивами внешней трудовой миграции называют желание улучшить свое материальное положение (62,5 %) и намерение заработать капитал для своего дела (62,5 %), вторым по приоритетности является желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (37,5 %).

У учащихся и студентов основным мотивом выезда за границу для временной работы является желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (61,1 %), далее идут желание улучшить свое материальное положение (50,0 %) и намерение заработать капитал для своего дела (44,4 %).

Анализ результатов мониторинговых социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси за 2010–2019 гг., показывает, что миграционные настроения населения весьма чутко реагируют

¹ Суммы по столбцам составляет более 100,0 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

на изменение социально-экономического положения в Беларуси и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Данные мониторинга дают основание сделать вывод о том, что эмиграционный потенциал населения из Беларуси за период 2010–2019 гг. значительно вырос. Так, если в 2010 г. доля респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства, составила 5,9 %, то в 2019 г. – 12,8 %.

По данным опросов, уровень эмиграционных намерений во многом зависит от возраста респондента. Молодежь значительно больше настроена на эмиграцию, чем другие возрастные группы населения.

По образовательному уровню среди респондентов, которые хотели бы уехать на постоянное место жительства за границу, преобладают лица с высшим и общим средним образованием (25,7 % и 25,8 % соответственно).

Распределение респондентов, желающих выехать за границу на постоянное жительство, по сфере деятельности в 2019 г. показывает, что наибольшая доля желающих эмигрировать из страны сформировалась среди студентов и учащихся – 23,3 %. Далее следуют предприниматели, фермеры, самозанятые – 20,7 %, рабочие промышленности, транспорта и строительства – 18,8 %, руководители – 16,6 %, служащие и специалисты непроизводственной сферы – 12,8 %.

Среди основных причин, порождающих эмиграционные планы, на первое место респонденты в 2019 г. поставили невозможность обеспечить себе в Беларуси достойную жизнь – 63,9 % (43,8 % в 2016 г., 50,5 % в 2017 г., 58,3 % в 2018 г.). На втором месте (42,1 %) – желание улучшить свое материальное положение (39,8 % в 2016 г., 36,3 % в 2017 г., 48,4 % в 2018 г.). На третьем – желание обеспечить будущее своим детям, дать им хорошее образование – 34,1 % (27,6 % в 2016 г., 34,4 % в 2017 г., 39,4 % в 2018 г.).

Следует отметить, что за период 2014–2019 гг. наблюдается рост доли респондентов, планирующих в ближайшей перспективе выезд за границу на постоянное место жительства, для которых основными мотивами эмиграции являются потеря перспективы обеспечить себе достойную жизнь в стране проживания и желание улучшить свое материальное положение. Не менее тревожным моментом является рост доли респондентов, у которых важным мотивом эмиграции является неопределенность профессиональных и жизненных перспектив. Особенно это касается молодежи. Такая динамика эмиграционных настроений молодежи и их мотивации не может не настораживать и требует принятия соответствующих мер со стороны органов государственного управления.

Если проследить динамику доли респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, за 2010–2019 гг., то можно отметить довольно резкие колебания по годам. Этот факт во многом объясняется социально-экономической ситуацией, складывающейся в различные годы в Российской Федерации, которая является основным потребителем трудовых мигрантов из Беларуси. Так, резкое уменьшение за 2014–2016 гг. доли респондентов, имеющих желание выехать за границу для временной работы, было определено снижением спроса на внешних трудовых мигрантов в России, а также деваль-

вацией российской валюты, и как результат – снижением уровня заработной платы у трудовых мигрантов. Однако, как только социально-экономическая ситуация в России начала улучшаться, доля респондентов, планирующих выезд за границу с целью временной работы, вернулась к среднему годовому показателю (12,0–14,0 %), характерному для многих лет наблюдений [4].

Опросы населения, проведенные в 2018 г. и 2019 г., показали значительное уменьшение доли респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы. В 2019 г. доля респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы, составила всего 7,0 %.

Как показал опрос 2019 г., среди основных причин, побуждающих респондентов выехать за границу на временную работу, преобладают материальные: желание улучшить свое материальное положение – 72,0 % (66,7 % в 2016 г., 58,3 % в 2017 г., 61,5 % в 2018 г.); желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране – 36,6 % (21,4 % в 2016 г., 28,7 % в 2017 г., 32,2 % в 2018 г.); желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование – 24,0 % (25,4 % в 2016 г., 31,4 % в 2017 г., 37,8 % в 2018 г.).

Наиболее привлекательными для эмиграции странами, по данным опроса 2019 г., являются Польша – 17,7 %, Россия – 16,4 %, США – 15,1 %, Германия – 11,3 %.

Предпочтения респондентов для выезда за границу для временной работы распределились следующим образом: Польша – 36,6 %, Россия – 30,5 %, Германия – 13,4 %, США – 7,3 %.

Особо следует отметить тот факт, что если в 2014 г. доля респондентов, желающих выехать из Беларуси для временной работы, в 3 раза превышала долю потенциальных эмигрантов, то в 2016 г. *впервые доля граждан Беларуси, желающих эмигрировать в зарубежные страны, превысила долю респондентов, имеющих планы на временную внешнюю трудовую миграцию*. Причем в последующие годы эта тенденция усилилась. Так, в 2019 гг. доля респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства, превосходила долю трудовых мигрантов почти на 5,8 п.п. (2016 г. – 1,8 п.п., 2017 г. – 1,7 п.п., 2018 г. – 1,7 п.п.). Среди молодежи в 2019 г. доля респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства, превышала долю трудовых мигрантов на 19,3 п.п.

Как следует из результатов проведенных исследований, в механизме формирования того или иного типа миграционного поведения наиболее существенную роль играют социально-экономические факторы, поскольку они являются основой трудовой мотивации и жизненных стратегий людей, определяют степень их социального оптимизма и уверенности в будущем. Исследование закономерностей формирования миграционного поведения, объективных и субъективных факторов миграции, их взаимосвязи сегодня как никогда актуально, так как результаты этих исследований являются концептуальной основой разработки новых принципов государственной миграционной политики и повышения ее эффективности.

Список использованных источников

1. *Артюхин, М. И.* Потенциал внешней миграции населения Беларуси: социологический анализ / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2011. – Т. 55, № 3. – С. 115–118.
2. *Артюхин, М. И.* Основные проблемы миграции населения Республики Беларусь: социологический анализ / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич // Социол. альм. – 2015. – Вып. 6. – С. 126–141.
3. *Артюхин, М. И.* Миграционные установки основных социально-демографических групп населения Беларуси: социологический анализ / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич, Э. М. Щурок // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 60–73.
4. *Пушкевич, С. А.* Тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь: статистический и социологический анализ / С. А. Пушкевич // Социол. альм. – 2018. – Вып. 9. – С. 304–315.

Поступила 02.11.2020 г.

УДК 316.43 (476)

Н. Л. БАЛИЧ,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, e-mail: n.balich@mail.ru*

ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Представлен анализ факторов модернизации регионов и эмпирические индикаторы их измерения. На основе применения интегрированной модели факторов модернизации, включая технико-технологические, социально-экономическое, инновационные, планово-стратегические составляющие, выявлены оценки сельским населением Беларуси уровня развития модернизации, а также проблемы, которые наиболее актуальны для конкретного региона республики.

Ключевые слова: модернизация, факторы модернизации, регион, сельское население, социологическое исследование.

N. L. BALICH,

*Candidate of Sociological Sciences, associate professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: n.balich@mail.ru*

FACTORS OF REGION'S MODERNIZATION (BASED ON RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

The analysis of the region's modernization factors and empirical indicators of their measurement are presented. Based on the use of an integrated model of the modernization factors, including technical and technological, socio-economic, innovative, planning and strategic components, the assessment of modernization development level given by the rural population of Belarus, also the problems that are most relevant for a specific region of the republic, have been identified.

Keywords: modernization, modernization factors, region, rural population, sociological research.

Модернизация регионов связана с междисциплинарными исследованиями и синтезом знаний из социологии, экономики, культурологии, регионалистики.

Сложность изучения особенностей и перспектив модернизации определяется тем, что современная модернизация – это интегрированный способ решения экономических, социальных, культурных задач общества и государства в контексте регионального, странового, глобального развития. По справедливому утверждению белорусского социолога Г. Н. Соколовой, «модернизация – это синоним всех прогрессивных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений» [1, с. 24].

Среди целевых функций модернизации член-корреспондент РАН Н. И. Лапин выделяет безопасность государства и общества, устойчивое функциони-

рование всех их структур, повышение условий жизнедеятельности населения (качества жизни). Ученый предлагает свое видение социокультурной модернизации, согласно которому параметры, характеризующие социокультурное развитие, – суть человеческие измерения модернизации, а процесс качественного повышения их уровня и сбалансированности есть социокультурная модернизация. В оценках успешной социокультурной модернизации страны можно считать такое ее состояние, когда величины человеческих измерений модернизации сбалансированы, а уровень каждого из них не ниже среднего для стран того мегарегиона человеческого сообщества, к которому относится данная страна [2, с. 4].

Социально-культурные особенности и уровень развития региона в контексте модернизации обусловлены совокупностью и успешностью процессов технического, экономического и социокультурного развития, повышающих его конкурентоспособность. Для выявления эффективности данных процессов можно опираться на данные официальной статистики, однако многие важные вопросы в ней не отражены.

Суть социологического исследования модернизации – ее человеческое измерение в оценках различных социально-демографических групп населения регионов. Необходимым условием является привлечение данных социологических опросов, поскольку оценивать развитие региона невозможно без изучения практик использования населением ресурсов территории, форм и степени вовлеченности в социокультурную жизнь.

Особенности и перспективы модернизации агропромышленного комплекса будут выявлены на основе четырехуровневой интегрированной модели эмпирического исследования модернизации, включающей технико-технологические, социально-экономические, инновационные, планово-стратегические основания. Все они являются частью интегрированной социокультурной модернизации, каждая компонента которой не может доминировать или отставать в своем развитии от остальных, так как это может привести модернизационные изменения к срыву либо к частичной модернизации.

Интегрированная модель эмпирического исследования модернизации была положена в разработку эмпирических индикаторов и показателей социологического измерения факторов модернизации сельского хозяйства: инновационного, технико-технологического, социально-экономического, планово-стратегического (рис. 1).

Для подготовки статьи использованы данные республиканского опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре 2019 г. в рамках выполнения государственного задания 3.1.04 «Социодинамика социальной структуры сельских регионов современной Беларуси» (выборочная совокупность 1 947 человек, в том числе сельское население 893 человека).

При проведении опроса использовалась случайная многоступенчатая маршрутная непропорциональная с усилением сельских регионов выборочная сово-

Инновационный	Технико-технологический	Социально-экономический	Планово-стратегический
• Применение новых технологий в сельхозпроизводстве • Выращивание новых с/х культур, пород животных	• Техническое оснащение аграрного сектора • Ремонт строений и сельхозтехники • Строительство сельхозсооружений	• Работа государственных и частных сельхозпредприятий • Наличие рабочих мест, уровень оплаты труда в сельском хозяйстве • Развитие инфраструктуры	• Стратегия развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в своем районе • Стратегия развития населенного пункта

Рис. 1. Модель социологического измерения факторов модернизации

купность с контролем квот на последнем этапе (в качестве котируемых признаков – пол, возраст, образование).

В процессе исследования получены субъективные оценки различными социально-демографическими группами сельского населения модернизации своего региона по различным показателям, отражающим инновационное, технико-технологическое, социально-экономическое развитие: применение новых технологий в сельскохозяйственном производстве, выращивание новых культур, пород животных, техническое оснащение аграрного сектора, ремонт и строительство зданий, сооружений, работа государственных и частных сельхозпредприятий, наличие рабочих мест, уровень оплаты труда в сельском хозяйстве и другие показатели.

Кроме того, получены оценки стратегического развития сельского хозяйства и населенного пункта проживания респондентами, занятыми на предприятиях государственной и частной форм собственности, что позволило выявить основные проблемы развития агросектора республики. Также использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Инновационный фактор. Инновационным фактором модернизации аграрного сектора является выращивание новых сортов растений, пород и видов животных и кроссов птицы. Согласно данным опроса, для сельского населения различных областей вопрос выращивания новых сельскохозяйственных культур и пород животных является актуальным. Незначительная доля населения различных регионов выставила высокие оценки своему району по данному показателю (респонденты Гродненской области – 16,9 %, Минской – 11,0 %). Больше всего негативных оценок получено от сельских жителей Могилевской (43,5 %), Витебской (36,0 %) областей. Существенная доля опрошенных (от 30 до 46 % в зависимости от области) не выразила своего мнения, отметив вариант «затрудняюсь ответить» (рис. 2).

Не менее важным звеном в модернизации агропромышленного комплекса является применение новых технологий в растениеводстве, животноводстве, производстве продуктов питания, перерабатывающей промышленности,

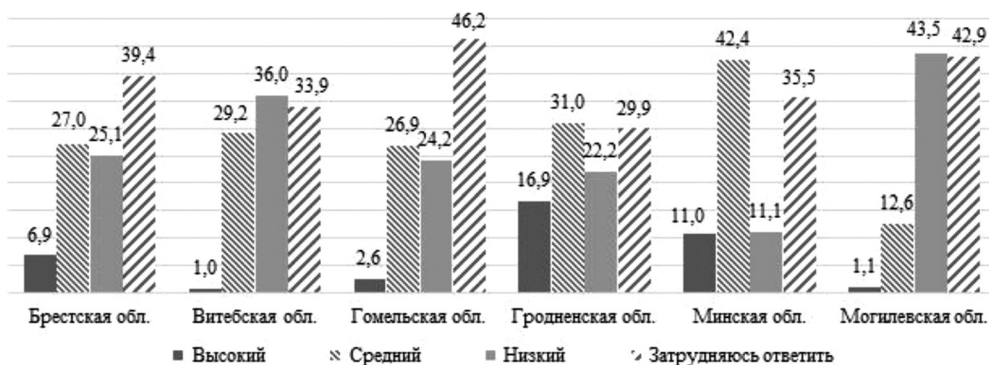

Рис. 2. Оценка сельским населением областей показателей выращивания новых сельскохозяйственных культур, пород животных в своем районе, %

позволяющих повысить эффективность сельскохозяйственного производства. Однако оценки сельскими жителями применения новых технологий в сельхозпроизводстве в целом остаются неудовлетворительными. Лишь от 1,1 до 9,9 % населения областей определили уровень развития своего района по применению новых технологий как высокий, а от 13 % до 47,5 % – как низкий. Жители Витебской, Гомельской областей не дали высоких оценок по данному показателю. Ниже других оценивают применение новых технологий в сельскохозяйственном производстве жители Могилевской (47,5 %), Витебской (41,0 %) областей (рис. 3).

Технико-технологический фактор. Техническое оснащение аграрного сектора включает в себя обеспечение аграрных предприятий новой современной техникой, автоматизированными системами, позволяющими быстро выполнять производственные задачи. Успешная модернизация во многом зависит от состояния машинно-тракторных парков сельхозпредприятий, технико-эксплуатационных показателей сельхозмашин, энергообеспеченности сельскохозяйственных организаций.

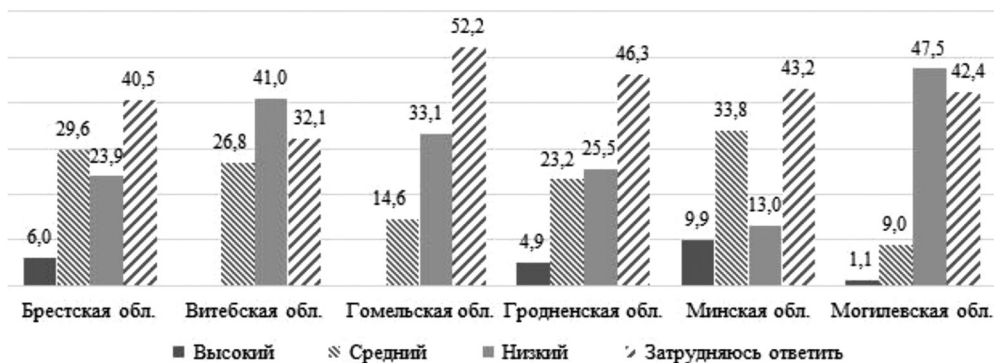

Рис. 3. Оценка сельским населением областей применения новых технологий в сельскохозяйственном производстве в своем районе, %

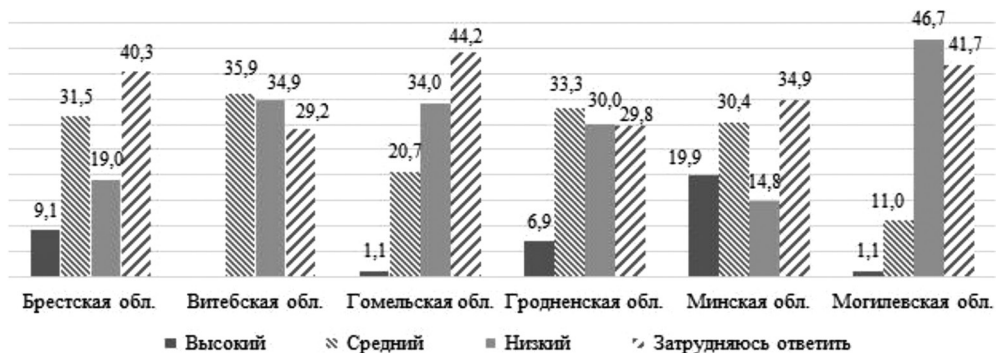

Рис. 4. Оценка сельским населением областей технического оснащения аграрного сектора в своем районе, %

Техническое оснащение аграрного сектора своего района значительно выше (по сравнению с другими областями) оценили жители Минской области (19,9 %).

При этом больше низких оценок было от жителей Могилевской (46,7 %), Витебской (34,9 %), Гомельской (34,0 %) областей (рис. 4).

Показатели ремонта строений и сельхозтехники в своем районе респонденты оценили преимущественно как средние или низкие. Больше средних оценок было получено от сельского населения Гродненской (38,5 %), Минской (36,9 %), Брестской (36,3 %) областей; низких – от населения Могилевской (53,5 %), Витебской (41,3 %) областей. Примерно равное количество жителей Гомельской области оценили уровень развития сельского хозяйства своего района по показателям ремонта строений и сельхозтехники как средний и низкий (27–28 %) (рис. 5).

Незначительное количество респондентов (от 0,9 до 10,8 %) высоко оценили показатели строительства сельхозсооружений в своем районе. Большинство полученных оценок – средние или низкие. Среди жителей различных областей

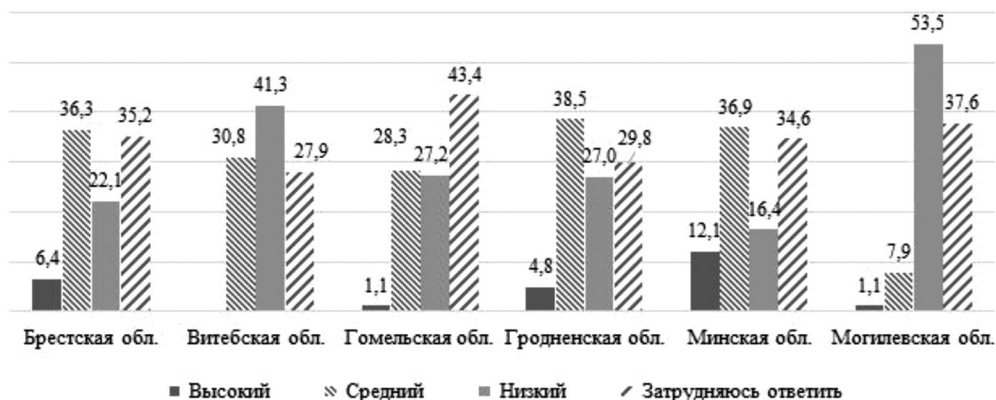

Рис. 5. Оценка сельским населением областей показателей ремонта строений и сельхозтехники в своем районе, %

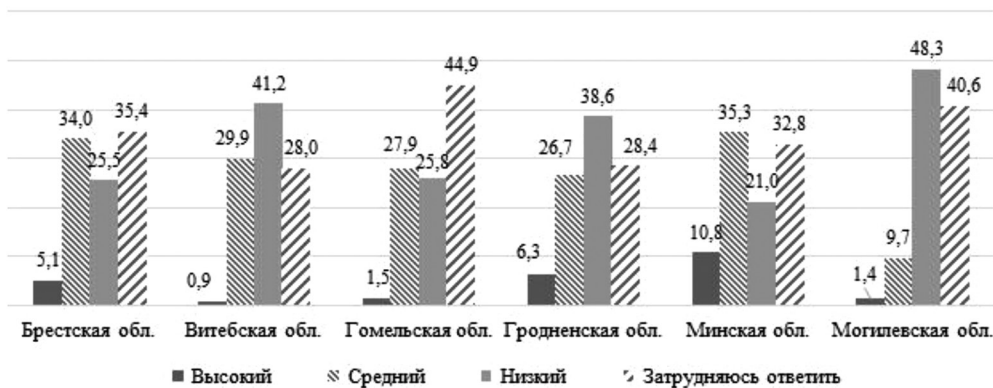

Рис. 6. Оценка сельским населением областей показателей строительства сельхозсооружений в своем районе, %

наиболее низкие оценки (как и по другим показателям) получены от сельского населения Могилевской (48,3 %), Витебской (41,2 %) областей. Значительная доля респондентов Гродненской области уровень строительства сельхозсооружений в своем районе также оценила как низкий (38,6 %) (рис. 6).

Социально-экономический фактор. Состояние и качество работы государственных сельхозпредприятий жители областей (кроме Могилевской и Гродненской) в основном оценивают как среднее. Больше высоких (16,5 %) и меньше низких (14,7 %) оценок по данному показателю получено от жителей Минской области. Наиболее критично оценили работу госпредприятий респонденты Могилевской области (47,8 % жителей считают уровень работы государственных сельхозпредприятий низким). Более 30 % жителей Гродненской, Витебской областей также низко оценили состояние и качество работы государственных сельхозпредприятий. Значительная доля респондентов (от 31 до 48,9 % в зависимости от области) затруднилась оценить качество работы государственных сельхозпредприятий (рис. 7).

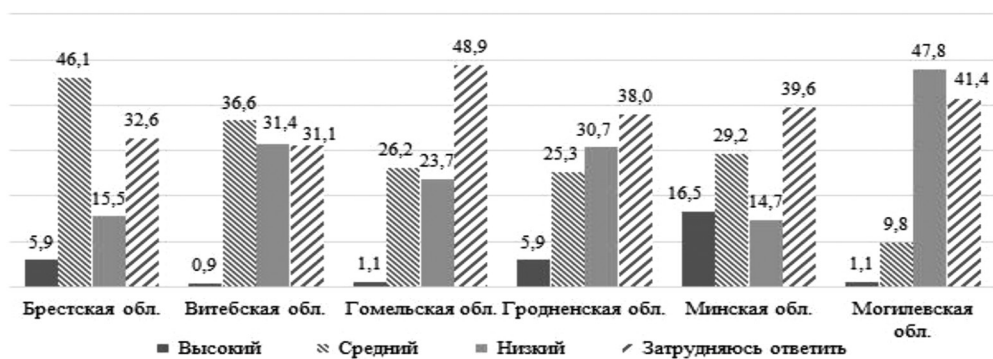

Рис. 7. Оценка сельским населением областей эффективности работы государственных сельхозпредприятий в своем районе, %

Количество респондентов, считающих эффективность работы частных сельхозпредприятий низкой, значительно превышает число тех, кто считает ее высокой. Эффективность предприятия не всегда зависит от формы собственности, хотя на наличие неравных условий (по сравнению с предприятиями госсектора) нередко обращают внимание предприниматели. Примечательно, что по данному вопросу респонденты всех областей чаще выбирают вариант «Затрудняюсь ответить», большинство из них проживает в Гомельской (55,5 %), Могилевской (50,4 %) областях. Сравнительные оценки качества работы государственных и частных сельхозпредприятий свидетельствуют о том, что уровень развития фермерских хозяйств и частных сельхозпредприятий население различных областей оценивает выше, чем работу государственных сельхозпредприятий. При этом больше низких оценок получено от жителей Могилевской (34,9 %), Витебской (29,0 %) областей (рис. 8).

Наличие рабочих мест – важный ресурс обеспечения жизнедеятельности сельского населения, во многом определяющий экономику и благосостояние народа. Трудовая занятость выступает важнейшей характеристикой рынка труда и обусловлена демографическими и социокультурными процессами в регионе.

Важной проблемой является трудоустройство в сельской местности, где, по сравнению с городом, ограничен выбор вакансий, а темпы роста и продолжительность безработицы выше.

На основании постановления Совета Министров Республики Беларусь от 22.02.2018 № 142 был определен порядок отнесения регионов к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда на следующий год. По результатам мониторинга на 1 января 2019 г., с учетом роста численности занятых в экономике на 2019 г., в перечень территорий с напряженной ситуацией на рынке труда включено 53 региона (41,4 % от общего числа административно-территориальных единиц) [3]. В соответствии с указанным постановлением Витебская и Минская области отнесены к территориям с наиболее напряженной ситуацией

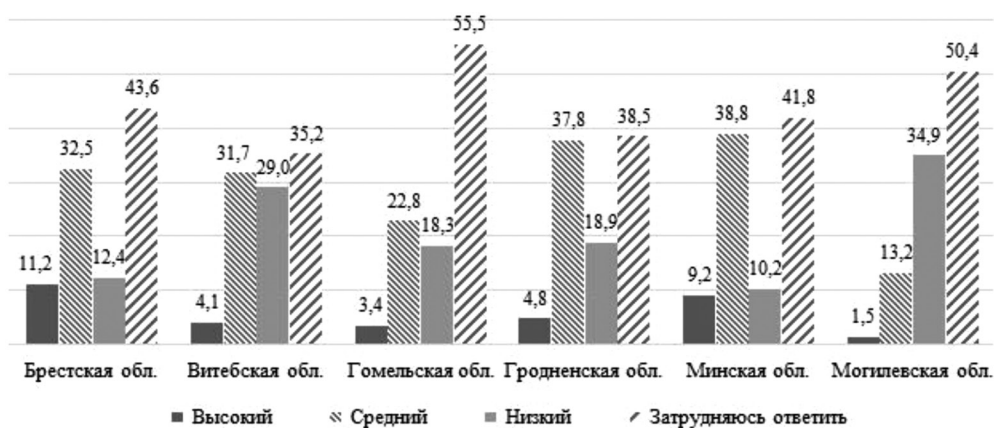

Рис. 8. Оценка сельским населением областей эффективности работы частных сельхозпредприятий в своем районе, %

на рынке труда. При этом важно отметить, что при равном количестве регионов Витебская область, в отличие от Минской, дальше находится от столицы, а значит, у жителей Витебской области меньше возможностей выбора вакансий и трудоустройства на хорошо оплачиваемую работу (таблица).

Количество регионов с напряженной ситуацией на рынке труда по данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь

Области	Витебская	Минская	Брестская	Гомельская	Гродненская	Могилевская
Количество регионов	15	15	8	6	2	7
% от общего числа административно-территориальных единиц	11,7	11,7	6,3	4,7	1,6	5,4

Данную ситуацию на рынке труда подтверждают результаты опроса, согласно которым лишь 0,9 % населения Витебской области высоко оценили возможности трудоустройства в своем районе (низко оценили шансы трудоустройства 42,4 % респондентов). Следует отметить, что значительно больше негативных оценок получено от жителей Витебской области, чем от жителей других областей. Низко оценивают возможности трудоустройства также жители Могилевской области – 39,3 %. В данной группе больше всего респондентов (40,6 %) затруднились оценить наличие рабочих мест в сельском хозяйстве (рис. 9).

Одной из причин безработицы в условиях модернизации может быть низкое качество рабочей силы, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел и не соответствует требованиям современного рынка труда. В результате технико-технологической модернизации происходит свертывание ряда производств и высвобождение групп занятого населения. Решение данной социальной проблемы, по мнению Г. Н. Соколовой, заключается

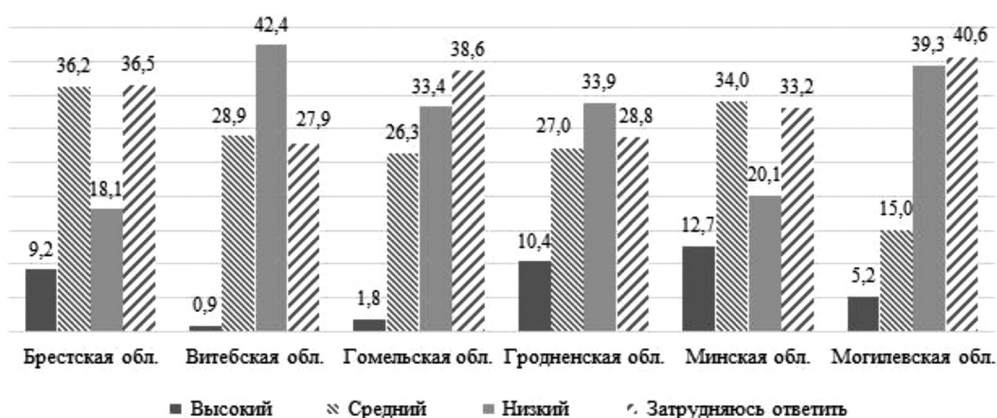

Рис. 9. Оценка сельским населением областей возможностей трудоустройства в сельском хозяйстве в своем районе, %

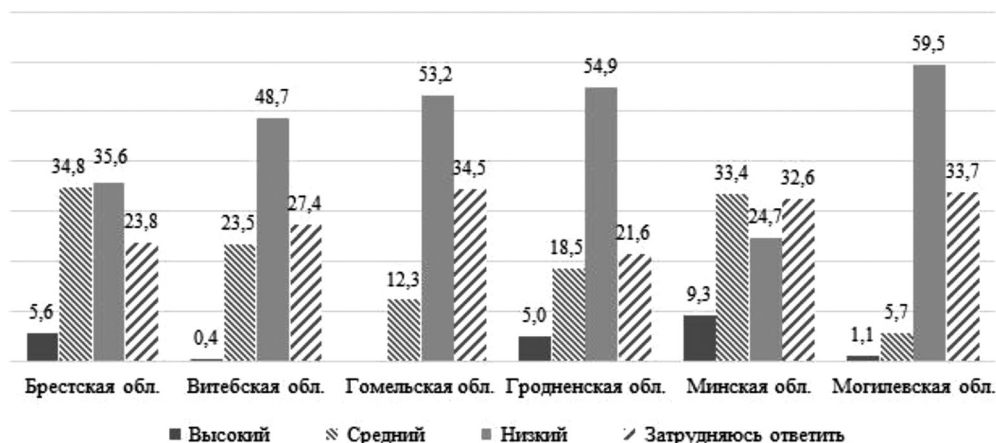

Рис. 10. Оценка сельским населением областей уровня оплаты труда в сельском хозяйстве в своем районе, %

в «разработке адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу...» [1, с. 28].

Следующий важный показатель развития сельского хозяйства и АПК региона – уровень оплаты труда. Заработная плата является важнейшим стимулом роста производительности труда и, соответственно, эффективности работы сельскохозяйственного предприятия. Однако уровень удовлетворенности размером заработной платы в оценках сельского населения остается низким. На это указало 59,5 % жителей Могилевской, 54,9 % – Гродненской, 53,2 % – Гомельской, 48,7 % – Витебской, 35,6 % – Брестской, 24,7 % – Минской областей. По данному показателю получены наиболее низкие оценки развития сельского хозяйства и АПК своего района (рис. 10).

Результаты опроса показали, что наиболее низкие оценки по всем показателям социально-культурной модернизации были получены от сельского населения Могилевской и Витебской областей. Респонденты данных регионов чаще неудовлетворены показателями развития животноводства, растениеводства, применения новых технологий в сельхозпроизводстве, технического оснащения аграрного сектора, возможностью трудоустройства в сельском хозяйстве.

Наиболее острым вопросом, по мнению сельского населения всех областей, кроме Минской, является уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, который большинством респондентов Могилевской, Гродненской, Гомельской, Витебской областей оценивается как низкий.

Результаты коррелируют с данными Национального статистического комитета, согласно которым среди всех областей республики и г. Минска в обще-

республиканских показателях в январе–ноябре 2019 г. Витебская и Могилевская области имеют самый низкий удельный вес среди всех областей по следующим показателям: продукция промышленности, продукция сельского хозяйства, инвестиции в основной капитал, основной и розничный товарооборот [4].

Рассмотрим, что, по мнению жителей сельских регионов, необходимо улучшить в стратегии развития сельского хозяйства и АПК своего района (стратегическое планирование сельских регионов).

Планово-стратегический фактор. Для анализа оценок стратегии развития сельского хозяйства были выделены группы респондентов, занятых на предприятиях государственной и частной форм собственности, что позволило выявить основные проблемы развития агросектора. Было предложено ответить на вопрос: «На что в первую очередь следует обратить внимание в стратегии развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в Вашем районе?»

Результаты опросов подтверждают данные официальной статистики о проблемах, существующих в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе, актуальных для республики. Они же пересекаются с оценками сельским населением различных показателей развития сельского хозяйства и АПК своего района.

Больше всего респондентов, работающих на предприятиях всех форм собственности (58 % государственных, 65,6 % частных), указали на необходимость повышения оплаты труда сельскохозяйственных работников.

Следующая проблема, на которую, по мнению респондентов, следует обратить внимание, – внедрение новой техники, модернизация производства. Такого мнения придерживается 33,1 % работников государственных и 25,3 % негосударственных предприятий. Это требует реализации общенациональных целей и задач модернизации АПК с учетом специфики региона, что созвучно с Директивой Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли».

Создание новых рабочих мест – не менее значимая проблема, о чем свидетельствуют данные Национального статистического комитета, подтверждающие сокращение численности занятого населения в сельском хозяйстве. На необходимость решения данной ситуации указало 29 % работников государственных и 22,2 % – частных предприятий.

Работники частных предприятий отметили важность омоложения кадрового состава руководителей в сфере АПК (22,8 %), работники государственных предприятий – необходимость повышения квалификации работников сельхозпредприятий (25 %). Данные мероприятия будут способствовать устранению дефицита кадров в аграрном секторе. Для кадрового обеспечения модернизации и инновационного развития агропромышленного комплекса предстоит осуществить комплекс образовательных и иных мер на уровне сельхозорганизаций региона, обеспечивающих подготовку и привлечение молодых специалистов, создание новых рабочих мест.

На необходимость ремонта и строительства сельхозсооружений (23,6 %), развитие животноводства (21,4 %), привлечение частных или зарубежных инвестиций (20,7 %) чаще указывают работники государственных предприятий. Также в данной группе 16,9 % отметили важность развития фермерских и частных сельхозпредприятий.

Менее значимыми вопросами, по мнению респондентов данной группы, является освоение новых сельскохозяйственных культур (12,7 %) и развитие IT-агрономии (12,3 %).

На важность применения технологий точного земледелия указало 9,7 % работников негосударственных предприятий, на важность освоения новых сельскохозяйственных культур – 11,5 % опрошенных. Респонденты данной группы развитие фермерских хозяйств и частных сельхозпредприятий (25,0 %) считают более важным в сельском хозяйстве, чем развитие садоводства и овощеводства (9,6 %), в отличие от работников госпредприятий, среди которых 18,4 % указали на важность данного направления в стратегическом развитии своего района (рис. 11).

Важным аспектом успешной модернизации АПК является развитие социальной инфраструктуры сельских территорий, предоставление качественных жилищно-коммунальных услуг, обеспечение товарами, улучшение демографической ситуации, привлечение молодежи в село.

Отдельным блоком в данном разделе рассмотрим мнение сельских жителей о том, на что следует обратить внимание в стратегии развития своего района, населенного пункта.

Анализ полученных результатов показал, что чаще всего респонденты указывают на необходимость развития жилищно-коммунальных услуг по месту жительства. Такого мнения придерживаются 27 % работников государственных и 30,2 % – частных предприятий. Очевидно, что от стабильного и качественного функционирования жилищно-коммунального хозяйства во многом зависит создание комфортной среды проживания в сельских населенных пунктах, что важно для сельских жителей.

Одним из наиболее значимых факторов успешной модернизации АПК в контексте реформирования аграрного сектора является развитие социальной инфраструктуры сельских населенных пунктов в сфере образования, здравоохранения, культуры и досуга, на что обратили внимание 26 % работников государственных и 23,0 % – частных предприятий. Развитая инфраструктура – не менее важное условие создания комфортной среды проживания и привлечения молодых специалистов в село, на что обратили внимание участники опроса. Так, среди вопросов, которые значимы в стратегии развития АПК, 17,1 % работников государственных предприятий считают привлечение новых жителей в села и поселки. Среди работников негосударственных предприятий такую точку зрения имеют 18,9 %.

Прогрессивные сдвиги в развитии социальной инфраструктуры села связаны с совершенствованием торговли и обеспечением товарами повседневного

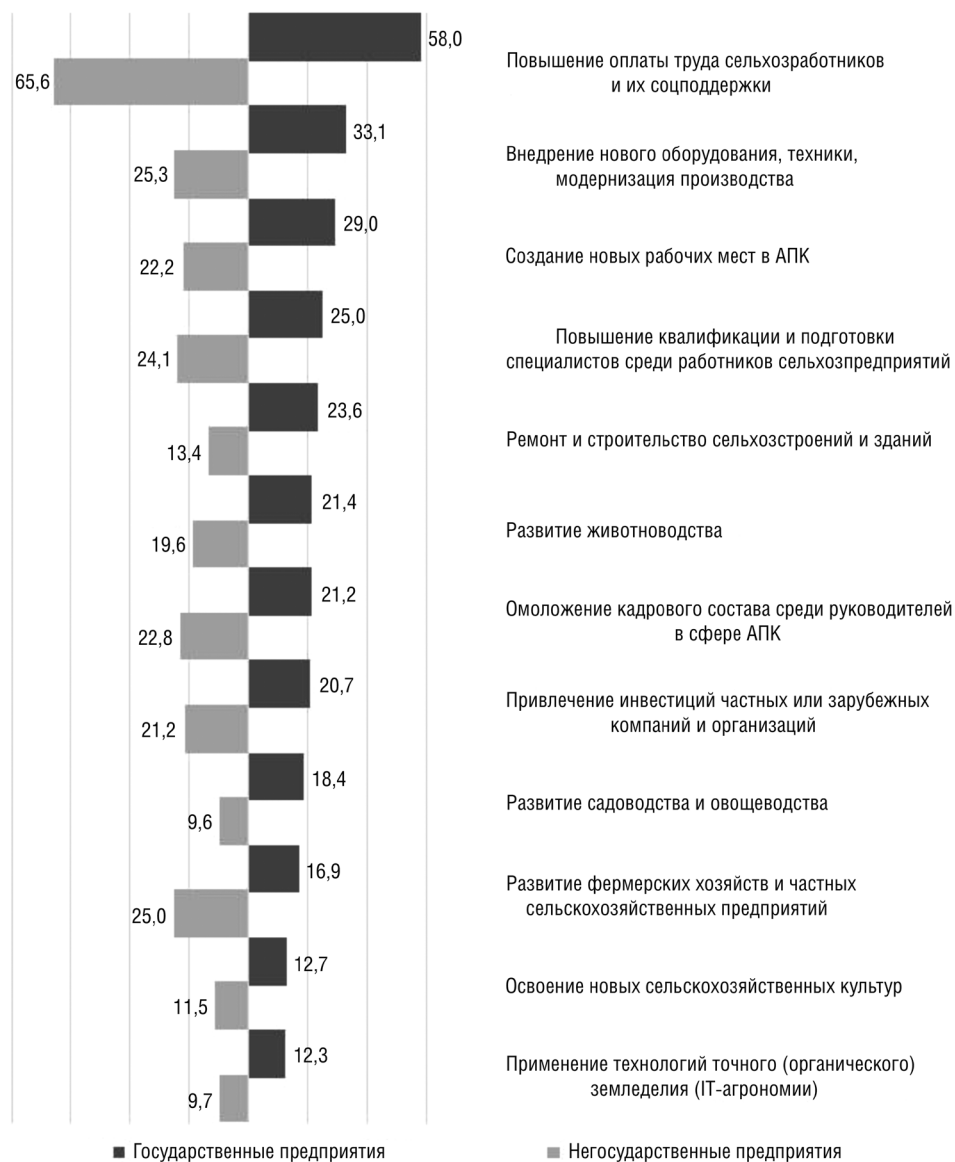

Рис. 11. Мнение работников государственных и негосударственных предприятий об аспектах, на которые необходимо обратить внимание в стратегии развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в своем районе, %

спроса. Это позволит поддержать сельский потребительский рынок, уменьшить дифференциацию по ценам и насыщенности товарами между городом и селом, обеспечить равный доступ сельского населения к продуктам и услугам, приблизить торговое обслуживание сельского населения к городскому уровню. Опрос показал, что работники государственных предприятий (16,8 %) считают развитие торговли и обеспечение сельских населенных пунктов това-

Рис. 12. Мнение работников государственных и негосударственных предприятий о необходимости развития инфраструктуры своего района, %

рами более важным, чем работники частных компаний (6,4 %). Такая разница в ответах может быть связана с тем, что частники больше ориентированы на выпуск и реализацию собственной продукции, от чего прямо зависит доход и развитие их предприятий (рис. 12).

Социально-культурные особенности и уровень развития региона в контексте модернизации определяются совокупностью и успешностью процессов инновационного, технического, экономического и социокультурного развития, повышающих его конкурентоспособность. В оценке особенностей и перспектив модернизации агропромышленного комплекса была применена четырехуровневая интегрированная модель эмпирического исследования модернизации, включающая инновационные, технико-технологические, социально-экономические, планово-стратегические составляющие.

Данные исследования свидетельствуют, что наиболее низкие оценки по всем показателям модернизации были получены от сельского населения Могилевской и Витебской областей.

Наиболее острым вопросом, по мнению сельского населения всех областей, кроме Минской, является уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, который большинством респондентов Могилевской (59,5 %), Гродненской (54,9 %), Гомельской (53,2 %), Витебской (48,7 %) областей оценивается как низкий.

В стратегии развития АПК своего района работники государственных предприятий, в отличие от частных, чаще указывают на необходимость модернизационных изменений своего района по технико-экономическим основаниям (техническое оснащение аграрного сектора, ремонт и строительство сельхозсооружений), а также по внедрению инновационных разработок (освоение новых сельскохозяйственных культур, развитие растениеводства, животноводства, применение технологий точного земледелия (ИТ-агрономия)). Работники частных предприятий больше ориентированы на демографические изменения – омоложение кадрового состава руководителей в сфере АПК. Обе группы поддерживают необходимость повышения оплаты труда и социальной поддержки сельхозработников, ориентированы на внедрение нового оборудования, техники, модернизацию производства, создание новых рабочих мест, повышение квалификации и переподготовку специалистов в сфере сельского хозяйства.

Не менее важное условие – создание комфортной среды проживания в сельских населенных пунктах и развитие социальной инфраструктуры.

В развитии социальной инфраструктуры наиболее важным работники государственных и частных сельских предприятий считают необходимость развития жилищно-коммунальных услуг по месту жительства. На важность развития сферы образования, здравоохранения, культуры и досуга указал каждый четвертый работник государственных и частных предприятий. Среди других вопросов в стратегии развития АПК примерно каждый шестой работник государственных и частных компаний указал на привлечение новых жителей в села и поселки. Среди прогрессивных сдвигов в развитии социальной инфраструктуры – торговля, снабжение товарами, которые работники госпредприятий считают более важным, в отличие от работников частных компаний. Очевидно, что развитие социальной инфраструктуры на селе позволит не только поддержать сельский потребительский рынок, но и уменьшить дифференциацию между городским и сельским населением по ценам, качеству и ассортименту жилищно-коммунальных, бытовых услуг, приблизить торговое обслуживание сельского населения к городскому уровню.

Список использованных источников

1. Соколова, Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь–Россия / Г. Н. Соколова // Наука и инновации. – 2013. – № 6. – С.24–28.
2. Лапин, Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2011. – № 9. – С.3–17.
3. Территории с напряженной ситуацией на рынке труда [Электронный ресурс] // М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://mintrud.gov.by/ru/territoriya_napryag. – Дата доступа: 10.12.2019.
4. Основные социально-экономические показатели по областям и г. Минску [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/osnovnye-pokazateli-po-respublike-belarus/>. – Дата доступа: 15.12.2019.

Поступила 31.10.2020 г.

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,

доктор социологических наук, профессор, Институт социологии НАН Беларуси, Минск

НАРКОТИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕВИАНТОЛОГИИ

По результатам социологических исследований осуществляется социально-девиантологический анализ особенностей распространенности и детерминации наркотизации населения как антиобщественного явления, которое причиняет большой экономический, социальный и моральный вред, а также препятствует устойчивому развитию современного белорусского общества. Разработан комплекс социально-практических мер, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных и других государственных органов по профилактике и противодействию потреблению наркотиков, наркомании, наркобизнесу и правонарушениям, связанных с употреблением наркотических веществ.

Ключевые слова: наркотизация населения, антиобщественные явления, антидевиантная политика, антинаркотическая политика, профилактика и противодействие правонарушениям, связанным с наркотиками.

N. A. BARANOVSKI,

Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk

NARCOTIZATION OF BELARUS' POPULATION IN THE DISCOURSE OF SOCIAL DEVIANTOLOGY

According to the sociological researches' results, social and deviantology features analysis of prevalence and determinations regarding population's narcotization as antisocial phenomenon that has huge economic, social and mental harm is carried out. Also, it prevents to sustained development of modern Belarusian society. The complex of social and practical measures has been developed. These measures are aimed to improve the law enforcement and other public agencies' efficiency for the prevention and counteraction to drug using, trafficking and offenses related to the narcotic substances' consuming.

Keywords: population's narcotization, antisocial phenomena, anti-deviant policy, anti-drug policy, prevention and counteraction to drug-related offenses.

Социологическое исследование наркотизации населения является важным компонентом предмета социальной девиантологии – научного направления социологии, изучающего на междисциплинарной основе сущность и закономерности происхождения, детерминации и развития преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений, а также систему мер их социального контроля.

Наркотизация населения – это детерминированный социумом, личностью и личностно-социальными взаимодействиями социальный процесс массового

распространения среди различных социально-демографических групп населения наркотизма как негативного социально-правового явления. Наркотизм представляет собой массовое и устойчивое общественно опасное и уголовно-противоправное социальное явление (разновидность негативных социальных девиаций, девиантного и аддиктивного поведения), которое связано с производством, реализацией и потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, причиняющих значительный вред физическому, психическому и социальному здоровью, социальному поведению и образу жизни личности, дезорганизует ее ближайшее социальное окружение и препятствует демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию общества.

Наркотизм как негативное социальное явление проявляется в четырех формах антиобщественного и противоправного поведения: 1) эпизодическое немедицинское употребление наркотиков; 2) наркомания как патологическая форма регулярного или систематического немедицинского употребления наркотиков, сопряженного с физической и психологической зависимостью человека от них; 3) незаконное производство и распространение наркотиков (наркобизнес); 4) совершение преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками.

Все формы наркотизма имеют единую социальную природу, антиобщественную сущность и общие закономерности генезиса и механизмов детерминации. Вместе с тем в содержательном и этиолого-детерминационном плане, а также по особенностям механизмов формирования и развития они существенно различаются между собой, что обуславливает необходимость предметно-дифференцированного подхода, как к их исследованию, так и социальной практике профилактики и противодействия этим формам наркотизма. В частности, эпизодическое немедицинское употребление наркотиков – это преимущественно социокультурная проблема, наркомания – социально-медицинская проблема, а незаконное производство и распространение наркотиков, а также преступления и другие правонарушения, связанные с наркотиками – это социально-правовая проблема. Характер и особенности детерминации и механизмов формирования и развития вышеперечисленных форм проявления наркотизма определяют сущность, специфику и приоритетную направленность мер и средств профилактики, противодействия наркотизму как сложному и поливариантному антиобщественному социальному явлению.

Изучение данных медицинской и уголовной статистики, результатов социологических исследований свидетельствует, что проблема наркотизации населения в Беларуси остается напряженной и вызывает серьезную тревогу и беспокойство со стороны государства и общественности. По социологическим опросам населения страны эти вопросы входят в десятку социальных проблем, которые тревожат общественное мнение. На наркологическом учете Министерства здравоохранения Республики Беларусь по состоянию на 1 июля 2020 г. находилось значительная численность лиц, употребляющих наркотические вещества – 12 342 человека (в том числе на диспансерном учете 7287 человек

и 5055 человек на профилактическом учете). Что касается динамики наркотизации населения, то на протяжении последних двух десятилетий численность лиц, состоящих на наркологическом учете, имеет тенденцию к увеличению: с 9468 человек в 2004 г. до 12 342 человека в 2020 г. При этом если в первое десятилетие имел место значительный рост числа лиц, находящихся на наркологическом учете (до 15 527 человек в 2015 г.), то начиная с 2016 г. – отмечается устойчивая положительная тенденция к сокращению их численности – (до 12 758 человек на 1 июля 2019 г. и до 12 342 человек на 1 июля 2020 г.).

Изучение данных уголовной статистики свидетельствует, что за последние два десятилетия, одновременно с сокращением общего объема зарегистрированных в стране преступлений, сократилось количество преступлений, связанных с наркотиками: с 6630 преступлений в 2004 г. до 4613 преступлений в 2019 г. Вместе с тем удельный вес преступлений, связанных с наркотиками, в общей зарегистрированной преступности за данный период не изменился и по-прежнему составляет около 6 %. В 2018 г. за незаконный оборот наркотических веществ привлечено к уголовной ответственности 2355 человек, из них почти половина – молодежь, 26,7 % – имели судимость, 70,7 % – не работающих и не учащихся.

По данным репрезентативного социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в октябре 2017 г., потребление наркотиков среди населения распространено среди 1,7 % взрослого населения страны (примерно среди 127 500 человек). Эта социологическая информация дает основание говорить о наличии достаточно высокого уровня распространенности потребления наркотиков и о негативной тенденции его роста – в 1,4 раза по отношению к 2010 г. Употребление наркотиков имеет место преимущественно среди молодежи, удельный вес которой составляет более 2/3 всех потребителей наркотических веществ. В наибольшей степени употребление наркотических веществ распространено среди следующих групп молодежи: 16–24-летних юношей; студентов колледжа или вуза, рабочих промышленности, строительства, транспорта и предпринимателей; имеющих средний или низкий уровень материальной обеспеченности; проживающих в Минске или среднем городе с населением более 70 тыс. человек; воспитывающихся в конфликтной семейной обстановке либо в атмосфере непонимания и отчужденности, а нередко и внутрисемейного насилия; ориентирующихся в своем поведении и образе жизни на материальный достаток и благополучие, свободу и независимость, отдых и развлечения; не удовлетворенных своим материальным положением, жилищными условиями, перспективами в жизни, отношениями в родительской семье, учебой и проведением свободного времени; имеющих вредные привычки (табакокурение, употребление алкоголя, совершение правонарушений). Мотивы употребления наркотиков: желание получить приятные ощущения, от нечего делать, забыть о проблемах, за кампанию, не выделяться из группы сверстников.

Актуальной и значимой научной и социально-практической проблемой является наличие полной и достоверной информации об особенностях детер-

минации (генезиса и развития) и механизмов (форм и регуляторов) наркотизации населения. Под социальной детерминацией наркотизации населения понимается система *факторов* (явлений и процессов, которые влияют на происхождение и развитие наркотизации населения, выступая в качестве благоприятной почвы формирования и действия их непосредственных причин и условий), *причин* (явлений и процессов, которые обуславливают и порождают различные формы наркотизма) и *условий* (явлений и процессов, которые способствуют формированию и действию факторов и причин наркотизации населения). Следовательно, в процессуально-динамическом плане система социальной детерминации наркотизации населения представляет собой социальный механизм их генезиса и развития, который включает три процесса: 1) влияние (действие факторов); 2) способствование (действие условий); 3) порождение (действие причин).

Конкретные детерминанты (факторы, причины и условия) наркотизации населения могут находиться (отдельно или в сочетаниях): 1) в структурах и процессах дезорганизованного и неразвитого общества, на разных уровнях (макро-, мезо-, микро-) и сферах социальной жизни; 2) в обстоятельствах конкретных социальных ситуаций в различных сферах социальной жизни; 3) в деформированной и неразвитой личности наркопреступников и наркопотребителей, их поведении и образе жизни; 4) в деструктивном личностно-социальном взаимодействии (интеракции) наркопреступников или наркопотребителей и социума на разных уровнях (макро-, мезо-, микро-) и в различных сферах социальной жизни.

В зависимости от доминирования в системе социальной детерминации наркотизации населения какой-либо группы конкретных детерминант различаются *четыре типа детерминации*: а) социальная (когда преобладает влияние социальных явлений и процессов макро-, мезо- и микроуровней в различных сферах социальной жизни; б) ситуационная (когда доминирует влияние обстоятельств конкретной ситуации в различных сферах социальной жизни); в) деструктивно-интеракционная (когда доминирует влияние деструктивной интеракции личности наркопреступника или наркопотребителя и социальной среды); г) личностно-девиантная (когда преобладает влияние деформированной и неразвитой личности наркопреступника или наркопотребителя, их антиобщественного поведения и образа жизни) [1–3].

В качестве теоретико-методологических оснований проведенных Институтом социологии НАН Беларуси за последние два десятилетия (в 2004, 2010 и 2017 гг.) социологических исследований состояния, динамики, особенностей и механизмов детерминации наркотизации населения, выступают системный социально-детерминационный анализ и авторская теория деструктивного личностно-социального взаимодействия (интеракции), объясняющая закономерности этиологии (генезиса и развития) различных антиобщественных явлений. Социальные и личностные детерминанты и механизмы наркотизации населения были дифференцированы по макро-, мезо-, микро-, ситуационному и индивидуально-личностному уровням, а также по сферам общественной жизни: экономика, политика, социальная сфера и культура. Особое внимание

уделялось изучению характера и особенностям личностно-социальных взаимодействий, в первую очередь на уровне межличностных, групповых и социально-общественных взаимоотношений в семье, школьном коллективе, на работе и в сфере досуга.

Социологические исследования показывают, что *основными детерминантами (факторами, причинами и условиями) наркотизации населения Беларуси* являются следующие:

- деформации в социальном и духовном развитии значительной части населения, выражающиеся в социальной пассивности, ограниченности духовных интересов, неразвитости социальных и духовных потребностей, неумении организовать свой досуг, отсутствии любимых занятий в свободное время;
- доминирование в духовной культуре жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, гедонистического, потребительского, корыстного, конформистского, социально безответственного характера;
- затрудненность самореализации, обусловленная неопределенностью жизненных перспектив, несоответствием социальных и личностных возможностей уровню потребностей и интересов значительной части населения;
- нравственно-психологическая неудовлетворенность жизнью, окружающими бытовыми условиями и морально-психологической атмосферой в семье, на работе и учебе;
- незнание и неумение разрешать психологические проблемы и жизненные трудности;
- социально-девиантные особенности повседневного поведения и образа жизни, в частности распространенность бытового пьянства и алкоголизма, насилия в семье, совершение преступлений и других правонарушений, социальная замкнутость и пессимизм. В частности, по данным социологического исследования, проведенного в октябре 2017 г., различные формы бытового пьянства распространены среди 19,9 % взрослого населения страны, в том числе эпизодическое бытовое пьянство – среди 10,3 %; привычное бытовое пьянство – среди 8,2 %; систематическое бытовое пьянство – среди 1,4 %. При этом сравнительный анализ данных показателей с результатами опросов 2005, 2007 и 2010 гг., показывает, что за период с 2005 г. по 2017 г. распространенность среди населения так называемого бытового пьянства фактически не изменилась (в 2005 г. – 20 %, в 2007 г. – 19 %, в 2010 г. – 15 %, в 2017 г. – 19,9 %). Опрос 2017 г. показывает, что 14,5 % взрослого населения не осуждают регулярное употребление спиртных напитков другими людьми, а еще 31,7 % нейтрально относятся к этому. Что касается употребления наркотиков, то 8,6 % опрошенных не осуждают регулярное употребление наркотиков другими людьми, а еще 17,3 % нейтрально относятся к этому. Это свидетельствует о присутствии в общественном сознании высокой степени допустимости и безразличного отношения к пьянству и даже к употреблению наркотиков, несмотря на их большой вред физическому и нравственному здоровью, а также устойчивому развитию белорусского общества;

- недостатки семейного воспитания и семейное неблагополучие, включающее разнообразные негативные характеристики ближайшего социального окружения, такие как неполные семьи, разводы, ссоры, злоупотребление алкоголем, конфликты, насилие, безразличие, отчужденность, одиночество и т. п.;

- влияние девиантной субкультуры, рассматривающей наркотики в качестве атрибута модного образа жизни.

Деформированность личности и образа жизни потребителей наркотиков в сочетании с социальной дезорганизацией их ближайшего общественного окружения закономерно порождают деструктивность социальных отношений и взаимодействий наркогенной личности, входящей в группу наркотического риска, мотивационно и поведенчески предрасположенной к употреблению наркотиков с другими людьми, социальными группами и общностями. Процесс дефектной социализации наркогенной личности, как правило, начинается с недостаточной и искаженной информированности о наркотиках и опасности их употребления с последующими стадиями дезориентации, дестабилизации, дезадаптации, дезинтеграции, отчужденности и социального одиночества. В этой связи полагаем, что используемый в научной литературе и отечественном законодательстве термин «склонность к употреблению наркотиков» является биопсихологизированным и его использование в социально-девиантологическом дискурсе представляется некорректным.

На социетальном уровне личностно-социальная деструктивность, ценностно-нормативная напряженность, конфликтность и наркогенная предрасположенность проявляются в состоянии социокультурной аномии – девальвации и ослаблении регулирующей роли системы социальных ценностей и норм поведения, а также значительном и порой конфликтном несоответствии между потребностями, притязаниями, ожиданиями населения и реальными социальными условиями, возможностями и нравственно-правовыми средствами их удовлетворения.

Социокультурные и психологические обстоятельства индивидуально-личностного и социально-группового характера *в свою очередь обусловлены деструктивными факторами и процессами на микро- и макросоциальном уровнях:*

- неустойчивой социально-экономической ситуацией в стране;
- большим материальным расслоением в обществе и социальной несправедливостью;
- безработицей;
- неудовлетворительными условиями и организацией досуга по месту жительства;

- кризисом и противоречивостью системы идеологических и духовных ценностей в обществе;

- невысокой эффективностью работы по профилактике пьянства, наркомании и преступности. В частности, по данным социологического опроса 2017 г. каждый третий респондент (31,5 %) полагает, что профилактика и борьба с пьянством осуществляется неудовлетворительно. Что касается профилактики и борьбы с наркоманией, то каждый четвертый (25,5 %) оценивает их не-

удовлетворительно и только 14,4 % – как высоко эффективную. Остальные опрошенные (28,5 %) дают удовлетворительную оценку. Значительная часть опрошенных (31,6 %) – затруднились ответить на данный вопрос, что можно трактовать как свидетельство их неосведомленности о практической работе и эффективности антинаркотической деятельности правоохранительных и других государственных органов и общественных объединений;

- недостатками информационной и воспитательной работы в учреждениях образования;

- негативным влиянием интернета и других СМИ, кино и видеопродукции;
- несовершенством законодательства, практики ответственности и наказания за производство, транспортировку, реализацию и потребление наркотиков, а также преступления, связанные с наркотиками;

- высоким уровнем распространенности употребления наркотиков;
- безнаказанностью распространителей и потребителей наркотиков;
- распространенностью преступности в обществе и влиянием криминальной субкультуры;

- невысокой эффективностью работы по лечению и социальной реабилитации лиц, страдающих наркотической зависимостью. В частности, по данным социологического опроса 2017 г. по собственной инициативе за медицинской помощью с целью избавления от наркотической зависимости обращалось 2,8 % опрошенных, из них 1,8 % – лечение помогло, а 1,0 % – не помогло. Принудительному лечению подвергалось 2,8 % опрошенных, из них 1,8 % – лечение помогло, а 1,0 % – не помогло. Следовательно, эффективность лечения от наркомании, как добровольного, так и принудительного, составляет 64 %.

На основе использования системного, факторного и кластерного анализов результатов социологических исследований, включая математический метод углового преобразования Фишера, выявлено, что в системе социальной детерминации наркотизации населения в современном белорусском обществе преобладают три типа этиологии наркотизма: а) деструктивно-интеракционный – обусловленный деструктивным взаимодействием наркогенной или нарко-криминогенной личности и социальной среды; б) личностно-девиантный – с доминирующим влиянием отрицательных качеств, свойств и антиобщественного поведения наркогенной или нарко-криминогенной личности; в) ситуационный – детерминированный влиянием негативных обстоятельств конкретных жизненных ситуаций. В наименьшей степени распространен социальный тип – с преобладанием влияния деструктивных социальных явлений и процессов макро-, мезо-, микроуровней в различных сферах социальной жизни.

Таким образом, конкретными механизмами (формами и регуляторами) социально-детерминационного процесса наркотизации населения выступают следующие явления:

- наркобизнес, большие деньги, жадность и алчность наркопреступников;
- психология потребительства, мода и микросоциальный престиж в молодежной среде;

- социальная деструктивность, конфликтность, социальное неблагополучие и социокультурная аномия;
- дезориентация, дестабилизация, дезадаптация и другие дефекты социализации личности;
- социальная, социально-психологическая и психологическая фрустрация и наркогенность личности – социально-психологическая и поведенческая предрасположенность личности к употреблению наркотиков;
- наркотическое влечение, порождаемое психофизиологической зависимостью и привычкой к употреблению наркотиков;
- наркотическая криминогенность личности – социально-психологическая и поведенческая предрасположенность личности к совершению преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками;
- деструктивное личностно-социальное взаимодействие в семье, учебном и рабочем коллективе, в сфере досуга;
- недостатки и невысокая эффективность социально-правовой системы предупреждения и противодействия наркотизации населения как основной формы социального контроля наркотизации населения.

На основе представленной социологической информации о состоянии и динамике распространенности, а также социальных и личностных детерминантах и механизмах наркотизации населения Беларуси полагаем, что первоочередными мерами совершенствования и повышения эффективности деятельности по профилактике и противодействию наркотизации населения в стране могут быть социально-практические мероприятия, действующие по различным направлениям.

На концептуально-стратегическом, законодательном и социально-практическом уровнях следует придать государственной и общественной антинаркотической профилактической работе системный, комплексный и социально эффективный характер. Главными целями государственной антинаркотической политики в Беларуси должны быть:

- устойчивое позитивное изменение уровня, динамики и структуры распространенности потребления наркотиков, наркомании и незаконного оборота наркотиков, а также уменьшение негативных физических, материальных, демографических, социальных, правовых и моральных последствий, причиняемых ими;
- выявление, нейтрализация и устранение социальных, личностных и деструктивно-интеракционных личностно-социальных факторов, причин и условий потребления наркотиков, наркомании и незаконного оборота наркотиков, связанных как с деформацией личности и образа жизни наркопотребителей, так и наркогенными явлениями и процессами микро- и макросоциальной и культурной среды их формирования и развития, а также деструктивным характером взаимодействия личности, социальных групп и общества;
- активная и непримиримая борьба с незаконным оборотом наркотиков (производством, транспортировкой, распространением и потреблением);

- содействие экономическому, социальному и культурному развитию личности, социальных групп и общества, а также создание благоприятных социальных условий и формирование социально позитивного и здорового образа жизни населения, включая граждан из групп риска употребления наркотиков, лиц, употребляющих наркотики, лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков, и лиц, отказавшихся от употребления наркотиков;

- развитие и оптимизация внутригосударственной и международной координации и сотрудничества органов государственной власти и управления, общественных объединений и граждан, которые осуществляют или принимают участие в профилактической и противодействующей антинаркотической деятельности.

Необходимо на законодательном и программно-целевом национальном и региональном уровнях обеспечить рассмотрение наркотизма как негативного социального явления, имеющего антиобщественную сущность, аморальный и противоправный характер, препятствующего устойчивому и прогрессивному развитию личности, семьи, трудового коллектива, государства и общества.

Следует рассматривать антинаркотическую профилактическую работу как составную часть и одно из приоритетных направлений общей системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений, а также государственной социальной политики.

Важно разработать стратегию государственной антинаркотической политики и на ее основе общенациональную и региональные программы мероприятий по профилактике и противодействию наркотизму как негативному социальному явлению в целом, а также отдельным его формам (незаконному производству, распространению, потреблению наркотиков, наркомании или совершению преступлений, связанных с наркотиками).

Необходимо обеспечить полномасштабное статистическое и научное информационное изучение наркотизации населения в режиме ежегодного мониторинга – системы статистико-социологического измерения, анализа, оценок и прогнозирования наркотической ситуации, наркогенной обстановки и эффективности деятельности по социальному контролю наркотизма с целью разработки и внедрения научно-практических мер по обеспечению демографической и общественной безопасности страны.

Необходимо обеспечить полномасштабное статистическое и научное информационное изучение состояния и динамики зарегистрированной, латентной и реальной наркотической ситуации в режиме ежегодного мониторинга.

Целесообразно осуществлять дифференцированный подход к профилактике наркотизма с учетом особенностей его четырех форм: а) эпизодического немедицинского употребления наркотиков – как социокультурной проблемы; б) наркомании – патологической формы немедицинского употребления наркотиков – как социально-медицинской проблемы; в) незаконного производства и распространения наркотиков; г) преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками, – как социально-правовой проблемы.

Антинаркотическую профилактическую работу проводить на всех четырех уровнях: а) общесоциальном; б) социально-региональном; в) социально-институциональном и групповом; г) индивидуально-личностном.

Обеспечить единство мер «позитивной профилактики» – направленной на создание социальных условий и мотивацию позитивного развития личности, социальных групп и общества в целом, а также мер «негативной профилактики» – направленной на выявление, нейтрализацию и устранение факторов, причин и условий, обуславливающих происхождение и развитие наркотизма.

Комплексно использовать меры экономического, политического, социального, культурного, педагогического, медицинского, правового, психологического и другого характера.

Антинаркотическую профилактическую работу осуществлять на следующих основных этапах:

- *донаркотической профилактики* – выявление и профилактическая работа с лицами, качества, поведение и образ жизни которых свидетельствует о социально-психологической и поведенческой предрасположенности к употреблению наркотиков, занятию наркобизнесом или совершению преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками, группами наркотического риска, их неблагополучным социальным окружением, а также всем населением страны;

- *наркотической профилактики* – работа с лицами, практикующими немедикаментозное употребление наркотиков, наркоманами, лицами, занимающимися наркобизнесом или совершающими преступления и другие правонарушения, связанные с наркотиками;

- *постнаркотической профилактики* – работа с лицами, прошедшими курс лечения от наркотической зависимости, а также лицами, отбывшими уголовное наказание за преступления, связанные с наркотиками до их выздоровления, исправления и законопослушного поведения.

Обеспечить комплексность мер:

- «*общей профилактики*» (мероприятий, направленных на предупреждение наркотизма как массового антиобщественного и негативного социального явления);

- «*специальной профилактики*» (комплекса специальных мер, непосредственно направленных на профилактику отдельных форм наркотизма, а также конкретные наиболее наркоактивные и общественно опасные категории лиц, употребляющих наркотики, занимающихся наркобизнесом и совершающих преступления, связанные с наркотиками);

- «*индивидуальной профилактики*» (мер по исправлению и коррекции личности, образа жизни и ближайшего социального окружения лиц, употребляющих наркотики, занимающихся наркобизнесом и совершающих преступления, связанные с наркотиками, а также лиц из групп наркотического риска).

Оптимально сочетать меры:

- «*первичной профилактики*» – выявление и профилактическая работа с лицами, качества, поведение и образ жизни которых свидетельствует о социально-

психологической и поведенческой предрасположенности к употреблению наркотиков, занятию наркобизнесом или совершению преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками, группами наркотического риска, их неблагополучным социальным окружением, а также всем населением страны;

- *«вторичной профилактики»* – работа с лицами, практикующими немедическое употребление наркотиков, наркоманами, лицами, занимающимися наркобизнесом или совершающими преступления и другие правонарушения, связанные с наркотиками;

- *«третичной профилактики»* – работа с лицами, прошедшими курс лечения от наркотической зависимости, а также лицами, отбывшими уголовное наказание за преступления, связанные с наркотиками до их выздоровления, исправления и законопослушного поведения;

При разработке стратегии и тактики современной антинаркотической политики целесообразно учитывать результаты социологических и криминологических исследований, согласно которым молодежь в плане сокращения употребления наркотиков основные социальные ожидания связывает не с запретами, наказанием и лечением, воспитанием и просвещением, а с активной и реальной социальной политикой государства и общества: созданием условий для интересной работы; поддержкой семьи как социального института; наличием доступных условий полезного проведения досуга, занятий физкультурой, спортом, туризмом; формированием здорового образа жизни.

Не менее значимыми и абсолютно необходимыми, по мнению молодежи, являются: меры по борьбе с производством, транспортировкой и торговлей наркотиками (незаконным оборотом наркотиков); формирование общественного мнения, осуждающего употребление наркотиков и поддерживающего здоровый образ жизни; оказание эффективной медицинской и социально-реабилитационной помощи лицам, страдающим от наркотической зависимости.

Молодежь полагает, что уровень потребления наркотиков можно уменьшить, если в обществе будет активно осуществлять комплексная экономическая, социальная и культурная политика по следующим главным направлениям: «активная борьба с производством и торговлей наркотиками» (67,6 %); «развитие общей и нравственной культуры молодежи» (47,7 %); «усиление ответственности за потребление наркотиков» (44,7 %); «улучшение экономических и социальных условий жизни» (43,8 %); «повышение эффективности лечения от наркомании» (37,7%); «развитие антинаркотической пропаганды и просвещения» (31,3 %); «создание центров профилактики и социальной реабилитации наркоманов» (31,2 %).

В организационном плане необходимо обеспечить наличие необходимой базы нормативно-правового, организационного, финансового, материального, кадрового, статистического и научного обеспечения антинаркотической профилактической работы на национальном и региональном уровнях.

Давно назрела необходимость создания условий для практической реализации новых законов, в частности, Законов Республики Беларусь «Об основах

государственной антидевиантной политики», «О деятельности по предупреждению преступности и других антиобщественных явлений», «Ювенальная антидевиантная политика», «Профилактика насилия в семье», «Профилактика пьянства и алкоголизма, потребления наркотиков и наркомании».

Целесообразно оптимизировать работу Главного управления по наркоконтролю и противодействию торговли людьми криминальной милиции МВД Республики Беларусь, осуществляющего координацию и организацию деятельности государственных органов и организаций по выполнению Комплексного плана мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков и профилактике их потребления. В частности, активизировать оперативную координацию работы ответственных исполнителей по отдельным заданиям комплексного плана антинаркотических мероприятий. Целесообразно ввести практику создания рабочих групп, объединяющих соисполнителей наиболее важных заданий, а также содействовать организации дополнительного целевого финансирования приоритетных мер профилактического характера.

Чрезвычайно актуальным является разработка организационно-управленческих технологий и методических материалов по профилактике различных форм наркотизма, в том числе социальной технологии эффективного взаимодействия между всеми субъектами антинаркотической профилактической работы. В этой связи необходимо рассмотреть вопрос об организации, финансировании и проведении междисциплинарных мониторинговых научных исследований актуальных проблем профилактики и противодействия немедицинскому употреблению наркотиков, наркомании, незаконному обороту наркотиков и преступлений, связанных с наркотиками, а также об организации Научно-исследовательского института криминологии, девиантологии и виктимологии и Национального комитета по предупреждению преступности и других антиобщественных явлений – государственного органа, разрабатывающего стратегию и координирующего деятельность государственных и общественных субъектов системы социального контроля преступности, пьянства, наркомании и других антиобщественных явлений.

Список использованных источников

1. Кудрявцев, В. Н. Социальные деформации. Причины, механизмы и пути преодоления / В. Н. Кудрявцев. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1992.
2. Яковлев, А. М. Социология преступности (криминология): основы общей теории / А. М. Яковлев. – М. : Содействие новый век, 2001. – 239 с.
3. Гилинский, Я. Г. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Г. Гилинский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 520 с.
4. Барановский, Н. А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н. А. Барановский. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 272 с.

Поступила 27.10.2020 г.

А. Г. БОБРОВА,

*докторант, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: nastasiabobrova@mail.ru*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛАРУСИ

В статье представлены результаты анализа особенностей регулирования демографических процессов. Многогранность демографического регулирования вызывает необходимость комплексного механизма оценки реализации мер демографической политики, включающего изучение общественного мнения. Обоснована необходимость выхода за рамки мониторинга целевых демографических показателей и применения демографического аудита, который позволит повысить результативность демографической политики.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографический аудит, демографические угрозы, мониторинг.

A. G. BOBROVA,

*Doctoral Student, Institute of Sociology of NAS of Belarus,
Minsk, e-mail: nastasiabobrova@mail.ru*

IMPROVEMENT OF THE REGULATORY SYSTEM OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN BELARUS

The article presents the results of the regulation demographic processes features analysis. The versatility of demographic regulation requires a comprehensive mechanism for assessment the implementation of demographic policy measures, including the study of public opinion. The necessity of going beyond the monitoring of target demographic indicators and using the demographic audit, which will improve the effectiveness of demographic policy, has been substantiated.

Keywords: demographic security, demographic audit, demographic treats, monitoring.

Обеспечение демографической безопасности возможно только в условиях совершенствования системы управления демографическими процессами и, в частности, адекватного мониторинга программ демографической политики. В настоящее время в Беларуси выстроен прочный фундамент регулирования и правоприменительной практики в данной сфере. Созданы и действуют нормативные и правовые акты, регулирующие вопросы поддержки семей, улучшения условий для жизни и работы и т. д. В целом государственное регулирование демографических процессов представляет собой целенаправленное воздействие государственных органов на процессы воспроизводства населения с целью сохранения или изменения численности и структуры населения путем установления правовых и организационных основ реализации демографической политики.

Демографическая безопасность – состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами. Является частью национальной безопасности. Обеспечение демографической безопасности регламентировано Законом «О демографической безопасности Республики Беларусь» (2002 г.), который устанавливает правовые и организационные основы реализации демографической политики, а также определяет полномочия правительства, Министерства труда и социальной защиты, местных исполнительных и распорядительных органов в данной сфере. В соответствии с Законом разрабатываются программы демографической безопасности.

Главным направлением обеспечения демографической безопасности является всестороннее стимулирование рождаемости путем совершенствования системы поддержки семей с детьми, что будет способствовать расширенному воспроизводству населения.

Государственной программой «Здоровье народа и демографическая безопасность Беларуси на 2016–2020 гг.» предусматривалось реализовать ряд мер, направленных на сохранение здоровья, повышение значимости семейных ценностей, престижа семей с детьми, распространение здорового образа жизни, повышение качества услуг здравоохранения, распространение гендерного равноправия в семье и обществе, оптимизацию миграционных потоков. В 2021–2025 гг. планируется сохранить действие тех мер поддержки семей, которые были реализованы в рамках действующей и предыдущих программ.

В стране определены основные концептуальные положения в области демографической безопасности, включая объект, понятия, принципы, угрозы демографической безопасности и показатели, определяющие их пороговые значения (индикаторы), направления и меры государственного регулирования социально-демографических процессов, с целью достижения демографической безопасности в стране.

Реализация мер, предусмотренных программами демографической безопасности последнего десятилетия, только частично позволила сгладить негативные последствия депопуляции в стране. Уровень смертности населения снизился, но остается высоким по сравнению с развитыми странами. Ожидаемые структурные изменения в численности населения Республики Беларусь при сохранении текущих тенденций будут способствовать росту числа умерших, что, в свою очередь, обусловит усиление неблагоприятных тенденций в распределении трудовых ресурсов, наблюдаемых при депопуляции.

Потенциал сохранения жизней, представленный обеспеченностью медикаментами, улучшением и повышением качества медицинских услуг практически реализован. Состояние медико-санитарной службы в Республике Беларусь уже находится на достаточно высоком уровне, и темпы его улучшения будут снижаться, что подтверждается и мировым опытом. В последние годы пристальное внимание было направлено на повышение рождаемости. Но даже

рост числа рождений до 2,1 ребенка на 1 женщину репродуктивного возраста в год, не способен обеспечить в ближайшие несколько десятилетий рост населения. Следовательно, на сегодняшний день особенно актуальными становятся вопросы сохранения и приумножения здоровья нации и снижения смертности населения.

В связи с этим возникла настоятельная необходимость разработки концепции демографической безопасности государства, представляющей собой долгосрочную государственную политику, направленную на защиту демографических интересов государства и общества, а также учет негативных последствий с целью их предотвращения или смягчения.

Речь идет о концепции, которая должна учесть все взгляды и составить правовое и идеологическое пространство демографической политики, в рамках которого будут формироваться программные документы по вопросам воспроизводства населения.

Разработка концептуальных положений демографической безопасности предполагает определение реальных и потенциальных угроз национальной безопасности [1].

Реальные и потенциальные демографические угрозы национальной безопасности Республики Беларусь:

- депопуляция;
- уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения;
- высокий уровень заболеваемости и смертности населения, особенно мужчин трудоспособного возраста и сельского населения;
- низкая ожидаемая продолжительность жизни;
- трансформация института семьи;
- нерациональные миграционные потоки внутри страны, отток сельского населения в города республики;
- нерациональные международные миграционные потоки;

В концепции также должны быть отражены основные принципы государственного регулирования демографических процессов. Принципы определяют методы воздействия на численность населения. Каждый из этих методов включает совокупность инструментов, то есть средств, направленных на достижение целей.

В данном аспекте обоснование новых инструментов мониторинга демографической политики, основанных на изучении общественного мнения, позволит повысить качество как конкретных мер, так и оценки их влияния на демографические процессы. Поиск новых инструментов тесно увязан с изучением института социального контроля и учета полученных результатов в различных программах.

Социальный контроль – это социальные нормы, то есть предписания, требования и ожидания соответствующего поведения. Сами по себе нормы ничего не контролируют. Поведение людей контролируют другие люди, которые, как

ождается, будут соблюдать все [2]. В традиционном обществе социальный контроль держался на неписаных правилах. В современном он приобрел институциональную поддержку – это юридические нормы, указы, постановления, законы.

В демографической политике чрезвычайно важно учитывать неформальный контроль – одобрение или осуждение со стороны групп родственников, друзей и т. д. В данном контексте изучение общественного мнения становится наиболее адекватным инструментом мониторинга как демографической ситуации, так и оценки мер демографической политики. Кроме того, воздействие на общественное мнение является нереализованным потенциалом регулирования демографических процессов.

В Беларуси в структуре инструментов демографической политики наблюдается превалирование экономических мер, за которыми следуют административно-правовые. Информационно-воспитательные механизмы неэффективно реализуются. Информационное поле можно охарактеризовать как бессистемное и наполненное трансляцией противоречивых норм и ценностей, что негативно воздействует на формирование репродуктивных и самосохранительных установок.

К примеру, деятельность, направленная на распространение контрацепции, подается как мера, направленная на сокращение рождаемости. В тоже время повышение доступности экстракорпорального оплодотворения не находит поддержки широких масс. В обоих случаях вопрос тесно увязан со здоровьем женщин. В первом варианте применение контрацепции преследует цель предотвратить заболеваемость половых органов и сократить число аборт и, соответственно, негативных последствий для репродуктивного здоровья. Во втором варианте ЭКО представляет собой лечение, позволяющее повысить показатели рождаемости.

Необходимо налаживание контактов и укрепление связей научной общественности в их пропагандистско-просветительских усилиях с журналистами и политическими органами. В зарубежной практике особое внимание уделяют изучению новых инструментов и рекомендаций по передаче результатов научных исследований средствам массовой информации и политикам.

Важными критериями любой меры являются своевременность и устойчивость. Применение данных принципов в формировании и реализации демографической политики усилит эффективность.

Сегодня назрела необходимость создания и реализации демографической политики, учитывающей поведенческие аспекты.

С точки зрения методологии исследование демографических процессов через призму поведенческих теорий представляет собой изучение поведенческих изменений и инновации в экспериментальной экономике народонаселения и социологии. Поведенческий подход позволяет выявить глубинные мотивы населения.

Поиск конкретных инструментов и мер наиболее эффективно будет осуществляться с помощью тщательно разработанных экспериментов, роль которых

недооценена, хотя сегодня это становится одним из приоритетов социально-экономической политики. Данный метод стал доминирующим видом экспериментальных исследований при изучении проблем развития. При измерении влияния социальной программы, нужно оценивать и то, что произойдет в отсутствие программы.

Построение новой модели демографического развития должно опираться на анализ результатов проведения экспериментальных наблюдений, разного вида опытов, опросов. Эффективность социально-демографической политики будет тем выше, чем быстрее произойдет отказ от теории традиционного рационального поведения и основополагающим станет анализ иррациональной составляющей демографического поведения. Люди принимают разного рода решения, не всегда соответствующие модели рационального выбора. Анализ психологических аспектов принятия решений поможет прогнозировать поведенческие ошибки, допускаемые индивидами, и проанализировать влияние умственных состояний индивидов на их поведение при принятии решений.

Следовательно, одним из направлений укрепления демографической безопасности становится повышение роли социального эксперимента, который может стать «золотым стандартом» для оценки программ и реформ демографических мер. Результатом станет адекватная реструктуризация финансов.

Неотъемлемой частью концепции является научно-обоснованный подход к оценке эффективности мер программ демографической политики. Многогранность демографического регулирования вызывает необходимость комплексного механизма оценки реализации мер демографической политики. В современных условиях в качестве такого можно рассматривать демографический аудит, то есть оценку эффективности в широком смысле.

Демографический аудит – метод регулирования демографических процессов в условиях стремления к качественному экономическому росту, направленный на определение состояния институциональной среды демографического развития, в том числе на выявление демографических угроз и рисков, основных причин их возникновения, несоответствий правовых и законодательных норм белорусского законодательства международным нормам, а также разработку возможных путей оптимизации рисков и достижения компромисса между всеми заинтересованными через принятие согласованных мер по обеспечению устойчивого человеческого развития.

Демографический аудит включает полное и подробное определение целей и задач демографической политики, а также формулировку стратегий их достижения и выполнения; разработку и внедрение стратегий оценки эффективности; использование информации об эффективности демографической политики для совершенствования управленческой практики и рационализации распределения ресурсов [3].

Все это укладывается в современную теорию изменений, в рамках которой любое социальное направление выражается через систему взаимосвязанных элементов: действий, предположений, результатов [4]. Чем больше и значительней

Оценка влияния институциональной среды демографического развития на рост качества жизни населения

будет вложение на входе в виде реализации мер политики, тем выше вероятность достижения цели.

В демографическом аудите важное значение уделяется степени институционализации, а именно оценке частоты регулярно повторяющихся мероприятий или реализации мер для повышения качества жизни населения, но где промежуточным звеном является демографическое развитие (рисунок).

Проведение демографического аудита предполагает обеспечение следующими методологическими аспектами, то есть научными принципами, которыми следует руководствоваться для получения качественной оценки результативности институциональной среды демографического развития и ее использования в сфере принятия решений.

Наличие достоверных, качественных и детализированных данных. Показатели, которые используются в оценке взаимосвязи и/или эффективности реализации мер могут иметь разнонаправленный вектор на конечную цель.

Кроме того, они могут быть необъективны. Например, рост общего коэффициента не может отражать исключительное улучшение институциональной среды демографического развития, так как содержит влияние структурного фактора. Следовательно, при оценке влияния мер, направленных на увеличение числа родившихся, следует использовать суммарный коэффициент рождаемости.

Использование разнообразных источников информации. Сведения об источниках информации не менее важны, чем сами данные. Они представляют возможности и ограничения статистики и позволяют минимизировать потенциальные ошибки и неточности в методиках расчетов.

Макроэкономический анализ, как правило, основан на официальной регламентной статистической базе, тогда как эффективность институциональной среды демографического развития в полной мере может быть оценена с помощью результатов специальных выборочных обследований.

От соблюдения двух первых принципов зависит успешная разработка системы социального аудита, поэтому рассмотрим их подробнее.

Различают 4 основных источника динамических данных о населении Беларуси:

- 1) текущий учет населения;
- 2) выборочные обследования домашних хозяйств;
- 3) регистр населения;
- 4) специальные международные базы данных.

Некоторые данные получают путем комбинирования из разных источников.

Выбор приоритетов. При оценке эффективности мер по укреплению здоровья внимание акцентировано на высоких темпах роста ожидаемой продолжительности жизни. Однако за 2000 лет истории человечества ожидаемая продолжительность жизни в развитых странах увеличилась на 27 лет, на столько же она повысилась еще за один XX век. Для того, чтобы она повысилась еще на 10 лет, смертность должна быть снижена до уровня, который ранее не достигался. Все достижения биомедицинских исследований способствовали росту показателя на 15 лет [5]. Насколько продуктивно и психологически комфортно достижение долголетия для человека учитывается в программах не в полной мере. Тогда как рост продолжительности жизни не целесообразно рассматривать как эффект от реализации мер демографической политики в области охраны здоровья, если он не сопровождается выраженным параллельным ростом числа лет жизни в хорошем состоянии здоровья, при отсутствии ограничений физических, интеллектуальных и психических возможностей.

Четкое представление целевых установок. Повышение рождаемости является ресурсоемким проектом, требующим все больше средств как на индивидуальном, так и общественном уровне. В условиях глобальных демографических трансформаций целесообразно сделать акцент не на росте рождаемости как таковой, а на предотвращении уменьшения потребности в детях посредством повышения качества жизни и на усилении ответственного родительства.

Максимальная возможность учета реагирования на непредвиденные обстоятельства и влияние действия мер противоположной направленности другой институциональной среды. По результатам анализа данных стран ОЭСР, в последние годы зависимость между рождаемостью и уровнем занятости среди женщин репродуктивного возраста из обратной превратилась в прямую. Следовательно, создание благоприятных условий для реализации активной жизненной позиции становится все более значимым, причем нематериальным, фактором повышения рождаемости.

Ввиду многофакторности протекания демографических процессов и демографических структур при оценке эффективности политики целесообразно

предусмотреть возможность возникновения ряда проблем, решение которых может потребовать дополнительных административных, аналитических и технических ресурсов.

Выбор методов анализа. Для получения качественного и адекватного результата необходимо правильно выбрать метод или сочетание методов, которые позволили бы найти ответ на те конкретные вопросы, которые интересуют. Приемлемость метода исследования в значительной степени определяется тем, какую проблему мы взялись изучать. Демография как междисциплинарная наука требует применения как математических моделей, так и проведения качественного анализа.

Объективное отражение результатов оценки. Значительная роль в повышении эффективности институциональной среды демографического развития отводится ее информационному обеспечению. Демографические проблемы все чаще находят отражение в СМИ, однако преобладает узкое и часто неверное их понимание, а также навешивание ярлыка, что меры носят декларативный характер и не приносят конкретной пользы. Демографическое развитие, как правило, инерционно. Его институциональная динамика в меньшей степени связана с тем, что люди сознательно ищут и выбирают более эффективный институт вместо менее эффективного. Население будет устраивать существующая институциональная среда, если только их благосостояние не ухудшается. Причина необычайной устойчивости институтов кроется в том, что поведение людей в массовом порядке далеко от рациональности, на взгляд стороннего наблюдателя, но абсолютно рационально, на взгляд самих этих людей. Хотя для преломления тенденций необходим значительный период времени.

Адресность результатов. Результаты оценки влияния институциональной среды демографического развития в большей степени должны иметь конкретного агента, который, в свою очередь, будет способен воплотить рекомендации в корректировке текущей и будущей демографической политики. Акцент также целесообразно сделать на повышении квалификации административно-управленческого персонала, занимающегося решением демографических проблем, и закреплению личной ответственности представителей местных органов власти за принятие мер по обеспечению демографической безопасности и преодолению негативных тенденций.

Мониторинг. Деятельность в сфере качественной оценки влияния институциональной среды демографического развития должна осуществляться согласно четко поставленной цели, а процесс достижения установленных значений индикаторов целесообразно рассматривать в качестве инструмента мониторинга.

Мониторинг будет способствовать обеспечению содержательной гибкости предоставляемой информации и ее функциональной пригодности для последующей оценки эффективности реализации программы в различных аспектах (организационных, финансовых, управленческих и пр.).

Необходимым условием обеспечения качества результата является периодический пересмотр процедуры оценки и совершенствование оценочных по-

казателей. Это будет способствовать как оценке достижения промежуточных целей, так и минимизации неумышленного стимулирования малоэффективных действий (например, ограничение поддержки группам населения, для которых реализация меры не имеет значительного эффекта).

Учитывая, что для достижения одинаковых целей разные институты применяют разные стратегии, для обеспечения адекватной и объективной корректировки программных целей и мер целесообразно привлекать представителей всех заинтересованных структур.

Развитие широкого и долгосрочного сотрудничества соответствующих структур на национальном, региональном и местном уровнях также обеспечит гибкое применение результатов оценки в условиях разнообразия программных приоритетов и информационных потребностей на всех уровнях управления.

Таким образом, в условиях перехода к устойчивому человеческому развитию необходим переход от оценки влияния мер, в настоящее время представляющий собой часть мониторинга демографического развития, к демографическому аудиту, практическое применение которого заключается в том, что он, являясь более качественным инструментом регулирования социально-экономических процессов, позволяет повысить уровень управления человеческими ресурсами.

Список использованных источников

1. *Шахотько, Л. П.* Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси / Л. П. Шахотько, Д. В. Шахотько. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 400 с.
2. *Кравченко, А. И.* Основы социологии : учеб. пособие / А. И. Кравченко. – Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 384 с.
3. *Мазурик, О. В.* Аудит управленческих решений в сфере демографической политики (на примере Украины) / О. В. Мазурик // Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее (к 300-летию М. В. Ломоносова) : материалы междунар. науч. конф. 26–27 сент. 2011 г. – СПб. : Нестор-история, 2012. – С. 164–173.
4. *Morra, Linda.* The Road to Results. Designing and Conducting Effective Development Evaluations 2009 / Linda Morra, Ray Rist // The International Bank for Reconstruction and Development. – The World Bank, 2009. – 611 p.
5. *Рябов, И. В.* Влияние институциональных факторов на экономический рост / И. В. Рябов, О. О. Смирнова, Е. В. Агапов // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. – 2013. – № 5–6. – Р. 39–45.

Поступила 01.12.2020 г.

А. С. БОЛДЫРЕВ,

*младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: boldyrev.alexei@gmail.com*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены главные проблемы демографической безопасности Республики Беларусь. Проанализированы основные целевые демографические показатели, закрепленные в государственной программе. Сделаны выводы о необходимости усовершенствования демографической политики. Предложен комплекс мер по регулированию демографических процессов.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографическая политика, целевые показатели, смертность, рождаемость, миграция.

A. S. BOLDYRAU,

*Junior Researcher, Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk,
e-mail: boldyrev.alexei@gmail.com*

ACTUAL PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the main problems of the demographic security of the Republic of Belarus. The main target demographic indicators, fixed in the state program, are analyzed. Conclusions are made about the necessity of improving the demographic policy. A set of measures to regulate demographic processes is proposed.

Keywords: demographic security, demographic policy, targets, mortality, fertility, migration.

Демографическая политика является ключевым условием устойчивого социально-экономического развития страны в связи с масштабностью охватываемых ею процессов.

Основным документом, утверждающим приоритетные направления государственной демографической политики для Беларуси, является Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь» [1]. На данный момент в стране также действует государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг., которая предполагает реализацию комплекса мер по регулированию демографических процессов. Согласно данной программе, «переход к устойчивому развитию Республики Беларусь связывается с улучшением физического и репродуктивного здоровья населения, созданием предпосылок для повышения рождаемости и увеличения ожидаемой продолжительности жизни, всесторонним укреплением

института семьи, а стабилизация численности населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни являются одной из целей устойчивого развития в среднесрочной перспективе» [2].

Полностью подвести итоги реализуемой государственной программы получится лишь по завершении срока ее действия, однако уже сейчас можно проанализировать некоторые промежуточные результаты.

Этой программой для оценки эффективности ее реализации предусмотрено 7 целевых демографических показателей:

- 1) ожидаемая продолжительность жизни;
- 2) коэффициент младенческой смертности;
- 3) детская смертность от 0 до 18 лет;
- 4) суммарный коэффициент рождаемости;
- 5) коэффициент смертности трудоспособного населения;
- 6) смертность от случайных отравлений алкоголем;
- 7) миграционный прирост.

Приведенные в данной работе целевые значения на 2020 г. взяты из указанной выше государственной программы; в качестве оцениваемого промежуточного результата анализируются показатели за 2018 г.

Как видно из таблицы, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в Республике Беларусь на 2018 г. составляла 74,5 года. По оценкам экспертов Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, ожидаемая продолжительность жизни в стране к 2030 г. должна составить 80 лет. Тенденция к постепенному увеличению ОПЖ и вместе с тем старению населения предопределила создание Национальной стратегии «Активное долголетие – 2030» [3], в задачи которой входят: внедрение новых технологий для сохранения здоровья, открытие школ активного долголетия, создание образовательных услуг, которые позволят людям пожилого и предпенсионного возраста совершенствовать свои персональные навыки для их более успешной конкуренции на рынке труда.

Несмотря на успехи в области увеличения продолжительности жизни, нельзя не отметить значительный (10,2 года) разрыв в ОПЖ между мужчинами и женщинами (ОПЖ у мужчин – 69,2 года; у женщин – 79,4 года). Связано это с мужской «сверхсмертностью» в трудоспособном возрасте, которая характерна для многих стран Центральной и Восточной Европы.

Отчасти разница между ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и женщин в Беларуси обуславливается различием их социальных ролей и адаптивных способностей к возникающим социальным изменениям. Немаловажен и тот факт, что мужчины реже, чем женщины, обращаются за медицинской помощью и часто слишком безразлично относятся к состоянию собственного здоровья [4]. Снижение мужской «сверхсмертности» и увеличение ОПЖ у мужчин является ключевой задачей для успешного демографического развития Республики Беларусь.

Низкий уровень младенческой смертности – один из ключевых показателей эффективности сферы здравоохранения. По данным ВОЗ, уровень младенческой

**Промежуточные результаты демографической политики Республики Беларусь
[сост. по 5]**

Наименование показателя	Целевые значения (2020 г.)	2018 г.				
		Республика Беларусь	Город	Село	Мужчины	Женщины
Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), лет	74,6	74,5	75,6	71,0	69,2	79,4
Младенческая смертность, ‰	3,4	2,5	2,3	3,1	—	—
Детская смертность от 0 до 18, чел./10 000	40,5	28,1	25,5	37,9	34,6	21,2
Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)	1,75	1,44	1,25	2,90	—	—
Смертность трудоспособного населения, ‰	3,8	5,7	4,71	9,92	8,76	2,34
Смертность от случайных отравлений алкоголем, чел./100 000	10,6	15,6	12,2	27,8	26,8	5,7
Миграционный прирост, тыс. чел.	70,0	9,3	—	—	5,8	3,5

смертности в Беларуси является одним из самых низких в европейском регионе. Для сравнения [6], даже в таких экономически развитых странах, как Дания, Германия или Франция, коэффициент младенческой смертности в 2018 г. превышал белорусский (3,7 ‰, 3,2 ‰ и 3,2 ‰ соответственно). В 2018 г. этот показатель для Беларуси составил всего 2,5 ‰, а в 2019 г. снизился до отметки в 2,4 ‰.

Несмотря на то что коэффициент младенческой смертности находится на отметке ниже целевого значения (3,4 ‰), на ближайшие годы необходимо приложить усилия к сокращению уровня младенческой смертности в сельской местности: данный показатель продолжает находиться на достаточно низком уровне, но по отношению к городской местности он все еще высок.

Основными механизмами, которые могут способствовать снижению младенческой смертности в сельской местности, должны стать: доступ к высококвалифицированной медицинской помощи, обеспечение полноценного обследования потенциальных родителей на предмет врожденных заболеваний и возможных патологий будущего плода, а также повышение репродуктивного образования сельской молодежи, основанного на ответственном отношении к собственному здоровью.

Еще одним целевым показателем программы является уровень детской смертности в возрасте от 0 до 18 лет. В 2018 г. этот показатель составил 28,1 чел. на 10 000 чел., что существенно ниже целевого значения (40,5 чел. на 10 000 человек). Здесь же стоит отметить, что основная часть смертей до 18 лет приходится на первые годы жизни, поэтому данный показатель прямо коррелирует с показателем младенческой смертности. При этом преобладающей причиной смертности детей старше 1 года является внешняя (отсутствие надлежащего ухода, недостаточное питание, несоблюдение гигиенических мероприятий),

которая является управляемой и может быть сведена к минимуму за счет повышения ответственности со стороны родителей.

Основополагающей задачей на ближайшие годы должно стать снижение детской смертности в сельской местности, так как здесь рассматриваемый показатель все еще находится на опасной отметке в 37,9 чел. на 10 000 чел. Детская смертность у мальчиков (34,6 случаев на 10 000 чел.) также существенно превышает среднереспубликанское значение, поэтому на данную проблему необходимо направить усиленное внимание.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) – показатель, который иллюстрирует число детей, которые были бы рождены одной женщиной на протяжении всей ее жизни при условии сохранения уровня рождаемости во всех возрастах неизменным [7]. Это один из самых важных показателей рождаемости, так как характеризует не только уровень рождаемости, но и уровень воспроизводства населения. Для простого замещения поколений, когда численность населения остается неизменной, СКР должен равняться 2,1 рождений на одну женщину.

Из таблицы видно, что даже при достижении целевого показателя к 2020 г. (1,75), в Республике Беларусь не будет обеспечено даже простого замещения поколений. При этом в 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости составил всего 1,44. В 2019 г. данный показатель снизился до уровня в 1,38 рождений на одну женщину, что свидетельствует о негативной динамике этого показателя. Справедливости ради, стоит отметить, что снижение СКР является общемировой тенденцией. Ключевыми факторами, которые повлияли на уменьшение числа рождений, стали: более высокий уровень занятости и образования среди женщин (процессы феминизации общества) и трансформация репродуктивного поведения (откладывание деторождения, желание иметь 1–2 детей, феномен «childfree»).

Республика Беларусь не является в этом смысле исключением. Для нашей страны, как и для всего мира, характерен более высокий уровень СКР в сельской местности: в 2018 г. на одну женщину в городе приходилось 1,25 рождений, в сельской местности этот показатель достиг 2,9 рождений.

Несмотря на то что материальное стимулирование остается главным инструментом для регулирования рождаемости, его недостаточно для достижения поставленных целей. Кроме прямой материальной поддержки для семей с детьми необходимо осуществлять и другие программы – социального развития, повышения доступности жилья и возможностей трудоустройства, комфортного сочетания трудовой занятости и родительства, непрерывного образования, льготного кредитования, снижения налогообложения и т. д.

При этом важно понимать, что процесс регулирования рождаемости социально-экономическими мерами является крайне сложным и труднорегулируемым не только в нашей стране, но и во всем мире. В связи с этим необходимо уделять большее внимание демографической аналитике, которая будет направлена на поиск наилучших решений, способствующих повышению уровня рождаемости с учетом экономических и культурных особенностей страны. Важ-

ным инструментом демографической политики должна стать обратная связь с населением. Это обязательное условие анализа и оценки эффективности мер по увеличению рождаемости для каждой из социальных групп населения, поэтому для улучшения рождаемости необходимо выработать новые подходы, позволяющие объединить в себе как социально-экономические, так и организационно-аналитические мероприятия, которые позволят повысить адресность предпринимаемых мер.

Как уже было отмечено ранее, мужская «сверхсмертность» является одной из главных проблем демографической безопасности Республики Беларусь. Из таблицы видно, что в 2018 г. смертность населения в трудоспособном возрасте составила 5,7 ‰ при целевом показателе в 3,8 ‰. Во-первых, это высокая смертность среди мужского населения (превышение над женской смертностью почти в 4 раза: 8,76 ‰ против 2,34 ‰). Во-вторых, высокая смертность населения трудоспособного населения в сельской местности, более чем в 2 раза превышающая смертность в городской среде (9,92 ‰ против 4,71 ‰).

Объяснить мужскую «сверхсмертность» в трудоспособном возрасте можно не только отношением к своему здоровью [4]. В структуре смертности по причинам смерти также выделяется следующая закономерность. У мужского населения в трудоспособном возрасте смертность от внешних причин (убийств, самоубийств, отравлений алкоголем, случайных утоплений) составляла в 2018 г. 25 % и находилась на втором месте в общей структуре смертности. В то же время женская смертность в трудоспособном возрасте по внешним причинам составляла всего 18 % и находилась лишь на четвертом месте в общей структуре смертности. Такая тенденция характерна как для городской, так и для сельской местности (2018 г. – 21 % и 28 % соответственно).

Высокая мужская смертность может способствовать возникновению социальных проблем: вдовство и сиротство, женское одиночество, а также низкий уровень материального положения (риски бедности у одиноких выше, чем у людей, состоящих в браке). Смертность населения в трудоспособном возрасте оказывает негативное влияние на экономику, так как представляет собой потери человеческого капитала, накопленного в виде высокого уровня образования, значительного объема знаний, умений и навыков, необходимых для устойчивого социально-экономического развития страны.

Еще одной важной проблемой белорусского общества, напрямую связанной с рассмотренным выше явлением «сверхсмертности», является высокая смертность населения от случайных отравлений алкогольной продукцией. В государственной программе целевое значение, на которое необходимо было выйти к 2020 г., принято равным 10,6 чел. на 100 000 чел. В 2018 г. этот показатель составил 15,6 чел. на 100 000 чел., то есть, превысил целевое значение в 1,5 раза. К 2019 г. показатель смертности населения от случайных отравлений алкоголем увеличился до значения в 17,2 чел. на 100 000 чел.

Приоритетным направлением в решении данной проблемы является сокращение высокой смертности от случайных отравлений алкоголем среди населе-

ния в сельской местности. Разница в данном показателе между городской (12,2) и сельской (27,8) местностью весьма существенна. Также значителен разрыв между этими показателями для мужского (26,8) и женского (5,7) населения. При этом важно понимать, что чрезмерное потребление алкоголя влияет на смертность не только напрямую (отравления, приводящие к смерти), но и опосредованно: способствует развитию онкологических заболеваний, болезней сердечно-сосудистой системы и печени.

В условиях сокращения населения путем естественного движения крайне актуальными остаются вопросы, связанные с миграционными процессами. В 2018 г. миграционный прирост составил 9,3 тыс. чел. С одной стороны, после критически низкого показателя 2017 г. [8], когда в результате миграционного обмена население страны увеличилось всего на 3,8 тыс. чел., ситуация стала улучшаться. Согласно опубликованным данным за 2019 г. [9] миграционный прирост составил уже 13,8 тыс. чел., что было недостаточно для замещения естественной убыли в 26,1 тыс. чел. Увеличения миграционного прироста до целевого значения, закрепленного в государственной программе на отметке в + 70 тыс. чел за год, не произошло и в 2020 г.

Миграция в условиях естественной убыли населения остается единственной возможностью не только стабилизировать численность населения, но и удовлетворить потребности страны в трудовых ресурсах, а также сэкономить средства на образовании и профессиональной подготовке кадров. Неслучайно многие страны Евросоюза ведут активную политику, направленную на привлечение квалифицированных трудовых ресурсов из государств Восточной Европы, в том числе Беларуси.

Несмотря на принимаемые меры по регулированию миграционных процессов, действующая миграционная политика и законодательство в данной сфере остаются недостаточно эффективными. Это проявляется в больших масштабах нерегистрируемого выезда из страны трудовых мигрантов [10] и в преобладании иммигрантов преимущественно с низкими профессионально-квалификационными и образовательными характеристиками. Однако наряду с очевидными трудностями в области регулирования миграции нельзя не отметить определенные усилия по созданию в отношении высококвалифицированных иностранных специалистов отдельных преференций, способствующих их более активному вовлечению в белорусскую экономику.

Для формирования сбалансированной и экономически целесообразной миграционной политики необходимо определить, в каких именно категориях мигрантов нуждается Республика Беларусь, и повысить адресность этой кадровой работы.

В государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» в подпрограмме «Внешняя миграция» одной из главных задач является «совершенствование порядка привлечения иностранных специалистов в Республику Беларусь» [2]. Для ее осуществления были реализованы некоторые проекты. Например, специальное разрешение иностран-

ным гражданам для занятия трудовой деятельностью в Беларуси для высококвалифицированных работников выдается сроком на два года, а для иных работников только сроком на один год. Следующим позитивным примером успешного привлечения высококвалифицированных специалистов в Республику Беларусь является создание Парка высоких технологий, где действует специальный налогово-правовой режим для развития ИТ-бизнеса.

Декрет «О развитии цифровой экономики» [11] также предусматривает меры, направленные на привлечение в страну специалистов в сфере высоких технологий. Например, безвизовый въезд, отмена необходимости получать специальные разрешения на право занятия трудовой деятельностью для иностранцев, заключивших договор с резидентом Парка высоких технологий.

В Беларуси действует особый перечень иностранцев, на которых не распространяется действие «Закона о внешней трудовой миграции» [12]. В него входят те, кто трудоустраивается в нашей стране по получаемой специальности в белорусском вузе. При приеме на работу таких лиц наниматель не должен получать специальное разрешение на привлечение иностранной рабочей силы. Это дает возможность формировать положительное миграционное сальдо за счет иностранцев, фактически интегрированных в белорусское общество и заполнять квалифицированными кадрами определенные ниши в отдельных секторах экономики.

Таким образом, актуальная цель миграционной политики в области привлечения высококвалифицированных иностранных мигрантов – это рост их доли в миграционном потоке.

При этом на данный момент анализ рынка труда Беларуси показывает, что в стране не хватает работников по некоторым специальностям, где требуются не высококвалифицированные специалисты, а рабочие кадры с определенными навыками (сельское хозяйство, строительство, сфера обслуживания). Возможно, стоит пойти путем приглашения в страну мигрантов, которые займут должности, пользующиеся малым спросом у жителей Беларуси, ведь привлечение мигрантов в эти сегменты рынка труда может быть выгодным для Беларуси как с экономической (на подготовку необходимых местных кадров требуется время), так и с демографической точки зрения. Но при этом стоит понимать, что, взяв курс на привлечение мигрантов со средней и низкой квалификацией, регионами-донорами будут являться, в основном, трудоизбыточные государства Средней Азии, что повлечет необходимость учитывать такие факторы, как язык, культура и менталитет.

Также одним из способов увеличения миграционного прироста страны является тесное сотрудничество и взаимодействие с белорусской диаспорой, которая насчитывает около 1,5 млн чел [13]. Так как в ее число входят и эмигрировавшие студенты, и высококвалифицированные специалисты – потенциальное возвращение белорусов представляется значимым человеческим и трудовым ресурсом для социально-экономического и демографического развития страны.

Таким образом, исходя из проанализированных данных, можно сделать следующие выводы: ожидаемая продолжительность жизни постоянно увеличивается, в 2020 г. целевой показатель в 74,6 года был достигнут. Уровень младенческой смертности остается стабильно низким, и ожидать его ухудшения оснований нет. Низкий показатель уровня детской смертности (28,1 ‰) также свидетельствует об эффективности мер в сфере здравоохранения и демографической политики.

Одной из главных демографических угроз Беларуси остается крайне низкая рождаемость. По уровню СКР Республика Беларусь занимает одно из последних мест в центрально-восточном регионе Европы [14], уступая по данному показателю таким странам, как Латвия (1,7), Россия (1,76), Литва (1,7). Очевидно, что для стабилизации демографической ситуации в стране, кроме существующих (организационных, социальных, экономических мероприятий по повышению рождаемости), необходимо принять дополнительный комплекс мер, основанных на фундаментальных научных исследованиях, а также уделить особое внимание аналитической работе.

Также продолжают сохраняться проблемы, связанные с высокой смертностью взрослого населения, в частности мужской части населения в трудоспособном возрасте (8,76 ‰). Для решения этой проблемы необходимо разрабатывать и внедрять масштабные релевантные профилактические меры для поддержания здорового образа жизни, пропагандировать важность контроля собственного здоровья, снижать уровень потребления табачной и алкогольной продукции, повышать уровень культуры здоровья.

Высокая смертность населения от случайных отравлений алкогольной продукцией (15,6 чел./100 000) также является сдерживающим фактором успешного демографического развития. Основным средством для снижения смертности от случайных отравлений алкоголем является уменьшение доступности алкогольных напитков, что, однако, может привести к возможному увеличению производства и потребления алкогольных суррогатов. Ценовое регулирование является наиболее эффективным способом снижения потребления алкоголя и, как следствие, сокращения смертности. Повышение цен на алкоголь, как и на любой другой товар, может привести к снижению спроса. Мерами антиалкогольной политики могут стать: ограничения времени и мест продаж, рекламы алкоголя. Повышение минимального возраста для покупки алкогольной продукции до 21 года также может стать действенной мерой в борьбе с данной проблемой.

В связи с негативной ситуацией, которая сложилась в области рождаемости, в большинстве стран с естественной убылью населения особенное внимание уделяется миграции. На протяжении многих лет Республика Беларусь имеет положительное сальдо миграции, большую часть которого составляют граждане из стран СНГ. Однако миграционный прирост недостаточно велик для замещения населения, которое теряет страна в результате естественного движения, поэтому создание условий, способствующих повышению миграционной привлекательности Беларуси, является первостепенной задачей.

Список использованных источников

1. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 января 2002 г., № 80-3 / Нац. правовой Интернет-портал. Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:roQjm_rsDqAJ:https://www.pravo.by/document/%3Fguid%3D3961%26p0%3DH10200080+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=by&client=avast. – Дата доступа: 18.09.2020.
2. Об утверждении Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200 / Интернет-портал Совета Министров Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/solutions/2431>. – Дата доступа: 18.09.2020.
3. Об утверждении Национальной стратегии Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 дек. 2020 г., № 693 / Интернет-портал Совета Министров Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/Strategia-2030-1.PDF. – Дата доступа: 18.09.2020.
4. Здоровье и благополучие мужчин в Европейском регионе ВОЗ: улучшение здоровья в рамках гендерного подхода [The health and well-being of men in the WHO European Region: better health through a gender approach]. – Копенгаген : Европ. регион. бюро ВОЗ. – 2020. – С. 11–20.
5. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2019. – 443 с.
6. Inter-agency Group for Child Mortality Estimation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://childmortality.org/>. – Дата доступа: 27.09.2020.
7. *Борисов, В. А.* Демография : учебник для вузов / В. А. Борисов. – М. : NOTA BENE, 2001. – С. 91–92.
8. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Белстат, 2017. – 65 с.
9. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 11.09.2020; *Тихонова, Л. Е.* Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз / Л. Е. Тихонова, Е. С. Красинец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2015. – № 2. – С. 65–71.
10. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 / Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716>. – Дата доступа: 28.09.2020.
11. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-3 / Национальный правовой Интернет-портал. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:azikfWwFsK8J:https://www.pravo.by/main.aspx%3Fguid%3D3961%26p0%3DH11000225+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=by&client=avast.> – Дата доступа: 28.09.2020.
12. Белорусы зарубежья [Электронный ресурс] / Интернет-портал Министерства иностранных дел Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.by/multilateral/diaspora/>. – Дата доступа: 18.09.2020.
13. World Data Atlas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knoema.com/atlas>. – Дата доступа: 28.09.2020.

Поступила 16.12.2020 г.

УДК 314.74

Е. С. КРАСИНЕЦ,

*кандидат экономических наук, заведующий лабораторией миграционных исследований,
Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва,
e-mail: e_krasinets@mail.ru.*

ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭПИДЕМИИ КОРОНАВИРУСА¹

В статье представлен анализ влияния пандемии коронавируса на международную трудовую миграцию в России. На основе использования официальной статистики и социологических исследований показано воздействие эпидемии COVID-19 на процессы привлечения и использования в российской экономике иностранных работников. Особое внимание уделено решению задач в области регулирования трудовой иммиграции в условиях преодоления последствий пандемии коронавируса.

Ключевые слова: международная миграция населения, трудовые мигранты, иностранная рабочая сила, пандемия коронавируса, миграционная политика.

E. S. KRASINETS,

*Candidate of Economic Sciences, Head of the Laboratory of Migration Research,
Institute of Social and Economic Studies of the Population, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology RAS, Moscow, e-mail: e_krasinets@mail.ru.*

FOREIGN LABOUR IN RUSSIA IN THE CORONAVIRUS EPIDEMIC CONTEXT

The article presents an analysis of the coronavirus pandemic impact on international labour migration in Russia. Based on using official statistics and sociological research, the COVID-19 epidemic impact on attracting and using foreign workers in the Russian economy processes is shown. Special attention was paid to solving problems of regulating the labour immigration field related to overcoming the coronavirus consequences.

Keywords: international migration, labour migrants, foreign labor, coronavirus pandemic, migration policy.

Российская Федерация является одним из мировых центров международного трудового обмена. Трудовая иммиграция – наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения миграционный поток в стране. Ежегодно с целью работы в Россию въезжает порядка 5–6 млн человек, из них более 90 % – из стран СНГ.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научно-го проекта № 20-510-00008.

Потоки иностранных трудовых мигрантов оказывают заметное воздействие на различные стороны экономического, демографического, социального и политического развития российского общества. В контексте демографических и социально-экономических вызовов трудовая иммиграция является необходимым элементом развития экономики, значимым фактором формирования занятости населения, действенным инструментом функционирования национального рынка труда.

С использованием трудовых мигрантов усиливается ресурсный потенциал экономического развития, компенсируется недостаток рабочей силы в отдельных отраслях и на отдельных территориях, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов национальной экономики [1, с. 111]. Иностранные работники активно привлекаются к реализации крупномасштабных проектов, работают в строительстве, заняты в сфере торговли, услуг, общественного питания, на транспорте, в гостиничном бизнесе, жилищно-коммунальном, сельском и дачном хозяйстве, прокладывают и ремонтируют дороги, убирают улицы, осуществляют уход за детьми, больными и престарелыми на дому. Временные трудовые мигранты позволяют многим российским компаниям, малым и средним предприятиям сохранять конкурентоспособность из-за низкой стоимости иностранной рабочей силы. Благодаря трудящимся-мигрантам повышается доступность товаров и услуг для сравнительно бедной части населения России. Достижение на рынке труда сбалансированности между спросом на рабочую силу и ее предложением с использованием иностранных трудовых мигрантов является одним из важнейших вопросов пространственного развития страны и восстановления ее социально-экономического подъема.

Глобальный экономический кризис и мировая пандемия коронавируса, потянувшие за собой шлейф многообразных социально-экономических последствий, не могли не отразиться на международной трудовой миграции и процессах привлечения и использования иностранных работников в российской экономике. Разразившаяся пандемия COVID-19 переломила действовавшие тенденции в сфере трансграничных передвижений. В связи с введением многими странами ограничительных мероприятий по противодействию распространения коронавируса в межгосударственном трудовом обмене произошли серьезные трансформации. Ограничение мобильности и закрытие государственных границ превратились в ключевые проблемы международного трудового обмена [2, с. 8].

Коронавирусная эпидемия ухудшила положение трудовых мигрантов во всех странах мира, и Россия не стала исключением. Вопросы воздействия пандемии на положение трудовых иммигрантов вышли на первый план в повестке дня международной политики. В российском обществе дискуссия в отношении необходимости иностранных мигрантов в условиях значительного роста безработицы своих граждан затмила объективную потребность в привлечении и использовании иностранной рабочей силы для развития экономики.

В новых реалиях кризиса, связанного с распространением пандемии коронавируса, в тенденциях трудовой миграции и в предложении труда иностранной

рабочей силы происходят существенные перемены, которые требуют не только всестороннего анализа, но и переосмысления проблем, связанных с политической регуляцией потоков трудовых мигрантов. В работе на основе использования статистических данных и проведенных социологических исследований ставятся задачи показать, что сегодня в отечественной экономике происходит с трудовой иммиграцией, проанализировать влияние COVID-19 на изменение ее масштабов, занятость оставшихся в России мигрантов, миграционное поведение иностранных работников, а также получить ответы на целый ряд принципиальных вопросов о том, как может и должна меняться в стране государственная миграционная политика в области привлечения и использования иностранной рабочей силы в период постпандемического восстановления отечественной экономики.

Перемены на рынке труда и в сфере трудовой миграции. Официальная статистика свидетельствует, что в период пандемии коронавируса состояние российского рынка труда ухудшилось, а напряжение в сфере занятости резко возросло. В результате снижения масштабов экономической деятельности и под воздействием карантинных и ограничительных мер рынок труда столкнулся с рядом системных проблем, среди которых на первый план вышли возросшая открытая и скрытая безработица, падение доходов и усиление рисков неопределенности в сфере занятости населения.

По данным статистического учета, в августе 2020 г. численность безработных в стране достигла 4,8 млн человек. Во втором квартале 2020 г. в сравнении с соответствующим периодом предыдущего года количество безработных, зарегистрированных в службах занятости населения, увеличилось в 2,7 раза [3]. Уровень безработицы возрос, в первую очередь, в таких отраслях, как туризм, гостиничное хозяйство, сфера обслуживания, общественное питание, культура, транспорт. В бедственное положение попали прежде всего лица, занятые в малых и средних предприятиях, а также индивидуальные предприниматели и самозанятые. В августе 2020 г. нагрузка не занятого трудовой деятельностью населения, зарегистрированного в органах службы занятости, на 100 заявленных вакансий составила свыше 230 человек и в сравнении с январем возросла более чем в 4 раза.

Экономический кризис и закрытие границ существенно ограничили в российской экономике возможности привлечения и использования иностранных работников. Из-за введенных ограничений значительно сократилась выдача разрешительных документов для работы трудовых мигрантов. Масштабы привлечения и использования иностранных работников в России резко пошли на убыль.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД, в период начала и распространения пандемии в январе–июне 2020 г. было поставлено на миграционный учет 1,5 млн иностранцев, прибывших в Россию и указавших целью въезда работу, что почти в два раза меньше в сравнении с соответствующим доковидным периодом 2019 г. В январе–августе 2020 г. по сравнению

с аналогичным периодом предыдущего года количество разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства сократилось в России в 2,4 раза. В 2,5 раза уменьшился прием из-за рубежа контингентов квалифицированных специалистов, в 2,2 раза – приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных. За этот период число выданных патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства снизилось на 38,3 %. Общее количество оформленных разрешений на работу и патентов для иностранных мигрантов в России оказалось в 1,7 раза ниже в сравнении с соответствующим периодом 2019 г. [4].

Занятость и миграционное поведение иностранных работников. Трудовые мигранты в России, особенно на низкооплачиваемых рабочих местах, оказались в наибольшей степени затронуты распространением COVID-19. В условиях пандемии и введения масштабных ограничительных мер, в частности, закрытия границ, ограничения международного авиасообщения, прекращения или сокращения работы многих строительных, торговых, транспортных и других предприятий, иностранным работникам были купированы важнейшие легальные каналы трудоустройства.

На российском рынке труда, в том числе и иностранного, произошло значительное сокращение рабочих мест, особенно в тех отраслях, где были заняты мигранты [5, с. 28]. В отечественной экономике усилились региональные и отраслевые диспропорции между потребностью в рабочей силе и ее предложением. Существенно сузились легальные пути для трудоустройства и занятости иностранной рабочей силы, увеличилась латентная составляющая отечественного рынка труда, возросло включение трудовых мигрантов в теневые схемы найма работников, расширились масштабы их незаконной занятости.

В сфере занятости в целом сформировалась избыточная численность сотен тысяч трудовых мигрантов. Одновременно в ряде регионов из-за отъезда мигрантов на родину и сокращения их возвратной миграции отдельные отрасли, прежде всего строительство, ЖКХ и сельское хозяйство, стали испытывать нарастающую нехватку рабочих кадров. Многие работодатели после преодоления первой волны кризиса пандемии стали увеличивать свою активность в поиске иностранных работников, испытывая немалые трудности в закрытии объявленных вакансий для трудовых мигрантов.

В период пандемии коронавируса иностранные работники оказались одной из наиболее уязвимых социальных групп наличного населения России [6, с. 416]. В большинстве случаев иностранные работники заняты низкоквалифицированным трудом в неформальном секторе экономики с негарантированной заработной платой. Как правило, прибывшие на работу в Россию не имели к началу распространения коронавируса никаких финансовых накоплений, позволяющих пережить кризисный период. Они не могли рассчитывать на меры государственной поддержки для российских граждан. Лишившись дохода в связи с неформальным и неустойчивым характером занятости, подавляющее большинство мигрантов столкнулось с огромными трудностями на пути решения

насуточных жизненных вопросов зарабатывания денег для оплаты арендного жилья, приобретения продуктов питания, доступа ко многим социальным услугам, а также пересылки денежных средств из России родным и близким на родину.

Огромное количество иммигрантов проживает скученно в тесных помещениях с плохими санитарно-эпидемиологическими условиями, что делает невозможным соблюдение ими социальных норм и правил гигиены. К тому же они слабо информированы о мерах по предотвращению коронавирусной болезни и располагают ограниченными ресурсами на приобретение необходимых лекарств, средств защиты и профилактики заболевания. Из-за скученности проживания риски заболеть и распространения коронавирусной инфекции у них оказались выше. Как для трудовых мигрантов в целом, так и для иностранных работников с незаконным статусом серьезной проблемой оказалось обращение за медицинской помощью.

В результате финансовых трудностей и резко возросшей стоимости билетов значительно увеличилось число тех, кто оказался не в состоянии вернуться на родину. Из-за закрытия границ и введенных ограничений на южных рубежах России в стихийно созданных лагерях в бедственном положении оказались тысячи выходцев из Центральной Азии. Застрявшие без средств к существованию по дороге на родину трудовые мигранты создали дополнительные угрозы безопасности. Появление в российских регионах довольно многочисленных групп иностранных граждан без средств к существованию увеличило риски роста преступности, активизации экстремистских религиозных и террористических организаций [7, с. 37].

Изучение перемен в миграционном поведении трудовых мигрантов показывает, что в последнее время произошло резкое ухудшение показателей, определяющих базовые характеристики их пребывания и занятости на российской территории. По результатам социологических исследований иностранных мигрантов, проведенных нами в июле–августе 2020 г. в городах и районах Калининградской области (N = 300) методом глубинных интервью с соблюдением параметров квот выборки по основным видам экономической деятельности (строительство, торговля, ЖКХ, гостиничный и ресторанный бизнесы, транспорт и складское хозяйство, занятость в домашних хозяйствах, в медицинских организациях и в сфере социальных услуг населению), подавляющее большинство присутствующих на региональном рынке труда работали в текущем году (94,6 %), минимальная часть трудовых мигрантов (5,4 %) были пока без работы, однако активно ее искали и готовы были к ней приступить.

Как показал опрос, наиболее значимыми проблемами жизнедеятельности для гастарбайтеров в период пандемии стали ухудшение их материального положения, снижение доходов, нехватка средств, чтобы оплачивать жилье и отправлять денежные переводы домой (37,6 % опрошенных), а также плохие условия проживания (18,8 %).

В условиях неустойчивой занятости в отличие от большинства российских граждан трудовые мигранты оказались перед реальными угрозами потерять работу, остаться без жилья и средств к существованию, уйти в теневую сферу занятости. Многие трудящиеся-мигранты стали трудиться неполный рабочий день и с пониженной зарплатой, что привело к частичной потере ими дохода. По данным проведенного исследования, каждый пятый респондент признался, что потерял доход полностью, у 13,4 % заработка сократились более чем наполовину. Среди опрошенных 7,4 % отметили, что после введенных ограничений доход у них уменьшился на величину от 10 % до половины от прежнего уровня.

В период кризиса, связанного с пандемией, наиболее драматичная ситуация сложилась среди незаконных трудовых мигрантов. Под воздействием массовых сокращений, обусловленных закрытием бизнесов, в наибольшей степени пострадали латентные трудовые мигранты, не имеющие никаких действительных документов на пребывание, проживание и/или занятие трудовой деятельностью в России. Как показало исследование, разрешительные документы на занятость отсутствовали у трети трудовых мигрантов. Около 40 % респондентов не имели письменный трудовой договор с работодателем и все детали работы оговаривались устно. Для незаконных мигрантов в случае заражения их коронавирусом из-за риска передачи данных иммиграционным властям существуют серьезные препятствия для доступа к медицинским услугам служб здравоохранения. Не имея права на какую-либо социальную защиту, они вынуждены продолжать работать, рискуя своим здоровьем и здоровьем окружающих [8, с. 128].

Однако, несмотря на резкое ухудшение материального положения, занятость на худших рабочих местах, возросшие риски и угрозы потерять работу и остаться без средств к существованию, большинство находящихся на российской территории мигрантов (как законных, так и незаконных) все еще довольно позитивно оценивают свой выбор в пользу Российской Федерации. Даже в условиях пандемии большинство приезжих не спешит уходить с российского рынка труда. Для значительной части мигрантов улучшение материального положения так или иначе связано с работой на территории России [9, с. 54].

В стратегиях миграционного поведения трудовых мигрантов при выборе направлений «уехать» или «остаться» довольно значительным оказалось число тех, кто не собирается уезжать и не думает покидать страну в ближайшее время. Только 13 % респондентов сообщили, что в период начала пандемии пытались вернуться к себе домой. Большая же часть опрошенных (87 %) в своих ориентациях намерена оставаться и работать в России.

В основе настроений, ориентаций и установок для иностранных работников на дальнейшее пребывание на российской территории более весомыми являются причины, выталкивающие их из стран происхождения, чем факторы и стимулы выезда из Российской Федерации. В связи с большим разрывом в уровне

доходов в России с другими странами СНГ, по мнению И. В. Фадеевой, «потеря дохода и возвращение домой могут означать возвращение к крайней нищете как для работников, так и их семей, поскольку денежные переводы, отправляемые мигрантами, являются жизненно важной экономической цепочкой для миллионов людей, пытающихся свести концы с концами» [10, с. 63].

Очень важно также, что, несмотря на все трудности, многие из числа приезжих и в изменившихся условиях ориентируются на постоянное жительство в России и получение российского гражданства. Отвечая на вопрос о долгосрочных планах на будущее, значительное большинство мигрантов указало на то, что они хотели бы интегрироваться в российское общество и раствориться в нем. Около трети опрошенных заявили, что стремятся и готовы жить в Российской Федерации длительное время. Свыше 37 % респондентов указали на то, что они в своих настроениях ориентированы на то, чтобы стать гражданами России и остаться в ней навсегда. Как следует из данных опроса, большинство гастарбайтеров намерено после отъезда домой опять возвратиться в Россию. Согласно данным опроса, 38,3 % респондентов ответили, что планируют «обязательно» вернуться и еще 37,6 % заявили – «скорее всего да».

Регулирование рынка труда иностранных работников. Восстановление экономики и оживление спроса на труд после завершения пандемии повлекут за собой увеличение потребности в иностранной рабочей силе. Преодоление вызовов, связанных с эпидемией коронавируса, потребует практического решения таких проблемных вопросов, как стабилизация трудового рынка, оптимизация потоков трудовой иммиграции, организация занятости иностранной рабочей силы, сокращение масштабов теневого использования мигрантов.

Серьезной задачей является поиск путей совершенствования механизмов, регулирующих рынок труда иностранных работников, что в реальности на практике должно обеспечить приоритетное право на трудоустройство работников из числа граждан Российской Федерации. Важными, имеющими стратегическое значение в регулировании рынка труда, могут стать решения о принятии нормативно-правовых актов, обязывающих всех работодателей до приема на работу трудовых мигрантов из-за рубежа размещать в государственной информационной системе информацию о потребности в иностранной рабочей силе для первоочередного подбора органами служб занятости работников из числа российских граждан. Возобновление в постпандемийный период приема многочисленных контингентов иностранной рабочей силы повысит необходимость проведения дифференцированной политики регулирования мигрантского сектора рынка труда.

Большое значение при этом приобретает активная разработка и внедрение селективных мероприятий, направленных на стимулирование приезда в Россию востребованных категорий мигрантов, компетентных иностранных профессионалов и специалистов, а также предпринимателей, инвесторов и студентов. Должен быть принят комплекс мероприятий по внедрению облегченных и упро-

щенных процедур вхождения на рынок труда квалифицированных и высококвалифицированных работников. Важное значение имеет введение балльной системы оценок отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство, позволяющей создавать преференции в привлечении и использовании в национальной экономике иностранных квалифицированных работников и высококвалифицированных специалистов. Одним из актуальных вопросов является снижение стоимости патентов для мигрантов из безвизовых стран, имеющих профессиональное образование и востребованных на российском рынке труда. Потребуется принятие мер, которые не только поощряют въезд нужных для развития экономики трудовых мигрантов, но и ограничивают доступ на рынок труда тех иностранных работников, в которых нет острой необходимости.

В рамках реализации основных направлений миграционной политики следует активизировать работу по формированию и развитию миграционной инфраструктуры трудоустройства иностранных граждан (бирж, рекрутинговых агентств, сети социальных центров поддержки трудящихся стран ЕАЭС и членов их семей и их правовой защиты) для обеспечения информацией трудовых мигрантов о возможностях занятости, поиска работы, организованного перемещения рабочей силы в регионы, испытывающие дефицит работников.

Вместе с тем должны быть приняты меры по наращиванию усилий в области защиты рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы, сокращению незаконного трудоустройства и теневой занятости мигрантов. Важное практическое значение в этой связи имеет совершенствование автоматизированной системы государственного контроля въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, а также усиление экономической составляющей в борьбе с нарушениями миграционного и трудового законодательства Российской Федерации.

Одной из ключевых задач в формировании рынка труда является развитие образовательной миграции в Россию. Расширение учебной миграции и привлечение иностранных студентов в российские вузы является важной практической задачей на фоне сокращения численности российских студентов под воздействием демографических факторов.

Политика в области учебной миграции должна предусматривать в перспективе устойчивое увеличение контингента обучающихся в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования из числа иностранных граждан, преимущественно граждан государств – участников СНГ и ЕАЭС, на основе расширения количества студентов и аспирантов в рамках межгосударственных договоров по вопросам учебной миграции как на уровне правительств государств, так и между отдельными регионами и университетами.

Важно сделать необходимые шаги по вопросам интеграции иностранных выпускников вузов, желающих оставаться жить и работать в России, облег-

чить им доступ к отечественному рынку труда, виду на жительства и гражданству после завершения учебы. Для удержания востребованной на рынке труда категории мигрантов, которые обладают необходимыми для развития страны квалификационными характеристиками и социальными параметрами, предпочтениями должны пользоваться также и члены их семей.

В сфере предоставления международных образовательных услуг следует развивать потоки учебной миграции из стран с упрощенным режимом приема иностранных студентов, а также усилить масштабную информационную кампанию о возможностях обучения в России и по рекламе российских вузов за рубежом.

К числу насущных проблем совершенствования миграционной политики относится повышение полноты и объективности данных о процессах привлечения и использования иностранных работников. Важнейшими составными элементами этой общей задачи является разработка автоматизированной информационной платформы с базой данных о потоках трудовых мигрантов, включающей параметры их демографических, социально-экономических и профессионально-квалификационных характеристик, а также данные о потребности рынка труда в иностранных работниках и их занятости в экономике. Вместе с тем большое значение имеет совершенствование статистики и расширение круга разрабатываемых показателей в области международной трудовой миграции, введение внятной статистики трудовой миграции и занятости иностранных работников, переход в статистической практике от данных административного учета числа выданных разрешений (патентов) на право занятия трудовой деятельностью к развернутой статистике самих трудовых мигрантов, налаживание статистического учета всего массива перемещений и занятости трудовых мигрантов на пространстве Евразийского интеграционного объединения.

Список использованных источников

1. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i-informacionnogo-obshchestva>. – Дата доступа: 12.05.2018.
2. Красинец, Е. С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения / Е. С. Красинец // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 1. – С. 104–118.
3. Рязанцев, С. В. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств / С. В. Рязанцев, А. Д. Брагин, Н. С. Рязанцев // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. – 2020. – № 3. – С. 7–21.
4. Социально-экономическое положение России – 2020 г. [Электронный ресурс] / Федеральная служба гос. статистики. – М., 2020. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm. – Дата доступа: 20.10.2020.
5. Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс]. – М., 2020. – Режим доступа: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/21163087/>. – Дата доступа: 20.10.2020.

6. Воронина, Н. А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии / Н. А. Воронина, В. А. Суворова, В. А. Волох // Власть. – 2020. – Т. 28, № 4. – С. 26–32.
7. Шустов, А. В. Циркулярные миграции между Россией и странами СНГ в условиях кризиса: масштабы и последствия // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 415–427.
8. Цапенко, И. П. Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока / И. П. Цапенко // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 40(3). – С. 31–43.
9. Наумова, А. А. По разные стороны границ из-за коронавируса: как люди пытаются вернуться к своим семьям и на работу / А. А. Наумова // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 63 (3). – С. 127–130.
10. Денисенко, М. Б. Коронавирус и трудовая миграция / М. Б. Денисенко, В. И. Мукомель // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. – 2020. – № 7. – С. 51–54.
11. Фадеева, И. В. Государственное управление трудовой миграцией в период пандемии / И. В. Фадеева // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2020. – № 2. – С. 61–63.

Поступила 31.10.2020 г.

УДК 316.334.2

С. Н. ЛИХАЧЕВА,

кандидат социологических наук, доцент,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, г. Могилев,

e-mail: lihacheva_sn@mail.ru

**ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ УСЛУГ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Рассмотрены условия реализации возможностей использования информационно-коммуникационных технологий в удовлетворении социальных и бытовых потребностей человека. На основе результатов социологического исследования, проведенного в Могилевской области, сделан анализ поведения потребителей различных социально-демографических групп в сфере получения услуг с учетом распространения цифровизации.

Ключевые слова: социальная сфера, сфера услуг, поведение потребителей, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация.

S. N. LIKHACHOVA,

Candidate of Sociological Sciences, Associated Professor,

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev,

e-mail: lihacheva_sn@mail.ru

**CONSUMER BEHAVIOR IN THE SPHERE OF SERVICES
IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY
(ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH
IN THE MOGILEV REGION)**

The conditions for realizing the possibilities of using information and communication technologies in satisfaction person's social and basic needs are considered. Based on the results of a sociological study conducted in the Mogilev region, the consumer behavior analysis was made of various socio-demographic groups in the field of receiving services taking into account the spread of digitalization.

Keywords: social sphere, service sector, consumer behavior, information and communication technologies, digitalization.

Рост материальных и культурных потребностей людей, степень, характер их удовлетворения обуславливаются в том числе развитием науки и новых технологий, а также гармонизацией общества, стремлением создать комфортную среду для жизнедеятельности. Сектор услуг, долгое время оставаясь в тени производственного, в последние несколько десятилетий совершил прорыв, как в экономическом, так и социальном аспектах.

Многие естественные, материальные потребности удовлетворяются в социальной сфере, являющейся важнейшей характеристикой качества жизни людей в конкретном обществе. Социальную сферу можно рассматривать как совокупность социокультурных, социально-экономических и бытовых составляющих, также в последнее время значительно возросли научно-технические возможности ее организации. Еще в начале 80-х гг. XX века Э. Тоффлер в концепции «электронного жилища» предсказал изменения повседневной жизнедеятельности людей под воздействием информационных технологий, включающих изменение социально-бытовых условий, а также возможности осуществления трудовых функций дистанционно [1]. В свою очередь, состояние социальной сферы влияет на развитие экономики и труда. Благоустроенность повседневной жизни, хорошо организованная система обслуживания нужд людей способствуют лучшему восстановлению физических и духовных сил человека и соответственно отражаются на производительности его труда. Спрос на социальные и бытовые услуги, который в известной степени можно рассматривать как постоянный и расширяющийся в связи с повышением уровня жизни, выступает как мощный стимул развития экономики и занятости населения. Даже если социально-бытовые потребности удовлетворяются в условиях домашнего хозяйства – этот процесс уже сложно представить без использования бытовой техники, позволяющей экономить индивидуальные затраты труда и времени. Ее производство и обслуживание продолжает оставаться приоритетным направлением экономики многих стран.

Организация и техническое оснащение удовлетворения социальных и бытовых потребностей человека приводит к решению важной гуманистической задачи любого общества – увеличению свободного времени человека, что создает благоприятные возможности для гармоничного развития личности. В свою очередь данное обстоятельство стимулирует развитие таких сфер услуг, как развлечения и досуг, туризм, дополнительное образование, физкультурно-оздоровительная отрасль. Наряду с бытовой сферой они сформировали широкую потребительскую основу для развития сектора услуг, и на сегодняшний день этот «третичный сектор» рассматривается как полноценная часть производства. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2012 г. в структуре ВВП сфера услуг составляла 43,3 %, а в 2019 г. – 48,8 % [2, с. 188].

Научно-техническое развитие привело к возникновению широких возможностей использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в том числе и в социально-бытовой сфере. Быстрота, качество, удобство, точность, доступность, экономичность – основные свойства, которые привлекают человека в повседневном использовании ИКТ для удовлетворения своих нужд. В самой сфере обслуживания появились возможности для улучшения качества ее работы и повышения производительности труда, в том числе за счет прекращения или сокращения использования людей в выполнении рутинных, однотипных операций, возрастания творческого компонента в труде, профессио-

нальной интуиции. Специалисты отмечают, что цифровизация общества затрагивает все аспекты человеческой деятельности. «Если в первые 10 лет (с 1995 г.) основу цифровой экономики представляли бизнесы электронной торговли и сервисов, то сейчас она охватывает практически все сферы жизни: образование, здравоохранение, онлайн-банкинг, культуру, социальные отношения» [3, с. 27–28]. При этом она становится важным фактором осуществления социальной политики. Исследования социологов подтверждают, что «наличие качественной цифровой инфраструктуры способствует созданию благоприятных условий для развития социального капитала и потенциала каждого индивида (тем самым создавая реальную возможность для качественного улучшения жизни людей) только в сочетании с активным ее использованием всеми слоями населения» [4, с. 29].

Беларусь демонстрирует быстрые темпы в области развития ИКТ, например, по итогам проведенного ООН исследования к 2020 г. Беларусь заняла 40 место по индексу готовности к электронному правительству в рейтинге, сохранив свои позиции как страна с высоким уровнем его значения. По сравнению с 2018 г. индекс готовности к электронному правительству Беларуси вырос на 5,8 % в 2020 г. К 2020 г., согласно обзору ООН, наша страна сохранила региональное лидерство в Восточной Европе по уровню развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. Субиндекс телекоммуникационной инфраструктуры за 2 года вырос на 20,3 % [5]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2018 г.: 79,1 % (населения) в возрасте 6–72 лет использовали Интернет; 62,6 % (населения) в возрасте 6–72 лет пользовались Интернетом ежедневно; 13,1 % (населения) в возрасте 6–72 лет использовали Интернет для осуществления взаимодействия с органами государственного управления [6].

Однако любые технические инновации могут сопровождаться и рядом трудностей, в том числе социального характера. Наиболее распространенные в использовании ИКТ, на наш взгляд, это:

- необходимость иметь определенный уровень навыков работы с компьютерной техникой;
- преодоление психологического барьера в ее использовании;
- сохранение необходимости дублирования электронных документов и обращений бумажными, личным присутствием;
- отсутствие повсеместно распространенных электронных табло, QR-кодов, Wi-Fi и других технических устройств и электронных приспособлений;
- высокая стоимость интернет-связи для определенных категорий потребителей и его неравномерная территориальная распространенность.

Поведение потребителей является многофакторным феноменом и может зависеть от их материального, культурного уровней, семейного положения, места проживания, пола, возраста и других характеристик. «Потребление услуг относится к непроизводственному потреблению. Оно делится на личное, в ходе которого удовлетворяются потребности индивидов, и общественное, в про-

цессе которого удовлетворяются потребности общества как социального организма» [7, с. 368]. Цифровые технологии, появившиеся более 50 лет назад, изначально стали отличаться стремительными темпами развития, создания сетевой и цифровой инфраструктур, но вместе с тем и неравномерностью использования их потребителями. Распространенность и особенности использования информационно-коммуникационных технологий в оказании услуг рассматривались при проведении опроса среди жителей Могилевской области отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» в 2020 г.

Медицина является одной из самых востребованных сфер оказания услуг населению. Она часто становится объектом нареканий, причем не столько по поводу самих медицинских процедур, консультаций, лечения, а инфраструктурно-технической составляющей: большие очереди, в том числе для обследования на медицинском оборудовании, невозможность дозвониться в поликлинику, получить талон к необходимому специалисту. При этом статистика показывает достаточную обеспеченность больничными койками, врачами, машинами скорой помощи и оборудованием. Таким образом, напрашивается вывод о необходимости совершенствования организационной работы в медучреждениях, чему в немалой степени может поспособствовать использование ИКТ. Электронное здравоохранение рассматривается одним из приоритетных направлений в реализации Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [8].

Социологический опрос жителей Могилевской области показал, что основные виды инноваций в медицинском обслуживании, связанных с ИКТ, находят своих сторонников (табл. 1).

Таблица 1. Использование ИКТ населением в получении медицинских услуг, %

Виды информационных сервисов	Да	Нет	Не знают, что это	Затруднились ответить
Электронная запись на прием	36,4	56,4	6,1	1,1
Электронная очередь	26,8	64,5	7,5	1,2
Электронный рецепт	13,1	76,4	8,9	1,6
Электронная карточка пациента	10,6	78,3	9,3	1,8
Электронные приложения о поиске лекарств	42,3	50,2	6,1	1,4

Практически по всем позициям в перечне видов информационных сервисов нашлись те, кто их использует, однако их везде меньше половины. Чаще применяются электронные приложения поиска необходимых лекарств и электронные записи на прием, что человек делает самостоятельно с помощью персонального компьютера или мобильного телефона. Пока редко применяются электронные карточки пациентов и электронные рецепты, что должно быть инициировано в первую очередь со стороны медучреждений. На наш взгляд, очень показательно, что большинство населения знает о существовании таких сервисов.

Группировки полученных результатов по разным социальным группам населения показали, что, например, мужчины и женщины почти в одинаковой степени используют электронные сервисы в решении своих вопросов, связанных с медициной, но имеются отличия в возрастных группах и по типам населенных пунктов (табл. 2).

Таблица 2. Использование ИКТ разными социальными группами населения в получении медицинских услуг, %

Виды информационных сервисов	Крупный город	Райцентр	Село	До 31 года	От 31 до 49 лет	Старше 50 лет
Электронная запись на прием	44,2	31,8	24,3	42,5	38,2	29,0
Электронная очередь	32,6	25,9	11,2	33,6	28,5	19,2
Электронный рецепт	21,0	7,3	3,7	22,1	13,2	7,8
Электронная карточка пациента	16,2	6,9	2,8	16,8	11,2	5,7
Электронные приложения о поиске лекарств	48,8	43,1	20,6	50,4	48,1	25,4

Как и следовало ожидать, к электронному доступу в медицинских услугах чаще прибегают жители крупных городов и молодежь, причем и по этим социально-демографическим признакам отчетливо видно, что людей, совсем не охваченных электронными сервисами, остается все меньше, в том числе в сельской местности и среди старшей возрастной группы. Поэтому большей активизации такой работы хотелось бы ожидать от медицинских учреждений, а также местной власти. Использование, например, электронной записи на прием к врачу неравномерно представлено по разным городам, что говорит о том, что где-то это широко внедряется, рекламируется, а где-то предпочитают старые формы, хотя технические возможности имеются в городской местности повсеместно: Бобруйск – 51,5 %, Быхов – 46,5 %, Осиповичи – 44,4 %, Могилев – 39,2 %, Шклов – 30 %, Мстиславль – 23,8 %, Горки – 21,2 %.

Важной характеристикой любого населенного пункта, в том числе и деятельности местной власти, является работа транспорта: городского, пригородного, междугородного и т. д. Его можно также отнести к числу наиболее часто оказываемых услуг населению, поэтому их предлагается сравнительно много с использованием ИКТ и некоторые стали достаточно востребованными (табл. 3).

Таблица 3. Использование ИКТ населением в получении транспортных услуг, %

Виды информационных сервисов	Да	Нет	Не знают, что это	Затруднились ответить
Бесконтактная оплата проезда	11,1	79,5	7,5	1,9
Электронный билет	18,6	71,8	7,8	1,8
Онлайн сервис заказа такси	42,0	51,5	5,5	1,0
Электронное табло на остановках	25,7	64,0	8,3	2,0
QR-код	16,5	68,8	12,4	2,3
Движение общественного транспорта в режиме реального времени	36,4	54,7	8,0	0,9

Наиболее популярными услугами транспорта с использованием ИКТ оказались онлайн сервис заказа такси и отслеживание движения общественного транспорта в режиме реального времени. Самой малоизвестной услугой пока является оплата проезда с помощью QR-кода, что говорит о необходимости дополнительного информирования пассажиров, а также оснащения общественного транспорта точками беспроводного доступа (wi-fi). Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в целом удобные, доступные и простые услуги не очень активно используются населением, в частности отдельными его группами (табл. 4).

Таблица 4. Использование ИКТ разными социальными группами населения в получении транспортных услуг, %

Виды информационных сервисов	Крупный город	Райцентр	Село	До 31 года	От 31 до 49 лет	Старше 50 лет
Бесконтактная оплата проезда	14,9	9,5	3,7	18,6	12,2	4,7
Электронный билет	19,8	20,1	11,2	30,1	20,3	8,3
Онлайн сервис заказа такси	61,6	30,7	11,2	56,6	47,9	21,2
Электронное табло на остановках	36,9	20,8	3,7	31,9	29,8	13,5
QR-код	22,9	14,6	1,6	36,3	15,1	7,8
Движение общественного транспорта в режиме реального времени	48,2	32,5	10,3	49,6	40,7	19,7

Городские жители и молодежь являются наиболее активными пользователями электронных услуг, связанных с транспортом, что вполне объяснимо развитостью транспортной инфраструктуры и «продвинутостью» молодых пользователей. Однако ИКТ могут стать существенной поддержкой для людей в отдаленных населенных пунктах и пожилых, поэтому эти категории населения необходимо приобщать к их использованию, развивать более удобные сервисы.

Можно предположить, что сфера банковских услуг является наиболее давней площадкой для широкого распространения электронных сервисов, и это одно из направлений повышения финансовой грамотности населения (табл. 5).

В распространении ИКТ в сфере банковских услуг достигнуты существенные успехи прежде всего в сфере интернет-банкинга, как известно, банки проводили эту работу целенаправленно, и в настоящее время мы меньше имеем дело с наличными деньгами, сфера становится в основном «бесконтактной»,

Таблица 5. Использование ИКТ населением в получении банковских услуг, %

Виды информационных сервисов	Да	Нет	Не знают, что это	Затруднились ответить
Интернет-банкинг	74,6	21,3	3,2	0,9
Мобильный банкинг	59,8	33,9	5,1	1,2
Электронная очередь	54,0	40,1	4,5	1,4
Электронное табло	50,6	43,2	4,5	1,7

без посредничества специалиста-кассира, а клиенты экономят свое личное время. Однако такие «удобства» как электронная очередь и табло требуют финансовых затрат на техническое оснащение, поэтому пока не везде распространены.

Интернет-банкинг, как свидетельствуют социологические данные, распространен повсеместно, в том числе в сельской местности его использует больше половины жителей. Возраст также не является существенным препятствием, среди людей старше 50 лет его использует каждый второй. С электронными очередями и табло меньше знакомы в сельской местности (табл. 6).

Таблица 6. Использование ИКТ в получении банковских услуг разными социальными группами населения, %

Виды информационных сервисов	Крупный город	Райцентр	Село	До 31 года	От 31 до 49 лет	Старше 50 лет
Интернет-банкинг	73,2	82,1	59,8	84,1	82,4	52,8
Мобильный банкинг	62,5	64,2	40,2	78,8	65,5	36,8
Электронная очередь	63,4	53,3	27,1	63,7	58,6	38,9
Электронное табло	58,2	51,5	25,2	63,7	53,3	37,3

Сравнительно скромно пока используются населением электронные возможности при получении услуг ЖКХ. В сельской местности они не очень актуальны, но в городах могут существенно улучшить работу поставщиков с потребителями (табл. 7).

Таблица 7. Использование ИКТ населением в получении услуг ЖКХ, %

Виды информационных сервисов	Да	Нет	Не знают, что это	Затруднились ответить
Интернет-портал 115.BEL	17,6	70,2	10,7	1,5
Единый номер диспетчерской службы 115	44,9	47,7	6,4	1,0
Видеонаблюдение за общественными зонами/дворами	13,0	78,7	7,3	1,0
Общедомовые и индивидуальные приборы учета с дистанционной передачей данных	22,8	66,6	9,2	1,4

Результаты показывают, что население в основном информировано об имеющихся возможностях использования ИКТ в услугах ЖКХ, хотя примерно каждый десятый не знает об интернет-портале 115.BEL или общедомовых и индивидуальных приборах учета с дистанционной передачей данных. Пока такие информационные технологии в обслуживании ЖКХ не являются остро востребованными населением, но имеют потенциал для развития. Интернет-портал 115.BEL чаще остальных используют жители Могилева (23,2 %) и Шклова (30 %), единый номер диспетчерской службы 115 популярен в Могилеве (46,9 %), Бобруйске (44 %), Осиповичах (53,7 %), Горках (52,9 %), Шклове (64 %). Видеонаблюдение за общественными зонами/дворами – в Могилеве (19,1 %), Бобруй-

ске (17,2 %) и Осиповичах (18,5 %). Общедомовые и индивидуальные приборы учета с дистанционной передачей данных – в Могилеве (41,8 %), Осиповичах (31,5 %) и Горках (25,9 %).

Современную жизнь невозможно представить без новостного информирования и рекламы, поэтому населенные пункты или крупные транспортные магистрали в настоящее время оснащены разного рода баннерами, щитами, экранами в том числе электронными. Насколько часто жители Могилевской области на них обращают внимание можно судить по их ответам (табл. 8).

Таблица 8. Использование ИКТ населением в получении услуг в сфере рекламы и новостей, %

Виды информационных сервисов	Да	Нет	Не знают, что это	Затруднились ответить
Светодиодные табло на остановочных пунктах	28,2	65,3	5,6	0,9
Светодиодный экран	32,0	61,2	6,1	0,7

Примерно треть респондентов обращают внимание на рекламные и информационные сообщения на электронных табло или экранах, но стоит подчеркнуть, что они имеются не на каждом остановочном пункте или в районе города. В первую очередь они доступны жителям крупных городов и у них также более молодежная аудитория (табл. 9).

Таблица 9. Использование ИКТ в сфере рекламы и новостей разными социальными группами населения, %

Виды информационных сервисов	Крупный город	Райцентр	Село	До 31 года	От 31 до 49 лет	Старше 50 лет
Светодиодные табло на остановочных пунктах	39,6	23,0	6,5	33,6	29,5	22,3
Светодиодный экран	40,2	31,4	8,4	42,5	33,0	23,8

В последнее время достаточно часто проходит информация о том, что в мире наметилась тенденция увеличения доли интернет-торговли по сравнению с традиционными розничными продажами, что стало более актуальным из-за объявленной пандемии. Жители Могилевской области также часто используют такой вариант приобретения товаров.

Можно утверждать, что примерно каждый второй житель Могилевщины имеет представление о покупках в интернете, причем на белорусских сайтах приобретаются товары немного чаще, чем на иностранных. Торговля через зарубежные сайты регулируется государством, также продукты и товары первой необходимости через белорусские сайты приобретаются быстрее (табл. 10).

Покупки на белорусских сайтах распространены повсеместно, райцентры даже обгоняют крупные города. Видимо, удобно это и для сельских жителей. Как и по многим другим позициям, более активны в использовании ИКТ при приобретении товаров молодые люди, но и у старших возрастных групп

Таблица 10. Использование ИКТ населением в получении услуг в сфере торговли, %

Виды информационных сервисов	Да	Нет	Не знают, что это	Затруднились ответить
Покупка товаров в интернет-магазинах на белорусских сайтах	60,1	34,6	4,3	1,0
Покупка товаров в интернет-магазинах на иностранных сайтах	44,9	49,5	4,7	0,0

Таблица 11. Использование ИКТ разными социальными группами населения в сфере торговли, %

Виды информационных сервисов	Крупный город	Райцентр	Село	До 31 года	От 31 до 49 лет	Старше 50 лет
Покупка товаров в интернет-магазинах на белорусских сайтах	58,5	69,3	41,1	73,5	65,5	40,9
Покупка товаров в интернет-магазинах на иностранных сайтах	49,7	47,8	22,4	72,6	48,9	20,2

это также приобретает массовый характер (табл. 11). На иностранных сайтах женщины приобретают товары немного чаще, чем мужчины (47,2 % и 41,6 % соответственно), такая же ситуация и на отечественных сайтах: женщины – 64,2 %, мужчины – 54,4 %.

Информационно-коммуникационные технологии стремительно проникают в нашу повседневную жизнь, привнося в нее дополнительные удобства, возможности, новшества. Внедрение ИКТ в систему сферы обслуживания, несмотря на непродолжительный срок, уже имеет заметный спрос практически по всем направлениям. Совершенствования требует техническая сторона, например, большее распространение должны получить зоны wi-fi, а также качество интернет-связи в сельских населенных пунктах. Более гибкими и доступными по цене должны быть услуги мобильных операторов, обеспечивающих интернет-соединение. Социологическое исследование показало необходимость более активного распространения знаний среди населения для использования ИКТ в сфере услуг в более широком объеме.

Стремительное развитие компьютерных технологий и средств массовой коммуникации ставит вопрос о создании условий для их реализации в повседневной жизнедеятельности людей. Очевидно, что использование их возможностей ускорит решение ряда важных социальных задач, в том числе улучшение оказания услуг, выравнивание условий жизни в городской и сельской местностях, экономию времени и трудозатрат, практическое использование научно-технических достижений.

Список использованных источников

1. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ, 2004. – 781 с.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / редкол.: И. В. Медведева [и др.] ; Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2020. – 436 с.

3. Ковалев, М. М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.
4. Коршунов, Г. П. Проблема уровня и качества жизни в эпоху цифровизации / Г. П. Коршунов, С. Н. Кройтор // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 24–38.
5. По индексу готовности к электронному правительству Беларусь сохранила свои позиции как страна с высоким уровнем его значения [Электронный ресурс] / М-во связи и информатизации Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/news/12-07-2020-6560>. – Дата доступа: 05.10.2020.
6. Использование информационно-коммуникационных технологий населением и организациями [Электронный ресурс] / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/infograf-transport-2-191206.pdf. – Дата доступа: 05.10.2020.
7. Экономико-социологический словарь / сост.: Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк ; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.
8. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы. Одобрена постановлением коллегии Минсвязи от 30.09.2015, № 35 [Электронный ресурс] / Науч.-метод. обеспечение развития информатизации в Беларуси. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/concept/strategia2022.php>. – Дата доступа: 10.10.2020.

Поступила 31.10.2020 г.

УДК 316.334.2

В. Э. СМІРНОВ,

*кандидат социологических наук, доцент, Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: smirnoffv67@gmail.com*

АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализируются особенности проявления административных барьеров развития предпринимательства в Беларуси. Показано их отличие от административных барьеров других стран постсоветского пространства, в частности, России. Подчеркивается роль административных барьеров в увеличении транзакционных издержек в связи с производством товаров и услуг малыми и средними предприятиями, предложены меры минимизации их негативного влияния на деятельность субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: административные барьеры, коррупция, рентоориентированное поведение, транзакционные издержки, бюрократические процедуры, штрафы.

V. E. SMIRNOV,

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk e-mail: smirnoffv67@gmail.com*

ADMINISTRATIVE AND MANAGERIAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The administrative barriers' manifestation features to the development of entrepreneurship in Belarus have been analyzed. Their difference from other post-Soviet countries' administrative barriers, particularly from Russia, is shown. The administrative barriers' role in increasing transaction costs due to the production of goods and services by small and medium-sized enterprises is emphasized. The measures to minimize their negative impact on the activities of business entities are proposed.

Keywords: administrative barriers, corruption, rent-seeking behavior, transaction costs, bureaucratic procedures, fines.

Несмотря на все усилия государства развивать многоукладную рыночную экономику на базе частной собственности и предпринимательства, в белорусской экономике присутствует высокий уровень административных барьеров (бюрократизации экономики). Несовершенство формальных институтов, обрастание их новыми неформальными правилами способствуют широкому распространению административных барьеров в экономике малого и среднего предпринимательства. Административные барьеры – это препятствия, с которыми сталкиваются предприниматели и субъекты рыночных отношений и которые перед ними ставят органы законодательной власти государства в виде свода определенных правил. Соблюдать эти правила обязаны все игроки рынка,

при этом зачастую выплачивая государству определенные суммы за ряд разных нормативно-правовых процедур и услуг в сфере бюрократического аппарата.

В число главных причин появления административных барьеров входят сложное законодательство, которому непросто следовать, противоречия между законодательством на государственном, региональном и местном уровне, высокая степень инспектирования и контроля без предварительного уведомления, слишком большое число властных органов при неоправданно высоком уровне тарифов. Чаще всего предприниматели жалуются на отсутствие прозрачности процедур и отсутствие информации, на то, что при изменении требований возникают проблемы, связанные с необходимостью изменения инструментов выполнения процедур и требований; низкое качество работы государственных служб: у их сотрудников нет опыта работы в хозяйственных структурах; низкое качество услуг государственных организаций, и слишком длительные время обработки и задержки, связанные с процедурами оформления собственности отношений.

Необходимо отметить, что в зарубежной литературе и работах российских экономистов в анализе административных барьеров неоправданно большое значение придается рентоориентированному поведению чиновников и их стремлению создать барьеры с целью получения личной выгоды. Поэтому в юридической литературе российских авторов под административными барьерами в сфере предпринимательства понимаются действия (бездействие) должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, выражающиеся в принятии нормативных и ненормативных правовых актов, противоречащих законодательству государства, в злоупотреблении и превышении своих полномочий при проведении контроля деятельности субъектов предпринимательской деятельности. Возможно, такая тенденция связана с непомерно высоким уровнем коррупции в некоторых странах, например, в России, однако при этом необходимо различать особенности деловых и неформальных отношений между чиновниками и представителями малого и среднего предпринимательства (МСП), между чиновниками и представителями крупного бизнеса и государственных предприятий. Коррупция и вымогательство со стороны чиновников, скорее, свойственна в большей мере их взаимоотношениям с крупным бизнесом, по крайней мере, в Беларуси, реже – с успешным средним. Что касается малого предпринимательства, то здесь коррупционная составляющая ничтожно мала, о чем свидетельствует не только статистика уголовных дел, но и опросы предпринимателей, проведенные в ходе неоднократных социологических исследований. В частности, в соцопросах социологов Института экономики НАН Беларуси в 2017 г. на случаи коррупции в их практике указали только 6,8 %, а в опросе 2018 г. – 3,3 % респондентов – представителей МСП. Нужно заметить, что и в 2019 г., согласно исследованию малых и средних предприятий Исследовательским центром Института приватизации и менеджмента (ИПМ), лишь 5,3 % респондентов указали на то, что коррупция в их среде распространена повсеместно («иногда» – 6,8 %). При этом пред-

Таблица 1. Сферы государственного регулирования, больше всего подверженные коррупции и взяткам, по мнению респондентов, %

Сферы государственного регулирования	%
Регулирование цен	26,3
Получение лицензий	22,5
Гигиеническая регистрация и сертификация	20,8
Санитарный надзор	21,0
Пожарный надзор	21,8
Уплата налогов	29,3
Налоговые проверки	26,5
Таможенное оформление	26,5
Получение госзаказов, победа в тендерах	18,8
Получение различных разрешений в местных органах власти	18,5
Получение благоприятных судебных решений	22,3
Аренда	25,3

приниматели назвали сферы государственного регулирования, где, по их мнению, больше всего случается злоупотреблений и фактов коррупции (табл. 1).

Несмотря на серьезную работу правительства с проявлениями коррупции, процесс улучшения ситуации пока идет медленно, но некоторые сдвиги вызывают оптимизм, о котором можно судить по ответам на вопрос: «Как изменилась ситуация с коррупцией в вашей сфере за последний год?».

Респонденты ответили следующим образом:

- значительно ухудшилась – 0,8 %;
- несколько ухудшилась – 2,3 %;
- не изменилась – 79,3 %;
- несколько улучшилась – 14,0 %;
- значительно улучшилась – 3,8 %.

На наш взгляд, административные барьеры можно рассматривать как некие неформальные институты, создающиеся в рамках формальных институтов. Например, для получения доступа к некоторым ресурсам, помимо выполнения всех формальных правил, необходимо иметь связи с конкретными людьми, прийти с ними к определенному соглашению. Только выполнение известного алгоритма действий дает гарантии предпринимателю получить необходимый ресурс. Скорее всего, их появление связано с ментальностью нашего общества. Например, указание 11,9 % респондентов в 2017 г. и 15 % – в 2018 г. на давление и самоуправство чиновников действительно свидетельствует о стремлении чиновников получать выгоду в отношениях с малым и средним бизнесом, но не в материальной, а символической (символический капитал по Бурдье) форме. Это подтверждается особой ролью «связей с нужными людьми» в белорусском обществе и в среде малого предпринимательства в частности. На отсутствие связей с нужными людьми как на фактор, сдерживающий развитие их бизнеса, в 2017 г. указали 23,7 %, а в 2018 г. – 10 % респондентов.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы оценили действия правительства по следующим направлениям и как они повлияли на Ваш бизнес?», %

Направления действий правительства	Оценили отрицательно	Оценили скорее отрицательно	Не повлияли	Оценили скорее положительно	Положительно (очень помогли бизнесу)
Ликвидация излишних административных барьеров	5,1	18,3	42,3	28,6	5,6
Придание контрольной (надзорной) деятельности предупредительного характера, переход к преимущественному использованию профилактических мер	3,9	9,0	41,3	38,4	7,3

Как показал опрос ИПМ в 2019 г., предприниматели приветствуют политику снятия административных барьеров, мешающих деловой активности бизнеса (табл. 2).

Кроме указанных выше, существует ряд других факторов, порождающих систему административных барьеров. Так как между государственными органами управления и финансовыми учреждениями и предпринимательскими структурами сложился низкий уровень доверия, то для предотвращения «риска потерь» эти органы вводят многоступенчатую стадию сбора согласовательных и разрешительных документов на определенную деятельность и получение кредита. К тому же представители государственных органов управления, ограниченные в финансовых возможностях, считают оправданным покрытие материальных и временных расходов на оформление и подпись справок и других документов. Поэтому, если главной функцией институтов является экономия транзакционных издержек, то, к сожалению, административные барьеры выполняют обратную функцию, то есть вызывают рост транзакционных издержек. Хотя с принятием новых законов о развитии предпринимательства в Беларуси они значительно снизились. В частности, на необоснованные административные барьеры, штрафы, и т. п. в 2017 г. указали 57,6 % опрошенных предпринимателей, а в 2018 г. – 21,7 %.

Нужно учитывать, что всякое правило может быть рассмотрено в качестве барьера, поскольку ставит ограничительные рамки деятельности, поэтому с позиции предпринимателей, большая часть правил может быть воспринята как барьеры, потому что они препятствуют быстрому росту и максимизации прибыли. С другой стороны, с позиции государства, все создаваемые правила призваны упорядочить деятельность государственных и предпринимательских структур и защитить внутренний рынок. В этом конфликте сталкиваются личные и общественные интересы, и функция государства заключается в том, чтобы найти оптимальный баланс между ними. Однако обе стороны понимают, что существуют некоторые правила, которые действительно являются барьерами. В то же время предумышленно созданные административные барьеры выражаются в утверждении формальных институтов, не облегчающих процесс обмена, а, наоборот, осложняющих их. Например, схема аренды помещений,

где государственные структуры создали целую систему сложных взаимоотношений, в результате которых арендатор (представитель малого бизнеса) сталкивается с разветвленной сетью государственных структур, занимающихся вопросами недвижимости различных форм собственности, требующих к себе внимания. Такая схема действий создает ряд поведенческих стратегий в государственных структурах и финансовых учреждениях, увеличивающих транзакционные издержки предпринимательской деятельности. Поэтому издержки включаются в стоимость производимой продукции (товаров и услуг). Несмотря на проведенные реформы, проблема с дороговизной аренды помещения пока не решена (табл. 3, 4).

Таблица 3. Оценка респондентами степени обремененности затратами на арендную плату как фактора, сдерживающего его бизнес, %

	2018 г.	2019 г.
Высокая арендная плата	35,4	33,3

В ходе проведенного в 2019 г. Исследовательским центром ИПМ опроса оказалось, что у 5,5 % респондентов из-за издержек на преодоление административных барьеров удорожал итоговый продукт «значительно», а у 12 % – «несколько удорожал». О сложностях, сопровождающих прохождение бюрократических процедур свидетельствует следующая таблица: респондентам предложили оценить сложности по 5-балльной системе, где 1 – очень сложно, а 5 – очень просто (табл. 4).

Как видно из таблицы, наибольшую сложность представляет прохождение таких процедур, как выполнение требований санстанции, МЧС и др., сертификация продукции и получение лицензий. В связи с этим, от административных

Таблица 4. Оценка респондентами сложностей, сопровождающих прохождение бюрократических процедур, %

Виды бюрократических процедур	1	2	3	4	5	Затруднились ответить
Открытие бизнеса	4,5	9,5	19,8	29,8	29,3	7,1
Получение разрешения на строительство	18,0	23,3	22,8	12,5	2,0	21,4
Подключение к системе электроснабжения	15,0	18,8	30,0	15,8	4,3	16,1
Регистрация собственности	6,3	12,8	34,3	26,0	7,5	13,1
Начисление и уплата налогов	8,5	12,3	37,5	24,3	12,0	5,4
Таможенное оформление	7,3	20,0	31,3	17,5	4,0	19,9
Обеспечение исполнения контрактов	9,3	14,0	35,8	20,8	2,8	17,3
Процедура ликвидации и банкротства	18,0	18,8	24,8	10,5	3,5	24,4
Сертификация	15,3	23,5	31,8	16,0	3,5	9,9
Получение лицензий	14,5	21,3	33,5	14,5	4,5	11,7
Наём и увольнение сотрудников	5,0	10,3	28,5	31,0	18,8	6,4
Выполнение требований санстанции, МЧС и т. д.	16,3	24,0	29,5	17,3	4,3	8,6

барьеров несут потери не только предприятия, но и общество в целом. Потери могут быть прямыми и косвенными. Прямые потери связаны с завышением розничных цен предприятиями вследствие включения в них затрат на преодоление административных издержек. Косвенные потери связаны с недопроизводством ВВП из-за снижения эффективности использования имеющихся ресурсов.

Все это говорит о необходимости совершенствования институтов, регулирующих предпринимательскую деятельность. В первую очередь, необходима ревизия всех формальных правил и выявление среди них неэффективных, противоречащих другим формальным правилам. Заметим, что работа проводится систематически как со стороны государственных структур, так и общественных объединений предпринимателей. Однако результативность пока не столь высока. Больше всего от административных барьеров страдают именно представители МСП, поскольку административное бремя из расчета на одно предприятие и на одного работника, по мнению зарубежных экономистов, существенно различается в зависимости от размера предприятия. Информация, полученная в странах ЕС, говорит о том, что административное бремя в расчете на одного человека для предприятия со штатом 1-9 работников составляет в среднем 3500 евро, тогда как для фирм со штатом 100 человек этот показатель равен 600 евро. Те же данные применительно к США указывают на то, что конторские затраты и время, связанное с бумажной работой и исполнением административных требований, обходятся для фирм с 1-4 работниками в 2080 долл. в расчете на одного работника в год. В то же время крупные фирмы с числом работников от 500 до 900 чел. тратят гораздо меньше, а точнее 120 долл. в расчете на одного работника. В последнее десятилетие в Беларуси власти начали принимать меры по оценке и устранению ненужных административных барьеров, в основном, в рамках общей политики дерегулирования. Эта политика направлена на уменьшение всех препятствий для предприятий, а также на улучшение условий функционирования рынков и увеличение доверия общественному сектору. Некоторые недавно разработанные меры включают:

- сбор информации и исследования относительно размера и областей присутствия административных барьеров;
- информационно-консультативную поддержку предприятий относительно требований к ним;
- совершенствование и упрощение форм отчетности;
- упрощение процедур, сокращение частоты их использования и количества организаций, требующих предоставления информации;
- предоставление льгот предприятиям, в наибольшей степени страдающих от административных барьеров;
- замену существующих законов новыми (в меньшем количестве и более простыми);
- изучение нового законодательства на предмет устранения административных барьеров.

В результате реализации этих мер наблюдаются значительные подвижки в создании позитивной бизнес-среды, способствующей развитию предпринимательства в стране. Их можно заметить на динамике ответов предпринимателей-респондентов на вопрос о характере изменений условий ведения бизнеса за последний год. Выявление административных барьеров и их устранение позволяет оживить конкуренцию на рынке, снизить издержки входа на рынок и выхода с рынка хозяйствующих субъектов.

Исходя из анализа и систематизации вышеприведенных препятствий в развитии малого предпринимательства, можно сделать вывод, что оно нуждается в дальнейшем совершенствовании. В этом смысле управленческие мероприятия должны, с одной стороны, иметь системный, охватывающий все основные направления менеджмента, характер, с другой стороны, быть направлены на решение проблем в развитии предпринимательства, характерных именно для малого бизнеса: кредитования, более «мягкой» системы государственного контроля, открытия доступа к госзакупкам и др.

Поступила 29.10.2020 г.

Р. А. СМІРНОВА,

*доктор философских наук, доцент, Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск,
e-mail: smirnovasoc@yandex.ru*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ И АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ

В статье представлены результаты социологического мониторинга институциональных барьеров, препятствующих развитию малого и среднего предпринимательства. Предложена трактовка экономических барьеров, не ограничивающая их лишь препятствиями нормативно-правового плана, а выходящая на более широкий контекст социально-экономических отношений и взаимосвязей в экономике и обществе. Сделан вывод о принципиальной неустранимости экономических барьеров, их изменчивости, относительности и субъективно-объективном характере, требующим изучения, учета и коррекции в процессе управленческой деятельности.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, экономические барьеры, защита прав собственности, неравное отношение к государственным и частным предприятиям, ограниченный доступ к госзакупкам, финансовые барьеры, арендная плата и др.

R. A. SMIRNOVA,

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Institute of Economics of the NAS of Belarus, Minsk, e-mail: smirnovasoc@yandex.ru*

SOCIOLOGICAL MONITORING AND ANALYSIS OF ECONOMIC BARRIERS TO ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN BELARUS

The article presents the results of institutional barriers' sociological monitoring that preventing small and medium-sized businesses' development. The economic barriers' interpretation has been offered, that does not limit them only to formal legal obstacles, but goes to a broader context of social and economic relations, and interaction between economy and society. The conclusion has been made about the fundamental inevitability of economic barriers, their variability, relativity and subjective-objective nature, which require study, accounting and correction in the management activities process.

Keywords: small and medium-sized businesses, economic barriers, protection of property rights, unequal treatment to public and private enterprises, limited access to public procurement, financial barriers, rent and etc.

Одной из важнейших задач современной Беларуси является развитие малого и среднего предпринимательства (МСП). Институциональные меры, принятые государством в качестве поддержки предпринимательства (Декрет № 7 от 23.11.2017 «О развитии предпринимательства» и др.), уже показали свою эффективность. Так, в ответах предпринимателей на вопрос: «Как изменились

условия ведения бизнеса за последние годы?», в социологических исследованиях 2017, 2018 и 2019 гг. по некоторым позициям выявилась четкая положительная динамика (табл. 1).

**Таблица 1. Распределение ответов на вопрос:
«Оцените, пожалуйста, изменение условий за последний год», %¹**

Виды прцедур	Улучшилось			Не изменилось			Ухудшилось			Затруднились ответить		
	2017 ИЭ НАН	2018 ИЭ НАН	2019 ИПМ	2017 ИЭ НАН	2018 ИЭ НАН	2019 ИПМ	2017 ИЭ НАН	2018 ИЭ НАН	2019 ИПМ	2017 ИЭ НАН	2018 ИЭ НАН	2019 ИПМ
Регистрация бизнеса	43,3	62,7	59,1	28,3	15,3	19,8	1,7	5,1	14,0	26,7	16,9	–
Получение разрешений	21,7	32,2	14,5	48,3	32,2	22,8	8,3	11,9	41,3	21,7	23,7	–
Осуществление проверок	30,5	27,1	–	50,8	37,3	–	5,1	10,2	–	13,6	25,4	–
Взимание штрафов	6,7	20,3	–	55,0	30,5	–	5,0	18,6	–	33,3	30,5	–
Взимание арендной платы	3,4	11,9	–	47,5	25,4	–	39,0	44,1	–	10,2	18,6	–
Ценообразование	5,0	16,9	–	46,7	27,1	–	38,3	33,9	–	10,0	22,0	–
Налоговая нагрузка	6,7	11,9	36,3	66,7	28,8	37,5	20,0	44,1	20,8	6,7	15,3	–
Процедуры расчета и уплаты налогов	13,3	32,2	36,3	66,7	37,3	–	13,3	18,6	–	1,7	11,9	–
Доступ к получению кредитов	28,3	13,6	–	25,0	25,4	–	8,3	22,0	–	35,0	39,0	–
Возможность получить господдержку	6,7	–	–	30,0	–	–	11,7	–	–	50,0	–	–
Осуществление внешне-торговых операций	11,7	13,6	–	35,0	23,7	–	5,0	8,5	–	45,0	54,2	–
Процедуры проведения аукционов и конкурсов	10,2	5,1	–	33,9	23,7	–	3,4	5,1	–	52,5	66,1	–
Защита прав собственности	11,9	1,7	–	22,0	40,7	–	11,9	8,5	–	54,2	49,2	–
Сертификация продукции	10,3	–	19,5	32,8	–	31,8	10,3	–	38,8	46,6	–	–

¹ Данные Института экономики НАН Беларуси в 2017 г. (120 чел.) и 2018 г. (118 чел.); данные ИПМ в 2017 г., 2018 г. и 2019 г. – 400 чел.

**Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Каковы Ваши планы на ближайшие 3 года?», %**

Перечень планов	2017 г. ИЭ	2018 г. ИЭ	2019 г. ИПМ
Стабильно вести свой бизнес	54,2	51,7	50,5
Расширять бизнес	37,3	21,7	46,8
Уйти из бизнеса	8,5	1,7	2,8
Нет четких планов	—	18,3	—
Нет ответа	—	6,6	—

Об улучшении институциональных условий свидетельствует также социальный оптимизм предпринимателей, их планы на будущее (табл. 2).

Однако полученные Институтом экономики данные социологического опроса свидетельствуют о том, что не все проблемы на пути развития МСП решены, в связи с чем принятие ряда значительных мер по устранению или смягчению существующих барьеров предпринимательской деятельности остается одной из актуальных задач реформаторов.

В научной литературе под экономическими барьерами понимают препятствия, которые вызваны наличием нечетких и часто меняющихся юридических положений, касающихся открытия и развития бизнеса; чрезмерно высокими налогами; нехваткой стартового капитала и сложностью доступа к финансовым ресурсам; ограничением выхода на зарубежные рынки из-за несоответствия стандартам, установленным более развитыми странами; высокими затратами, необходимыми для продвижения бизнеса на эти рынки. Однако необходимо учитывать, что все эти формальные препятствия возникают на фоне международных и внутринациональных связей и отношений, обуславливающих их глубину и масштабность, а также динамику изменений. В частности, в исследованиях респонденты указали на ряд существенных факторов, устранение которых может стать предметом рассмотрения государственной политики (табл. 3).

**Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Какие факторы, на Ваш взгляд, мешают успешному развитию Вашего бизнеса?», %¹**

Наименование факторов	2017 г. ИЭ НАН	2018 г. ИЭ НАН	2019 г. ИПМ	2020 г. ИПМ
Ограниченные рынки сбыта и низкий платежеспособный спрос	61,0	68,3	—	78,3*
Высокие ставки налогов	—	—	60,3	—
Конкуренция со стороны иностранного бизнеса, крупных ТНК	11,9	10,0	6,7	—
Протекционизм в отношении государственных предприятий и крупных компаний	10,2	6,7	21,9	—
Сужение рынков сбыта в связи с развитием крупных торговых сетей	35,6	11,7	—	—
Отсутствие денежных средств на развитие бизнеса	42,4	20,0	—	—
Высокие транзакционные издержки (сертификация, лицензии, проверки)	6,8	3,3	11,5	—

¹ Респондент мог дать несколько вариантов ответа.

Окончание табл. 3

Наименование факторов	2017 г. ИЭ НАН	2018 г. ИЭ НАН	2019 г. ИПМ	2020 г. ИПМ
Высокие процентные ставки по кредитам	28,8	18,3	15,5	—
Отсутствие связей с нужными людьми	23,7	10,0	—	—
Несовершенство и изменчивость законодательства	47,5	21,7	58,4	—
Коррупция	6,8	3,3	5,3	—
Давление и самоуправство со стороны чиновников	11,9	15,0	6,0	—
Высокая арендная плата	—	33,3	35,4	—
Отсутствие реальной государственной поддержки	—	23,3	21,9	—
Другое	8,5	—	—	—

* BEROС и Бизнес-школа ИПМ, апрель 2020, опрошено 143 чел.

Судя по ответам предпринимателей, основными экономическими барьерами являются:

1) неблагоприятная государственная экономическая политика по отношению к малому бизнесу, в частности это касается защиты прав собственности, неравного отношения к государственным и частным предприятиям, ограниченный доступ к госзакупкам, установления фиксированной величины минимальной заработной платы, арендной платы и др.;

2) трудности, вызванные низким уровнем развития экономики (невысокий спрос на товары и услуги, конкуренция и т. д.);

3) финансовые проблемы (высокие налоги, недостаточный стартовый капитал, ограниченный выход на отечественные и зарубежные кредитные ресурсы).

Основной функцией государства по поддержанию рыночной экономики является обеспечение прав собственности. Хотя реформа правоохранительной системы прошла довольно успешно, однако до сих пор не существует реальных механизмов и инструментов, обеспечивающих гарантию защиты частной собственности. Поэтому в качестве основного препятствия на пути предпринимательства остается отношение к собственности. Риск потерять свое имущество, собственность или часть ее достаточно велик, хоть и со временем снижается: 44,1 % в 2017 г. и 23,3 % в 2018 г. Как видно из полученных данных, лишь около четверти опрошенных чувствует себя защищенными от посягательств на их собственность, как со стороны государственных органов, так и от частных контрагентов.

К значимым экономическим барьерам для дальнейшего развития относятся неравные конкурентные условия для малого бизнеса. Согласно данным, полученным Институтом экономики НАН Беларуси в 2017 г., 10 % респондентов указали на протекционизм государства в отношении госпредприятий как фактор, мешающий развитию их предприятия. В 2018 г. – на этот показатель указали 6,7 % респондентов. А по результатам опроса 2019 г., проведенного Исследовательским центром ИПМ, уже более трети представителей сектора малого и среднего предпринимательства (36,9 %) отметили неравные условия деятель-

ности по сравнению с государственными предприятиями как наиболее проблемный вопрос ведения бизнеса.

Существенными препятствиями для роста малого бизнеса выступают различия в подходах к частным и государственным организациям в вопросах лицензирования и аттестации, предоставление льгот и более привлекательных условий иностранным компаниям (например, лучших участков под строительство торговых объектов), высокая стоимость аренды имущества, находящегося в республиканской и коммунальной собственности.

Оценка респондентами деятельности правительства в данном направлении сдержанная – количество положительных и отрицательных оценок почти одинаково, а в основном (51 %) оценка – «ничего не изменилось».

Еще одним барьером для развития малого и среднего бизнеса выступают трудности, вызванные низким уровнем развития экономики в стране (невысокий спрос на товары и услуги, конкуренция и т. д.). На такой барьер в развитии малого и среднего предпринимательства, как ограниченные рынки сбыта и низкий платежеспособный спрос, указали:

- в 2017 г. – 61 % (ИЭ НАН);
- в 2018 г. – 68,3 % (ИЭ НАН);
- в 2020 г. – 78,3 % респондентов (BEROC и Бизнес-школа ИПМ, опрошено 143 чел.).

Как видно из приведенных данных, наблюдается некоторая тенденция к повышению значимости данных рисков для развития предпринимательства. Кроме того, события с пандемией в 2020 г. обострили данную проблему. По данным социологической службы BEROC и Бизнес-школы ИПМ (апрель 2020 г., опрошено 143 чел.), многие факторы, сдерживающие деловую активность малого бизнеса, обострились (табл. 4).

Из финансовых проблем выделяются высокие налоги, недостаточный стартовый капитал, ограниченные возможности получения кредита и др.

Нужно отметить, что, несмотря на некоторое упрощение налоговой системы, налоговое законодательство, по мнению предпринимателей, опрошенных

Таблица 4. Проблемы, с которыми сталкиваются белорусские компании, %

Падение спроса на внутреннем рынке	78,3
Падение спроса на внешних рынках	39,3
Сохранение размеров арендной платы и налогов при сокращении либо остановке деятельности	57,3
Нестабильность национальной валюты	40,6
Рост дебиторской задолженности и неисполнение партнерами своих обязательств	35,0
Невозможность организации удаленной работы	25,2
Проблемы с ликвидностью	21,0
Невозможность приобретать товары, сырье, материалы и комплектующие из-за ситуации в других странах	20,3
Повышение цен у поставщиков и подрядчиков	14,0
Заболевание сотрудников и соответствующие карантинные меры	13,3

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос о степени обременительности налоговой нагрузки на предпринимательскую деятельность, %

Вид налога	Степень обременительности*		
	Оптимальная	Высокая	Слишком высокая
Налог на добавленную стоимость	38,8	48,8	7,3
Налог на прибыль	34,5	53,3	6,0
Взносы в фонд социальной защиты	26,3	42,3	0
Земельный налог	46,3	24,8	10,8
Налог на недвижимость	43,8	27,3	9,3
Акцизы	33,0	25,3	6,5
Импортные пошлины	30,8	30,0	8,8
Экологический налог	46,0	20,3	6,8
Контрольные (идентификационные) знаки	37,8	20,0	4,0

* В таблице приведены сведения только о степени обременительности налогов для предпринимателя, то есть об их восприятии как высоких, очень высоких и оптимальных. Данные о восприятии налоговой нагрузки как низкой, «нет ответа» и «затрудняюсь ответить» сознательно опущены в силу их количественной незначительности.

в 2019 г. (ИЦ ИПМ), является слишком обременительным. Наибольшей нагрузкой для предприятия являются налог на прибыль, налог на добавленную стоимость и взнос в фонд социальной защиты (табл. 5).

Несмотря на то что 32 % респондентов-предпринимателей оценили деятельность правительства в сфере налогообложения положительно, однако, по мнению половины опрошенных, такая система налогообложения не повлияла на развития их бизнеса.

Недостаточный стартовый капитал и ограниченный выход на отечественные и зарубежные кредитные ресурсы также являются значимыми барьерами, мешающими развивать бизнес. Социологические опросы показывают, что недостаток ресурсов, невозможность получить «длинные кредиты» занимают не последнее место в перечне экономических барьеров (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какие факторы, на Ваш взгляд, мешают успешному развитию Вашего бизнеса?», %¹

	2017 г. ИЭ	2018 г. ИЭ
Отсутствие денежных средств на развитие бизнеса	42,2	20,0
Высокие процентные ставки по кредитам	28,8	18,3
Высокие транзакционные издержки	6,3	3,3

Как отмечалось выше, сводить институциональные барьеры только к факторам, связанным с законотворческой и управленческой деятельностью государства, не совсем правомерно. Каждый из этих факторов зависит от многочисленных, зачастую непредсказуемых, обстоятельств и только на их фоне становится действительно барьером для развития бизнеса.

¹ Респондент мог дать несколько вариантов ответа.

Более того, на наш взгляд, абсолютизировать институциональные барьеры не имеет смысла, так как они: 1) изменчивы – периодически появляются новые лидеры-барьеры, а прежние уходят в разряд несущественных; 2) относительны – то, что выступает в качестве барьера для малого предпринимательства, может не быть таковым для крупного или среднего и наоборот; 3) могут восприниматься предпринимателями в качестве барьеров необходимые ограничения со стороны общества или справедливые требования, такие, как налоги; 4) барьером может стать любое правило, закон или ограничение, сдерживающие рост прибыли. Кроме того, к экономическим, административным и другим барьерам, сдерживающим бизнес, необходимо относиться с учетом интересов как государства, так и экономического субъекта, то есть соблюдая относительный баланс интересов.

По нашему мнению, экономические барьеры развития предпринимательства в принципе не устранимы. Их необходимо изучать, смягчать, учитывать при планировании, корректировать и на этой основе предвидеть будущие результаты своей деятельности. Кроме того, необходимо учитывать следующее: так как добиться полного совершенства законодательной системы и способов управления общественными сферами и процессами и тем более, знания всех внешних (объективных) факторов невозможно, то, соответственно, барьеры на пути развития малого и среднего предпринимательства будут всегда – они неустранимы. Речь может идти лишь об их изучении, смягчении, контроле и корректировке.

Для реализации этой цели в Беларуси начала функционировать система Оценки регулирующего воздействия государства на развитие предпринимательства. Начальным этапом для него являются социологическая и экспертная оценки, учитывающие не только эффективность государственного регулирования, но и налаживающие диалог власти и предпринимательства в отношении факторов и условий ведения бизнеса.

Поступила 29.10.2020 г.

Л. Г. ТИТАРЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск,
e-mail: larissa@bsu.by*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ТРУДОВУЮ АКТИВНОСТЬ РАБОТНИКОВ

Влияние цифровой трансформации экономики на трудовую активность работников неоднозначно. Оно зависит от ряда объективных условий (высокий уровень развития техники и технологий, социальные институты, потребность экономики в цифровизированных профессиях) и субъективных факторов (мотивация работников на получение цифровых знаний, готовность применять их в трудовом процессе). Без наличия этих факторов и условий влияние цифровизации на трудовую активность занятого населения минимально.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация труда, трудовой капитал, трудовая активность, информационно-компьютерные компетенции.

L. G. TITARENKO,

*Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Belarusian State University, Minsk, e-mail: larissa@bsu.by*

THE DIGITAL TRANSFORMATION IMPACT FOR EMPLOYEES' LABOR ACTIVITY

The economy digital transformation impact on the employees' labour activity is ambiguous. It depends on several objective conditions, such as a high level of technological development, social institutions, and the economy necessity for a digitalized profession. Also, the impact depends on subjective factors such as employees' motivation to acquire digital knowledge and readiness to apply it in the labour process. In absence of these factors and conditions, the digitalization impact on the labour activity of employees is minimal.

Keywords: digital transformation, labour digitalization, labour capital, labor activity, IT competencies.

Цифровизация экономики официально объявлена в Беларуси приоритетной целью, достижение которой поможет поднять благосостояние всего населения и повысить конкурентоспособность страны на международной арене. Об этом прямо говорится в Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. [1]. По сути дела, речь идет о радикальном реформировании экономики страны, ее бизнес-среды на основе внедрения совершенно новых технологий, развития и использования новой техники, получения новых товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью. Процесс цифровой трансформации по-разному протекает в каждой

стране и отрасли экономики. Это зависит от доминирующего технологического уклада, капиталовложений, институциональной поддержки, эффективности управления и наличия подготовленных кадров, поскольку сегодня человеческий капитал не меньше, чем технологии и информация, становится решающим фактором цифровизации. В трудовой сфере процесс цифровой трансформации потребует новых знаний и компетенций от субъектов трудовых процессов на всех уровнях – от руководителей, создателей инноваций, организаторов перемен до рядовых участников трудового процесса. Цифровая трансформация так или иначе оказывает влияние на всех участников, причем в чем-то оно будет сходным, а в чем-то совершенно разным. Для определения этого влияния полезной будет теоретическая модель, которая покажет, какие элементы цифровой трансформации наиболее сильно влияют на лиц, занятых в ее практической реализации.

Существуют различные теоретические модели, объясняющие причины и следствия воздействия цифровой трансформации на трудовую активность, некоторые из них учитывают как позитивные, так и возможные негативные влияния цифровизации. Одни модели учитывают эти влияния на макроуровне, другие – на микроуровне. Так, если на макроуровне возможным негативным следствием будет ухудшение состояния экологической среды, рост киберпреступности, то на уровне отдельного человека это потеря работы в связи с недостатком квалификации в новых технологических условиях, высокий уровень техностресса, особенно в большом городе. Каждая из моделей связана с определенным научным подходом к проблеме цифровизации. Одной из самых распространенных является экономическая модель. Она занимает в литературе и популярных публикациях доминирующее место, так как экономика – это фундамент развития народного хозяйства страны. В этой модели основная роль отводится экономической эффективности процесса цифровой трансформации, будь то управление государством или производство товаров [2; 3]. Все показатели являются количественными и характеризующими отрасль, а не индивида. Особо подчеркивается, что роль сектора «Информация и связь» в ВВП республики постепенно возрастает: за 9 месяцев 2020 г. ее валовая добавленная стоимость составила 7,3 % [4]. Доля врачей в государственных организациях здравоохранения, имеющих возможность выписки рецептов на лекарственные средства в электронном виде, в 2019 г. составила 95 %, количество интернет-пользователей достигло 82,8 %, а доля домохозяйств, имеющих доступ к Интернету – 82 % [5]. В то же время остается неизвестным, насколько реально врачи или члены домохозяйства используют Интернет в своей деятельности, каковы результаты этого использования.

В отличие от экономической модели, социологическая модель, объясняющая влияние цифровизации на работника трудового процесса, фокусируется на человеке, то есть отвечает на вопросы, что именно дает цифровизация человеку труда, какие новые требования к нему предъявляет и может ли человек труда успешно адаптироваться к ним, при этом получив удовлетворение своих инте-

ресов (в форме роста зарплаты, приобретения новых компетенций, знаний и ИКТ) [6]. Социологическая модель раскрывает мотивы и стимулы труда в цифровой экономике, анализирует место и роль социальных условий в проведении цифровых преобразований. При этом реальное влияние цифровизации может не соответствовать представлениям, сложившимся в СМИ. Определяя влияние цифровой трансформации на трудовую активность работников, мы не можем игнорировать ни фактов, свидетельствующих о недостаточном уровне цифровизации экономики сегодня, ни мифов, которые популярны в массовом сознании.

В массовом сознании бытуют несколько мифов о цифровизации. Первый из них состоит в уверенности, что процесс цифровой трансформации почти автоматически может сделать экономику страны передовой и конкурентоспособной, приведет к росту ее инновационности. Этот миф чем-то напоминает другой, популярный в конце 1980-х гг., когда утвердилось мнение, что переход к рынку сам по себе решит все проблемы советской экономики и выведет ее на передовой уровень. Потребовалось десятилетие разочарований, чтобы люди осознали: автоматического прогресса не бывает, рынок сам по себе – только средство в руках управленцев, усилия которых в значительной степени (но не полностью!) определяют результат. То же с нынешней цифровизацией: многие люди, включая ученых, верят в автоматизм ее действия, тогда как мировой опыт уже доказал, что это невозможно. Цифровая трансформация происходит по-разному в различных странах и регионах, и результаты ее зависят от наличных ресурсов не меньше, чем от других факторов.

Второй миф сложился о человеческом капитале. В мире науки еще со времен Пьера Бурдьё стал популярен тезис об огромной роли человеческого капитала в экономическом развитии. В общем случае это верно. Однако эффект данного вида капитала зависит от конкретных условий его приложения. Если в стране нет большого спроса на людей с высокообразованным человеческим капиталом, а в структуре экономики не хватает позиций, требующих такого уровня капитала от работников, капитал остается невостребованным. Специалисты либо вынуждены уезжать в другие места, либо довольствоваться рабочим местом, не соответствующим их знаниям и навыкам, а заодно умерять свои потребности, которые не могут быть удовлетворены.

Третий миф касается быстрого перехода на цифровые профессии в экономике. На Западе появилось очень много литературы о том, что старые профессии быстро умирают, им на смену приходят новые, поэтому даже высшее образование теряет смысл – так быстро устаревают полученные знания. На основе этого мифа студенты не хотят изучать фундаментальные дисциплины, требуют ориентации на практику в ущерб базовым наукам, которые формируют их общий уровень знаний, мироощущение, умения разобраться в происходящих процессах и определиться с собственной позицией в мире труда. Тем не менее, по некоторым подсчетам, только 7 % профессий уже полностью цифровизо-

ваны и примерно в два раза больше находятся в процессе цифровизации [7]. Остальные профессии пока остаются прежними. Значит, подготовка специалистов по этим профессиям может протекать без особых изменений. Вероятно, еще очень долго будет востребован труд учителя, психолога, врача, который не может быть полностью цифровизован, так как эти профессии предполагают, прежде всего, коммуникацию по типу «лицом-к-лицу».

Четвертый миф – о том, что высококвалифицированный специалист всегда востребован и легко найдет себе хорошее место на рынке труда. Однако нынешний рынок труда достаточно узок и не требует большого числа лиц с высокой квалификацией, включая овладение ИКТ. Спрос на лиц с квалификацией, соответствующей цифровым профессиям, в Беларуси (да и в России) недостаточен (не случайно немало айтишников работают на зарубежных работодателей, где спрос и зарплата выше). Возможно, они найдут применение своим силам и знаниям в своей стране, но не сразу, тогда как известно, что «человеческий капитал дает отдачу, если максимально востребован рынком труда, то есть используется в полной мере, по назначению и эффективно» [8, с. 131].

В настоящее время на практике, несмотря на проникновение процессов цифровизации в ряд отраслей экономики, имеет место и даже увеличивается разрыв между отраслями по их технической оснащенности (а следовательно, и по зарплатам: средняя зарплата по стране в четыре раза ниже, чем средняя зарплата в сфере информационных услуг). В Беларуси эта оснащенность выше всего в Минске, поэтому специалисты из других регионов стремятся найти именно здесь работу, а выпускники минских вузов не хотят покидать столицу. В этом нет ничего особенного, так как в любой стране цифровизация отраслей может отличаться по темпам и уровню реализации. Теоретическая модель цифровой трансформации должна учитывать эти важные следствия неравномерной цифровизации при определении ее влияния на трудовую активность лиц, занятых в разных отраслях.

Нужно принять во внимание и тот факт, что цифровизация труда может повышать у занятого населения уровень техностресса и создавать ситуацию, в которой новые информационные технологии приводят к ухудшению качества жизни работников, в частности – нервным срывам, другим болезням, способствовать неуверенности человека в себе, снижению удовлетворенности трудом. Подбор кадров на то или иное рабочее место должен учитывать технострессоустойчивость кандидатов, чтобы негативное влияние быстрой цифровой трансформации, помноженное на стрессы обитания в большом городе, не снижало качество жизни населения или его части.

Наконец, цифровая трансформация труда может приводить к определенной профессиональной дискриминации – резкому разрыву между работниками с высокой цифровой культурой, использующими ее в труде, и остальными лицами, занятыми в трудовом процессе. Это особенно опасно в связи с неравномерностью цифровизации разных отраслей и профессий. Постепенно часть

занятых в трудовой сфере работников может выделиться (по факту уже выделилась) как носители и пользователи высокого «информационного капитала», а другие работники будут не в состоянии даже его сформировать, если их рабочее место не требует использования ИКТ. Обладатели информационного капитала могут стать группой виртуально занятых работников, сделать свой дом офисом, а лица, не использующие ИКТ, будут продолжать заниматься традиционной работой вне дома, то есть занимать иную позицию и иметь другой социальный статус. Эта негативная тенденция влияния цифровизации на трудовую сферу вполне реальна, так как далеко не так много профессий уже стали цифровизованными или находятся на пути к этому.

К настоящему времени имеется немного профессий, которые требуют активного использования ИКТ. Если обратиться к опубликованным данным по России¹ и при этом учесть, что по международным рейтингам цифровой экономики Россия (как и другие соседние страны, за исключением Украины) обгоняет Беларусь [9, с. 103], можно обнаружить, что только 11,1 % всего занятого российского населения составляют лица, занятые в профессиях, связанных с интенсивным использованием ИКТ [10, с. 76]. При этом собственно специалистов по ИКТ меньшинство – 2,5 %. Остальное население по-прежнему занято в отраслях и профессиях, которые не требуют высокого уровня знания и использования ИКТ. Отсюда понятно, что цифровизация экономики пока еще не затронула большинство работников. Поэтому и влияние цифровизации на группы занятых в трудовой деятельности будет различным.

Назовем наиболее важные, на наш взгляд, критерии, на основе которых можно выделить разные группы занятых лиц по уровню влияния на их труд процесса цифровой трансформации. Первый критерий – возраст. Во всем мире отмечается закономерность: чем моложе специалисты, тем больше у них возможностей заниматься профессиями, связанными с интенсивным использованием ИКТ. По тем же российским данным, лица моложе 30 лет составляют 32 % специалистов по ИКТ, и еще 35,8 % приходится на долю лиц 30–39 лет, тогда как на группы лиц старше 50 лет в этой сфере приходится менее 14 % [10, с. 79]. В целом, более 53 % специалистов по ИКТ в России моложе 35 лет. Сходная картина занятости в других постсоветских странах, в отличие от Западной Европы, где кадры моложе 35 лет составляют около трети среди таких специалистов. Очевидно, что это «цифровая элита», которая пользуется всеми благами цифровизации: большая зарплата, высокая мобильность в труде и проведении свободного времени, возможности профессионального и карьерного роста, доступность многих потребительских услуг. Вторая возрастная группа (старше 35 лет) уже имеет меньше таких возможностей трудоустроиться в данную сферу, а в отношении лиц 50+ зачастую проявляется эйджизм. Если работники этой группы объективно дискриминируются, на них влияние процессов цифровой

¹ Аналогичных данных по Беларуси мы не нашли.

трансформации минимально, а субъективно у них нет ни мотивов, ни стимулов для участия в этих процессах.

Данные белорусского национального опроса также подтверждают, что поколение молодежи в наибольшей степени использует возможности цифровизации, тогда как остальные поколения несколько отстают. Судя по результатам, в 2016 г. почти 90 % лиц старше 16 лет были пользователями Интернета, среди них возрастная группа 16–29 лет – более 97 %, 30–39 лет – около 90 %, в группе 40–49 лет – 86 %, 50–59 – 82 %, среди лиц старше 60 лет – чуть менее 77 % [11, с. 148]. Эти данные демонстрируют, что хотя все возрастные группы вовлечены в использование ИКТ, с возрастом таких людей становится меньше. Отсюда – и упомянутый феномен техноэйджизма, то есть исключения пожилых людей из цифровой сферы со ссылками на то, что они якобы вообще неспособны осваивать цифровые технологии [12, с. 237].

Второй критерий, или фактор цифровой стратификации – образование. Естественно, лица, имеющие высшее образование, связанное с ИКТ, обладают преимуществами по сравнению с теми, кто его не получил. Однако, во-первых, само наличие высшего образования не гарантирует преимуществ (в России среди продавцов палаток и ларьков значительная часть тоже имеет высшее образование, равно как и среди социальной группы охранников). Во-вторых, в сфере ИКТ многие имеют не высшее, а среднее специальное образование. Вообще и в России, и в Беларуси уровень лиц с высшим образованием, занятых в экономике, превышает требуемый образовательный уровень кадров для выполнения того рода деятельности, которой они реально занимаются на рабочих местах: их потенциальный человеческий капитал не востребован. Поэтому фактор образования важен только в единстве с возрастом и с учетом сложившейся структуры рынка труда. Большая численность лиц с высшим образованием, имеющаяся в Беларуси (а по данным статистики, высшее образование имеют порядка 18 % граждан, еще 26 % – среднее специальное), вкуче с низкой производительностью труда означает, что потенциал и человеческий капитал занятых в белорусской экономике лиц не используется в полной мере. Та же картина в России. Поэтому такие работники, скорее всего, будут относиться к третьей выделенной в данной статье группе по степени влияния на них цифровой трансформации.

Важно добавить, что на практике цифровизация далеко не всегда приводит даже к росту экономики и тем более не обязательно увеличивает возможности для развития личности работника, его трудового капитала (как неотчуждаемого вида человеческого капитала). Люди, занятые в процессе цифровизации или стремящиеся к цифровым профессиональным практикам, не всегда осознают, что в этом процессе нет прямой детерминации «цифровизация – экономический успех – рост доходов». Успех и результаты цифровизации во многом зависят от объективных условий, в которых она происходит или должна проходить. Нехватка инвестиций в отрасль или падение рыночного спроса на конечные

продукты деятельности отрасли, узость рынка, требующего ИКТ-специалистов, могут препятствовать росту экономики и соответственно доходов и уровня жизни работников.

Бесспорно, «человеческий капитал выступает важным фактором экономического роста», однако влияние человеческого капитала (то есть лиц, владеющих знаниями и ИКТ) на экономику «зависит от востребованности образования и квалификации на рынке труда» [8, с. 129]. Даже в России – наиболее успешной стране ЕАЭС – оптимальных условий для этого пока нет. Если человеческий капитал в целом включает врожденные способности, приобретенные знания, навыки, умения человека, а также мотивации, которые он использует для удовлетворения своих потребностей, то трудовой капитал относится только к знаниям, навыкам, компетенциям, которые индивид приобретает и затем использует для удовлетворения своих потребностей и интересов в реальной сфере труда. Когда рабочее место не предоставляет возможности использовать цифровые знания и компетенции, их влияние и на процесс труда, и на его результаты (включая благосостояние работника) минимально.

Можно предположить, что выделенные нами три основные группы занятых в трудовой сфере репрезентируют три уровня влияния, оказываемого процессами цифровизации на работников и объективно дифференцирующего их по результатам труда. Первая группа: работники, занятые в сферах, требующих интенсивного использования ИКТ, испытывающие влияние цифровой трансформации в наибольшей мере, причем главным образом положительное. Их уровень знаний и ИКТ полностью востребован на рынке труда. Вторая группа: работники, лишь незначительно использующие на рабочем месте ИКТ, поскольку такие компетенции мало востребованы. На них цифровизация оказывает минимальное влияние в трудовом процессе. В отличие от первой группы, они испытывают различные негативные воздействия цифровизации. Третья группа: лица, чьи профессии вообще не подверглись цифровизации и в ближайшее время не будут ею затронуты. Они в той или иной мере пользуются ее плодами в повседневной жизни, но это никак не отражается на трудовой активности, хотя негативные следствия цифровизации все же влияют на них (низкая зарплата, минимальные возможности продвижения по службе, угроза сокращения и т. п.).

Данные исследования, недавно проведенного в Санкт-Петербурге, подтверждают наличие в структуре трудоспособного городского населения разнородных групп, испытывающих разное влияние процессов цифровизации. Только те группы, чей труд реально требует использования новых технологий, имеют стимулы повышать цифровую культуру, поскольку их трудовые успехи и оплата труда зависят от освоения ИКТ. Работники, чей труд не требует использования ИКТ, как правило, не имеют и мотивации для их освоения и повышения квалификации: она не востребована. Если по возрасту эти работники входят в группу 50+, они еще меньше заинтересованы в изучении ИКТ, и цифровая трансформация на них напрямую не влияет. В случае необходимости освоения

ИКТ на их рабочем месте они могут сменить работу, чтобы избежать затрат своего труда на освоение цифровых технологий. В целом лишь 38 % опрошенных были согласны повышать свои цифровые компетенции. Большинству опрошенных, по их словам, хватает имеющихся знаний для выполнения профессиональных обязанностей. Только около 30 % сказали, что им надо постоянно обновлять знания ИКТ или что этого требует их рабочее место. Результаты исследования подтвердили, что не каждое рабочее место требует роста цифровой культуры работников, поэтому не все работники заинтересованы в ее повышении. При этом большинство опрошенных пользуются информационными технологиями в повседневной жизни [13, с. 128]. Следовательно, влияние цифровизации повседневной жизни людей может и не стимулировать рост их цифровой культуры, потенциально востребованной в трудовой деятельности.

Конечно, процесс воздействия цифровой трансформации на трудовую деятельность индивидов может проходить и по другой схеме: молодые люди целенаправленно осваивают ИКТ в годы учебы и делают это применительно как к процессу образования, так и будущей профессии, причем независимо от того, насколько активно они сами используют цифровые технологии в повседневной жизни. Затем эти молодые люди ищут место на рынке труда, которое позволит им использовать имеющиеся ИКТ и осуществлять профессиональный рост, то есть наращивать свой трудовой капитал. Исследование в Санкт-Петербурге наглядно показало, что возрастная группа 18–29 лет – самая мотивированная в изучении ИКТ и самая опытная в их использовании на рабочем месте, а также чаще других выражающая желание постоянно обновлять свои знания ради карьерного роста. Представители этой группы имеют высшее или среднее образование. Эта группа, видимо, будет и в обозримом будущем больше других социально-демографических и профессиональных групп получать дивиденды от цифровизации трудовой деятельности, если окажется в соответствующих условиях на рынке труда.

Список использованных источников

1. Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Минск, 2016. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i-informacionnogo-obshchestva>. – Дата доступа: 12.05.2018.
2. Головенчик, Г. Г. Цифровая трансформация и экономический рост (на примере белорусской экономики) / Г. Г. Головенчик, М. М. Ковалев // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. – 2018. – № 1. – С. 102–121.
3. Корчагин, С. Цифровая экономика и трансформация механизмов государственного управления. Риски и перспективы для России / С. Корчагин, Б. Польшиков // Свободная мысль. – 2018. – № 1. – С. 23–36.
4. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–сентябре 2020 года [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_18277/. – Дата доступа: 22.10.2020.

5. Краткая информация о реализации Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] / М-во связи и информатизации Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/kratkaya-informaciya-o-realizacii-gosudarstvennoy-programmy-razvitiya-cifrovoy-ekonomiki-i>. – Дата доступа: 12.10.2020.
6. *Киселева, Л. С.* Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы / Л. С. Киселева, А. А. Семёнова // Проблемы деятельности ученого и науч. коллективов. – 2018. – № 4. – С. 157–169.
7. *Тощенко, Ж. Т.* Общество травмы: между революцией и эволюцией / Ж. Т. Тощенко. – М. : Весь мир, 2020. – 352 с.
8. *Гимпельсон, В. Е.* Нужен ли российской экономике российский капитал? / В. Е. Гимпельсон // Вопр. экономики. – 2016. – № 10. – С. 129–143.
9. *Лузгина, А.* Цифровая трансформация национальной экономики: вызовы и перспективы развития / А. Лузгина // Банк. вестн. – 2020. – № 3. – С. 100–105.
10. Цифровая экономика – 2020: краткий стат. сборник [Электронный ресурс]. – М., 2020. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/323871553>. – Дата доступа: 03.10.2020.
11. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. – Минск : ИАЦ, 2018. – 208 с.
12. *Смирнова, О. В.* Цифровое неравенство в национальном контексте стран СНГ / О. В. Смирнова // Век информации. – 2017. – № 2. – С. 237–238.
13. *Карапетян, Р. В.* Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения / Р. В. Карапетян, И. Л. Сизова, М. А. Бакаев // Вестн. Ин-та социологии. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 111–134.

Поступила 01.11.2020 г.

С. В. ХАМУТОВСКАЯ,
*кандидат социологических наук, доцент
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ДОСТУП К ИНТЕРНЕТУ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье выявляется степень доступности Интернета для населения Республики Беларусь в целом, а также в зависимости от социально-демографических характеристик. Определяются цели и специфика применения Интернета гражданами нашего государства, удовлетворенность качеством предоставляемых им услуг, уровень востребованности блогов и форумов, социальных сетей и мессенджеров как источников информации.

Ключевые слова: цифровизация, информационно-коммуникационная инфраструктура, доступ к Интернету, «полезное использование», электронные правительственные услуги.

S. V. KHAMUTOUSKAYA,
*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk*

ACCESS TO THE INTERNET AS A NECESSARY CONDITION FOR THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

The article identifies the extent of the Internet accessibility to the population of the Republic of Belarus in general, and in depending on socio-demographic characteristics. The objectives and specifics of using the Internet by citizens of our country, satisfaction with the quality of the services provided to them, the level of demanding blogs and forums, social networks and messengers as sources of information are determined.

Keywords: digitalization, information and communication infrastructure, Internet access, “usability”, e-government services.

В настоящее время в большинстве современных государств мира, в том числе в Республике Беларусь, быстрыми темпами осуществляется цифровая трансформация, происходит интенсивное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности людей, а также в работу органов государственной власти и управления. Соответственно, все чаще информация переводится в цифровую форму, что имеет как определенные преимущества (например, создание более благоприятных и «прозрачных» условий для ведения бизнеса, производства и т. п.), так и недостатки. Среди последних особенно выделяются усиление социального и цифрового межстранового неравенства, углубление социально-экономического расслоения между

социальными группами в рамках конкретного общества, что, в свою очередь, вызывает сложности в реализации принципа инклюзивности государственного управления, оказании электронных услуг, а также обеспечении эффективности деятельности электронных правительств. Одним из наиболее значимых инфраструктурных барьеров, возникающих в ходе цифровизации современных обществ, является доступ к Интернету. Как указывается в обзоре «Исследование Организации Объединенных Наций: Электронное правительство 2018», несмотря на стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и увеличение скорости, а также масштабов распространения Интернета, людей без доступа к последнему «во всем мире до сих пор больше, чем тех, у кого он есть» [1, с. 34]. В частности, согласно оценкам экспертов ООН, в 2017 г. немногим менее половины населения земного шара (48 %) применяли Интернет. В Европе пользователи Интернета составляли почти 80 % от всего населения, в государствах Содружества Независимых Государств (СНГ) – 68 %, в странах Северной и Южной Америки – 66 %, в Африке – 22 % [1, с. 28]. Особенно остро данная проблема проявляется в государствах с низким уровнем доходов. К примеру, в результате исследований ООН было зафиксировано, что в 2016 году в подобных странах всего лишь 12 человек из каждых 100 применяли Интернет, в то время как в странах со средним уровнем дохода – 42 человека на каждые 100 [1, с. 34]. Интересным является и тот факт, что наряду со сложностями технического характера, встречаются причины неиспользования людьми в современном мире Интернета в связи с отсутствием восприятия его самого и выгод, предоставляемых им как ценности, а также в связи с отсутствием необходимой грамотности. Так, «согласно докладу Национального управления электросвязи и информации за 2013 год, в США около половины людей, которые не пользуются интернетом, говорят, что он их просто не интересует. Более недавние исследования, проведенные в Бразилии, также показывают, что у 7 из 10 человек отсутствует интерес или навыки для выхода в интернет» [1, с. 36]. Исходя из вышесказанного, цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить, в какой степени Интернет¹ в течение нескольких последних лет доступен населению Республики Беларусь и какова специфика его применения. Последняя имеет важное значение для формирования представлений о так называемом «полезном использовании» Интернета. Данный термин «описывает разницу между доступом и тем, как люди его используют» и «служит решающим фактором, который влияет на то, могут ли люди воспользоваться преимуществами электронных правительственных услуг» [1, с. 35].

Прежде всего, следует отметить, что в обзоре «Исследование Организации объединенных наций: Электронное правительство 2018» подчеркивается, что

¹ Под Интернетом подразумевается «совокупность взаимосвязанных международных сетей передачи данных, основанных на использовании набора протоколов ТСП/IP и использующих единое адресное пространство» [2, с. 12].

в современных информационных обществах для того, чтобы в полной мере иметь возможность пользоваться «преимуществами от развития электронного правительства, необходим высокоскоростной широкополосный доступ и большая пропускная способность» Интернета [1, с. 35]. В Беларуси в 2018 г. количество абонентов и пользователей стационарного широкополосного доступа¹ в Интернет на 100 человек населения составляло 33,9, а беспроводного широкополосного доступа² – 86,1. Количество пользователей (физических лиц) электронных услуг общегосударственной автоматизированной информационной системы на 100 человек населения равнялось 12. Удельный вес домашних хозяйств³ с доступом в Интернет в общем числе домашних хозяйств составлял 78 % [2, с. 22]. Как указывается в «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года» (НСУР-2030), в нашей стране ожидается рост количества интернет-пользователей на 100 жителей с 55 единиц в 2015 г. до 71 в 2030 г. [3, с. 62].

В результате выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни⁴, проведенного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2018 г., было установлено, что удельный вес населения, пользующегося Интернетом в указанный период, составлял 79,1 %⁵ [4, с. 470]. В том числе 83,1 % были горожанами и жителями поселков городского типа, 67,9 % – жителями сельской местности. В территориальном разрезе наибольший доступ к Интернету имели граждане, проживающие в столице, – 87,3 %. В Гомельской области Интернет был доступен 79 % населения, в Могилевской – 78,7 %, в Гродненской – 78,3 %, в Витебской – 78 %, в Брестской – 75,3 %, в Минской – 74,4 % [2, с. 81].

По такому признаку, как пол, различий обнаружено не было: в 2018 г. 79,3 % мужчин и 79 % женщин имели доступ к Интернету [2, с. 81].

Информация о доступе к Интернету в зависимости от возраста граждан представлена в табл. 1.

¹ Стационарный широкополосный доступ в Интернет представляет собой «подключение абонента (пользователя) к сетям передачи данных на скорости 256 Кбит/с и более в одном или обоих направлениях с использованием кабельного модема (по технологии DOCSIS), по технологиям xPON, xDSL, Ethernet, Wi-Fi, WiMAX и другим технологиям» [2, с. 13].

² Беспроводной широкополосный доступ в Интернет представляет собой «подключение абонента к сетям сотовой подвижной электросвязи с доступом к сетям передачи данных со скоростью 256 Кбит/с и более в одном или обоих направлениях. К технологиям беспроводного широкополосного доступа относятся такие, как W-CDMA, HSDPA, CDMA2000 1xEV-DO, CDMA 2000 1xEV-DV, UMTS и другие» [2, с. 13].

³ Под домашним хозяйством следует понимать группу лиц, «которые совместно проживают в жилом помещении, обеспечивают себя всем необходимым для жизни, ведут общее хозяйство, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства, либо лицо, живущее самостоятельно и обеспечивающее себя всем необходимым для жизни» [2, с. 16].

⁴ Выборочное обследование домашних хозяйств по уровню жизни представляет собой «несплошное государственное статистическое наблюдение, ежегодно проводимое органами государственной статистики в целях получения официальной статистической информации о различных аспектах уровня, качества и условий жизни населения» [2, с. 16]; в обследовании принимали участие жители Республики Беларусь в возрасте от 6 до 72 лет.

⁵ В процентах от общей численности населения Республики Беларусь в возрасте от 6 до 72 лет.

Таблица 1. Доступ населения Республики Беларусь различных возрастных групп к Интернету (по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни), в % от численности населения соответствующей группы [4, с. 471]

Интернет-пользователи по возрастным группам, лет	2018 г.
6–15	90,8
16–24	98,7
25–54	90,4
55–64	60,0
65–72	33,4

Анализ приведенных в табл. 1 данных показывает, что наибольшими возможностями применять Интернет в 2018 г. обладали белорусы в возрасте от 16 до 24 лет, а наименьшими – от 65 до 72 лет. Из данных другой таблицы видно поступательное увеличение количества граждан в нашей стране, имевших доступ к Интернету в период с 2013 по 2018 гг. во всех возрастных категориях, участвовавших в обследовании (табл. 2).

Таблица 2. Доступ населения Республики Беларусь различных возрастных групп к Интернету (по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни в период с 2013 по 2018 гг.), в % от численности населения соответствующей группы [4, с. 471]

Интернет-пользователи по возрастным группам, лет	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
6–15	76,9	79,7	82,0	85,8	86,0	90,8
16–24	96,4	96,2	98,1	98,1	98,6	98,7
25–54	67,4	74,0	78,5	83,3	87,3	90,4
55–64	26,5	33,3	37,6	44,7	52,3	60,0
65–72	9,1	16,3	18,4	22,6	27,9	33,4

В 2018 г. наличие доступа к Интернету в зависимости от уровня образования наиболее часто отмечалось среди населения Беларуси с высшим образованием, наименее – со средним (табл. 3).

Таблица 3. Доступ населения¹ Республики Беларусь с различным уровнем образования к Интернету (по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни), в % от численности населения соответствующей группы [4, с. 471]

Уровень образования	2018 г.
Высшее	91,7
Среднее специальное	78,2
Профессионально-техническое	68,2
Среднее	62,1
Базовое, начальное, нет образования	86,1

¹ Население в возрасте от 6 до 72 лет.

При этом относительно данного показателя в период с 2013 по 2018 гг. также наблюдалась положительная динамика, характеризующаяся увеличением количества граждан Республики Беларусь с различным уровнем образования, имеющих доступ к Интернету (табл. 4).

Таблица 4. Доступ населения¹ Республики Беларусь с различным уровнем образования к Интернету (по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни в период с 2013 по 2018 гг.), в % от численности населения соответствующей группы [4, с. 471]

Уровень образования	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Высшее	77,6	82,3	84,2	86,7	89,2	91,7
Среднее специальное	53,4	59,9	64,7	69,5	73,6	78,2
Профессионально-техническое	45,7	51,3	55,4	57,9	61,3	68,2
Среднее	44,9	47,5	51,4	54,5	58,7	62,1
Базовое, начальное, нет образования	69,4	73,8	68,6	75,7	83,1	86,1

Кроме того, было выявлено, что в 2018 г. 95,4 % населения обращались к сети Интернет через проводную сеть или через Wi-Fi преимущественно дома; 43,8 % – у друзей, родственников и знакомых; 25 % – по месту работы; 23 % – в компьютерных клубах, кафе и т. п.; 5,5 % – по месту учебы. Применяли Интернет в любом месте через сеть сотовой подвижной электросвязи 76,4 % опрошенных [4, с. 470].

В число основных целей выхода в Интернет жителями обследованных домашних хозяйств были включены (по мере убывания)²: поиск информации (93,7 %); просмотр и скачивание фильмов, прослушивание и скачивание музыки и т. д. (86,4 %); общение в социальных сетях (80,2 %); отправка, получение электронной почты, переговоры (60,8 %); чтение, скачивание газет, журналов, литературы (59,3 %); компьютерные игры (51,2 %); осуществление финансовых операций (40,9 %); покупка, заказ товаров, услуг (38,2 %); цели образования (22,9 %); осуществление взаимодействия с органами государственного управления (16,5 %) [2, с. 85].

В целом в 2018 г. граждане Беларуси, пользующиеся Интернетом, были «полностью удовлетворены» либо «скорее удовлетворены» качеством услуг (табл. 5).

По данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в ноябре 2019 г.³, в совокуп-

¹ Население в возрасте от 6 до 72 лет.

² В сумме более 100 %, так как респондентам предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответов на поставленный вопрос.

³ Исследование осуществлялось в рамках задания 3.1.05 научно-исследовательской работы отдела социологии культуры на 2016–2020 гг. «Исследование социокультурных механизмов и факторов консолидации белорусского общества» (ГПНИ на 2016–2020 гг. 12 «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма «Социология и философия»). Исследование проводилось во всех областях и городе Минске; средний объем выборки, необходимый для достижения целей исследования, составил 1800 респондентов; использовалась случайная республиканская многоступенчатая территориальная выборка с контролем квот на последнем этапе; погрешность исследования составила 2,3 % при уровне значимости 0,05; выборка репрезентативна.

Таблица 5. Степень удовлетворенности населения качеством услуг Интернета (по данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни), в % к итогу [2, с. 87]

Интернет-пользователи	Всего	В том числе по степени удовлетворенности качеством услуг сети Интернет				
		полностью удовлетворены	скорее удовлетворены	и да, и нет	скорее не удовлетворены	совершенно не удовлетворены
<i>По возрасту:</i>						
в возрасте 16–72 лет	100	44,9	40,4	9,5	4,9	0,3
<i>По полу:</i>						
мужчины	100	43,3	41,8	9,7	4,9	0,3
женщины	100	46,1	39,5	9,3	4,8	0,3
<i>По месту проживания:</i>						
города и поселки городского типа	100	45,6	40,7	8,5	5,0	0,2
сельские населенные пункты	100	42,1	39,6	12,9	4,5	0,9
<i>По областям и г. Минску:</i>						
Брестская	100	38,4	42,2	12,7	6,0	0,7
Витебская	100	52,2	35,1	9,3	3,3	0,1
Гомельская	100	42,5	40,2	12,6	4,4	0,3
Гродненская	100	51,1	39,2	6,6	2,8	0,3
г. Минск	100	38,0	44,6	8,2	9,0	0,2
Минская	100	48,9	37,0	11,3	2,5	0,3
Могилевская	100	50,0	41,9	5,0	2,8	0,3

ности 69,6 % опрошенных выразили удовлетворение качеством мобильной связи и доступностью Интернета в тех населенных пунктах, где они проживают. Обратной позиции в совокупности придерживались 19,8 % респондентов. Всего лишь 1,2 % граждан не смогли дать какую-либо оценку, так как, по их собственному мнению, у них не было возможности этим пользоваться. Еще 8,7 % указали на то, что у них отсутствовала необходимость применять мобильную связь и Интернет.

В ходе распределения ответов белорусов на вопрос «Для чего Вы обычно используете Интернет?»¹ лидирующие позиции заняли: «общаюсь с родственниками, друзьями, знакомыми» (59,2 %); «слушаю музыку, смотрю фильмы, читаю книги и прочее» (53,4 %); «ищу информацию, расширяю кругозор» (50,9 %).

Оставшиеся ответы имели следующий вид (по степени убывания): «слежу за новостями в стране и мире» (48 %); «для работы, учебы» (41,1 %); «совершаю онлайн-платежи, денежные переводы» (35,4 %); «пользуюсь онлайн-услугами (заказ талона, онлайн-заказы товаров в магазине, бронирование билетов и пр.)» (33,1 %); «для игр» (23,7 %); «другое» (1,2 %).

При этом более половины населения Беларуси – 66 % – указали, что для выхода в Интернет применяли мобильный телефон или смартфон; 27 % – ноутбук;

¹ В сумме более 100 %, так как респондентам предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответа на поставленный вопрос.

19 % – стационарный компьютер; 10,2 % – планшет. С помощью данных устройств обращались к Интернету практически ежедневно 68,7 % граждан, несколько раз в неделю – 7,8 %, несколько раз в месяц – 1,6 %, несколько раз в год либо реже раза в год – соответственно по 0,3 %.

По итогам мониторинга социально-экономической и политической ситуации в Республике Беларусь, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в декабре 2019 г.¹, было установлено, что 67,2 % респондентов использовали Интернет, наряду с телевидением (64,6 %), в качестве одного из основных источников получения информации. С этой целью, например, 30,9 % белорусов применяли блоги, форумы в Интернете, 33,1 % – социальные сети, 19,8 % – мессенджеры (Viber, Skype, WhatsApp, Telegram и др.).

С использованием пятибалльной ранговой шкалы был рассчитан средний балл оценки респондентами различных качеств блогов и форумов в Интернете, социальных сетей, а также мессенджеров как источников информации (табл. 6).

Таблица 6. Средний балл оценки респондентами оперативности подачи, новизны, актуальности, полноты, глубины, точности и достоверности информации, предоставляемой блогами и форумами в Интернете, социальными сетями, мессенджерами (2019 г.)

Качество информации	Источник информации		
	Блоги, форумы в Интернете	Социальные сети	Мессенджеры (Viber, Skype, WhatsApp, Telegram и др.)
Оперативность подачи информации	4,20	4,32	4,28
Новизна, актуальность информации	4,20	4,25	4,23
Полнота, глубина информации	3,98	3,88	3,93
Точность, достоверность информации	3,66	3,63	3,82

Данные в табл. 6 наглядно демонстрируют, что, исходя из оценочных суждений респондентов, оперативность подачи и новизна информации в большей степени были присущи социальным сетям; полнота, глубина информации – блогам и форумам в Интернете, а точность и достоверность информации – мессенджерам. Данные выводы, в целом, получили подтверждение и в ходе более существенной оценки выраженности качеств, присущих источникам информации, перечисленным в табл. 6, с использованием метода расчета непараметрического критерия Вилкоксона², посредством которого было выявлено следующее:

1. Оперативность подачи информации население Беларуси ниже всего оценивало для блогов и форумов в Интернете; для социальных сетей и мессендже-

¹ Исследование проводилось во всех областях и городе Минске; средний объем выборки, необходимый для достижения целей исследования, составил 2100 респондентов; использовалась случайная республиканская многоступенчатая территориальная выборка с контролем квот на последнем этапе; выборка репрезентативна.

² Анализ на предмет выраженности качеств источников информации проводился с помощью статистического пакета SPSS, версия 21; критерий Вилкоксона основан на рангах, значим на уровне 0,05.

ров уровень оперативности подачи информации был оценен примерно одинаково (статистические различия не обнаружены).

2. По уровню оценки новизны и актуальности информации между блогами, форумами в Интернете, социальными сетями и мессенджерами статистических различий не наблюдалось.

3. По уровню полноты и глубины информации граждане нашей страны наиболее высоко оценивали блоги и форумы; наиболее низко – социальные сети (статистические различия по этому признаку присутствовали у всех трех рассматриваемых источников информации).

4. Выше всего точность и достоверность информации оценивались для мессенджеров; для блогов, форумов в Интернете и социальных сетей уровень оценки точности и достоверности информации был приблизительно одинаковым (статистические различия не обнаружены).

Помимо получения информации, перечисленные интернет-ресурсы были в различной степени востребованы белорусами и для достижения иных целей (табл. 7).

Таблица 7. Распределения ответов респондентов на вопрос «Для чего Вы используете социальные сети, блоги и форумы в Интернете, мессенджеры (Viber, Skype, WhatsApp, Telegram и др.)?» за 2019 г., в % от числа опрошенных¹

Варианты ответа	Социальные сети	Блоги, форумы в Интернете	Мессенджеры (Viber, Skype, WhatsApp, Telegram и др.)
Для получения информации	33,1	30,9	19,8
Для работы, профессиональной деятельности	17,1	16,5	13,4
Для отдыха, в качестве развлечения	40,4	25,8	16,5
Для обучения, самореализации	20,4	22,8	8,1
Для общения	44,9	15,0	54,8
Не использую	29,1	40,6	29,2

Анализ представленных в табл. 7 данных свидетельствует о том, что посредством социальных сетей и мессенджеров граждане нашей страны чаще всего удовлетворяли свою потребность в общении (в отличие от блогов и форумов в Интернете). При этом наиболее активно люди использовали: Viber (60,3 %); ВКонтакте (44,2 %); YouTube (37,2 %); Одноклассники (34,1 %); Instagram (28,8 %).

Также более половины опрошенных – 62,1 % – в декабре 2019 г. отметили, что им хватало средств на оплату услуг доступа в Интернет; 13,4 % – занимали противоположную позицию; 21,8 % выбрали вариант ответа «Я не трачу на это денег»; всего лишь 1,2 % считали, что им «никогда не хватит на это денег».

Интересным является и тот факт, что по результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в декабре

¹ В сумме более 100 %, так как респондентам предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответа на поставленный вопрос.

2018 г.¹, в указанный период немногим менее половины респондентов (48 %), по их собственному мнению, имели возможность пользоваться услугой электронного обращения в государственные органы (службы), 39,6 % – не имели такой возможности. «При этом, среди имеющих возможность всего 15,2 % респондентов отметили, что на практике пользовались данной услугой. Среди тех, кто не имел возможности применять услугу электронного обращения в государственные органы (службы), 33,8 % хотели бы ею воспользоваться, а 66,2 % считали, что такая услуга им не нужна. Еще 10,8 % опрошенных сказали, что никогда не слышали о подобной услуге» [5, с. 352].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что граждане Беларуси в 2018–2019 гг. в достаточной степени были обеспечены возможностями использовать высокоскоростной широкополосный Интернет. Более того, в течение последнего десятилетия наблюдается положительная динамика относительно наличия доступа к Интернету среди различных категорий населения. При этом в будущем представляется целесообразным обращать больше внимания на развитие «полезного использования», предполагающего, во-первых, более активное обращение населения с помощью Интернет-ресурсов к электронным правительственным услугам, а во-вторых, осуществление диалога и эффективного взаимодействия граждан, бизнеса и органов государственной власти и управления в электронном формате. Особенную значимость все перечисленное имеет в контексте реализации Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. Последняя включает в себя прямые указания на необходимость совершенствования «информационно-коммуникационной инфраструктуры, преодоление проблемы “цифрового неравенства”, содействие конвергенции глобальной сети Интернет и всех областей экономики и общества» [3, с. 63]. Помимо прочих задач, в среднесрочной перспективе в стране планируется:

- «обеспечение правовых, технических и экономических возможностей доступа к современным услугам связи и информационным ресурсам для всех категорий пользователей;
- обеспечение прозрачности, безопасности и удобства коммуникаций между гражданами, бизнесом и государством путем их перевода в электронную форму, развития портала электронных услуг, сервиса электронных обращений;
- развитие электронных услуг на основе интеграции информационных систем и предоставления доступа к открытым данным;
- формирование внутреннего спроса на ИТ-услуги за счет широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий в производственной и социальной сферах, государственном управлении, обороне» [3, с. 63].

¹ Исследование проводилось во всех областях и городе Минске; средний объем выборки, необходимый для достижения целей исследования, составил 2103 респондента; использовалась случайная республиканская многоступенчатая территориальная выборка с контролем квот на последнем этапе; погрешность исследования составила 2,1 % при уровне значимости 0,05; выборка репрезентативна

В свою очередь, в долгосрочной перспективе на первый план выходит «развитие национальной электронной экономики. Акцент будет сделан на обеспечение реализации передовых информационных технологий в государственных органах, реальном секторе экономики, торговле, здравоохранении, образовании и других сферах жизни общества, интеграцию национальной электронной экономики в мировую» [3, с. 63].

Кроме того, основываясь на анализе приведенных выше данных статистики и социологических исследований, необходимо отметить, что в будущем следует учитывать постоянно возрастающую роль мобильных устройств в обеспечении доступа населения Республики Беларусь к Интернету, и своевременно расширять спектр предоставляемых с их помощью онлайн-услуг (в том числе государственных). Этот процесс необходимо сопровождать развитием цифровых навыков среди тех категорий граждан, у которых существует такая потребность, что, в свою очередь, позволит более успешно преодолевать сложности и «барьеры», возникающие на пути цифровой трансформации общества.

Список использованных источников

1. United Nations E-Government Survey 2018 [Электронный ресурс]. – New York, 2018. – Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_Russian.pdf. – Дата доступа: 22.10.2019.
2. Информационное общество в Республике Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Белстат, 2019. – 101 с.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года / Эконом. бюл. Науч.-исслед. эконом. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4. – С. 8–98.
4. Республика Беларусь : стат. ежегодник. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Белстат, 2019. – 472 с.
5. *Хамутовская, С. В.* Электронное участие как механизм повышения эффективности государственного управления / С. В. Хамутовская // Социолог. альманах. – 2020. – Вып. 11. – С. 347–355.

Поступила 29.10.2020 г.

Ю. Г. ЧЕРНЯК,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

ВОСПРИЯТИЕ НАРКОПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности восприятия потребления психоактивных веществ населением Беларуси. В современных условиях в белорусском обществе сформирован социальный запрос на нормативное регулирование проблемы и ужесточение антинаркотического законодательства, оставляющий вне поля зрения другие модели профилактики. Одной из причин этого является низкая степень восприятия значимости проблемы наркопотребления среди жителей страны. Констатируется необходимость оценки эффективности реализуемых профилактических программ на основе социологических исследований.

Ключевые слова: наркопотребление, социальные причины наркопотребления, психоактивные вещества, профилактика наркопотребления.

Y. G. CHERNYAK,

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk*

PERCEPTION OF DRUG-USING BY THE POPULATION IN BELARUS: SOCIOLOGICAL ASPECT

The article examines the perception features of psychoactive substances consumption by the population in Belarus. In modern conditions, inside the Belarusian society, has been formed a social demand for the normative regulation of the problem and the tightening of anti-drug legislation, which doesn't pay attention to other models of prevention. One of the reasons is the low perception level of the importance of the drug-using issue among the population. The necessity of evaluating the effectiveness of the implemented preventive programs based on sociological research is stated.

Keywords: drug-using, social causes of drug-using, psychoactive substances, prevention of drug-using.

Последние десятилетия для большинства постсоветских стран являлись периодом стремительных изменений в социальной, политической, экономической и культурной сферах. Нарастающая в этот период социальная турбулентность закономерно создает новые обстоятельства, в которых существующая ценностная и нормативная регуляция теряет свою силу и функциональность. Как следствие, дезорганизация общества снижает управляемость социальными процессами и эффективность самого управленческого воздействия. В этих условиях создаваемые и поддерживаемые обществом пределы безопасности

не позволяют полностью избавиться от состояния неопределенности, возникновения неблагоприятных процессов и неконтролируемых последствий.

Проблема наркопотребления представляет собой одну из самых значимых проблем современного общества. В частности, согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в 2019 г. почти 35 миллионов человек в мире страдали от расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ. Эти данные позволяют констатировать необходимость принятия сбалансированных и комплексных действий в области здравоохранения и уголовного правосудия, направленных на сокращение предложения наркотиков и спроса на них [3].

В современном белорусском обществе также особую актуальность приобретают высокий уровень и негативная динамика наркопотребления, которые создают реальную угрозу национальной безопасности страны и препятствуют ее устойчивому демографическому, экономическому, социальному и культурному развитию. Подобная ситуация обуславливает необходимость и социальную востребованность научно обоснованной системы противодействия распространению психоактивных веществ с учетом региональной специфики. В частности, в Беларуси приняты три Комплексных плана по противодействию незаконному обороту наркотиков и профилактике их потребления на 2015–2020 гг., реализация которых способствовала стабилизации ситуации, связанной с распространением психоактивных веществ, а также позволила определить новые направления реабилитации и ресоциализации наркопотребителей в стране.

Несмотря на некоторые очевидные успехи в локализации наркопотребления, доминирование рестриктивного подхода не обеспечило полного устранения психоактивных веществ из социального пространства, но вместе с этим позволило зафиксировать в общественном мнении их опасность. Принимаемые превентивные меры непосредственно затронули наркорынок (например, инициировали поиск новых методов и форм распространения психоактивных веществ), но при этом не повлияли на мотивацию потребителей. Возможными причинами этого может считаться изменение структуры потребляемых наркотических веществ, связанное со значительным увеличением удельного веса так называемых легких наркотиков, которые в меньшей степени влекут формирование патологической зависимости и менее связаны с совершением преступлений.

Рассматривая механизмы наркотизации населения, необходимо исходить из того, что социальный контроль и антинаркотическая политика ориентированы на интеграцию действий не только ключевых социальных институтов, но и различных групп населения. При этом различия социально-групповых интересов в восприятии и оценках наркопотребления, даже при реализации социальными институтами условно эффективных превентивных действий, существенным образом влияют на ее результативность. В частности, стереотипное восприятие потребителей психоактивных веществ и самого наркопотребления (в категориях «безразличие» или «сочувствие») может диссонировать с реализуемой в обществе стратегией трансляции информации о рисках по-

ребления наркотиков, формированием здорового образа жизни, закреплении в общественном мнении социальной нормы неприятия наркосодержащих веществ. Другими словами, рассогласование между антинаркотическим законодательством, ориентированным на обеспечение безопасности населения, и разнообразием форм отношения населения к наркотизации может рассматриваться как фактор, стимулирующий распространение этого вида девиантного поведения в социальном пространстве.

В целом население Республики Беларусь негативно оценивает наркопотребление. В частности, «монохромное» восприятие потребителей наркотиков как деликвентов детерминирует потребность в исключении их из повседневной регулярной коммуникации. Подтверждением этого являются результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2019 г. Так, в близкий круг общения (друзей, знакомых) белорусы в первую очередь не готовы включать людей с социально неодобряемым поведением (рис. 1): наркопотребителей (83,2 %); людей с алкогольной зависимостью (70,9 %) и освобожденных из мест лишения свободы (52,1 %); людей, страдающих психическими заболеваниями (53,6 %) [4].

Вместе с этим обращает на себя внимание тот факт, что наркопотребление не входит в круг проблем, занимающих в общественном сознании центральное место. Как показывают результаты исследования, наиболее обсуждаемыми в белорусском обществе, по мнению респондентов, являются проблемы молодежи (64,8 %), детей (61,9 %), проблемы пожилых людей, пенсионеров (58,7 %), людей, страдающих алкогольной зависимостью (53,5 %), наркопотребителей (53,5 %),

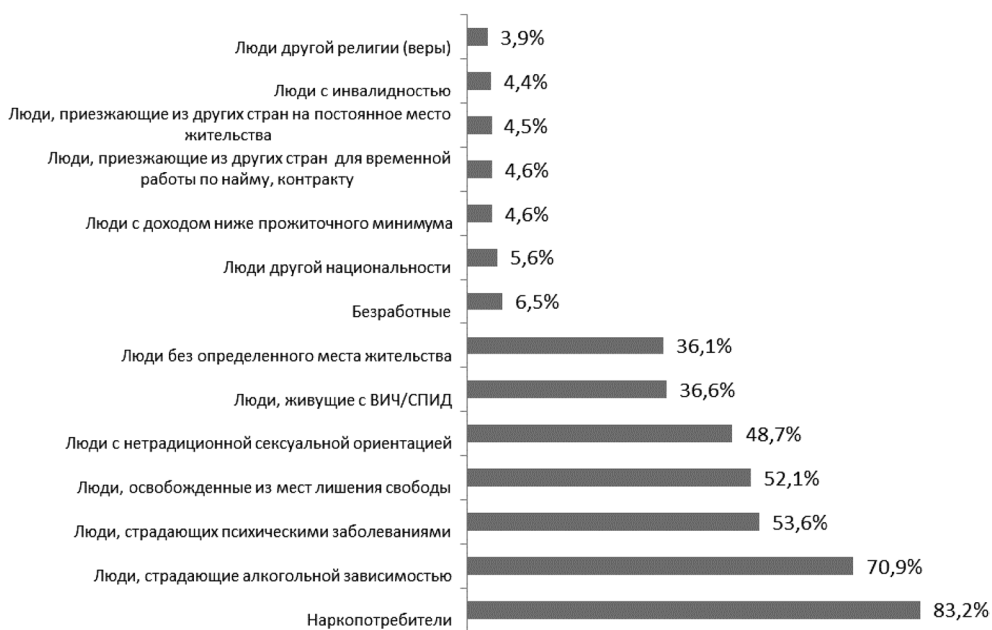

Рис. 1. Социальные группы, исключаемые из близкого круга общения, %

семей с малолетними детьми (50,1 %), безработных (45,8 %), людей с инвалидностью (45,4 %), проблемы женщин (45,2 %). Основная причина такой диспропорциональности в восприятии наркопотребления при безусловной значимости ее социальных последствий вызвана присутствием в поле внимания белорусов тех событий и явлений, с которыми они чаще сталкиваются в повседневных бытовых практиках. Потребители психоактивных веществ как социальная группа более латентна: она реже попадает в поле зрения обывателя и поэтому ее проблемы оказываются менее заметны по сравнению, например, с проблемами людей с алкогольной зависимостью, пожилых людей, молодежи и пр.

Подтверждением низкой значимости проблемы наркотизации в общественном мнении белорусов являются результаты социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси 2020 г. Так, проблема распространения наркомании волнует каждого пятого жителя (20,1 %). При этом в большей степени ею обеспокоены люди старшей возрастной группы (50 лет и старше – 37,9 %) и среднего возраста (30–49 лет – 33,4 %), нежели молодежь (среди лиц до 30 лет – 28,7 %) (рис. 2).

Несмотря на то что проблема наркотизации номинируется как социально опасное явление, на быденном уровне осознания таковой она не воспринимается. В этой связи общество может рассматриваться в качестве пассивного реципиента, понимающего опасность наркопотребления, но не влияющего посредством своих инициатив на ситуацию. В свою очередь достаточно низкая актуальность проблемы наркопотребления (особенно в молодежной группе) свидетельствует о недостаточном уровне осведомленности населения страны о реализуемых профилактических программах или их неэффективности.

Важной социальной детерминантой распространения наркомании, особенно среди молодежи, является низкий уровень знаний в этой области, отсутствие страха перед последствиями употребления наркотических веществ и высокий

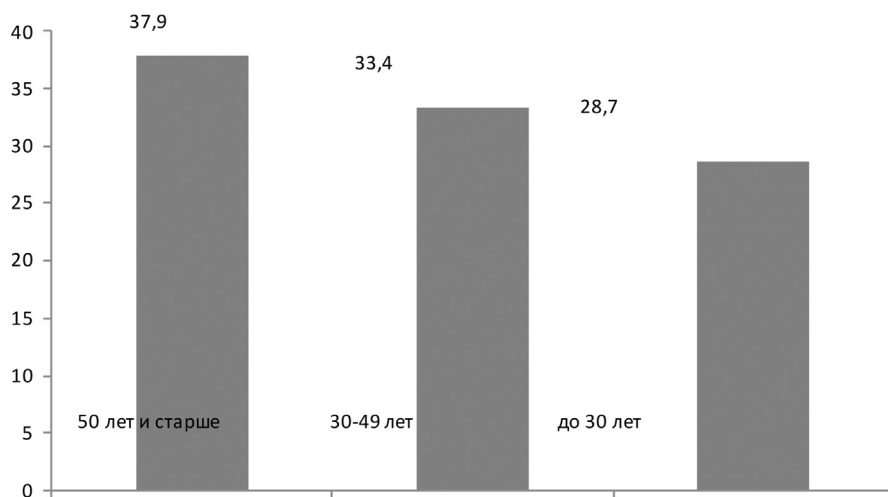

Рис. 2. Степень значимости проблемы наркопотребления в возрастных группах, %

уровень лояльности в отношении «легких наркотиков», легализация которых набирает обороты в странах Европы. Избирательность и осмысленность восприятия населением наркопотребления объективно не может сформировать целостное, непротиворечивое осознание и понимание проблемы. Следствием этого является неравномерный уровень компетенций об этой форме девиаций на фоне высокой степени декларируемости потребления психоактивных веществ как социальной патологии (и на макроуровне, и на уровне индивидуальном).

В частности, как показывают результаты социологического исследования, проведенного в 2016 г., представители молодого поколения имеют разные по объему и качеству знания по ряду некоторых аспектов употребления наркотиков. Так, эпизодическое курение марихуаны («травки») считали проявлением наркомании менее половины опрошенных (49,3 %), 21,5 % респондентов не относили его к проявлению наркотизации, а 29,2 % не имели определенного мнения по этому вопросу. Только 43,1 % молодых людей указали на то, что зависимость от наркотиков может развиваться у человека уже после первого приема; 31 % считали, что такое может случиться после нескольких приемов; 5,4 % указали, что это возможно только после длительного употребления; 20,5 % затруднились в ответе на данный вопрос [1].

Косвенным подтверждением того, что информация о наркотиках является абстрактной на уровне потенциальных групп риска, свидетельствуют социологические данные, полученные в 2018 г. в ходе реализации исследовательского проекта, объектом которого были учащиеся средних специальных учебных заведений Республики Беларусь в возрасте от 15 до 24 лет [2]. Несмотря на то что учащаяся молодежь всегда находилась в центре внимания профилактических программ и должна иметь необходимый минимум «базовых» знаний об опасности психоактивных веществ, показателен тот факт, что 18,3 % опрошенных имели опыт потребления неинъекционных наркотиков (спайсов, таблеток, растворов и т. д.), 1,5 % – инъекционных.

Учитывая очевидный дисбаланс между уровнем знаний по проблеме и реализуемыми поведенческими стратегиями, потребность в содержательном повышении уровня знаний у населения нельзя назвать сформированной. Так, например, результаты социологического опроса 2016 г. показывают, что более 90 % молодых людей не нуждаются, по их мнению, ни в какой информации по проблеме употребления наркотиков. Эти данные также могут свидетельствовать о низкой востребованности профилактических программ у населения страны или недостаточной информированности о них. Даже с учетом реализованных за период с 2016 по 2020 гг. профилактических и образовательных интервенций, нельзя с уверенностью утверждать, что информационные потребности населения (и молодежи особенно) в данной сфере значительно изменились.

Социальная действительность, несмотря на функционирование нормативной системы, вследствие человеческой активности постоянно изменяется. В результате этого воспроизводство сложившихся форм социальных практик в тот или иной исторический период происходит на качественно новом уровне. Процесс

поиска наиболее приемлемых для данного поколения форм деятельности с одной стороны служит средством прогрессивного развития общества, а с другой – фактором, приводящим к расширению рискованного пространства. Вместе с этим качественные характеристики той или иной социально-демографической группы непосредственно связаны с объективными общественными условиями. Их трансформация приводит к возникновению прямых и обратных связей, причинных зависимостей, детерминирующих дальнейшее распространение наркопотребления. В частности, стремление к достижению социальной субъектности на индивидуальном уровне может реализовываться в форме ретретизма и, что вполне вероятно, выражаться в эпизодическом или несистематическом употреблении психоактивных веществ. В концепции аномии А. Коэна эта ситуация объясняется тем, что так называемые аутсайдеры, к которым можно отнести и часть молодежи, осознавая свою неконкурентоспособность по сравнению с представителями других слоев, объединяются и создают свою собственную, состязательную деликвентную субкультуру. В рамках этой субкультуры люди могут соревноваться в достижении высокого статуса в пределах своей микрогруппы, но способы такого достижения и критерии высокого статуса отличаются от тех, которые закреплены в обществе. Другими словами, высокий статус может быть получен в рамках круга общения без соотнесения его с более высокими статусными группами путем употребления психоактивных веществ.

Ситуация с наркопотреблением демонстрирует явное противоречие между логикой развития общества и характером течения социальных процессов. В идеальных условиях социальный процесс с ожидаемыми негативными последствиями будет «купироваться» не только субъектами, непосредственно осуществляющими институциональную «борьбу» с ним, но и на микроуровне, благодаря высокой степени осознания риска. Тем не менее, что демонстрируют и результаты исследований, и статистические данные, интенсивность наркотизации в обществе не снижается. По сути, можно говорить о том, что эта проблема не является до конца очевидной для жителей страны. Население Беларуси абстрагируется от нее, делегирует полномочия по урегулированию ситуации органам государственного управления, общественным организациям, отсутствует социальный запрос на профилактические меры и т. д. Это подтверждается тем, что наркомания непосредственно «затрагивает» незначительное количество белорусов. Как показывают результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси 2020 г., лиц, употребляющих наркотические вещества среди друзей и знакомых, имеют 5,7 % респондентов (у 4,6 % – один, а у 1,1 % – один и более, рис. 3). Также следует отметить, что в кругу общения молодежи, и это вполне закономерно, потребители наркотических веществ встречаются чаще – на это указали 8,6 % (7,0 % молодых людей указали единичные случаи, 1,6 % отметили больше одного человека).

Антинаркотическая профилактическая работа, реализуемая в Беларуси, является составной частью и приоритетным направлением общей системы предупреждения преступности и других антиобщественных явлений, а также

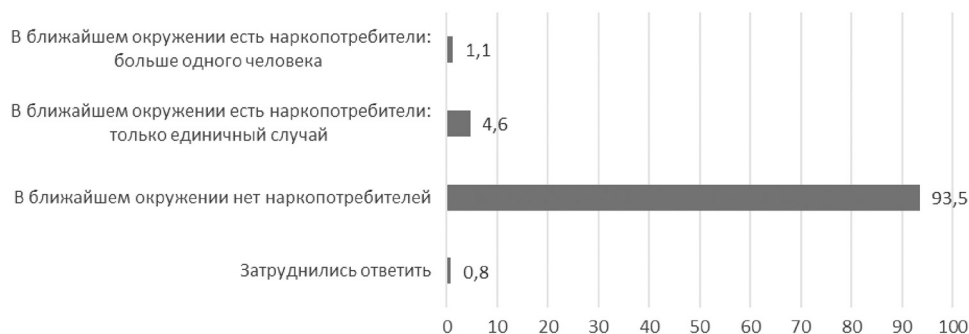

Рис. 3. Наличие в кругу общения наркопотребителей, %

государственной социальной политики. Как уже отмечалось ранее, в Республике Беларусь осуществляется ряд комплексных программ, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков, профилактику наркопотребления, информатизацию превентивной антинаркотической работы. В частности, министерства и ведомства Республики Беларусь привлекают для проведения обучающих семинаров, информационно-просветительских мероприятий общественные организации, специализирующиеся на профилактической работе. Министерством внутренних дел и Министерством информации разработана информационная стратегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Беларуси на 2020–2025 гг., ориентированная на активизацию работы в современном медиапространстве.

Однако следует отметить, что наиболее эффективными признаются именно образовательные антинаркотические программы. Анализ зарубежного опыта показывает, что самыми действенными моделями профилактики считаются модели формирования необходимых жизненных навыков. Недостаточное акцентирование внимания именно на этом компоненте как со стороны государства, так и со стороны общества является тем фреймом, который закрепляет в общественном сознании в качестве безальтернативного ужесточение законодательства в данной сфере. В этой связи показателем, отражающим оценку населением реализуемых профилактических мер и уровень знаний о них, является социальный запрос преимущественно только на нормативное регулирование существующей проблемы, «горизонтальная» модель профилактики при этом остается вне поля зрения. На фоне сокращения в Беларуси в 2019 г. нижнего предела наказания за незаконный оборот наркотиков (статья 328 Уголовного кодекса) такая ситуация позволяет констатировать низкий уровень доверия (и знания) возможным «альтернативным» мерам профилактики и их субъектам.

Результаты социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2020 г., показывают, что только 17,2 % респондентов выступают за смягчение ответственности за хранение и распространение наркотических веществ, за ужесточение выступили 68,7 % населения, 14,1 % – затруднились высказать свою позицию (рис. 4). При этом среди молодежи за более мягкую антинаркотическую позицию высказываются 25,9 %, а ее ужесточение поддержали 59,2 %.

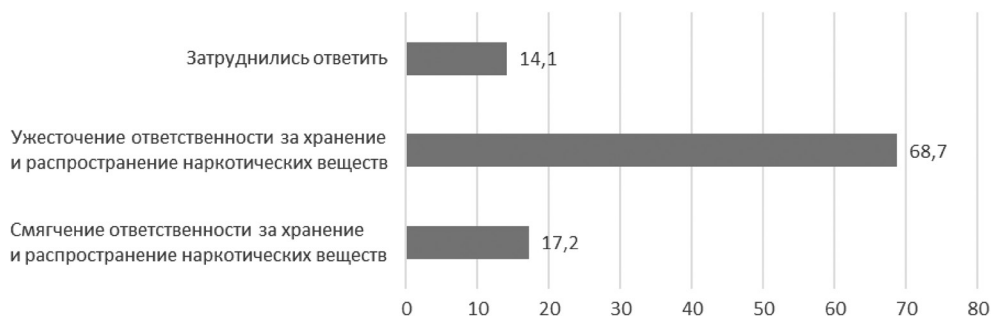

Рис. 4. Отношение населения Беларуси к изменению антинаркотического законодательства, %

Следует отметить, что необходимость внести изменения, ужесточающие ответственность за хранение и распространение наркотических веществ, отмечают чаще женщины (57,1 %), чем мужчины (42,9 %). Смягчение ответственности в большей степени поддерживают мужчины (58,0 %), чем женщины (42,0 %).

В заключение следует отметить, что анализ уровня осведомленности населения о мерах профилактики, реализуемых в стране, должен вестись на основе соответствующих социологических данных, исходя из целей осуществляемых «интервенций», затрачиваемых ресурсов, целевых групп и других ключевых показателей. Вместе с этим будет достигнута задача и по оценке эффективности этих программ. Тем не менее на основании косвенных социологических и статистических данных можно предположить, что уровень знаний об осуществляемых профилактических мерах у населения страны является недостаточным. В частности, подтверждением этого является отсутствие у населения потребности повышать уровень своих компетенций по проблеме наркомании, закрепление в общественном сознании преимущественно именно «силового» регулирования и, как следствие, ориентация части белорусов на ужесточение антинаркотического законодательства.

Список использованных источников

1. Исследование по употреблению психоактивных веществ подростками и молодежью в Республике Беларусь : отчет об исследовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.by/uploads/models/2018/04/full-report-psihoakt-vv.pdf> – Дата доступа: 15.06.2020.
2. Кечина, Е. А. Поведенческие особенности и уровень знаний по вопросам ВИЧ-инфекции среди учащихся ССУЗов / Е. А. Кечина. – Минск : РОО «Белорус. ассоц. клубов ЮНЕСКО», 2018. – 42 с.
3. Резюме Всемирного доклада о наркотиках за 2019 год Управления ООН по наркотикам и преступности [Электронный ресурс] // Резюме ко Всемирному докладу о наркотиках (World Drug Report 2019). – Режим доступа: https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR2019_B1_R.pdf. – Дата доступа: 07.09.2020.
4. Черняк, Ю. Г. Дискриминация отдельных социальных групп в оценках населения Беларуси / Ю. Г. Черняк, Е. В. Шкурова, С. А. Пушкевич // Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. ; под науч. ред. И. И. Калачевой. – Минск : РИВШ, 2020. – Вып 8 : Социальная, культурная и международная коммуникация молодежи. – С. 57–63.

Поступила 31.03.2021 г.

Е. В. ШКУРОВА,

*кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск*

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЛАРУСИ: ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье представлены основные характеристик религиозного поля Беларуси. На основе сопоставления данных национальных и международных социологических исследований, а также результатов социологического опроса населения выявляются основные характеристики динамики конфессиональной самоидентификации белорусов, их принадлежности к религиозно-мировоззренческим типам, религиозной активности и отношения к конфессиям.

Ключевые слова: религия, религиозность, конфессиональная самоидентификация, религиозная активность, межконфессиональные отношения.

A. V. SHKUROVA,

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk*

THE CONFESSIONAL SPACE IN BELARUS: CHARACTERISTICS AND PECULIARITIES OF INTERACTION

The article presents the main characteristics of the religious field in Belarus. The main characteristics of the dynamics of Belarusians confessional self-identification, their belonging to religious and ideological types, religious activity and attitudes towards confessions are revealed. based on a comparison of the data of national and international sociological studies, as well as the results of a sociological survey of the population.

Keywords: religion, religious, confessional identity, religious activities, inter-confessional relations.

Динамика социально-экономических, политических и культурных трансформаций, которые пережило белорусское государство с момента получения независимости, отразилась и на состоянии религиозной сферы. Изменению подверглись и сами религиозные институты, и характер религиозности населения, и статус религии в социальной системе.

Значение религии в современной общественной системе опосредуется влиянием культурно-исторических, социально-политических и формально-юридических условий. В первую очередь роль религии обусловлена исторической динамикой социальных процессов: секуляризации – десекуляризации, глобализации и локализации. Специфика религиозного поля современной Беларуси связана с особенностями исторического присутствия религий и конфессий на ее территории, сопряженного как с религиозными миграциями (например,

миссионерские миссии или религиозные гонения), так и с социально-экономическими и политическими факторами, характеризующимися вхождением Беларуси на протяжении всей истории в крупные государственные образования, которые формировали и закрепляли свой специфичный религиозный ландшафт.

Сегодня религиозное пространство Беларуси представлено многообразием конфессий: 1) традиционно доминирующими – православие (992 г.), католицизм (1387 г.); 2) культууроформирующими для страны в силу срока и конструктивности присутствия – евангелическо-лютеранская церковь (XVII в.), ислам (1397 г.), иудаизм (XIV в.); 3) имеющими длительную (более двух веков) историю пребывания на территории страны – старообрядческая церковь (1685 г.), греко-католическая церковь (1596 г.), пресвитерианская церковь (XVII в.); 4) присутствующими в Беларуси с XX в. – христиане адвентисты седьмого дня (1906 г.), христиане веры евангельской (1910-е гг.), евангельские христиане-баптисты (1922 г.); 5) относительно новыми для Беларуси, но при этом имеющими собственную историю – армянская апостольская церковь (1996 г.), католики латинского обряда (2007 г.), реформатская церковь (1996 г.), иоганская церковь (1996 г.), новоапостольская церковь (1996 г.), христиане полного Евангелия (1996 г.), христиане веры апостольской (1996 г.), церковь Христова (1996 г.), мессианские общины (1996 г.), прогрессивный иудаизм (1996 г.), свидетели Иеговы (1996 г.), мормоны (1996 г.), гаудиа-вайшнавы (1996 г.), бахаи (1996 г.), буддизм (2015 г.) [1, 2].

Таким образом, современное конфессиональное пространство Беларуси – исторически сложившаяся совокупность религиозных традиций, которая сформировала поликонфессиональную среду общества. Судить о ее количественном составе возможно в первую очередь на основе официальных данных органов государственного управления о государственной регистрации религиозных организаций (табл. 1). Согласно сведениям Аппарата уполномоченного по делам религий при Совете министров Республики Беларусь, конфессиональная ситуация в Республике Беларусь за последние 10 лет не претерпела заметных изменений [2]. Традиционно в стране численно преобладают (по состоянию на 01.01.2021) общины Православной церкви (1714), протестантских церквей евангелического толка (978 для 10 религиозных организаций¹), Римско-католической церкви (499). По количеству зарегистрированных субъектов им на порядок уступают общины Старообрядческой церкви (34), Греко-католической церкви (16), Евангелическо-лютеранской церкви (25), Свидетелей Иеговы (27), различных ветвей иудаизма (41), ислама (24). В целом большая часть религиозных организаций имеет довольно длительную историю пребывания на территории Беларуси.

¹ В перечне зарегистрированных конфессий Республики Беларусь к евангелическим церквям можно отнести следующие: Реформатская церковь (1), Церковь Евангельских христиан-баптистов (281), Новоапостольская церковь (20), Пресвитерианская церковь (1), Церковь Христиан веры евангельской (524), Церковь Христиан полного Евангелия (64), Церковь христиан веры апостольской (11), мессианские общины (3), Церковь христиан Адвентистов Седьмого Дня (73).

Таблица 1. Количество религиозных общин, имеющих государственную регистрацию Республики Беларусь

Конфессия	Количество религиозных общин по состоянию на 1 января																
	1991	1996	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Православная церковь	603	938	1399	1431	1473	1509	1545	1567	1594	1615	1643	1659	1670	1687	1698	1709	1714
Старообрядческая церковь	23	32	33	32	32	32	32	33	33	33	33	34	34	34	34	34	34
Римско-католическая церковь	222	372	440	457	467	470	475	479	483	488	491	493	495	497	499	498	499
Католики латинского обряда			1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Греко-католическая церковь		11	13	14	14	14	15	15	15	15	15	15	15	15	15	16	16
Реформатская церковь		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Лютеранская церковь		5	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	26	25	25
Евангельские христиане-баптисты	108	192	267	268	269	272	275	286	287	287	288	289	280	281	281	281	281
Йоганская церковь		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1						
Новоапостольская церковь		17	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	21	20
Пресвитерианская церковь			1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Христиане веры евангельской	119	311	493	494	500	501	505	512	517	520	522	524	521	521	524	524	524
Христиане полного Евангелия		21	54	54	54	55	55	55	59	59	59	59	59	59	60	62	64
Христиане веры апостольской		8	9	9	9	9	9	10	10	10	10	10	10	11	11	11	11
Церковь Христова		6	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Мессианские общины		2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	3	3	3	3
Адвентисты седьмого дня	12	34	74	73	72	72	72	73	73	73	73	73	73	73	73	73	73
Свидетели Иеговы		11	26	26	26	26	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
Мормоны		3	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Иудейская религия	3	10	29	29	29	30	35	36	42	38	38	39	38	38	39	38	36
Прогрессивный иудаизм		5	17	17	17	16	17	17	10	14	14	14	14	14	14	15	15
Мусульманская религия	2	20	24	24	25	25	25	25	25	25	25	25	24	24	24	24	24
Бахаи		3	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Кришнаиты		6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
Армянская апостольская церковь			1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	2	2	2	4	5
Буддизм																	
Всего	1092	2009	2953	3003	3062	3106	3162	3210	3251	3280	3314	3337	3337	3358	3375	3389	3395

Специфика культурно-исторического формирования религиозного поля обуславливает особенности государственной политики в отношении регулирования религиозной сферы. Границы такого регулирования определяются правовой системой, которая в Республике Беларусь строилась с учетом поликонфессиональной специфики общества, в силу чего в национальном законодательстве нашли отражение нормы, учитывающие влияние религиозных организаций на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [3, 4].

Оценка особенностей религиозного поля не может ограничиваться исключительно объективными параметрами состава зарегистрированных общин. Черты религиозной ситуации определяются в первую очередь характеристиками включенности социальных субъектов в систему религии, называемой религиозностью. Формирование ее характеристик в современном социальном пространстве закономерно связано с особенностями установления белорусской государственности, когда в 1990-е гг. происходит резкий рост как численности религиозных общин, так и количества их последователей, который стабилизируется к 2000-м гг. Естественно, эти процессы актуализировали научный интерес к изучению религии и степени вовлеченности в нее.

Изучение религии и религиозности в Беларуси представлено рядом как национальных (Дунаева И. Н. [5], Новикова Л. Г. [6, 7], Морозова С. А. [8], Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь и др.), так и международных проектов («Исследование европейских ценностей» (European Values Study) [9], «Изучение мировых ценностей» (World Values Surveys) [10]), а также международными индексами в рамках реализации международных программ [11].

Исследование специфики религиозности в 1990-х–2000-х гг. в Беларуси преимущественно связано с измерением двух показателей: мировоззренческая позиция и конфессиональная принадлежность. Особенностью национальных проектов стало понимание религиозности как вовлеченности в религию с дифференциацией ее позиций в дихотомии «верующий – неверующий», дополненной промежуточными позициями. По данным исследований можно судить, что существенных количественных изменений в структуре идентификации с религиозно-мировоззренческими типами не происходит (табл. 2).

Таблица 2. Показатели динамики идентификации населения с религиозно-мировоззренческими типами с 1994 по 2006, %
[5; 6, с. 89; 8, с. 78; 12, с. 32; 13, с. 78]

Тип мировоззрения	1994		1997		1998		2004		2006	
Религиозный	40,8	84,5	49,4	82,8	47,5	86,8	52,5	90,9	58,9	87,7
Квазирелигиозный	43,7		6,8		8,1		4,2		4,9	
Колеблющийся			26,6		31,2		34,2		23,9	
Нерелигиозный	14,3		17,2		13,2		7,8		12,3	
Всего	98,8		100		100		98,7		100	

Изучение исповедных предпочтений осуществлялось на основе самоидентификации респондентов с позициями перечня конфессий, в который включались основные традиционные для данного региона конфессии: православие, католицизм, иудаизм, ислам, иногда – буддизм, и обобщенно некоторые новые религиозные образования (как например, язычество, ориенталистские культы и т. п.). Здесь тенденции схожи (табл. 3): существенной динамики в численности населения, причисляющего себя к традиционным конфессиям, не наблюдается, а движение происходит преимущественно в рамках самих религиозно-мировоззренческих типов.

Таблица 3. Динамика конфессиональной самоидентификации в различных мировоззренческих группах, % [8, с. 80; 13, с. 80]

«Относите ли Вы себя к какой-либо конфессии?»	Верующие		Квазиверующие		Колеблющиеся		Неверующие	
	1998	2006	1998	2006	1998	2006	1998	2006
К православию	77,4	81,7	58,3	74,3	61,8	72,7	14,9	28,3
К католицизму	14,8	11,9	6,0	8,1	7,8	7,5	0,7	0,5
К христианству в целом	2,5	1,5	11,9	4,1	9,0	1,9	5,2	2,2
К другим	1,6	2,4	1,5	4,0	0,6	1,5	0,8	0
Ни к какой	3,7	2,5	22,6	9,5	20,8	16,4	78,4	69,0
Всего	100	100	100,3	100	100	100	100	100

Систематическое исследование социальных проблем в Республике Беларусь с 2007 г. осуществлялось Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь в ходе ежегодных социальных мониторингов. С 2011 г. мониторинг включал блок, касающийся вопросов о религии. Методологической основой исследований являлось проведение социологических интервью «лицом к лицу» по месту жительства респондентов, в зависимости от качественных характеристик генеральной совокупности к участию в исследовании привлекались от 1500 до 2100 респондентов, проживающих в различных типах населенных пунктов Республики Беларусь (как правило, областные центры и г. Минск, а также отдельные районные города и сельские населенные пункты). Отбор респондентов осуществлялся на основе многоступенчатой комбинированной выборочной совокупности, квотной на этапе отбора респондентов с контролируемыми признаками пола и возраста (статистическая погрешность 2–3 %) [14].

Концептуальный базис исследования составляли показатели конфессиональной самоидентификации, самоотнесения к религиозно-мировоззренческим типам и осуществления отдельных видов религиозных практик (для приверженцев православия и католицизма). Согласно данным исследований, на протяжении нескольких лет конфессиональная идентификация населения сохраняет устойчивость, как и показатели принадлежности к религиозно-мировоззренческим типам (табл. 4) [14–19].

Таблица 4. Динамика конфессиональной самоидентификация населения Республики Беларусь с 2011 по 2017, %

Отнесение к конфессиям	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Принадлежат к той или иной конфессии в том числе:	93,5	94,5	93,5	94,5	94,5	95	94
к православию	81,0	83,0	81,0	84,0	83	84	84,5
к католичеству	10,5	10,0	10,5	8,5	9,5	8,5	8
к протестантизму	1,0	1,5	1,0	2,0	2	2,5	1,5
к иудаизму	0,5		0,5			0	0
к исламу	0,5		0,5			0	0
Не принадлежат ни к какой конфессии	5,0	5,5	5,0	5,5	5	5	4,5
Всего	98,5	100	98,5	100	99,5	100	98,5

Помимо исследования характеристик религиозности дополнительным компонентом исследований являлся блок вопросов, характеризующих особенности конфессионального согласия в Республике Беларусь. К нему относятся такие показатели, как:

- оценка наличия в стране дискриминации по религиозному признаку;
- оценка состояния межконфессиональных отношений;
- наличие в стране деструктивных религиозных организаций;
- оценка вероятности конфликтов на религиозной почве.

Характеризуя проблемы дискриминации по религиозному признаку, белорусы сходятся во мнении о преимущественном отсутствии таковой в стране: до 2013 г. число респондентов, отрицающих наличие дискриминации превышало 80 %, в 2013 г. – снизилось до 79 %, к 2015 г. – увеличилось более чем до 90 % и несколько снизилось к 2017 г. (рис. 1). По этим данным можно судить

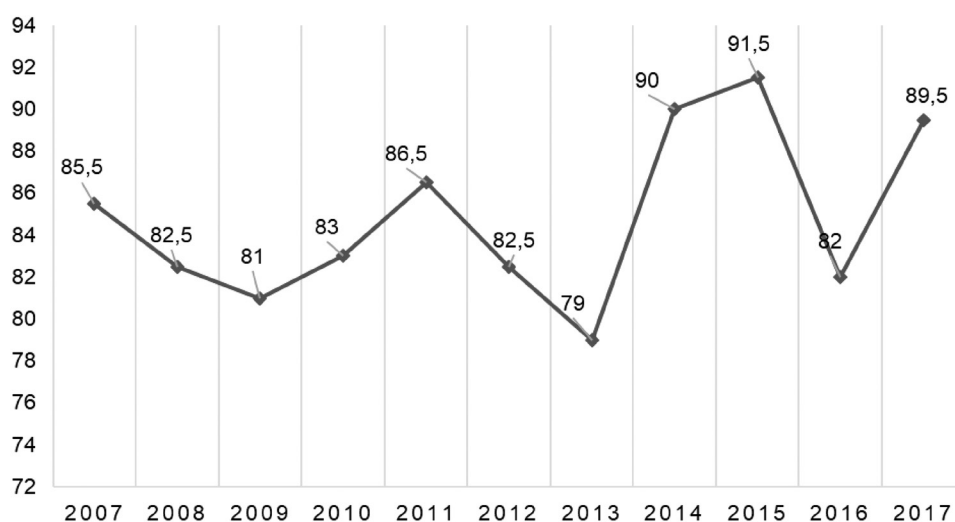

Рис. 1. Динамика численности респондентов, указавших на отсутствие в Республике Беларусь дискриминации по религиозному признаку, %

о стабилизирующем влиянии конфессиональной политики на отношение к проблемам религиозной дискриминации.

Солидарно белорусское население оценивает и характер межконфессиональных отношений: на протяжении 2011–2017 гг. они характеризуются как спокойные более чем 90 % респондентов; число тех, кто считает межконфессиональные отношения напряженными, за все годы не превысило 3,5 % (табл. 5).

Таблица 5. Динамика оценки характера межконфессиональных отношений, %

Характер межконфессиональных отношений	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Спокойные	93	94	95,5	93,5	94,5	94	94
Напряженные	2	2,5	2	1,5	1,5	2	3,5
Всего	95	96,5	97,5	95	96	96	97,5

Несмотря на общие положительные оценки состояния религиозной сферы, некоторые категории опрошенных выражают беспокойство относительно отдельных негативных тенденций происходящих в ней: более четверти респондентов с 2013 г. стабильно указывают на наличие в Республике Беларусь деструктивных религиозных течений (рис. 2).

Среди деструктивных религиозных течений, наносящих вред жизни и здоровью людей, чаще всего указываются радикальный исламизм, Свидетели Иеговы, отдельные протестантские течения, экстремистские культы (сатанизм и т. п.).

Влиянием латентных противоречий в религиозной среде, а также особенностями религиозной обстановки в мире в целом объясняется и специфика динамики в оценках вероятности конфликтов на религиозной почве. Численность респондентов, допускающих возможность в Беларуси религиозных конфликтов, стабильно мала и не превышает 4 % с 2011 по 2016 гг. (табл. 6). А вот численность

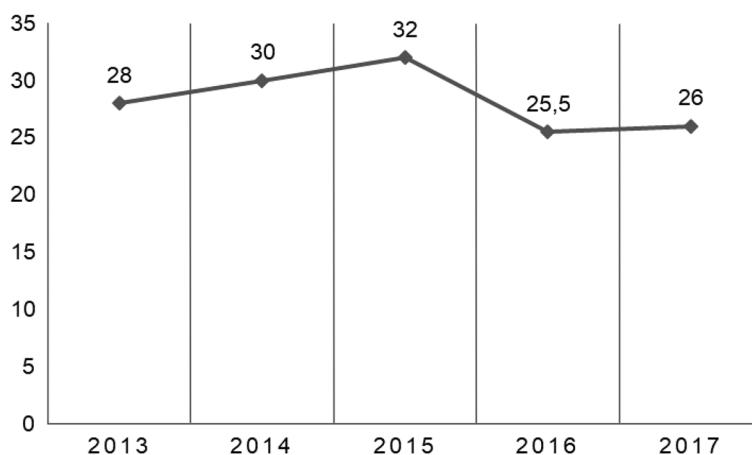

Рис. 2. Динамика численности респондентов, указавших на наличие в Республике Беларусь деструктивных религиозных течений, %

Таблица 6. Динамика оценки вероятности конфликтов на религиозной почве, %

Вероятность конфликтов на религиозной почве	2011	2014	2016	2017
Допускают	4	4	4	4
Считают маловероятным	26	40	46,5	46
Исключают	64	51	45	45
Всего	94	95	95,5	95

респондентов, однозначно исключаящих вероятность таких конфликтов, устойчиво снижается (64 % в 2011 г., 51 % в 2014 и 45 % в 2016 и 2017 гг.) за счет соответствующего увеличения количества опрошенных, считающих наступление конфликтов маловероятным.

Наряду с национальными исследованиями, религиозная ситуация в Республике Беларусь изучалась в рамках международных проектов, где базовыми характеристиками религиозности населения выступали конфессиональная принадлежность, исследуемая на основе самоидентификации респондента с конкретной конфессией, и принадлежность к определенному религиозно-мировоззренческому типу, определяемая на основе самооценки (в категориях «религиозный», «не очень религиозный», «атеист») [20]. Доля респондентов, ассоциирующих себя с какой-либо конфессией, является довольно заметной: 52,2 % в 2000 г., 71,6 % – в 2008 г. и 66,8 % в 2018 г. Сохраняется и конфессиональная структура населения (табл. 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «К какой религиозной конфессии Вы принадлежите?», %

Конфессия (исповедание)	2000	2008	2018
Православная церковь	84,9	86,0	88,9
Римско-католическая церковь	13,3	12,2	8,2
Протестантизм	–	1,3	–
Христиане веры евангельской	–	–	1,1
Евангельские христиане-баптисты	–	–	0,9
Адвентисты седьмого дня	–	–	0,1
Свидетели Иеговы	–	–	0,4
Мусульманская религия (ислам)	0,4	0,2	–
Иудаизм	0,2	0,1	0,3
Индуизм	–	–	0,1
Другое	1,2	0,2	0,1
Всего	100	100	100,1

Не менее устойчив и характер принадлежности населения к религиозно-мировоззренческим типам. На протяжении почти двух десятилетий численность религиозного населения сохраняется в пределах выше 90 % (рис. 3).

В 2019 г. изучение вопросов религиозности населения осуществлялось Институтом социологии НАН Беларуси в рамках опроса «лицом к лицу»

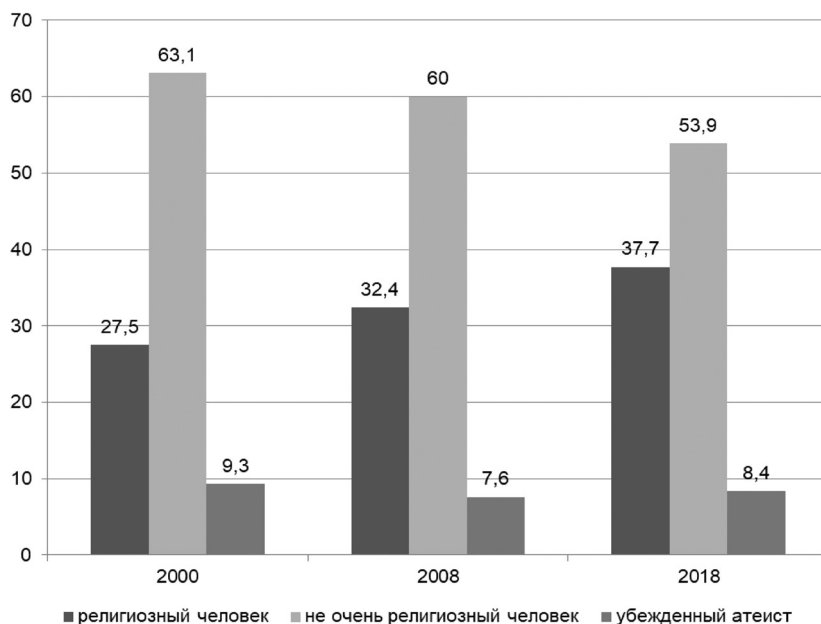

Рис. 3. Распределение ответов населения на вопрос «Независимо от того, посещаете Вы церковь или нет, можете ли Вы сказать: я...», %

по репрезентативной случайной республиканской территориальной выборке с проверкой квот на последнем этапе (общий объем 1769 чел.). Исследование проводилось во всех регионах Беларуси с соблюдением пропорционального представительства по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности (полу, возрасту, образованию). Полученная выборочная совокупность является репрезентативной (ошибка выборки – 2,3 % при уровне значимости $\alpha = 0,05$) по семи регионам республики (6 областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры (население свыше 250 тыс.), крупные города (от 100 до 250 тыс.), большие города (от 50 до 100 тыс.), города с населением от 10 до 50 тыс. и малые города с населением менее 10 тыс., поселки городского типа и сельские населенные пункты).

По данным исследования конфессиональная структура белорусского общества существенно не изменилась (табл. 8): 89,7 % опрошенных идентифицируют себя с конкретными религиозными группами, наибольшей популярностью пользуются православие (76,6 %) и католицизм (10,6 %), на долю остальных конфессий приходится 2,5 % респондентов.

Количественные показатели принадлежности к религиозно-мировоззренческим типам сохраняют сложившуюся структуру (рис. 4): около трети респондентов уверенно отнесли себя к религиозным, почти половина демонстрирует разную степень религиозной включенности.

Одним из измерений религиозности выступает характер религиозной активности, показатели степени вовлеченности в которую традиционно ниже

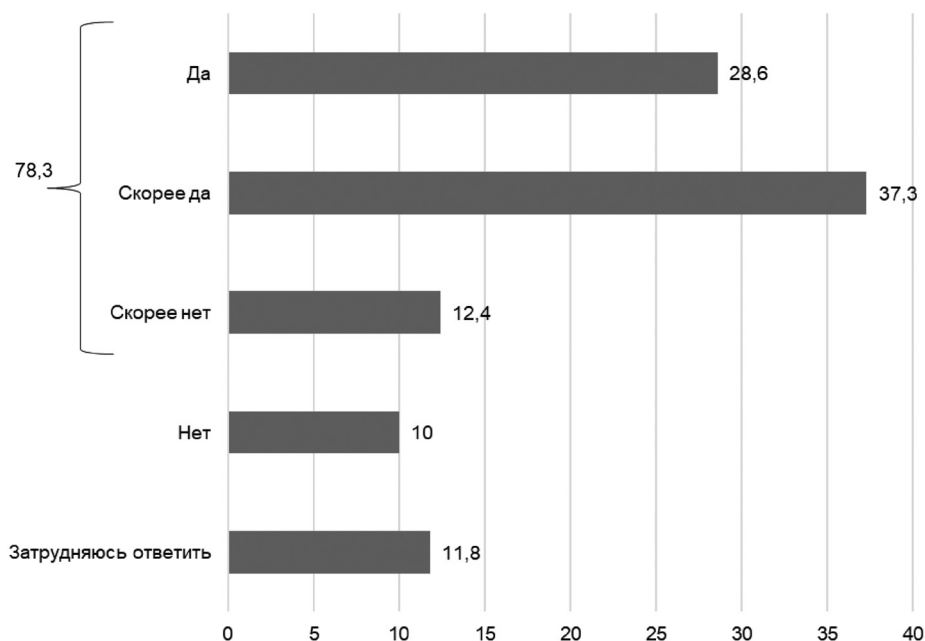

Рис. 4. Принадлежность населения к религиозно-мировоззренческим типам по результатам ответа на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?», %

по сравнению, например, с приверженностью религиозно-мировоззренческим типам или конфессиональной идентификацией (табл. 9). Наиболее стандартной практикой совершения культовых действий является эпизодическая – от случая к случаю и в связи с религиозными праздниками. Чаще всего основными религиозными практиками выступают посещение культовых учреждений (в целом – 82,3 %, не реже нескольких раз в месяц – 19,9 %) и совершение индивидуальных молитв (в целом – 56,6 %, не реже нескольких раз в месяц – 24,1 %).

Значимой характеристикой стабильности религиозной сферы является показатель состояния межконфессиональных отношений. В основном жители Беларуси выражают уверенность в отсутствии дискриминации в стране по признаку

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос
«К какой религии (конфессии) Вы себя относите?», %

Конфессия (исповедание)	2019
Православие	76,6
Католицизм	10,6
Протестантизм	0,6
Иудаизм	0,6
Ислам	0,1
Другое	1,2
Ни к какой / нет ответа	10,3

Таблица 9. Частота совершения религиозных практик, %

Как часто Вы...	Практически каждый день	1–2 раза в неделю	1–2 раза в месяц	От случая к случаю	По религиозным праздникам, значимым датам	Никогда / нет ответа
Посещаете храм (церковь, костел, другие культовые учреждения)	1,5	7,1	11,3	31,4	31	17,7
Читаете молитвы дома, в быту	12,7	7	4,4	25,6	6,9	43,4
Читаете религиозные тексты	4,1	4,6	4,2	16,8	5,8	64,5
Соблюдаете посты	2,3	3,4	2,1	17,6	13	61,6
Причащаетесь (участвуете в Евхаристии)	1,3	3,1	4,2	17,7	13,9	59,8
Участвуете в коллективных религиозных действиях (богослужениях, молитвах, медитациях, других практиках)	1,7	4,6	4,8	15,4	14,9	58,6

конфессиональной (религиозной) принадлежности: на это указали 65,6 % опрошенных, 11,7 % отметили наличие дискриминации и 22,7 % затруднились определить свою позицию. Закономерно, что большее расположение население Беларуси выражает традиционным конфессиям (табл. 10), в первую очередь православию (положительно к его приверженцам относятся 90,6 %) и католицизму (71,6 %). В целом для представителей большинства конфессий отрицательные оценки суммарно не достигают 20 %. С большей осторожностью белорусы относятся к Свидетелям Иеговы (число отрицательных оценок 26,9 %) и некоторым евангелическим церквям (Христиане веры евангельской – 21,6 %, Евангельские христиане-баптисты – 21,2 %).

Таблица 10. Межконфессиональные отношения в Беларуси, %

Как Вы относитесь к представителям следующих религий (конфессий)?	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Я мало знаю (ничего не знаю) о них / нет ответа
Православные	74,3	16,3	1,5	1	6,9
Католики	45,6	26	4,6	2,1	21,7
Мусульмане	18	22,8	10,9	6	42,3
Старообрядцы	21,7	18,2	4,1	3,8	52,2
Иудеи	15,7	19,8	7,1	5,4	52
Униаты (греко-католики)	16,5	18,3	4,5	3,4	57,3
Буддисты	13,9	18	5,1	5,9	57,1
Евангельские христиане- баптисты	10,9	13,6	9	12,2	54,3
Кришнаиты	10,6	13	6	7,1	63,3
Христиане веры евангельской (пятидесятники)	9,6	12,3	8,7	12,9	56,5
Адвентисты седьмого дня	9,3	10,6	8,6	11,9	59,6
Свидетели Иеговы	9,1	9,8	10,2	16,7	54,2
Мормоны	9	8,9	6	9,2	66

Таким образом, в связи со спецификой динамики религиозности в 1990-х–2000-х гг. ее изучение в Беларуси связано преимущественно с двумя показателями: мировоззренческой позицией и конфессиональной принадлежностью. Общие тенденции в интерпретации категории «религиозность» делают сопоставимыми данные исследований. Однако стоит отметить, что подобная трактовка религиозности ограничивает численность населения, которое можно отнести к категории «религиозное» только теми, кто однозначно верит в Бога. Такое ограничение снимается посредством расширительной трактовки религиозности, которая предполагает включение в число носителей религиозного сознания не только однозначно верующих в Бога, но и тех, кто находится в ситуации религиозного выбора, в связи с чем в указанном исследовании численность респондентов, считающих себя религиозными можно расширить за счет определения различных религиозно-мировоззренческих типов.

Приведенные показатели позволяют охарактеризовать религиозную среду белорусского общества как поликонфессиональную с умеренной степенью религиозности. Для белорусского религиозного поля характерно наличие устойчивых религиозных исторических доминант (православие, католицизм), конфессий, присутствующих на территории страны длительное время (лютеранство, иудаизм, ислам), постоянно воспроизводящейся подвижной среды аморфной религиозности и религиозных исканий. На протяжении периода развития белорусского общества религиозность населения сохраняет устойчивость в плане количественной структуры и конфессиональной самоидентификации. При этом ее изменение дифференцировано в рамках ряда религиозно-мировоззренческих типов. Межконфессиональные отношения в стране и их оценка населением носят устойчиво позитивный характер, однако на них сказываются общемировые тенденции политизации религиозной проблематики, а также негативное отношение к деятельности отдельных религиозных организаций.

Эти обстоятельства характеризуют важнейшие симптомы состояния религиозности и религиозной сферы. В современном обществе религиозность носит трансформирующийся характер, проявляющийся в рамках ряда религиозных традиций, что актуализирует вопрос о разработке научных моделей и механизмов интерпретации особенностей и характера этой трансформации. Влияние внешних факторов и внутренней трансформации на состояние религиозной сферы требует их учета при принятии решений в сфере конфессионального управления.

Список использованных источников

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [и др.] – Мінск : Экаперспектыва, 1988. – 340 с.
2. Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://belarus21.by/Articles/1439296790/>. – Дата доступа: 01.01.2021.
3. Конституция Республики Беларусь: 15 марта 1994 г. № 2875-XII : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=V19402875>. – Дата доступа: 01.11.2020.

4. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2054-ХІІ (в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 дек. 2011 г. № 328-З) // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3961&p0=V19202054>. – Дата доступа: 01.11.2020.

5. Основные закономерности в религиозном сознании населения Республики Беларусь в современных условиях: Социологические исследования, учитывающие тенденции религиозного поведения населения и ценностные ориентации представителей различных христианских конфессий в период после Чернобыльской катастрофы / И.Н. Дунаева [и др.]. – Минск : БГУ, 1995. – 49 с.

6. Новикова, Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). – Минск : БТН-информ, 2001. – 132 с.

7. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И. И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55.

8. Новикова, Л. Г., Морозова С. А. Динамика религиозности населения и межконфессиональных отношений в Беларуси: с рабочего стола социолога // Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005–2010 гг.). – Минск : БГУ, 2011. – С. 75–86.

9. European Values Study: Participating countries 1990; 1999 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/page/survey-1990.html>; <http://www.europeanvaluesstudy.eu/page/survey-1999/>. – Date of access: 01.11.2020.

10. Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2014. World Values Survey: All Rounds – Country-Pooled Datafile Version [Electronic Resource]. Madrid: JD Systems Institute. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp/>. – Date of access: 01.11.2020.

11. Шкурова, Е. В. Опыт исследований религиозности в белорусской среде: социологические подходы / Е. В. Шкурова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2019. – № 2. – С. 139–148.

12. Новикова, Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. – 1999. – № 2. – С. 29–36.

13. Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси / И. И. Пирожник [и др.] // Вестн. БГУ. Сер. 2. Химия. Биология. География. – 2007. – № 1. – С. 76–83.

14. Особенности культового поведения белорусов и их мнение о межконфессиональных отношениях // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2011 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Бизнесофсет, 2012. – С. 44–46.

15. Особенности культового поведения белорусов и их мнение о межконфессиональных отношениях // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2012 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 42–44.

16. Развитие этноконфессиональных процессов в Республике Беларусь // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2014 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : Бизнесофсет, 2015. – С. 96–103.

17. Особенности этноконфессиональных процессов в современной Беларуси // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2015 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : ИАЦ, 2016. – С. 111–118.

18. Особенности этноконфессиональной и языковой ситуации в Беларуси // Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2016 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : ИАЦ, 2017. – С. 99–108.

19. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : 2018. – С. 55–64.

20. Шкурова, Е. В. Религия / Е. В. Шкурова // Ценностный мир современного человека : проект «Исследование европейских ценностей», волна–2019 / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2019. – С. 114–143.

Поступила 23.03.2021 г.

**К ЮБИЛЕЮ СОТРУДНИЧЕСТВА
ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ
И ВОЛОГОДСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Уважаемые коллеги!

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси и Вологодский научный центр Российской академии наук связывают многие годы плодотворного творческого сотрудничества, которое было инициировано заместителем директора по научно-инновационной работе Института социологии НАН Беларуси Михаилом Николаевичем Хурсом и директором Вологодского научно-координационного центра Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ВНКЦ ЦЭМИ РАН) Владимиром Александровичем Ильиным.

В июне 2007 года подписан Договор о сотрудничестве между Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси и ВНКЦ ЦЭМИ РАН, работа над которым началась еще в 2006 году. Первая встреча белорусских и российских ученых состоялась в Минске. На ней были определены общие интересы и главные направления совместной деятельности: социологическое обеспечение государственных и региональных программ, изучение общественного мнения, организация и проведение социологических исследований по социально-экономической и общественно-политической проблематике, совершенствование социальной и демографической политики, инновационное развитие современного белорусского и российского общества.

В 2010 году сотрудники Института социологии НАН Беларуси В. Р. Шухатович и С. Н. Кройтор прошли научную стажировку в вологодском центре и приняли участие в международном научно-практическом семинаре «Здоровье населения: проблемы и пути решения» под руководством члена-корреспондента РАН Н. М. Римашевской, который затем стал регулярным. Аналогичные семинары проходили в Минске на базе Института социологии НАН Беларуси в 2011 и 2017 гг. В мероприятиях принимали участие ведущие ученые и специалисты из Беларуси, России, Польши и Швеции. Результаты обсуждения поднимаемых на семинарах проблем каждый раз получали высокую оценку научной общественности. По итогам работы были изданы сборники научных трудов.

Совместная исследовательская деятельность затрагивает широкий круг научных проблем. За прошедшее десятилетие учеными Института социологии НАН Беларуси и Вологодского научного центра РАН были выполнены четыре проекта в рамках конкурсов грантов РГНФ-БРФФИ и РФФИ-БРФФИ:

«Мотивационно-стимулирующий механизм творческой трудовой активности: сравнительный анализ России и Беларуси» (2017–2019 гг.); «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси» (2015–2017 гг.); «Здоровье населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь как стратегический компонент трудового потенциала» (2011–2013 гг.); «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Беларуси» (2009–2011 гг.). В результате был проведен сравнительный эмпирико-социологический анализ социального самочувствия белорусов и россиян, страновой и региональной специфики инновационного развития России и Беларуси, демографических проблем, выявлены возможности развития трудового потенциала в рамках Союзного государства, разработаны методологические основания для исследования неэкономических факторов экономического роста и системного развития общества.

В совместно проводимые исследования вовлечен широкий круг как опытных, так и молодых сотрудников. С белорусской стороны научное руководство проектами осуществляли заведующий отделом социальной теории и методологии доктор социологических наук С. А. Шавель, заведующий отделом социологии социальной сферы кандидат социологических наук В. Р. Шухатович. В качестве исполнителей грантовых проектов принимали участие заведующий Центром мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров кандидат философских наук М. И. Артюхин, заведующий отделом математического и методического обеспечения социологических исследований Е. М. Бородачёва, научные сотрудники: А. Н. Ображей, С. А. Пушкевич, Н. И. Яковлева, Е. В. Мартищенко, Д. В. Назарова, А. Г. Баханов, Д. М. Гриб.

С российской стороны проектами руководили директор Вологодского научного центра РАН доктор экономических наук А. А. Шабунова, научный руководитель Вологодского научного центра РАН член-корреспондент РАН В. А. Ильин, доктор экономических наук К. А. Гулин. Ответственными исполнителями НИР являлись заместитель директора по научной работе кандидат экономических наук О. Н. Калачикова, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала кандидат экономических наук Г. В. Леонидова, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения кандидат экономических наук М. В. Морев. В качестве исполнителей над проектами работали кандидаты экономических наук Л. В. Бабич, М. А. Головчин, А. В. Попов, А. И. Россошанский, Е. А. Россошанская, К. А. Устинова, научные сотрудники и аспиранты Центра: П. С. Корчагина, С. В. Озорнина, Н. А. Маланичева.

Результаты совместных исследований регулярно публикуются в научных изданиях Института социологии НАН Беларуси и ВолНЦ РАН. Подготовлены пять сборников научных статей, две совместные монографии: «Россия и Беларусь в начале XXI века» и «Современные подходы к исследованию мотивации

творческой активности» (2019 г.), а также ряд совместных статей в научных белорусских и российских журналах.

Уважаемые коллеги, в рамках юбилея нашего сотрудничества примите также поздравления с прошедшим 30-летием Института социологии НАН Беларуси!

За прошедшие десятилетия Институт социологии НАН Беларуси достиг значимых результатов, по праву заняв место ведущего научно-исследовательского учреждения страны, работающего в области социологии. Во многом это стало возможным благодаря продуктивной работе сформированного за три десятилетия творческого коллектива. Сегодня достижения института известны и востребованы не только в Беларуси, но и среди ученых и специалистов на постсоветском пространстве.

Желаем коллективу Института социологии НАН Беларуси новых творческих достижений в исследовательской деятельности, слаженности и успешности в решении поставленных задач, самореализации богатого потенциала!

Надеемся на продолжение наших добрых отношений и сотрудничества.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 12

Редактор *Г. К. Киселев*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Технический редактор *М. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 12.08.2021. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,1. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 120 экз. Заказ 177.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.